

ВАННИ КИТАИ™

КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ

Северо-Занаг®

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ПЛОТИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К 64

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Кен Келли.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 64 **Конан и пожиратели плоти: Романы.** — СПб.: «Северо-Запад», 1997. — 544 с.

ISBN 5-7906-0031-X.

В сборник вошли романы К. Уэйнрайта «Золотой павлин Сабатеи» и О. Локнита «Пожиратели плоти».

К 8200000000

ББК 84 (7США)

© Обложка. К. Kelly, 1993

© Составление и подготовка текста, серийное оформление обложки и форзаца.
«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0031-X

Часть первая
ПЕРСТЕНЬ С ЗОЛОТЫМ ПАВЛИНОМ

Глава первая

Мудрая пословица гласит: «Семенящий бег шакала не спутаешь с плавной поступью тигра». Сколько ни ряди павлина в вороньи перья, даже выщипав ни с чем не сравнимый великолепный хвост, его божественное происхождение спрятать не удастся. Величественная осанка, отливающие перламутром перья на шее и груди, королевская поступь — что-нибудь обязательно выдаст его.

Когда скромный торговец в потрепанной одежде и запыленных сапогах сел за дальний столик в таверне «Туранский сокол» и попросил кружку пива, ее хозяин Бехруз с первого взгляда понял, что посетитель явно не тот, за кого пытается себя выдать. Кожа на лбу и скулах, обветренная и опаленная солнцем, делала его похожим на обычного погонщика верблюдов, однако надменное выражение лица, повелительный тон человека, привыкшего распоряжаться, и гордо выпрямленная спина подсказывали, что это не какой-то простолюдин.

Даже долгий путь через пустыню и явное желание казаться не слишком заметным не помогли незнакомцу скрыть все это. Углы его губ скривились в пренебрежительной усмешке, когда хозяин с поклоном поставил на стол щербатую глиняную кружку, в которой обычно подавали здесь пиво и вино. Руки с длинными пальцами были гладкими и холеными — этот человек явно никогда не возился с упряжью, веревками тюков или углями ко-стра.

— Может быть, почтенный господин желает что-нибудь из еды? — с подобострастной улыбкой спросил хозяин, плешивый и скуластый туранец с лисьим выражением узкого, словно сдавленного с боков, лица.

— Ступай пока, я подумаю, — величественным жестом отпустил его посетитель.

«Предупрежу на всякий случай Гоухара, — пятась к стойке, подумал Бехруз, — глядишь, что-нибудь и мне перепадет, если дело будет того стоить».

Он откинул лняную занавеску, отделявшую зал таверны от кухни. Двое поваров, которые уже начали готовить пищу к вечеру, оторвались от своих дел и вопросительно подняли глаза на хозяина.

— Где этот сын помойки? — спросил Бехруз.

— Сейчас вернется, — ответил один из поваров, ловко отрубая сочные, жирные куски от бараньей туши, лежавшей перед ним на огромном деревянном столе. — Я послал его за зеленью.

Длинный широкий нож так и сверкал в его умелых, привычных к делу руках, и горка толстых ломтей мяса вырастала прямо на глазах. Послышался топот босых ног, и в кухню влетел загорелый дочерна мальчишка, вся одежда которого состояла из грязной набедренной повязки и ленты на лбу, поддерживающей слипшиеся от пота густые черные волосы. Мальчишка бросил на стол охапку свежей, пахучей зелени и уставился на хозяина, почесывая босой пяткой голень другой ноги.

— Вот что, малый, — взял его за ухо хозяин. — Стрелой лети к Гоухару, начальнику базарной стражи, и скажи ему, но только ему, понял? — Он слегка вывернул парнишке ухо. — Что ко мне в таверну зашел странный посетитель.

Мальчишка поворачивал голову вслед за движением руки хозяина и пытался кивнуть, морщась от боли. Удовлетворенный Бехруз отпустил наконец его ухо.

— Одна нога здесь — другая там! Живо!

Мальчишка убежал, почесывая распухшее ухо, а хозяин вернулся в зал и, опершись о стойку, медленным взглядом обвел свое заведение, стараясь не задерживаться на стран-

ном госте. Время вечерней трапезы еще не наступило, и народу в таверне было немного: трое караванщиков за столом у стены, парочка матросов из Хоарезма, которые пили здесь с самого утра, да этот посетитель, который медленно прихлебывал пиво, не обращая на остальных ни малейшего внимания. Он даже не повернул головы, видимо занятый своими думами, когда в таверну вошел тощий сморщенный старик в лохмотьях и, протянув вперед узкую высохшую ладошку, загнусавил:

— Во имя светлоокого Митры подайте на пропитание старому и немощному, больному и одинокому, бездомному и голодному...

Попрошайка обходил столы, за которыми сидели посетители, и останавливался на них скорбный и умоляющий взгляд наполовину покрытых бельмами глаз. Матросы, находясь в отличнейшем расположении духа, бросили ему в ладонь серебряную аквилонскую монету, отчего глаза нищего алчно вспыхнули, и он долго стоял и кланялся, пока они не прогнали его к караванщикам, которые оказались не столь расточительными, но все же отвалили ему несколько медяков. Старикашка, шаркая босыми ногами, потащился к последнему столику.

— И ты, о почтеннейший, не дашь ли мне от щедрот твоих, да продлятся дни твои в благословении богов...

Гость хмуро взглянул на него.

— Ступай, ступай, не до тебя, гиена, — брезгливо отмахнулся он от назойливого старика.

Тот, пожевав беззубым ртом, повернулся и засеменил к выходу. Проходя мимо стойки, где с сонным видом восседал Бехруз, нищий, не двигая губами и даже не повернув к хозяину головы, шепнул куда-то в пространство:

— Постарайся задержать...

Хозяин заведения задумался. Конечно, задержать посетителя совсем нетрудно, если подсыпать ему в пиво сонного порошка из желтого лотоса. Подобное он проделывал уже не раз. Но что если незнакомец не закажет больше ничего? Что тогда предпринять? А не выполнить указание Гоухарова шпиона, этого самого старика, который изобра-

жал нищего... Это занятие для самоубийц. Тут есть над чем задуматься, и глубоко.

Однако долго ломать голову Бехрузу не пришлось. Посетитель, поставив кружку на стол, неожиданно поманил его к себе.

— Садись, — кивком указал он на скамью напротив себя. — Надеюсь, у тебя найдется приличная комната для ночлега?

— А как же! — просиял хозяин. — Мое заведение — одно из лучших в Шангаре. Для господина, если у него есть деньги, конечно, — Бехруз умудрялся одновременно говорить и по-лисы улыбаться, — всегда отыщется отличная комната с мягкими пуховиками, а если почтеннейший пожелает, — тут уголки его рта стремительно поползли к мочкам ушей, — и девушку достойную могу предложить, опрятную и горячую, что твой огонь.

Гость бросил на него недовольный взгляд, но, сунув руку за пояс, показал несколько золотых:

— Достаточно?

— Прости, уважаемый, — встал со своего места Бехруз, — сам понимаешь, времена сейчас беспокойные, много всякого народа здесь ходит. Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили комнату получше. Вижу, ты не из этих. — Он украдкой кивнул на публику, которая постепенно заполняла просторный зал таверны.

— Принеси мяса и вина! — приказал гость, и его тон, а также гордый поворот головы окончательно укрепили уверенность Бехруза, что он не напрасно потревожил начальника базарной стражи.

* * *

— Ты не ошибся, старый шакал? — Гоухар сидел за маленьким столиком и, сытно рыгая, запихивал в рот лепешку с зеленью и бараньим мясом.

— Чтoб меня Эрлик покарал. — Старикашка, который только что просил милостыню в таверне, в очередной раз ткнулся лбом в ковер перед ногами начальника стражи.

От белым не осталось и следа, но глаза его, хоть и вполне теперь зрячие, были по-стариковски тусклыми и не выража-

ли ничего, кроме преданности своему господину. Замчи — так звали этого старика — уже давно служил шпионом у стражников Шангары, а до этого много лет, так уж получилось, скитался по Турану и близлежащим странам. Цепкая память сослужила ему хорошую службу. Он знал в лицо так много людей, а особенно богатых и высокопоставленных, что порой оказывался просто незаменимым.

— Это Хафар, совершенно точно, я узнал его! — Сложив ладони перед собой, Замчи еще раз низко поклонился. — Он сначала был визирем Актер-хана в Замбуле, а позже и при его сыне остался на этой должности.

— Ха! — чуть не поперхнулся Гоухар. — Я до сих пор не могу понять, как в Замбуле может быть сатрапом мальчишка! Ему ведь и сейчас лет тринадцать, не больше?

— Мне рассказывали, что в Замбуле всем заправляют женщина по имени Испарана, — осторожно ответил Замчи, — и этот визирь.

— Ладно, иди. — Начальник базарной стражи отпустил старикашку-шпиона и надолго задумался.

Подумать действительно было о чем. Появление в Шангаре такого крупного вельможи из туранского города-государства не с пышной свитой, как они обычно приезжают, чтобы нанести визит местному повелителю, а тайно и без охраны могло навести на мысль, что в Замбуле не все в порядке. Не исключено, что там произошел переворот и этот сановник спасается бегством. Но что ему нужно в Шангаре? Может, здесь у него есть сторонники или просто друзья, если, конечно, вообще кто-нибудь может похвастаться дружбой с таким вельможей? Но если есть сообщники, то кто они?

Перед Гоухаром, одним из низших начальников отряда стражи Шангары, встала непростая задача. Доложить своему начальнику, этому ублюдку Азатбахту, который вхож к самому повелителю? А если он заодно с треклятым визирем и не хочет, чтобы о его пребывании здесь кто-то знал? Ответ ясен как день: ему, Гоухару, придет конец... В лучшем случае его уберут тихо и безболезненно, в худшем — неизбежна плеть палача. Начальник стражи внезапно почувствовал озноб, потом его бросило в жар. Он достал

шелковый платок и долго вытирал взмокший лоб, как будто это могло ему чем-то помочь.

«Скотина Бехруз! Мог бы и не обращать внимания на этого незнакомца, — с тоской подумал Гоухар. — Сидел бы себе тихо в своей вонючей харчевне, и я не знал бы ничего... Все было бы спокойно, хвала Эрлику! Теперь вот думай, как выкрутиться. А если просто-напросто послать двух стражников и тихонько, чтобы никто и не узнал, убрать этого визиря — как его там, Фараха... нет, Хафара — с глаз долой. — Начальника стражи снова бросило в пот. — Додумался, умник! А старикашка-шпион? А Бехруз? Что знают трое... — Гоухара прошиб озноб. — Вот влип так влип! Лучше уж в верблюжьем дерьме вывалиться с ног до головы! А если убрать и Бехруза, и эту гадину Замчи? Кстати, куда подевался мерзкий старикашка?»

— Эй! — завопил Гоухар, трясаясь от недоброго предчувствия.

На его зов в комнату влетел стражник в расстегнутой рубашке, на ходу завязывая трясущимися руками пояс на шароварах.

— Опять? — злобно выкатил глаза Гоухар. — Сколько раз я говорил, чтобы ты не пользовал базарных шлюх во время дежурства?

— Я вовсе... Совсем не... — пытался оправдаться перепуганный страж, но начальник жестом остановил его:

— Где эта вонючая задница Нергала, этот немывтый старый шакал?

— Только что был здесь, — испуганно залопотал стражник, — позвать?

— Давай его сюда, кобель паршивый! — гаркнул, чуть не плача, Гоухар.

Стражник вылетел из комнаты, а когда появился вновь, по его растерянной роже начальник стражи понял, что старика найти не удалось. Надо было торопиться, если эта костлявая гиена еще не успела его опередить.

— Коня, червь паскудный! — заорал он на стражника, вскакивая с дивана.

Глава вторая

Молодец, старый пес, — похвалил Замчи начальник ханской стражи. — Я тебя щедро награжу за то, что ты догадался сразу же сказать мне об этом. Твой начальник знает, что визирь в Шангаре? — спросил он, наклоняясь поближе к шпиону.

Получив утвердительный ответ, Азатбахт подозвал стоявшего рядом охранника и что-то шепнул ему на ухо.

— Подожди за дверью, он тебя проводит, — ласково глядя старику в глаза, кивнул на стражника Азатбахт.

Старикашка, кланяясь и пятясь задом, вышел из комнаты в сопровождении охранника. Как только дверь закрылась, ему тут же вывернули назад руки и, засунув в рот кляп, поволокли в подвал.

Начальник стражи тем временем, заложив руки за спину, нервно шагал по своей комнате: вперед до стенки, назад к окну, снова вперед...

«Визиря надо тихо, чтобы никто не заметил, арестовать и препроводить ко мне в подвал. Когда узнаю, зачем он здесь и кто за ним стоит, тогда решим, как с ним поступить, — размышлял он. — Старикашку велю удавить, зажился на свете, шакал, пора и по Серым Равнинам прогуляться. Шпион он, ничего не скажешь, полезный, но лишних свидетелей мне не надо. Остается этот болван Гоухар... Служака он исполнительный, вот и прикажу ему без лишнего шума схватить Хафара, а потом отправлю догонять старика...»

— Господин, — в дверь просунулась голова охранника, — пришел Гоухар и просит принять его.

«Ну вот, и звать не надо, — довольно потирая ладони, подумал начальник стражи, — сам тут как тут».

Гоухар, шумно сопящий и потный от страха, вкатился в комнату и тут же бухнулся в ноги своему командиру.

— Господин, есть известия государственной важности, — не поднимаясь, а только выгнув шею, чтобы видеть лицо хозяина, начал толстят.

— Поднимись, — милостливо позволил ему Азатбахт, — и расскажи, что там случилось.

Он дружески похлопал по плечу своего подчиненного и внимательно выслушал его рассказ, прерываемый шумными вздохами.

— Очень хорошо, что сразу же доложил мне об этом, — похвалил Азатбахт.

«Сука такая! — думал он между тем про себя. — Не торопился, засранец, прикидывал что-то. Что? Ну, потом расскажешь, ничего не утаишь. Мало кто умеет, пообщавшись с моим палачом, сохранять тайну. Он у меня мастер развязывать языки».

— Дело действительно очень серьезное, — как бы размышляя вслух, продолжал Азатбахт, — ты оказал великую услугу нашему повелителю. Говоришь, кто тебя предупредил? Хозяин «Туранского сокола» Бехруз? А он узнал этого визиря?

— Нет, господин, — хвастливо ответил Гоухар, — откуда этому жалкому простолыдину знать высоких вельмож? Это целиком моя заслуга!

«Ну и хорошо, — подумал Азатбахт. — Значит, знают всего двое... Нет, уже один, — поправил он себя, — старикашка не в счет, пока он в подвале, а скоро и ты, сын и внук грязной свиньи, — он благожелательно взглянул на Гоухара, — тоже будешь там, и никто не узнает, что нас тайно посещал великий визирь Замбулы».

— Теперь слушай, — важно обратился он к Гоухару, который был уже на седьмом небе от счастья от того, что поступил все-таки правильно. — Дело государственной важности. Наш повелитель, несомненно, им заинтересуется.

— Все исполню, — пролепетал начальник базарной стражи, близкий к обмороку от осознания своей причастности к важным делам государства.

— Ты говоришь, что его задержат? — Азатбахт сдвинул брови, в то время как несчастный Гоухар ловил каждый звук его голоса и только кивнул, не в силах произнести ни слова в ответ. — Так вот, арестуй его, но так, чтобы это не привлекло ничьего внимания.

— Сделаю, — хрипло отозвался начальник базарной стражи, хотя, как это делать, он пока не имел ни малейшего понятия.

— Ну и хорошо, — кивнул Азатбахт, — я пришло повозку со своими людьми. Они будут ждать в переулке около «Туранского сокола». Отдашь пленника им. Иди, и повелитель не забудет о твоих заслугах. Только помни, — еще раз повторил он, — ни одна живая душа не должна знать, кого ты арестовал.

Когда Гоухар, чуть не подпрыгивая от радости, что все так хорошо складывается, выкатился из зала, начальник стражи, посмотрев ему вслед, несколько засомневался в успехе своего предприятия: «Служака он хороший, но уж больно глуп, как бы не испортил все дело. Когда замешаны такие большие люди, надо быть очень осторожным».

* * *

Хафар, не ведая, что над ним сгустились тучи, лакомился бараньей печенью с луком, умело приготовленной поваром Бехруза. Ему казалось, что все выполнено как нельзя лучше. Конечно, еще многое предстояло сделать, но начало положено: никто, конечно, и заподозрить не мог, что под видом скромного торговца скрывается могущественный визирь Замбулы. Он уже купил домик на окраине Шангары, куда до поры до времени поместит Испарану с Джунгир-ханом и верными слугами. Потом он отправится в Хоарезм. Тамошний визирь — родственник ханской семьи. Он должен помочь. Небескорыстно, конечно, но можно надеяться, что цена не будет слишком высокой.

«Мерзавец Хамер! — прихлебывая вино, размышлял визирь. — Правильно, что я не доверял капитану хан-хи-

лайим, личной гвардии правителя. Да еще эта Испарана! — поморщился он. — И кто придумал давать волю и власть женщине! Вот теперь вместо покоев в ханском дворце спи на тюфяке в занюханном клоповнике!»

Он брезгливо покосился на гомонившую вокруг него чернь: таверна к вечеру была переполнена людьми.

«Куча ослиного дерьма, — продолжал он честить про себя вероломного начальника ханской охраны, — хорошо хоть ноги унести сумели! Но подожди, отрыжка гиены, долго ты не будешь править, я с тобой еще поквитаться! А когда разберемся с Хамером, и бабу эту заносчивую надо будет убрать куда подальше, одна морока от нее. Подумаешь, Соратница хана... Правда, мальчишка в ней души не чает, — напомнил себе Хафар, — она ему и как мать, и как подружка, но над этим можно будет подумать потом, когда скинем Хамера!»

Хафар налил себе еще кружку, но пить ему что-то расхотелось, он почувствовал усталость и желание хорошенько выспаться.

«Да, долгий путь даром не дается, — с трудом поднимаясь со скамьи, решил визирь. — Пойду посплю. Надо отдохнуть, не все же носиться по делам».

Он, пошатываясь, прошел зал таверны и, выйдя во двор, с наслаждением глотнул свежего воздуха.

«От этого вшивого отродья так воняет, — мысли с трудом ворочались в его голове, — что в этой харчевне и задохнуться недолго. Что-то морда знакомая... — Ему показалось, что проходивший мимо человек пристально смотрит на него. — А, ладно, пес с ним... Спать, спать...»

Он открыл дверь и, нащупывая за пазухой ключ, который выдал ему хозяин таверны, начал, с трудом волоча ноги, подниматься на второй этаж, цепляясь, чтобы не упасть, за перила лестницы.

«Что это со мной? — Хафар с трудом попал ключом в замочную скважину. — Вроде и не пил много...»

Дверь наконец отворилась, визирь сделал еще пару шагов и рухнул как подрубленный на мягкую постель. Через мгновение он уже спал беспробудным сном.

* * *

«Я выполнил поручение, — Бехруз послал мальчишку проследить за незнакомцем и, получив известие, что тот спит как сурок, вернулся к своим делам, — но где этот кретин Гоухар? Пора бы ему уже здесь появиться».

Он провернул все на редкость искусно — как-никак сказывался большой опыт: подсыпал в кувшин с вином порошок, который дал ему в свое время его приятель чародей Махтар, и теперь постоялец будет спать, ничего не ведая, до самого утра. Иногда, заснув, его гости не просыпались вовсе, потому что они с колдуном заворачивали доверчивых посетителей в коровью шкуру, произнося при этом замысловатые заклинания. Правда, основную часть работы выполнял Махтар. Бехруз лишь помогал чародею, закрепляя шкуру на бедолаге, а потом быстро покидал комнату. Когда он через некоторое время возвращался, там уже не оставалось никаких следов постояльца.

Главной заботой Бехруза было определить в госте человека издавека, никому здесь не знакомого: такого никто не станет искать. В то же время требовалось, чтобы у этого странника были монеты. Их-то они потом и делили по-братски с Махтаром. Этот постоялец, конечно же, был при деньгах, и хозяин таверны уже начал жалеть, что сообщил о нем Гоухару.

«Поторопился, болван! — укорял он себя. — Надо было лучше позвать колдуна».

Глава третья

“Вот этот мне подойдет.— Конан плеснул себе в рот остатки вина из кружки и поднялся из-за стола.— Купчишка, сразу видно, не из бедных».

Он вышел из-под навеса и, шурясь от яркого солнца, посмотрел вслед набольшему каравану из пяти верблюдов и запряженной четверкой коней повозки, в которой восседал на мягких подушках какой-то приезжий торговец. О его богатстве кроме роскошных одежд, в которые он был облачен, напоминали четверо конных охранников на крепких и низкорослых гирканских лошадаках. Гостей, подобных ему, сейчас немало прибывало в Шангару в преддверии праздника в честь Повелителя Огня Эрлика. На торжества они съезжались не столько ради того, чтобы воздать почести этому пантенийскому богу, а в основном чтобы поглядеть на петушинные бои, которые с некоторых пор, по примеру северных соседей, заморанцев, начали входить в моду в Туране.

Киммериец видел таких петухов еще в свою бытность в Шадизаре, где это развлечение сопровождало праздник рахават в честь Митры Животворящего, Повелителя Жизни, Бога Справедливости и Добра. Ему, правду говоря, все эти петушинные бои были малоинтересны, как, впрочем, и сами праздники в честь богов, если бы не одно обстоятельство. Дело заключалось в том, что на петушинные бои съезжалось много богатых людей из разных мест. Все хозяева таверн, постоялых дворов и харчевен готовились к этим

дням загодя, предвкушая хорошие заработки от съеденного и выпитого в их заведениях, от сдачи внаем апартаментов и просто мест для ночлега, стоял для лошадей и верблюдов,— город буквально распирало от приезжего люда.

А денег вокруг этих петухов крутилось видимо-невидимо! Как-то в Шадизаре варвар заработал пятьдесят золотых у купца Хирталамоса только за то, что помог ему сохранить в живых боевого офирского петуха, которого тот собирался выставить на празднике. Конан вспомнил эти развеселые и боевые три ночи, и у него сладко заныло под ложечкой. Мало того, что он поимел пятьдесят монет, так ему удалось поладить и с наложницами этого любителя петушинных боев, пока тот ездил в Арэнджун. Какие девушки были! Лелия из Гандерланда, белокурая и пышная, ее серебристый голос напоминал пение флейты. А темноволосая кхитайка То-Ню? Миниатюрная, легкая, как маковый лепесток, но все положенное женщине было при ней, и ночь, проведенная с этой девушкой, тоже была хороша, как выдержанное офирское вино. Нет! Лучше, куда лучше, решил варвар. Да и вообще, разве можно сравнивать с чем-либо неземное блаженство?

Женщины в отсутствие почтенного Хирталамоса сами поделили его между собой, и киммерийцу ничего не оставалось, как постараться удовлетворить каждую так, чтобы они и дальше жили в мире и согласии между собой. В третью ночь ему досталась рыжая заморанка Валла с глазами точно изумруды. Да, есть что вспомнить! А вот как звали петуха, варвар забыл. Фиг... Фигля... Фиглатиа... Тьфу! Пусть Нергал помнит эти дурацкие имена дурацких петухов! Но праздник рахават киммериец не забыл. Хороший праздник придумали, побольше бы таких!

Всем хватало работы на этих торжествах: и торговцам сластями, и водоносам, и грузчикам, и всякой мелкой сволоте, которая могла что-то поднять или поднести, и лихой братии — вора и разбойникам: они тоже ждали этих дней, чтобы урвать свою долю добычи. Варвар специально для этой цели прибыл в Шангару из Самарры, где обитал в последнее время. Негоже было оставаться в стороне, когда

представляется такая прекрасная возможность поправить свои дела. Он не был жаден до богатства, деньги доставались ему легко и так же легко исчезали, но не пропускать же такое событие!

— Эй! — окликнул он вихрастого мальчугана, бежавшего за караваном, который облюбовал киммериец.

Тот подошел, с некоторым страхом косясь на огромную фигуру варвара, гриву его черных, давно не мытых и спутанных волос. Холодные, словно лед с горных вершин, синие глаза киммерийца смотрели пристально, как бы пронзая собеседника насквозь.

— Видишь монету? — Конан подбросил серебряный аквилонский диск, сверкнувший на солнце, и ловко поймал его перед самым носом мальчишки. — Будет твоей, если узнаешь, где остановится этот торговец. Я посижу вон там. — Варвар указал на столик под ярким цветастым навесом и направился продолжать свою трапезу, прерванную появлением каравана.

Мальчишка скоро вернулся и рассказал киммерийцу даже больше того, на что тот рассчитывал: сколько людей у купца, в каких комнатах постоялого двора поселили хозяина и где разместились его слуги — в общем, Конан только подивился тому, что это растрепанное дитя улицы еще и не выполнило за него основную работу — не пощипало этого богача.

— На, держи, — Конан положил в ладошку мальчугана честно заработанную монету, — из тебя выйдет законченный мерзавец, если вырастешь, конечно, — не слишком по доброму пошутил он на прощание.

Лучшим временем для дел, подобных тому, что замыслил варвар, по справедливости считается ночь. Однако, поразмыслив, Конан решил повернуть свою затею прямо во время послеобеденного отдыха. Во-первых, мало кто ожидает подобной дерзости от воров. Чтобы среди бела дня взять добычу, это надо иметь такую поддержку Бела, которой мало кто и достоин! Во-вторых, может случиться так, что кувшинчик вина за обедом окажется не единственным, если объявится хороший собутыльник, и, глядишь, хозяин

засидится в таверне, а пара-другая слуг тоже задержится по какому-нибудь своим делам.

А деньги-то в комнатах, под надежной охраной! Кто ж будет носить в кошельке большие суммы, которые завтра придется поставить в петушинных боях или заплатить за этих самых длинношеих и клювастых злобных тварей, от чьего вида бешено забьется сердце знатока? Так что, не без оснований рассуждал киммериец, попробовать стоит. Справедливости ради надо сказать, это придумал не он. Ловкач Ши Шелам, с которым он провел немало времени за кувшинчиком доброго вина, многому научил его в Городе Негодяев, Шадизаре, что остался за Кезанкийскими горами.

«Как-то у него сейчас дела? — вспомнил о Ловкаче варвар. — Такой тощий обглодыш, а соображать умел хорошо», — мысленно похвалил он своего бывшего напарника, направляясь к «Ослиному копыту», большому постоялому двору, который был по карману только весьма богатым гостям Шангары.

В харчевне постоялого двора, куда заглянул киммериец для начала, было прохладно и не слишкомлюдно, однако шумно. Смех и гомон исходили от двух крепких туранцев в полном боевом облачении, вооруженных мечами и кинжалами, которые, сидя за столом друг против друга, перекидывались в кости, сдабривая игру вином из пузатого расписного кувшина. Конан подошел к хозяину и, тоже заказав себе вина, присел за стол недалеко от игроков.

Прихлебывая кисловатый, но приятный и освежающий напиток, варвар, делая вид, что совсем не обращает на них внимания, старательно прислушивался к тому, о чем говорят охранники важного господина. Еще не закончив первой кружки, он уже знал: хозяина зовут Камкар, и приехали они из Акита на петушьи бои («Я не ошибся», — отметил про себя варвар), а приезжают они сюда не первый год, опять хозяин собирается купить новых пернатых и выставляет на схватку своего любимого синего петуха... В общем, чуткое ухо может многое уловить, особенно если языки тех, кого подслушивают, развязаны вином.

«Всегда внимательно слушай, что говорят, — часто вспоминал варвар слова шельмы Ловкача, — имеющему уши приходится реже вытаскивать кинжал, клянусь Белом».

И Шелам был трижды прав, потому что киммериец узнал самое главное: как разместились в гостинице Камкар и его люди, а также что в этом году охранникам досталась комната хуже, чем в прошлом, с очень маленьким окошком, но зато и забот у них на сей раз намного меньше, так как в комнате хозяина окно выходит во двор...

Не допив вина, киммериец обратился к слуге, который на время заменил хозяина у стойки:

— У тебя не найдется места переночевать сегодня? Недорогое, может, где-нибудь в каморке во дворе?

Услышав такой вопрос, стражники, гоготнув, оглянулись на варвара и продолжили свое занятие.

— А что дашь? — с любопытством спросил малый, у которого появилась возможность заработать монету втайне от хозяина.

— Есть у меня кое-что, — показал ему Конан мелкую серебряную монетку.

— Пойдем, покажу.

Они вышли во двор, где в стойлах стояли лошади, мулы и верблюды, мирно жевавшие свою жвачку. Слуга провел киммерийца за огороженную площадку, где располагались под навесом мешки с зерном и тюки сена, и, указав на топчан в самом углу, спросил:

— Годится?

— В самый раз, — Конан сунул ему монету, — вечером я приду.

Они вернулись в таверну, но, пока шли обратно, варвар цепким взглядом оглядел выходившую сюда стену гостиницы, успев при этом заметить тысячу мелочей: что расположено во дворе, куда выходят двери хозяйственных помещений, как выглядят засовы на воротах, ведущих на другую улицу, — все, что было так необходимо в его нелегком ремесле.

Киммериец посидел еще немного, допил вино, расплатился и не спеша покинул зал. Он подмигнул слуге на прощание, и тот понимающе ухмыльнулся своему клиенту.

Но варвар не пошел на улицу, как, видимо, показалось и слуге, и двум продолжавшим веселиться стражникам. Он выскочил во двор, оглянувшись, легкими неслышными шагами проскользнул вдоль стены и встал прямо под небольшим окном на втором этаже старого здания, сложенного из грубо отесанных желтоватых камней.

Размотав прикрепленную на поясе под плащом тонкую, но крепкую веревку, киммериец размахнулся и забросил ее конец с медным крюком на конек черепичной крыши. Подергав оставшийся у него в руках конец веревки и убедившись, что крюк засел прочно, он, словно ящерица, мгновенно взлетел на уровень оконца с почти непрозрачным, потемневшим от времени и грязи стеклом. Затем приложил ухо к раме. Внутри было тихо. Обмотав веревку вокруг предплечья, Конан, ловко орудуя кинжалом, бесшумно открыл защелку окна и заглянул внутрь.

Стражник, одетый так же, как и его собраты внизу, сидел спиной к нему и, по-видимому, дремал. Скрип открывающегося окна разбудил его. Охранник вздрогнул и обернулся, но слишком поздно: кулак варвара плотно вбил его голову в плечи чуть не до самых ушей. Несчастный мягко повалился набок, и варвар аккуратно уложил его на пол.

«Где же еще один?» — размышлял про себя киммериец, направляясь к двери, которая, очевидно, вела в покои господина, купца из Акита, чей караван так приглянулся Конану сегодня утром.

Он подошел к двери и прислушался. Внутри кто-то разговаривал. Слов варвар разобрать не мог, да это его и не интересовало, но говорили двое, а вот это уже было нехорошо. Надо торопиться. Он взялся за дверь и чуть приоткрыл ее, потом закрыл, потом опять приоткрыл...

— Заким, — услышал Конан, — сквозняк, не чувствуешь, что ли? Прикрой дверь!

Киммериец прислушался и, когда понял, что изнутри кто-то взялся за ручку двери, резко дернул ее на себя. Не успев отпустить ее, стражник вылетел наружу, где Конан резким ударом ребром ладони по шее остановил его и, увернувшись от падающего тела, вбежал в комнату.

Купец, выпучив глаза, уставился на него, как на привидение, потеряв от изумления дар речи. Варвар в два прыжка подлетел к нему и схватил торговца за шею.

— Где ты держишь монеты? — зловецким шепотом осведомился киммериец.

Купец с вылезшими из орбит глазами смог только едва шевельнуть бровями, указывая на небольшой ларец, стоявший на резном столике. Варвар на мгновение отпустил торговца, чтобы схватить шкатулку, потом вновь стиснул его шею. Ларец был заперт, и Конан вопросительно и вместе с тем грозно посмотрел на его хозяина. Тот все понял и, сипя от нехватки воздуха, принялся шарить рукой у себя под рубахой. Варвар перехватил его руку и вытащил ключик на тонкой золотой цепочке. Чтобы купец не мешал ему действовать, киммериец несильно, но все же достаточно ощутимо стукнул его по шее и опустил на мягкие подушки дивана. Что-то блеснуло на свесившейся вниз руке. Перстень! Конан осмотрел золотое кольцо с печаткой, на которой был изображен павлин. Ничего не скажешь, красивая вещица! Стащив его с пальца торговца, варвар попытался пристроить перстень себе на руку, затем, с большим трудом напялив его на мизинец, посмотрел на украшение еще раз и удовлетворенно кивнул.

В шкатулке лежали два тугих кожаных мешочка. Киммериец, не разглядывая содержимого, бросил их в кошель, висящий у него на поясе, и, выйдя в прихожую, осторожно выглянул в окно. Во дворе все было спокойно. Конан так быстро и дерзко провернул свое дело, что охранники внизу вряд ли успели сыграть больше трех-четырех конов в кости.

Обратный путь по той же веревке занял несколько мгновений, и скоро варвар уже шагал по пыльной улице, направляясь к базару, откуда и начал свой сегодняшний день. Приятно потяжелевший кошель обещал некоторое время сытой и беззаботной жизни: хорошие таверны, хорошее вино, хороших женщин, наконец. Нет, не зря эти шангарцы устраивают такие праздники! Ему, Конану, они всегда по душе!

Глава четвертая

“Теперь надо сматываться отсюда, — подумал варвар. — Правда, вечер уже на носу, пожалуй, пропущу пару кружек вина, а потом переночую где-нибудь в Гадюшнике».

В каждом городе всегда находится место, где обитает беднота и где среди паутины пыльных проулков и кривых улочек находит себе пристанище воровской люд. Много месяцев Конан прожил в шадизарской Пустыньке, не понаслышке была ему известна и аренджунская Свалка. Киммерийцу приходилось бывать и в ханских покоях, и дворцах вельмож и даже правителей, но сейчас вряд ли ему там обрадовались бы. Да и наивно было бы ожидать, что после того как он выпотрошит караван или порастрясет купчишку, как в этот раз, впереди него поскачут в город всадники с трубами и знаменами, чтобы приготовить для удачливого вора ночлег на богатом постоялом дворе.

«Спасибо, хитроумный Бел, да и тебя, Ловкач, нелишне вспомнить добрым словом».

Конан отдал должное тем, кто, как он полагал, помог ему в дерзком предприятии, и, глядя по сторонам, стал выбирать таверну, в которой можно было бы скоротать вечерок. На глаза ему попала вырезанная из дерева незнакомая птица, прибитая над крыльцом с колоннами из отполированных временем толстых бревен.

«Что это за птица?» — удивился варвар, поворачивая к зданию, которое, судя по его виду, и было таверной, где даже

припозднившемуся клиенту не откажут в ужине и кувшинчике вина.

Подойдя поближе, он разобрал надпись на темной доске, венчающей крыльцо. Корявые буквы гласили: «Туранский сокол».

— Надо же, оказывается, сокол! — хмыкнул варвар. — А я и не признал.

Он еще раз посмотрел на изображение пернатого существа, больше смахивающего то ли на голубя, то ли на ворону, и, усмехнувшись, направился к дверям. У входа стоял человек в коричневом кафтане, который напомнил киммерийцу одежду шанки — племени, жившего в пустыне недалеко от Замбулы. Человек хватал ртом воздух и как-то странно посмотрел на киммерийца мутным взглядом, потом повернулся и, пошатываясь, скрылся внутри здания. Его лицо показалось варвару знакомым, где-то он его уже видел. Нет, определенно они встречались!

«Ух ты! — через мгновение воскликнул про себя варвар. — Это же Хафар, визирь Джунгир-хана! Что, интересно, он делает здесь один, да еще в такой одежде?»

Он вошел внутрь и увидел, что великий визирь Замбулы с трудом карабкается по лестнице куда-то вверх, перебирая руками по перилам, а снизу за его действиями внимательно наблюдает мальчонка в грязной набедренной повязке.

«Ха! — подумал киммериец. — Похоже, не один я им интересуюсь! Забавно... Посмотрим, что будет дальше».

Он толкнул дверь и вошел в наполненный гулом множества голосов зал. Стараясь не привлекать к себе особого внимания, даже слегка сутулясь, чтобы его рост не слишком бросался в глаза, что, впрочем, было совершенно напрасно, варвар прошел к свободному месту. Усевшись на скамью, он подозвал к себе мальчишку-подавальщика и заказал кувшин вина. Приказание было тотчас выполнено, и киммериец, налив себе первую кружку, начал не спеша прихлебывать напиток, не забывая поглядывать на хозяина таверны, чья лисья физиономия выдавала напряженное ожидание. Через некоторое время мальчишка, который был на лестнице, подбежал к нему и что-то зашептал на ухо. На

хитрой морде хозяина засияла удовлетворенная улыбка, и он кивком отпустил своего слугу.

«У этого Хафара, должно быть, навалом монет, — подумал Конан, — наверняка даже больше, чем у купчишки из Акита. И надрался он изрядно... Может, имеет смысл пощипать и его?»

Он решил побыть здесь до ночи, а там уж действовать по обстановке. Не зря же мальчишка-слуга следил за Хафаром. Значит, не только варвара заинтересовал кошелек великого визиря. Конан задумался, подперев голову рукой и почти не глядя на публику, гомонящую вокруг. Ему вспомнилось, как пару лет назад он сыграл не последнюю роль в этой треклятой Замбуле, когда на престол в результате сложных и кровавых интриг сел зеленый юнец, совсем мальчишка.

Киммериец попал туда почти случайно, из-за Глаза Эрлика, магического камня, который служил амулетом для правителя Замбулы. Камень этот был украден, и вместе с Испараной они вернули его Актер-хану. Сначала тот осыпал варвара королевскими почестями: пригласил его на обед, угостил вином, наградил, расхваливал на все лады, назначил капитаном гвардии. Но потом проявил подлое вероломство, словно забыв, что киммериец оказал ему крайне важную услугу. Не случись этого, Конан никогда бы не присоединился к предводителю заговорщиков Баладу. Замбула ему не нравилась, а населявшие ее люди несколько не волновали. У киммерийца не было намерений ни помогать им, ни мешать. Не обмани его хан столь подло и неожиданно, Конан сохранил бы ему верность и, без сомнения, острый ум и воинское мастерство варвара обернулись бы против заговорщиков.

Но вероломство Актер-хана вызвало в нем праведные горечь и гнев. Он многим пожертвовал, чтобы вернуть правителю Замбулы желанный амулет. Испаране тоже пришлось немало перенести из-за этого треклятого Глаза Эрлика. А оказавшийся столь неблагодарным властелином хан заточил ее в темницу и отдал в руки палачей. Варвар тогда остался на свободе только благодаря случаю. Поэтому он и обиделся и разозлился на правителя Замбулы, обвинив при этом самого себя в излишней самоуверенно-

сти: не позволяй он себе расслабиться, вполне возможно, сумел бы довольно быстро раскусить Актер-хана. Душа его жаждала мести, и он присоединился к заговорщикам. Однако Балад тоже оказался мерзавцем, и Конан чуть было не заплатил своей головой за отказ пойти к нему на службу после свержения хана. Слава богам, для киммерийца и Испараны все кончилось благополучно. В результате трон достался сыну Актера, юному Джунгир-хану.

Да этому мальчишке и сейчас не больше четырнадцати лет. Разумеется, нет никаких сомнений, что за него в Замбуле правят Хафар и Испарана! Испарана... Это имя пробудило в варваре сладостные воспоминания. Что это была за женщина! Пламя! Испепеляющее и в то же время необычайно нежное... Забыть такое невозможно.

«Нергал меня раздери! — выругался Конан. — Что же, в самом деле, делает здесь Хафар? Если он поссорился с Джунгир-ханом или Испараной, что одно и то же, и сбежал оттуда, то за каким демоном ему так таиться? Нет никакой нужды! А может, в Замбуле что-нибудь приключилось? Вот если Джунгир-хан потерял свой трон, а визирь остался ему верен, в этом случае он совершенно прав, что не хочет привлекать к себе внимания».

Варвар даже вспотел слегка от усиленных раздумий. Очень уж сложные интриги во дворцах туранских владык! Он не всегда мог разобраться до конца в их хитросплетениях, а поскольку любил во всем ясность и точность, то тонкости поведения всех этих повелителей и их вельмож были для него иногда сродни чародейству. Магию и чародейство он принимал как неоспоримую данность, однако в душе сильно недолюбливал. Для его натуры гораздо легче и уж куда приятнее было снести головы десятку противников, чем размышлять о причинах поведения того или иного сановника, от которого зависела судьба многих людей, а часто и его, Конана, дальнейшая жизнь.

«Допить вино и топать в Гадюшник, вот что надо делать!» — наконец решил варвар.

Сказать, что он боялся чего-нибудь, было бы, мягко говоря, неверно. Киммериец, несмотря на свой достаточно юный

возраст, столько уже повидал в жизни и успел принять участие в таком количестве смертельно опасных предприятий, что удивить его, а тем более напугать было сложно. Дело в другом: если нет крайней необходимости совать голову в пасть дракона, то и не надо этого делать, потому что чужая секира и так тебя найдет. Конан уже собирался последовать мудрому совету, который сам себе и преподнес, как еще одна мысль обожгла его мозг.

«Испарана! Если этот визирь здесь, то она тоже может быть где-то неподалеку. Если она, конечно, жива, — поправил он себя. — Надо поговорить с Хафаром и все разузнать», — решил он, но тут же засомневался в правильности своего решения, так как вспомнил, что визирь, похоже, напился до синих соплей и вряд ли был способен поведать что-нибудь вразумительное.

«Да и утром, когда проспится, поговорить нам вряд ли удастся, — подумал варвар. — Кто-то следит за ним, и неясно, будет ли еще визирь здесь к восходу солнца, к тому же живой. Надо бы присмотреться, кого это он так заинтересовал».

— Хозяин! — поднял руку Конан. — Что у тебя есть на ужин?

Тот, не выходя из-за стойки, поверх голов толпящихся в таверне людей начал перечислять:

— Баранина, фазаны в имбирном соусе, копченый вилайетский лосось...

— Давай все, — махнул рукой киммериец. До ночи было еще много времени, и неизвестно, что может произойти, а значит, надо подкрепиться как следует. — И еще кувшинчик вина! — Он бросил на стол пару серебряных монет, которые ловко подхватил подлетевший к нему мальчуган.

«Испарана! — продолжало стучать в голове Конана. — Если ей грозит опасность или нужна помощь... Разве я могу бросить ее в беде?»

Отношения между варваром и прекрасной замбулийкой начались с жестокой вражды, но Конан сразу же почувствовал, как неудержимо влечет его к этой женщине, которая так же, как и он сам, могла убить врага легко и непринужденно, не испытывая при этом никаких душевных мук.

Конан вспомнил слегка удлиненное лицо с высокими скулами, пристальный взгляд миндалевидных карих глаз, нос с легкой горбинкой и полные чувственные губы, густую копну великолепных, отливавших пурпуром, черных волос. Ее тело, стройное и сильное, ее благоухающая золотистокоричневая кожа! Киммериец печально вздохнул.

Конечно, всякий, у кого повернулся бы язык назвать Конана чувствительным и сентиментальным, оказался бы лжецом или, на худой конец, совершенно не разбирающимся в людях человеком. Киммерийцу, его варварской натуре, такие чувства были незнакомы и даже чужды, но тем не менее он вспоминал об Испаране с какой-то непонятной, удивительной для него самой теплотой. Два с лишним года назад, покидая Замбулу, он звал ее с собой, но эта удивительная женщина отказалась. Тогда раздосадованный варвар подумал, что Испарана пренебрегла им, поскольку за помощь в возведении на трон Джунгира она получила титул Соратницы хана и по праву могла считаться первой женщиной Замбулы. В гневе и обиде он поклялся тогда забыть эту паршивую Замбулу и все, что было связано с ней, и Испарану прежде всего. Но ее-то он как раз забыть не смог. Видимо, так решили боги, и никто из смертных не в силах изменить их решения.

Ожидая, пока ему принесут еду, Конан стал внимательнее приглядываться к людям, заполнившим зал «Туранского сокола». Таверна находилась недалеко от городского рынка, и народ здесь собирался соответствующий: торговцы, погонщики верблюдов, мелкие городские чиновники. В этой толпе киммериец не видел тех, кого искал: почти никто из них не носил оружия, по крайней мере явно. Было понятно, что все это обычные мирные люди. Наметанный глаз варвара не различал среди них крепких бойцов, которые вполне могли быть переодетыми стражниками или чьими-нибудь воинами.

«Если кричит сорока, — вспомнил варвар пословицу, которую слышал от гиперборейского охотника, — то неподалеку может оказаться медведь. — Он с хрустом вонзил свои зубы в ножку принесенной ему дичи. — Подожду. Они обязательно придут, клянусь хитроумным Белом!»

Глава пятая

Великий визирь правителя Хоарезма только что получил вести из Замбулы. Там произошел переворот, власть захватил начальник личной охраны Джунгир-хана, капитан Хамер, который и провозгласил себя новым правителем. Теперь Мусаиб — так нарекли визиря при рождении — сидел в мрачном раздумии, даже не чувствуя свежих потоков воздуха, которые навевали на него огромными опахалами двое усердных слуг, стоявшие по бокам. Замбула, хотя и находилась далеко от Хоарезма, привлекала пристальное внимание Мусаиба. Дело в том, что он приходился дальним родственником ханской семье, которая управляла этой дальней окраиной Туранской империи.

Пару лет назад Замбула уже побывала на грани государственного переворота. Заговорщикам удалось покончить с Актер-ханом, тогдашним замбулийским сатрапом, но они не смогли воспользоваться плодами своей победы, и в результате трон достался малолетнему сыну правителя Джунгиру. Мусаиб и не помышлял о том, что родство с Актер-ханом сможет возвести его на трон, пока был жив Джунгир, но теперь положение круто менялось.

«Положим, этот ублюдок Хамер уничтожил законного наследника, — рассуждал сам с собой Мусаиб. — Значит, я имею полное право претендовать на престол Замбулы. Конечно, Илдиз Великий, правитель Турана, вряд ли станет снаряжать войско, чтобы восстановить там порядок, но это

можно будет сделать и без его участия. Достаточно того, чтобы наш повелитель не был против меня». Он потер ладони в предвкушении самой великой удачи своей жизни, но тут же остановился, опасаясь спугнуть столь близкое счастье.

Он правитель Замбулы! Дворец, всегда готовые услужить подданные, роскошь! Мурашки побежали по телу великого визиря, когда столь приятные видения замелькали перед его мысленным взором. Хан Замбулы! Это звучит! Конечно, от добра добра не ищут, как говорит пословица. Он и здесь не последний человек, его даже знает сам правитель Илдиз. Но одно дело быть сановником императора, а совсем другое — самому стать ханом.

«А если мальчишке удалось бежать? — неожиданно спохватился он. — Тогда, без всякого сомнения, он будет собирать своих сторонников, чтобы вернуть трон».

Мусаиб выпрямился в кресле и расправил затекшие плечи. Он и не заметил, что просидел все это время почти неподвижно. Вытянув вперед длинные ноги, визирь продолжал размышлять дальше. Конечно, простолюдин и ублюдок Хамер долго не продержится, пока живы законные наследники.

Мусаиб был уже немолод и очень многое повидал за свою жизнь. Он знал, что редкий самозванец может удержаться на троне. Имея перед глазами удачный пример, такие же выскочки, безусловно, захотят занять его место, и Замбулу ждут смутные времена с кровавыми переворотами, казнями и войнами. Чернь и ловкачи, отирающиеся близ трона, будут поддерживать сначала одного, потом легко предадут его ради следующего претендента, в основном желая пограбить и погреть руки во время переворота, и это будет продолжаться до тех пор, пока не вернется настоящий правитель ханских кровей. Либо же Илдиз Туранский, потеряв терпение, вмешается и сам назначит нового сатрапа.

Если же Джунгир-хан сумел сохранить свою голову, то куда он может направиться? Конечно же, сюда, в Хоарезм, где будет просить помощи у своего родственника, у него, могущественного визиря Мусаиба.

— Нужно это мне? — Визирь заговорил вслух. — Нет, совсем ни к чему. Даже одно его появление здесь будет вредно для меня. Значит, мальчишку придется убрать потихому, чтобы никто больше о нем и не слышал никогда. — Мусаиб усмехнулся. — А поможет мне в этом Мизра.

Он хлопнул в ладоши, вызывая своего управляющего, и через несколько минут уже ехал в закрытой коляске по крутой дороге, что вела в горное селение, где жил Мизра. Он был колдуном, и визирь нередко пользовался его услугами, стараясь, чтобы их отношения не особенно бросались в глаза окружающим, а самое главное, чтобы о них не знал повелитель. Он может заподозрить неладное, и тогда прощай все: и сан великого визиря, и богатый дворец, и, не исключено, сама жизнь.

Глава шестая

Конан оказался прав: не успел он еще разделаться с ножкой фазана, как в таверну вошел, гремя доспехами, стражник.

В этом не было ничего необычного, зашел себе стражник и зашел, мало ли, захотелось горло промочить или взглянуть, все ли в порядке. Но то, что это был не простой солдат, судя по знакам отличия, и то, что он подошел к хозяину и тот долго шептал ему на ухо, — все это натолкнуло варвара на вполне понятный вывод: те, кого он ждал, начали действовать. В планы киммерийца не входило, чтобы кто-то помешал ему поговорить с визирем, поэтому он поднялся из-за стола и спокойно направился к выходу, стараясь, чтобы его меч под плащом не особенно бросался в глаза.

Выйдя на улицу, он увидел еще трех стражей порядка, стоявших неподалеку от таверны.

«Так, — подумал он, — похоже, моего бывшего знакомца ждет подземелье, не иначе, клянусь замороженным задом Имира!»

Конан прогулялся по площади, заглянул в близлежащие переулки и в одном из них заметил крытую повозку, запряженную парой лошадей, около которой стояли четверо, по виду переодетые солдаты. Их накидки не могли скрыть спрятанного под ними оружия.

«Ого! — удивился варвар. — Видно, Хафар кому-то сильно нужен. Вот только кому?»

Нужно было принять верное решение. То, что визирь не должен попасть в лапы стражников, было ясно, но как это проверить? Возвращаться в таверну и попытаться помешать его аресту? Киммериец подумал немного, меряя шагами проулок, и в конце концов отверг эту мысль. Во-первых, сам Хафар ему не помощник, потому что он вряд ли очнулся. Спит, небось, как бревно. Во-вторых, может начаться большой переполох, и тогда сюда сбегутся не только стражники, но и просто зеваки с половины Шангары. В этом случае придется спасаться самому. К тому же его и так уже могут искать, если кто-то связал ограбление акитского купчика с пребыванием варвара в «Ослином копыте»...

Конан остановился на мгновение, глубоко задумавшись... Как часто бывает в таких случаях, вмешалось само провидение. Стоявшие около повозки люди обратили внимание на прошедшего мимо них варвара.

— Это еще что за вошь? — задал кто-то совершенно глупый вопрос. Уж на кого-кого, а на насекомое молодой варвар не смахивал никоим образом. — Что этому ублюдку тут надо?

— Идите и спросите, — кивнул один из них, видимо старший, двоим солдатам.

— Эй ты, постой! — Стражники шагнули к киммерийцу.

Варвар, не оглядываясь, ускорил шаги, намереваясь свернуть за ближайший угол.

— Стой, кому говорят! — Солдаты пустились бегом. — Стой, дубина!

Они выскочили из переулка, но никого не обнаружили. Шагах в пятидесяти от них в свете фонарей виднелись базарная площадь и таверна «Туранский сокол», около которой было пустынно, и больше ничего, только высокие изгороди и огромные стволы старых смоковниц, стоявших вдоль улицы.

— Не может быть! — изумился один из преследователей. — Он что, растворился или улетел по воздуху? Клянусь Эрликом, мгновение назад видел его своими глазами...

Варвару, притаившемуся в густой листве, было хорошо видно обоих солдат. Он крепче обхватил ногами толстую ветку, на которой лежал, и, прицелившись хорошенько, метнул в одного из них кинжал. Страж захрипел и стал оседать на землю. Второй солдат поднял вверх голову, и в этот миг что-то огромное с шумом свалилось на него с дерева. Конан, не давая противнику опомниться, двумя ударами кулака размозжил ему голову и вскочил на ноги. Затем он выдернул кинжал из шеи солдата и вытер его лезвие плащом второго стражника. Оттащив оба трупа поближе к забору, киммериец мягкими шагами двинулся вперед и осторожно выглянул из-за угла. Двое оставшихся солдат стояли около повозки, занятые своим разговором. Расстояние до них было слишком большим, чтобы убить хотя бы одного из них, метнув нож. Киммериец отпрянул назад и прижался к забору, ожидая, как развернутся дальше события.

— Где же они? — услышал он голос старшего. — Сходи-ка поторопи этих ленивых обезьян.

Конан подпрыгнул вверх, не ожидая, пока посланец завернет за угол, и, подтянувшись на руках, вскарабкался на кромку ограды. За забором находился чей-то сад, в глубине которого виднелось невысокое каменное строение с освещенными окнами. В саду, на его счастье, никого не было. Киммериец прыгнул вниз и побежал по саду к тому месту, где стояла коляска, стараясь не производить никакого шума.

Он не опасался, что его услышат с улицы, но вот если хозяева обнаружат у себя в саду незваного гостя, это могло испортить все дело. Однако если боги благоволят к тебе, то во всем: Конан промчался по саду, никем не замеченный, и, снова уцепившись за кромку ограды, подтянулся и посмотрел на улицу. Он проскочил место, где стояла повозка, шагов на двадцать и теперь не мог рассмотреть, что происходило за ней.

«Ну, это и к лучшему, — спрыгивая с забора, пробормотал под нос варвар, — во всяком случае, меня с этой стороны никто не ждет».

Он приготовился, если будет нужно, мгновенно выхватить меч и крадучись направился к повозке. Пригнувшись, киммериец увидел только одну пару сапог, почти закрытых от него колесами и лошадиными ногами. Сапоги стояли пятками к нему и не двигались. Видимо, старший смотрел в том направлении, куда отправил своих солдат. Конан, подкравшись поближе, схватил под уздцы одну из лошадей и заставил ее шагнуть назад. Удар заднего борта чуть не сбил человека с ног.

— Что вы там вытворяете, ублюдки!

Старший вылетел из-за повозки, но его встретил кулак киммерийца. Икнув, солдат пошатнулся и наверняка грохнулся бы на землю, но варвар поддержал его, а затем, долбанув еще раз по темени, поднял наверх и посадил на козлы, прислонив к передней стенке повозки. Теперь изда-лека он вполне мог сойти за вздремнувшего кучера. Оставался еще один солдат, которого послали посмотреть, в чем дело. В это время в переулок с противоположной стороны зашли трое подвыпивших гуляк. Они заняли почти всю ширину проулка, и варвар пришлось прижаться к телеге, чтобы дать им пройти. Веселая компания даже не заметила киммерийца, с жаром обсуждая какое-то событие, включившееся с одним из них. Перебивая друг друга, они шумно спорили. Каждый, как бывает в таких случаях, громко излагал свои мысли, не обращая внимания на собеседников. В это время из-за угла вылетел посланный старшим солдат и с разбегу наткнулся на спорящих.

— Ты что, слепой? — покачиваясь, спросил один из них.

— А ну тебя! — отмахнулся солдат, намереваясь бежать дальше.

— Нет, погоди, — схватил его за руку другой пьяница, — ты толкнул моего друга!

— Ну, берегись! Сам напросился! — рассвирепел страж и отработанным движением вмазал в ухо заступнику, отчего тот покотился в дорожную пыль, сбитый с ног крепким кулаком.

Солдат отвернулся на мгновение, но сзади получил ощутимый удар по шее от третьего приятеля, и тут же

первый повис у него на руке, не давая возможности выхватить оружие.

— Сахмет! — крикнул солдат, призывая на помощь командира.

— Бегу! — отозвался Конан и рванулся вперед, выдерживая на ходу меч из ножен.

Увидев бегущего к ним человека со сверкающим клинком, пьяная компания бросилась наутек, оставив солдата, который не сразу сообразил, вглядываясь в выросшего рядом с ним киммерийца, кто это такой и почему он прибежал на его зов вместо командира. Конан быстро покончил с его размышлениями, с ходу всадив ему в живот меч чуть ли не по самую рукоятку. Внутри у бедняги что-то булькнуло, и он рухнул на землю, пытаясь скрюченными пальцами зажать ужасную рану, из которой уже вываливались внутренности. Вторым ударом варвар прекратил его мучения, потом подхватил труп и швырнул его в придорожную канаву, чтобы не сразу бросался в глаза.

Конан вернулся к повозке. Командир, изображавший кучера, сидел на своем месте, лошади спокойно стояли, иногда мотая головой, чтобы отогнать мух. Надо было действовать дальше, но что нужно теперь сделать, киммериец пока не представлял. Вдруг со стороны площади послышались частые шаги, и Конан увидел бегущего к нему человека, в котором узнал стражника, заходившего в таверну. За ним, спотыкаясь и ругаясь вполголоса, бежали еще трое, таща на плечах какой-то предмет. Конан отступил на пару шагов, готовясь, если потребуется, принять бой, и уже прикидывал, кому из них нанести первый разящий удар.

Увидев киммерийца с мечом, бегущий впереди — а это был начальник базарной стражи Гоухар, торопившийся выполнить поручение своего начальника, — замахал руками и негромко спросил:

— Тебя прислал Азатбахт?

Конан кивнул, не спуская с него настороженного взгляда.

Гоухар, довольный, что все прошло хорошо, даже не обратил внимания на того, с кем говорит, и приказал своим людям:

— В повозку его, живо!

Подбежавшие стражники сбросили ношу с плеч на руки и, открыв дверцу, как бревно, пропихнули в повозку длинный кожаный мешок. Варвар, который уже понял, что, а вернее, кто в мешке, нагнулся к уху Гоухара и свистящим шепотом спросил:

— Он не сопротивлялся?

— Где ему! — гордо ответил начальник стражи. — Мой человек надежно его усыпил.

Конан, не говоря ни слова, прошел вперед, прыгнул на козлы и, поддерживая мертвеца, чтобы тот не рухнул, тронул вожжи:

— Пошли!

Лошади резво взяли с места. Повозка, набирая ход, пошла по проулку, оставив позади донельзя довольного собой Гоухара, потиравшего руки от удовольствия, что он как нельзя лучше выполнил поручение. Сам того не зная, киммериец отсрочил на некоторое время его гибель, ибо Азатбахт приказал своим переодетым солдатам прихватить Гоухара с собой, чтобы отправить в подвал, в компанию к старикашке-шпиону. Собственно, его несколько и не волновал вояка-неудачник, он просто гнал повозку подальше от таверны и остановился только один раз, чтобы сбросить в канаву мешавшего ему покойника.

Глава седьмая

Дом Мизры был огромным, красивым и крепким, он стоял за высоким каменным забором, из-за которого с дороги было невозможно разглядеть, что находилось внутри. Проезжающий мимо мог заметить только пышные кроны деревьев, да кое-где проглядывавшую сквозь ветви красную крышу из офирской черепицы. Одним словом, это был не дом, а, скорее, крепость.

Соскочив с козел, слуга постучал в ворота условным стуком, и через некоторое время они со скрипом отворились, пропустив внутрь коляску с визирем. Мусаиб спрыгнул на землю и увидел, что на крыльце дома стоит человек, для встречи с которым он проделал столь долгий путь, — маг и чародей Мизра.

Колдун был осанистым мужчиной среднего роста, как, впрочем, и большинство туранцев. Его квадратное лицо с окладистой бородой и черными, широко расставленными глазами отличалось благообразием и величавостью. Борода и короткие жесткие волосы на голове отливали благородной сединой.

— Рад видеть тебя, почтеннейший, — приветствовал визиря колдун, слегка поклонившись гостю. — Что привело тебя ко мне? Вижу, какие-то сложные дела оставили печать тревоги на твоём челе.

«Он что, мысли читает?» — в очередной раз спросил себя Мусаиб, который никак не мог привыкнуть к этому, хотя знал колдуна далеко не первый год.

— В жизни моей могут произойти серьезные перемены, и я хотел бы получить твой совет, — осторожно ответил визирь.

— Чем слабый колдунишка может помочь столь умному и могущественному мужу? — еще раз поклонился Мизра, пропуская гостя вперед, в большой, освещенный скудным светом двух светильников, зал, вдоль которого по стенам были расставлены всевозможные диковинные вещицы и приспособления для магических обрядов.

Мусаиб в отличие от хозяина был рослым. Когда он входил в зал, ему пришлось даже слегка нагнуть голову, чтобы не удариться о притолоку. Несмотря на свое высокое положение, которое предполагает, как правило, обжорство и, следовательно, некоторую тучность, визирь был невероятно худощавым, а если называть вещи своими именами, попросту тощим. Его роскошные одежды болтались на нем, как на вешалке, и жители Шангары за глаза звали его Костяком. Заложив руки за спину, Мусаиб, как цапля, вышагивал вслед за Мизрой, направляясь к огромному дивану, полукругом завершавшему дальнюю стену зала.

— Что же привело тебя ко мне? — еще раз задал свой вопрос маг, когда они уселись на диван.

— Не знаю, как и сказать, — слегка замялся визирь. Махнув рукой, он начал издалека: — Мы с тобой совместно провернули немало дел, и я всегда высоко ценил твои способности и острый ум.

Колдун склонил голову в знак того, что согласен с такой оценкой собственной персоны. Многие из того, что сейчас лежало в сундуках в дальней комнате этого дома, было платой Мусаиба за его, Мизры, помощь. В городах Турана нередко случалось так, что один фаворит уступал место другому, и сами сатрапы далеко не всегда были уверены, что их место закреплено за ними навечно. Тот, кто еще вчера ездил в сопровождении отряда охранников и часто трапезничал с самим повелителем, завтра мог очутиться в далеком горном селении. А если совсем не повезет, то и в пыточных подвалах или отдельно от своей головы на помойке, в то время как бывшая верхняя часть его тела

будет уныло взирать на прохожих с высокого шеста на городской площади до тех пор, пока воронье, солнце и дожди не отполируют до блеска кости черепа.

Так что изменения никого не удивляли, но требовалось приложить немало усилий, чтобы они происходили, когда и где это было нужно. Вот этой столь важной для Мусаиба стороной и занимался по мере своих сил Мизра с тех самых пор, когда молодой отпрыск знатного замбулийского рода только появился в Шангаре. Они быстро сошлись, начинающий маг и ханский смотритель, и с тех пор работали рука об руку. С того времени в городе произошло множество событий. К некоторым из них как раз и имели отношение способности и ум Мизры, как совершенно справедливо подметил визирь. То сборщик податей правителя вдруг заболел непонятной болезнью и умирал в страшных судорогах, а сатрап Шангары назначал на его должность мало кому известного здесь Мусаиба. Потом неожиданно свалился с коня в пропасть во время охоты ханский казначей, и на его место передвинулся опять все тот же ловкий и еще довольно молодой в ту пору человек.

На каждом месте нынешний великий визирь, как и любой чиновник в здешних местах, себя не забывал, но кое-что — и немало! — отходило скромному чародею, уединенно жившему в горах Ильбарс, вдали от шумного города. Когда же Мусаиб стал визирем у повелителя Шангары, то колдун зажил и вовсе хорошо. Мало у кого из местных вельмож были такой большой дом и роскошный сад с мраморными дорожками, фонтанами и стаей павлинов с радужными хвостами.

— Дело в том, — продолжил свою речь визирь, — что появилась возможность... Я прямо тебе скажу об этом, какие тайны между нами! — усмехнулся он и повторил: — Появилась возможность переехать жить в Замбулу.

— В Замбулу? — скривился Мизра. — В эту пустыню? А что мы там потеряли?

— Нет, ты послушай, — с жаром обратился к нему Мусаиб и рассказал историю о перевороте, которую утром принес ему гонец из Замбулы.

— А ты уверен, что, кроме тебя, больше нет законных наследников? — Теперь пришла очередь усмехнуться колдуну. — Или, скажем так, почти законных претендентов?

— Вроде бы по линии Актер-хана других наследников не осталось.

— Это мы сейчас проверим. — Колдун хлопнул в ладоши и приказал вошедшему слуге: — Никого к нам не пускать.

Когда слуга вышел, он собственноручно задвинул засов на двери и, вытащив кинжал, подошел к визирю:

— Давай левую руку!

— Что ты хочешь делать? — забеспокоился Мусаиб.

— Не бойся, не зарежу, — успокоил визиря маг, быстро провел острием клинка по его предплечью и собрал немного крови в изящную серебряную чашу.

Затем колдун замотал место пореза шелковой тряпкой, подул на нее и снял повязку — кожа визиря была гладкой, не осталось даже небольшого шрама.

— Теперь смотри! — приказал ему чародей, капая несколько капель крови в стеклянный сосуд, стоявший на бронзовом треножнике. Сосуд имел форму шара и был очень большим, туда вполне мог поместиться бочонок вина.

Кровь потекла по внутренней поверхности сферы, и сосуд начал заполняться розоватым дымом, местами стужавшимся в более темные образования, которые напоминали облака.

— Я ничего не вижу, клянусь Эрликом! — воскликнул визирь.

— Не торопись, смотри внимательнее, — ответил колдун.

Темно-красные сгустки начали приобретать очертания людей, которые двигались по внутренней поверхности шара, перебирая ногами, словно мухи.

— Посмотри, может быть, узнаешь кого-нибудь, — предложил ему Мизра.

Визирь придвинулся поближе к сфере и сощурился, пытаясь различить черты лиц этих созданий.

— Вижу! — вдруг радостно закричал он. — Вот он!

— Кто?

— Этот мальчишка, Джунгир-хан... — Визирь осекся. — Значит, он жив?

— Выходит, что так, — спокойно ответил Мизра. — А из остальных никто тебе не знаком?

— Почему я должен знать эти твои привидения?

— Потому что это отражения духов твоих кровных родственников.

— Что, так много? — упавшим голосом спросил Мусаиб.

— Не совсем, положим, — медленно проговорил колдун, — это твои кровники до пятого колена из тех, кто сейчас жив.

— Ну, напугал... — Визирь вытер пот со лба. — Я уж думал...

— Тебя ведь интересуют потомки по мужской линии из рода, к которому принадлежали вы с Актер-ханом?

— Да, да, — радостно закивал визирь, втайне надеясь, что их будет гораздо меньше, чем этих, похожих на муравьев, ползающих по стеклу.

— Для этого надо еще кое-что сделать. — Мизра плеснул в сферу немного жидкости из хрустального флакона.

Внутри сферы закружился вихрь из красноватых фигурок, которые потеряли очертания людей, превращаясь снова в стустки, только теперь они приобрели ярко-фиолетовый цвет. Стустки собрались в один большой шар, он повис в центре стеклянного сосуда, временами внутри него вспыхивали огоньки, они разгорались все ярче и ярче, так что визирь прикрыл глаза от слепящего света, потом пламя уменьшалось, затихая, огни мерцали, как падающие звезды на темном небосводе.

Маг нараспев произнес несколько заклинаний и внезапно, засунув руку в сосуд, выхватил фиолетовый шар, который, словно живой, изменял свою форму, то вытягиваясь в длину, то вновь превращаясь в почти идеальную сферу.

— Протяни руки! — приказал Мизра.

Визирь, как во сне, выполнил приказание, и маг положил ему на ладони колдовской шар. Мусаиб чуть не закричал, когда почувствовал, что студенистое вещество начинает

протекать сквозь сомкнутые ладони и, падая на каменный пол, превращается в стеклянные шарики, которые со звоном начали подскакивать, как будто магическая сила дергала их за невидимую нить. Сначала шариков было много, но потом часть из них с легким звоном испарилась, а остальные все увеличивались и увеличивались в объеме. Мусаиб стоял, расставив руки и боясь пошевелиться, тупо глядя вниз на оставшийся шар, который прекратил свои прыжки и вращался на месте, как будто отдыхая после бешеной скачки.

— Тебе повезло, — словно сквозь туман услышал он голос Мизры, — по линии Актер-хана остался только один родственник. Ты последний после этого мальчика.

— Что же делать? — растерянно спросил визирь, будто сам не продумывал чуть раньше свои действия.

— Пожалуй, ты прав, — услышал он в ответ, — надо готовиться к переезду в Замбулу. Ты станешь там сатрапом, а я буду скромно жить под твоим крылом.

Глава восьмая

У бедившись, что погони за ним нет, киммериец замедлил бег лошадей, чтобы не привлекать излишнего внимания грохотом колес по ночным улицам Шангары. Через некоторое время тенистые аллеи и красивые дома сменились покосившимися заборами и узкими кривыми улочками.

«Ну вот и Гадюшник,— удовлетворенно отметил про себя варвар, пустив лошадей шагом, потому что здесь не долго было угодить в канаву или яму, если не следить внимательно за дорогой.— Надо бы где-нибудь остановиться. Эх, жаль, что я не в Шадизаре!» — посетовал он, пристально оглядывая покосившиеся ограды и низкие убогие строения — лачуги местных босяков.

Конан не напрасно вспомнил милый его сердцу Шадизар. Там, в Пустыньке, каждый его знал. Если не лично, то уж, по крайней мере, все слышали о гиганте-киммерийце, и в любом проулке он мог схорониться так, что никто не смог бы его отыскать. Здесь, в Гадюшнике, он не опасался встретить стражников или солдат, потому что, как и в шадизарской Пустыньке, те не совали нос в это скопище лачуг и сараев, где запросто могли сгинуть без следа. С высоты козел варвар заметил справа от себя неяркий свет. Горел масляный фонарь или факел. Привстав, киммериец попытался определить, как туда можно проехать, и, немного поплутав в паутине проулков, выехал к глиняной ограде с воротами, сквозь щели которых пробивался свет и слыша-

лись голоса людей. Конан спрыгнул с повозки и постучал в ворота. Голоса мгновенно стихли, послышались шаги, в воротах отворилась узкая дверь.

— Кого там демоны несут? — В образовавшуюся щель просунулась нечесаная голова, принадлежавшая невысокому человечку, может быть, даже карлику.

— Нам нужен ночлег на одну ночь,— ответил варвар, согнувшись чуть не до пояса, чтобы оказаться вровень с говорившим.

— Ночлег? — Человечек пошлепал губами и оглядел киммерийца.— А откуда ты взялся, такой длинный?

— Из Киммерии,— ответил варвар.

— Это еще что такое? — любопытствовал карлик.

— Страна на севере, далеко отсюда.

— Забавно...— Губы существа растянулись в подобии улыбки.— Ни разу не слышал...

— В мире есть много вещей, которые нам до поры неизвестны,— буркнул варвар, начинавший терять терпение.— Так тыпустишь нас на ночлег?

— А что я получу взамен, дубина ты киммерийская? — Черные глаза со странноватым блеском уставились на Конана.

— Отдам тебе повозку и лошадей,— сделал широкий жест киммериец, решив не обращать внимания на столь невежливое обращение.

— Небось, все это краденое?

— А тебе-то что от этого, туранская вошь? — усмехнулся варвар.— На них же не написано, чье это. Покупателей найдешь, не сомневайся.

— Туранская вошь, говоришь? — захихикал странный человечек.— Ну ладно, тогда заходи.— Он повозился с засовом, и ворота начали медленно отворяться.

Конан повернул лошадей, и повозка, подпрыгнув на бугорке у въезда, вкатилась во двор. Шагах в пятидесяти от ворот стояло длинное деревянное строение, снаружи больше похожее на хлев для скота, чем на жилище человека: вместо дверей были большие ворота, под самой крышей поблескивала в скудном свете зажженных факел-

лов пара узких окон. Но не дом, а сам двор поразил варвара: почти все пространство было заполнено множеством невысоких человечков, которые сидели на корточках и смотрели на въезжающую повозку такими же блестящими черными глазами, как и у открывшего ворота карлика. Их растрепанные волосы торчали во все стороны, словно иголки ежа.

«Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Что это за люди? И люди ли они, вот в чем дело».

Он оглянулся назад, уже жалея, что сунулся в это логово, но ворота закрылись. Карлики сидели смирно, вполголоса переговариваясь между собой, и, видимо, ожидали, когда заговорит их предводитель. Конан, остановив лошадей, напряженно ждал, что последует дальше.

— Он просит ночлега! — объявил, подняв правую руку, впустивший варвара человечек, и только тут киммериец увидел, что у него всего три пальца, но зато неестественно длинных и с большими загнутыми ногтями.

«Вот вляпался! Кажется, опять какая-нибудь магия... — Варвар приготовился к возможным осложнениям. — Смыться бы отсюда!» Он хотел слезть с повозки, но словно неведомая сила сковала его волю, и он продолжал сидеть не двигаясь.

— Пусть ночует, — равнодушно выдохнула толпа.

— Иди туда! — Карлик указал киммерийцу на сарай.

— Я не один, — ответил Конан, спрыгивая с повозки и направляясь к ее заднему борту.

У варвара исчезло малейшее желание что-либо менять, и он продолжал делать все так, словно ничего странного не происходило. Он открыл дверцу, вытащил оттуда кожаный мешок и положил его на землю. Карлики, поднявшись, маленькими шажками придвинулись к нему и столпились полукругом, безмолвно глядя на мешок блестящими черными глазками. Конан, не обращая на них внимания, вытащил кинжал и распорол мешок по шву. Хафар спал как ни в чем не бывало, посвистывая носом.

— Ух ты! — единодушно вздохнули человечки. — Он возит с собой запасное тело!

— Вы что, спятили? — рассердился варвар. — Это другой человек, шакальи задницы!

— Ха-ха-ха! — покатались со смеху карлики. — Шакальи задницы, — повторяли они друг дружке с таким воодушевлением, будто киммериец сказал им что-то необычайно приятное.

Он взглянул на лежавшего перед ним человека и похолодел. Крохотные монстры были правы: перед ним на земле спал вовсе не Хафар, а он, Конан! Варвар заглянул в повозку, но там больше никого не было.

— Где же Хафар? — растерянно обратился он к карлику.

— Хафар! Хафар! — снова захихикала толпа.

«Кто-то из нас спятил, и, скорее всего, я, — пробормотал про себя Конан и, не представляя, что еще может сделать, поднял своего двойника на руки и понес к сараю. — Ладно, если уж я вступил в этот зверинец, надо идти до конца, а там будь что будет».

Когда киммериец со своей ношей подошел к воротам, те сами собой распахнулись, и он увидел вполне приличное и чистое помещение со стоящим у стены широким топчаном. Небольшой масляный фонарь, прикрепленный к стене, освещал этот зал, в котором больше не было никаких выходов в другие комнаты. Конан перешагнул порог, ворота начали медленно закрываться за ним, а во дворе он услышал нараставший тихий шум, похожий на шелест листвы под порывами ветра. Он бросил взгляд за спину и через узкую щель еще не совсем захлопнувшихся ворот увидел такое, что его длинные волосы поднялись дыбом: повозка, на которой он приехал, раздулась в шар громадных размеров, его поверхность подрагивала, как бы дыша, и лошади, притянутые оглоблями, расплющились по нему, словно вытканые на ковре.

Подойдя к топчану, он бросил тело на подушки и стал бить его по щекам, надеясь, что сейчас человек проснется, он увидит, что это Хафар, и наваждение исчезнет. Его двойник действительно проснулся, сел и тупо уставился на него.

— Хафар!

Рот Лже-Конана открылся, он шевелил губами, словно произнося неслышимые слова.

«Это сон,— догадался киммериец,— сейчас я проснусь, и все будет в порядке!»

Он ущипнул себя за щеку, но ничего не изменилось. Его двойник продолжал что-то горячо говорить, но звуки голоса были не слышны варвару.

«Призрак! — мелькнула мысль. — Эти гаденыши подсушили мне призрака...»

Он толкнул двойника в грудь, но ощутил упругую и сильную плоть и тотчас же почувствовал ответный увесистый удар.

— Ах ты, ублюдок! — Варвар выхватил меч, намереваясь своим коронным ударом слева наискось разрубить пополам это порождение темных сил.

Лже-Конан с быстротой молнии тоже выхватил меч, причем киммериец отметил про себя, что его клинок был таким же длинным и широким, как у него, и отбил удар. Они разошлись по углам зала, напряженно глядя друг на друга и выбирая миг, чтобы нанести разящий удар. Противник раскрыл рот в беззвучном крике и бросился на Конана. Выпад был хорош, но варвар увернулся и сам нанес ответный удар. Мечи, встретившись, высекли снопы искр. Бойцы были достойны друг друга. Они, словно коршуны, кружили по залу, внезапно бросаясь на врага, но атаки отбивались с тем же проворством, с каким наносились удары. Отбивая десятую или двадцатую атаку — варвар уже не мог сосчитать какую — и бросаясь вперед, он вдруг с ужасом понял, что не слышит звона клинков, хотя от тех ударов, которые они наносили, должен был стоять грохот, как в кузнице.

«Великий Кром! Я же бьюсь сам с собой,— догадался Конан.— Эти огрызки хотят, чтобы я убил себя...»

Он остановился и вложил меч в ножны, то же самое сделал его противник.

«Я каким-то образом раздвоился,— хмуро обдумывал свое положение киммериец.— И что же мне теперь делать?»

Лже-Конан стоял в такой же позе и, казалось, был поглощен теми же думами.

«Пес с ним, с этим визирем,— решил варвар,— теперь не до него... — Он поднял глаза на двойника и встретился с таким же напряженным ответным взглядом, от которого по спине побежали мурашки.— Кто же из нас я сам?»

От таких мыслей и у более искушенного в магии человека мозги могли расплавиться, но у варвара было несомненное преимущество перед многими — он был человеком действия.

«Я делаю то же, что и этот, другой,— мелькнула в голове Конана мысль,— значит, нам надо действовать вместе!» И это было единственно верным решением.

Он бросился к воротам и стал дубасить по ним кулаками. Звуков он не слышал, но створки дрожали, как под ударами молота кузнеца, нет, двух кузнецов, потому что двойник с таким же рвением повторял его действия.

— Открывайте, ублюдки! — орал варвар, и стоящий рядом тоже открывал и закрывал свой рот, повторяя его слова.

Створки ворот начали поддаваться, прогибаясь все сильнее и сильнее. Конан навалился на них всем телом, и они рухнули вперед, произведя ужасный грохот и подняв тучи пыли. Варвар, не удержавшись на ногах, вылетел во двор и растянулся на земле. Он поднялся, выплевывая песок изо рта и дико озираясь по сторонам. Ночь прошла, и рассветные лучи уже золотили узкую полоску на востоке, свежий утренний ветерок приятно охлаждал разгоряченное лицо.

«Где же двойник?» — ошарашенно оглядел пустынный двор киммериец.

Рядом с ним не было никого: ни Лже-Конана, ни карликов, которыми был заполнен ночью весь двор. Зато слева от себя он обнаружил небольшой, покосившийся от времени домик, который почему-то не заметил вчера. Дверь со скрипом открылась, оттуда показалась фигура сгорбленной старухи. Кряхтя и протирая заспанные глаза, карга выбра-

лась наружу и заковыляла к киммерийцу, опираясь на клюку.

— Проснулся? — скрипучим голосом спросила она у варвара. — А твой приятель еще дрыхнет, что ли?

Конан смотрел на нее, как на привидение, вспоминая события, происшедшие с ним этой ночью. Он не понимал, что это было, сон или явь... И он ли это вообще был...

— Что вчера произошло со мной, и почему я здесь?

Киммериец вздрогнул, услышав позади себя голос, и мгновенно обернулся.

Великий визирь Замбулы в поношенной одежде, с запятым и слегка опухшим лицом, стоял в проеме сарая, зевая и потягиваясь.

* * *

В который раз уже перстень с золотым павлином ускользает от него! Махтар давно выслеживал этот перстень, еще с тех пор, как он пропал при странных обстоятельствах у эрукийского чародея Дзин Аллала. Магические книги подсказали ему, что эта сабате́йская реликвия покинула Шем и попала в Замбулу, потом следы кольца затерялись, и наконец он снова вышел на него. Осталось немного. Нужно было, чтобы кто-то отправил на Серые Равнины его обладателя, и тогда сокровище окажется у него в руках! Но как могло такое случиться?! Торговец благополучно перешел в иной мир раньше, чем Махтар смог устроить это дело, а перстень опять исчез непонятно куда.

Чародей сидел, задумавшись, над своими волшебными книгами, пытаясь отыскать новые пути, которые могут помочь ему снова напасть на след вождьеленного сокровища.

— Может быть, его ухитрилась стащить старая карга Эноха? — подумал он вслух, но тут же отверг свою догадку. — Вряд ли, ее жалких колдовских сил на такое не хватит, хотя близко подобраться она к нему может. Все же попробую вывести у нее, может, она, по крайней мере, что-нибудь знает.

Перстень позарез был нужен Махтару. В последнее время — он чувствовал это на своей шкуре — в Шангаре появилось слишком много чародеев. Иногда совершая даже обычные обряды, которые раньше давались ему без труда, он натывался на противодействие сил, явно приведенных в действие другими колдунами, причем куда более могущественными, чем он. Задуманное срывалось, приводя мага в бешенство. Ему до смерти надоело потрошить коноводов со своим подельником Бехрузом: денег мало, а хлопот много. Обладая он перстнем, все эти выскочки не смогли бы ему помешать.

Тогда можно было бы творить большие дела, хвала Сабатее! Кольцо с золотым павлином обладало огромной силой, но привести ее в действие могли только несколько магов в мире. У обычных смертных и даже у непосвященных колдунов эта вещь была бы простым украшением. Иной обладатель сокровища и не подозревал, что он носит на пальце. К несчастью для Махтара, он не мог овладеть кольцом, убив его хозяина или купив эту реликвию. По заклятию оно переходило к нему, не теряя своей силы, только в единственном случае: если он снимет его с пальца мертвеца, но убивать его сам не должен. И вот так получилось, что он все подготовил, уже готов был наемный убийца, а кто-то возьми и опереди его! Было отчего рвать на себе волосы...

— Кто это сделал? — в который раз спрашивал он себя, но разве отыщешь обидчика среди тысяч людей, наводнивших Шангару к празднику Эрлика?

Хуже всего было то, что три дня после перемены владельца определить место, где находился перстень, невозможно даже по его магическим книгам. Потом на их страницах будет начертано, что он плывет где-нибудь по морю Вилайет или направляется с караваном в Стигию или, того хуже, в Вендию. Ищи-свищи, выслеживай! Так уже бывало. Колдун чуть не завыл от обиды, когда явился в «Ослиное копыто» и увидел, как два охранника пытаются выломать дверь в покои своего господина. У него сразу неприятно засосало под ложечкой, и предчувствие, увы, не

обмануло колдуна. Перстень Сабатеи исчез. Очухавшийся стражник был настолько парализован пережитым ужасом, что не мог сказать ничего вразумительного. Единственное, что он помнил, — это глаза, холодные синие глаза напавшего на них человека.

«Делать нечего, — решил маг, — придется сходить к этой старой сопле. Может быть, сумею перехватить след еще здесь, в Шангаре, пока не поздно».

Часть вторая ИСПАРАНА

Глава первая

Довольный собой, Гоухар со своими стражниками возвращался в «Туранский сокол», где намеревался отметить свою блестящую победу кружкой вина. Вдруг один из его подчиненных, громко икнув, дрожащим пальцем указал на что-то темное, лежавшее в канаве.

— Чего ты там увидел, сучий хвост? Тебе что, сам Нергал мерещится? — хохотнул его начальник.

Однако, когда они вытащили из канавы труп вооруженного человека, Гоухар мгновенно перестал веселиться, в душе у него что-то противно заныло от недоброго предчувствия, зубы начали выбивать мелкую дрожь, а ладони стали мокрыми и липкими. Мертвеца он прекрасно знал — это был один из подручных Азатбахта.

Перед его глазами возник образ человека, которому он отдал мешок с телом плененного визиря, и Гоухар вдруг с ужасом понял, что раньше никогда его не видел. Он тут же приказал стражникам прочесать ближайшие переулки, но лишь укрепился в своем подозрении: он отдал Хафара неизвестно кому. Три трупа людей его командира могли означать лишь одно: за его голову теперь никто не даст и высохшего таракана. Азатбахт такие промахи не прощал. Никогда и никому. Помертвевший от ледяющего душу страха Гоухар застыл на месте, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Казалось, он окаменел, и лишь вставшие дыбом волосы еще жили своей, отдельной жизнью...

— Как мы сюда попали, бабка? — довольно грубо спросил киммериец, который после событий прошедшей ночи не доверял никому, и даже себе.

— Вы попросились на ночлег, — прошамкала старуха, — я вас и пустила по доброте своей. Ты мне еще обещал хорошо заплатить.

Конан пошарил в кошельке и вытащил пару первых попавшихся монет.

— Хватит?

— Конечно, золотой ты мой! — Старуха неувлимым движением смахнула серебро куда-то в складки своего широкого одеяния. — Может быть, накормить вас? День-то впереди долгий.

— Нет! — решительно отказался варвар.

Он не сомневался, что все случившееся не было сном, а значит, надо быстро убираться отсюда, пока целы.

— Хафар! — окликнул он визиря, все еще потягивавшего после долгого сна. — Пошли, нам пора!

Визирь безропотно двинулся за киммерийцем. Они вышли в проулок и быстро зашагали прочь от подозрительного двора.

— Сейчас найдем тихую харчевню, где-нибудь поблизости от Гадюшника, — предложил варвар, — там и поговорим. Мне кажется, тебе есть что рассказать.

Хафар молча кивнул, еле поспевая за широким шагом Конана. Когда покосившиеся лачуги остались позади и улицы стали приобретать сравнительно ухоженный вид, они заметили вывеску постоялого двора, куда и направились в надежде спокойно посидеть и поговорить. Зал харчевни был почти пуст, не считая двух нищих, которые, видимо, уже выпросили себе по куску лепешки на завтрак и теперь, шаркая босыми ногами, двигались к выходу.

— Чего-нибудь пожевать! — коротко бросил варвар слуге, не рассчитывая в столь ранний час на особые кулинарные изыски.

Они присели с Хафаром в дальний угол, и расторопный подавальщик принес им холодную баранину, лепешки, соус и большой глиняный кувшин с пивом.

— Больше ничего нет, — развел он руками, извиняясь за скудный выбор. — Сами видите, солнце только взошло.

— Сойдет.

Киммериец бросил на стол несколько монет и с аппетитом принялся за мясо. Из-за вчерашних событий он не успел как следует поесть и чувствовал себя голодным, как волк зимой.

— Так что у вас там произошло? — Варвар взглянул на Хафара, так и не притронувшегося к пище.

Хафар сделал пару глотков пива и, вытерев рот рукавом, начал:

— Сам не понимаю, как все получилось. Жизнь текла тихо и спокойно...

— Это в Замбуле-то спокойно? — недоверчиво покосился на него Конан.

Ему вспомнилось, как совсем недавно, каких-нибудь два года назад, он чуть было не отправился на Серые Равнины в этом гнусном городишке. Меч Склоса! Это демоническое порождение колдовской силы и изощренного, злого ума, которое безжалостно убивало свою жертву, и ничто не могло спасти ее. И его повелитель, колдун Зафра, чье честолюбие мешало ему оставаться простым магом. Он сам хотел владеть, и Актер-хан был нужен ему лишь как ступенька к трону, для того чтобы подняться выше всех остальных смертных. Проклятая Замбула — сплошная сеть заговоров, грязной лжи и предательства. Настоящий гадюшник, где ни на кого нельзя положиться, никому нельзя верить, в любое мгновение ожидая, что тебе всадят нож в спину. И эти заговорщики, Балад и вся их братия, ни капли благородства и никакого понятия о справедливости! Спокойно в Замбуле, как же! Только человек, привыкший к придворной жизни и сам похожий на тамошних властителей, мог говорить об этом...

— Я имею в виду, что спокойно было во дворце, — недовольно повел плечом Хафар. — Конечно, и зуагиры, и эти ублюдки из Эрука временами напоминали о себе. Приходилось и отряды в пустыню посылать, чтобы защитить наши караваны. Пару раз твой друг Ахимен-хан участвовал вместе с нами в походах, в общем, помогал неплохо...

— Друг? — усмехнулся варвар. — Ну, раз ты так считаешь...

— Да дело не в этом, — продолжал бывший визирь, — никто из нас и не предполагал, что мерзавец Хамер намеревается захватить трон...

— Какие-то странные вы люди. Не иначе, Нергал наказал вас, высушив мозги, — опять не утерпел киммериец. — Даже я, не так много времени проведя в Замбуле, знаю, что в этом гадком городишке ни на кого нельзя положиться. А что, у Испараны тоже ума не хватило догадаться, что рано или поздно кто-нибудь может позариться на трон Джунгир-хана? Раньше она, вроде, была посообразительнее. Кстати, где сейчас Испарана?

— Ты что, считаешь меня дураком? — скрипнул зубами Хафар, не отвечая на вопрос Конана. — Слава Эрлику, не первый год визирем, и шпионы у меня были... Немало, между прочим... Но все произошло слишком неожиданно, как гром среди ясного неба.

Он налил себе еще пива и залпом осушил кружку, словно у него внезапно пересохло в горле.

— Вообще-то, если бы не твоя Испарана, то хана уже не было бы в живых, — продолжил свой рассказ Хафар. — Правда, и боги были на ее стороне, — поправился он, — когда стрелок из лука промахнулся и не попал в нее. Она сумела раскидать остальных охранников и запереть дверь в покои Джунгир-хана. Потом мы выпрыгнули в окно и успели пробраться в конюшню. Хамер слишком понадеялся на то, что без труда расправится с нами в тронном зале, но он, как видишь, просчитался. Мы вырвались и из дворца, и из города. Испарана держалась не хуже настоящего воина.

— Кто это «мы»? — спросил варвар, нахмурившись.

— Джунгир-хан, я, Испарана, — перечислил визирь. — И человек десять верных слуг, — добавил он.

— И где они сейчас?

— Мы разделились, — пояснил Хафар. — Я отправил их в горное селение неподалеку от Замбулы, а потом мы все тайно перебрались в Кутхемес. Теперь Испарана и Джун-

гир-хан со слугами едут с караваном сюда, а я прибыл раньше, чтобы найти здесь прибежище на время и вообще разведать, что к чему.

— И что вы собираетесь делать дальше? — ковыряя острием кинжала выщербленные доски стола, поинтересовался Конан.

— У молодого хана есть дальний родственник в Хоа-резме, великий визирь тамошнего правителя, — понизив голос, сообщил Хафар. — Попросим помощи у него.

— Хм... — недоверчиво промычал киммериец, — не очень-то я верю в эту ханскую родню, отпрыску Нергала. Знаю я этих родственничков...

— Испарана тоже так сказала, — прошептал визирь, — поэтому они останутся здесь, а я с письмом Джунгир-хана поеду к Мусаibu.

— Сомневаюсь, что ты сможешь выехать из города, — задумчиво протянул варвар. — Ты хоть понял, что с тобой произошло вчера?

— Не совсем, — честно признался Хафар. — Наверное, я отравился какой-то едой в этой пакостной харчевне.

— Чтоб тебя бешеный волк обмочил! — не удержался киммериец. — Тебе подсыпали сонный порошок, и, не заметь я тебя случайно возле «Туранского сокола», ты бы сейчас, скорее всего, был под плетью или висел вниз головой над жаровней в застенке палача.

Визирь поежился:

— Неужели? Ты уверен? Но кому я мог понадобиться здесь? И как меня узнали? Мне казалось, я очень удачно изображал небогатого торговца...

— Откуда мне знать? — пожал плечами Конан. — Хорошо, если тебя уже не ищут по всему городу, Нергал им в зубы!

И киммериец рассказал бывшему визирю правителя Замбулы, что произошло с ними за эту ночь, благо разумно умолчав пока о карликах и о том, как сражался со своим двойником. Пока он говорил, лицо визиря становилось все бледнее и бледнее, и под конец варвар стал опасаться, как бы тот не хлопнулся в обморок.

— Полегче! — Киммериец хлопнул Хафара по плечу. — Не волнуйся ты так, ведь пока тебе удалось выкарабкаться. К тому же не забывай, тебе крупно повезло, что я оказался в Шангаре. Я не могу бросить в беде Испарану и постараюсь помочь вам чем смогу. Давай сделаем так. Тебе надо на денек-другой как следует схорониться, чтобы не попасть в лапы тех, кто тобой заинтересовался. Я же выберусь из города, встречу Испарану и проведу в тот дом, что ты купил. Понимаешь? — Конан с сомнением поглядел на визиря. История, рассказанная им, произвела на замбулийца слишком серьезное впечатление, чтобы он мог взять себя в руки и внимательно следить за его мыслями. — Соберись, почтеннейший, ты же все-таки государственный деятель, а не какой-нибудь погонщик ослов...

— Хозяин! — крикнул варвар. — Комната для моего друга найдется? Он приехал посмотреть на петушинные бои, но устал в дороге и хотел бы отдохнуть.

Подбежавший на крик хозяин ловко принял протянутый ему золотой, и скоро варвар уже шагал по улицам, направляясь к западным воротам, чтобы встретить караван, с которым должны были прибыть Испарана и Джунгирхан. Бледный от пережитого Хафар остался в комнате на постоялом дворе. Перед уходом киммериец строго-настроено предупредил его, чтобы не вздумал высовывать оттуда носа, пока он не вернется.

Глава вторая

Послушай, Эноха, — Махтар начал свой разговор издалека, ибо достаточно хорошо знал старую каргу, — ты когда-нибудь слышала о перстне с золотым павлином?

— Слышала, слышала, драгоценный ты мой, — зашамкала старуха, — уж давно ведь колдую, а на свете живу и того дольше.

— А последний раз давно о нем упоминали?

— Да как тебе сказать... — замаялась Эноха.

Махтар сразу же почувствовал: она знает, что ему нужно. Знает, но старается набить цену, чтобы продать подороже, старая перечница!

— Давай прямо, — твердо сказал он. — Мы с тобой не первый день знакомы, чего нам ходить друг перед другом, как двум козлам перед дракой!

— Это кто козел, я, что ли? — обиделась старуха.

— Да я не в том смысле, — стал оправдываться Махтар, ругая себя на чем свет стоит, что допустил такую промашку. Ведьма была обидчива, как девушка на выданье.

— Вот в том смысле и говори, — поджала губы его собеседница, а в глазах ее вспыхнул злобный огонек.

«Болван, — еще раз выругал себя колдун, — вот так, на ровном месте, и теряешь золотые, если не подумаешь как следует и брякнешь невпопад. Теперь будет просить больше, вонючая ведьма!»

— Я знаю, что ты сегодня видела этот перстень.— Колдун напряженно вглядывался в глаза старой колдуньи.

Он говорил наугад, не зная ничего точно, но кожей чувствуя, что Эноха имеет какое-то отношение к предмету его давних бесплодных поисков.

— Откуда ты знаешь? — Карга подняла на него выцветшие водянистые глаза, в которых даже самый проницательный маг не мог увидеть ничего, кроме алчности и затаенной злобы.

«Дорого, ох, чует мое сердце, дорого мне это обойдется,— тоскливо заскулил про себя Махтар, который тоже не отличался излишней щедростью и был готов удавиться за каждую монету,— но дело все же того стоит».

— Слышал,— в упор глядя на старуху, сказал он.

— Неужели это было так громко? — спросила Эноха.

— Да уж не очень-то и тихо,— процедил сквозь зубы Махтар.

— А что я получу за это? — пропела старуха, не подозревая, что уже слегка продешевила, попавшись на уловку колдуна.

— А сколько ты хочешь? — в тон ей спросил Махтар.

— Пятьдесят золотых меня устроят.— Карга даже расправила сухонькие плечики, называя свою цену.

— Побойся Эрлика, старая! — отпрянул Махтар.

— Ты что, спятил, с чего это вдруг я должна бояться Эрлика? — захихикала колдунья.— У нас с тобой свои боги!

— Да так все говорят здесь, я и привык,— снова принялся оправдываться колдун.— Уж больно много ты запрашиваешь!

— Цена по товару, не так ли? — В голосе Энохи слышались нотки плохо скрываемого торжества.

— Ладно,— махнул рукой чародей,— твоя взяла, чтоб тебя шакал обмочил за твою жадность.

— Покажи,— ничуть не обиделась старуха.

— Вот! — Он протянул ей мешочек.

Старуха высыпала монеты на стол и долго перебирала их своими корявыми пальцами. Удостоверившись, что ее не

надувают, она подняла глаза на Махтара, который чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, и начала:

— Запоминай: высокий, очень высокий и очень мощный человек. У нас таких не встретишь. Черные волосы и синие, яркие синие глаза. Сверкают, что твой сапфир. С ним какой-то приятель, туранец из благородных, если судить по тому, какие у него руки. А этот высокий — настоящий головорез, может быть, бандит, хотя лет ему от силы двадцать.

— Где ты его видела?

— Да прямо здесь,— прошамкала Эноха.— Лакуди пытались забрать у него перстень, но я напустила на них своего зеленого. Наверное, ты как раз и слышал, как эти кроты зарывались обратно в землю.

— Что ты говоришь? — забеспокоился Махтар.— Лакуди? Я думал, что они отстали. Вот не было печали! Что же ты, старая, не взяла перстень? Мне бы продала!

— Рассвет,— коротко пояснила старуха.— Зеленый не выносит даже лунного, а уж тем более солнечного света.

— Ну и помощнички у тебя! — не выдержал Махтар.— С ними далеко не уедешь.

— Так займем своих! — отрезала Эноха, глядя на колдуна слезящимися старческими глазами.— Сам и отнимай, а мне этот перстень, в общем-то, и ни к чему. Мой зелененький гоняет лакуди, если они попадутся ему в Шангаре. За этим я слежу, а вообще, мне и своих забот хватает, не до твоего дурацкого перстня!

— Да,— почесал затылок смертельно обидевшийся, но решивший не показывать этого Махтар,— но как же мне его взять?

— Это уж твоя головная боль,— ехидно прошамкала старуха, пряча деньги.— Мне все равно с этим кольцом не справиться.

— Ну, спасибо, старая,— поклонился Махтар, уже готовый бежать сломя голову на поиски синеглазого гиганта.— Век не забуду!

«Чтоб ты сдохла, старая вешалка! — подумал он про себя.— Пятьдесят монет вытянула, экая дрянь!»

«Где же мне найти этого парня?» — размышлял Махтар, направляясь к таверне своего поделщика Бехруза.

Колдуны тоже не отказываются промочить горло после тяжелой работы, а беседа с хитрой каргой стоила ему не только денег, но и немалого напряжения душевных сил. Он вошел в зал, где слуги убирали со столов после утренней трапезы. В нос сразу же ударил запах пряностей, кислого вина, влажного дерева. Перепрыгнув через лужу воды, которую с большим усердием размазывал по полу вихрастый мальчишка, Махтар направился к стойке, где хозяин с умильным выражением лисьего лица пересчитывал монеты, грудой наваленные на столешнице.

— Ты чего так рано? — громко удивился Бехруз. — Случилось что? — понизив голос, уже тревожно спросил он.

— Дай чего-нибудь выпить! — хрипло попросил Махтар. — Эта старая сука выжала меня, как лимон.

Хозяин нацедил ему кружку офирского, которое держал для избранных гостей. Махтар жадно пил, его кадык под сухой загорелой кожей ходил в такт каждому глотку.

— Еще! — Он поставил кружку на стол, нетерпеливо глядя на Бехруза.

— Ты чего-то не в себе с утра пораньше... — заметил тот, наливая вино. — Кто же тебя так расстроил, светоч туранской магии?

— А, — неопределенно махнул рукой Махтар, — что-то спину ломит. Северный ветер, наверное...

«Так я тебе и поверил, — усмехнулся про себя хозяин кабака, глядя, как его гость присосался к кружке. — Хоть ты и колдун, а на твоём лице только идиот не прочтет, что у тебя есть причины волноваться».

«В тавернах о многом можно узнать, — размышлял в свою очередь маг, — может быть, ему о чем-нибудь известно...»

— Кстати, не заходил сегодня твой приятель, этот цепной базарный пес? — спросил он, утолив наконец свою жажду.

— Гоухар? — почему-то шепотом спросил Бехруз.

— Да, этот шелудивый потомок козла, кто ж еще?

— Думаю, он сейчас далеко отсюда, — прошептал Бехруз. — У нас тут такое ночью случилось... Четверых людей самого Азатбахта кто-то прирезал в переулке, совсем рядом. Как раз на участке бедняги Гоухара. Теперь он бегает по всему городу, разыскивает убийцу.

— Надо же, — зевнул Махтар, — не повезло ему... Но ведь это не в диковину, не в первый раз стражников отправляют на Серые Равнины. Работа у них, знаешь ли, такая. А ты случаем не слыхал ничего про синеглазого парня с черными волосами, очень высокого? — переменял он тему разговора.

— Да тут много всяких приходит, всех не упомнишь, — равнодушно заметил Бехруз, складывая монеты в мешочек. — А зачем он тебе понадобился?

— Нужен, — коротко отрезал маг. — Так, значит, ничего не слышал?

— Постой, — наморщил лоб хозяин, — вроде был у меня вчера такой парень, черноволосый... Точно, глаза у него как сапфиры и холодные... Сверкают, что твой лед. Заказал столько, что пятерым не съесть. Я еще подумал, какой здоровый, хоть и молодой еще совсем.

— Чего ж ты молчишь, лисица поганая! — разозлился Махтар. — Тоже мне друг! Я с тобой тут сколько болтаю, а самого главного ты мне и не сказал!

— Откуда же я знал, что он тебе нужен? — оторопел хозяин. — Сразу бы и спросил, а еще лучше пришел бы вчера.

— Он был с приятелем?

— Нет, вроде бы один...

— Вспомни, шакалья задница, смуглый человек с черной короткой бородой, по всей видимости, из знатных, но переодет в простую одежду. — Маг, с надеждой глядя на Бехруза, перечислил все приметы неизвестного, которые узнал от Энохи.

— Что ты говоришь? — изумился хозяин. — Иди сюда... — Он поманил поделщика в дальний угол таверны.

— Какие еще там секреты? — недовольно спросил колдун, но все же последовал за Бехрузом.

Оглядываясь по сторонам и понизив голос до такой степени, что магу приходилось напрягать слух, хозяин «Туранского сокола» рассказал своему приятелю все, что знал о странном посетителе, не забыв упомянуть, что это именно он заподозрил неладное.

— Ну, Бехруз! — Чародей не мог скрыть охватившей его радости. — Если у меня дело выгорит, лисья морда, я тебя не забуду...

Он выбежал из таверны, оставив Бехруза с открытым от удивления ртом.

Глава третья

Вряд ли меня будут сильно искать, потому что стражник, скорее всего, и не разглядел меня как следует, — размышлял Конан, пробираясь проулками и задними дворами к городской стене. — Но все же через ворота выходить не стоит».

Его решение было совершенно верным, однако киммериец не мог знать того, что в это самое время колдун Махтар беседует с начальником городской стражи Азатбахтом, настоятельно советуя ему разыскать высокого черноволосого юношу с синими глазами. Найдя верзилу, можно схватить и его спутника — чернобородого. Азатбахт слушал Махтара, недовольно хмурия брови.

— Значит, ты хочешь, чтобы этого парня я отдал тебе, правильно? А если я просто верну тебе кольцо, этого что, будет мало? — дослушав рассказ посетителя, спросил начальник стражи.

Махтар, на мгновение задумавшись, ответил:

— Этот вонючий сын мула украл перстень у моей семьи, и я должен сам расправиться с ним. Мне кажется, я заслужил эту награду за те сведения, что изложил тебе.

— Ну хорошо, если поймаю, так и быть, отдам этого воришку тебе, — не стал больше спорить Азатбахт. — Но о нашем разговоре — никому!

Махтар сложил руки в молитвенном поклоне, всем своим видом выражая согласие. Душа чародея ликовала и пела.

До городской стены оставалось совсем недалеко, когда варвар наткнулся на трех стражников. Завидев киммерийца, они бросились к нему, размахивая алебардами и крича во все горло:

— Стой, сын шакала! Стой! Держи его!

Конан осмотрелся по сторонам: слева от него, прямо у городской стены, виднелось длинное строение, похожее на конюшню или скотный двор, перед которым стоял невысокий глиняный забор. Справа по улице шли дома и сады, которые тоже были огорожены глухими изгородями. Варвар оглянулся назад: улица была пустынна до самой площади, но бежать в ту сторону смысла не имело — чем ближе к центру города, тем большей опасности он себя подвергал. Прикинув расстояние до преследователей, он понял: те уже шагах в двадцати. Перелезть через городскую стену он не успеет, даже если стражники замешкаются, преодолевая ограду. Придется принимать бой.

— Вот вам, сыновья помойки! — Конан сделал недвусмысленный жест рукой, который привел охранников в неопределимую ярость. — Возьмите меня, если сможете, погонщика шелудивого верблюда!

С этими словами киммериец с разбегу перемахнул забор, решив схватиться с преследователями во дворе, а не устраивать представление на улице.

«Хоть в городе и праздник, но почему я должен даром их развлекать?» — решил он, оглядывая двор.

Свободного пространства возле здания почти не было: все загромождено повозками и телегами. Кое-где лежали стопки колес и штабеля досок и жердей, а в открытых дверях мастерской застыли два человека, которые с изумлением и страхом вытаращились на киммерийца.

— Чего уставились? — скрипнув зубами, спросил варвар. — Идите открывайте ворота, к вам гости, Нергал им в печень!

Действительно, в тот же миг ворота загрохотали, сотрясаемые ударами тяжелых сапог и древками алебард.

— Открывайте, сучьи дети!

К счастью для варвара, стражники, разозленные его дерзостью, не отправили никого за подмогой. Когда один из мастеровых открыл им ворота, все трое влетели во двор, рассчитывая без труда справиться с одним противником. Они не ведали, несчастные, кого в это утро послала им судьба.

— Хей! — приветствовал их варвар, легкими шагами отступая чуть назад. — Это еще что за шакалы? Вы даже не похожи на туранцев, сыновья гиен! Разве приличная женщина может родить таких бестолковых ублюдков? — издевался он, продолжая увлекать противников в глубину двора.

Разъяренные стражники бросились на него все одновременно, но киммериец толкнул в их сторону повозку, а сам, прыгнув на стоявшую рядом, приготовился отбивать удары. Повозка, к несчастью для стражей, не имела одного колеса, поэтому она не поехала, а просто перевернулась, придавив того, кто бежал впереди. Двое других успели отскочить в разные стороны, но это им не помогло: варвар, оттолкнувшись, как птица, перелетел по воздуху расстояние в два десятка локтей и обрушился на одного из них. Тот попытался подставить алебарду, но Конан так сильно ударил мечом, что в руках у противника остался только огрызок древка. Не давая стражнику опомниться, варвар движением клинка снизу вверх вспорол ему живот. Взвыв, несчастный рухнул на землю, а киммериец, не посмотрев даже в его сторону, бросился ко второму, по пути рубанув клинком по первому стражнику, который с криком выбирался из-под повозки. Удар пришелся по шлему, послышался звон, и бедолага осел на землю, перестав на какое-то время видеть и слышать.

— Что, цыпленок, не обгадился еще? — Киммериец как гора вырос перед последним противником, все еще державшимся на ногах. — Сейчас, подожди немного, — пообещал варвар, отбивая неловкий выпад.

Он подпустил стражника поближе, затем резким движением отвел в сторону его клинок и, сделав шаг вперед, очутился лицом к лицу с противником. Все произошло

слишком быстро для несчастного. В следующий миг он уже летел кубарем, закрывая руками лицо, превратившееся в кровавую кашу, — это пороботал левый кулак варвара. Хотя, судя по всему, его не должна была больше заботить собственная внешность: дернувшись пару раз, он затих, а на припорошенных пылью штанах, как и обещал Конан, расплылось мокрое пятно.

— Ты еще жив? — удивился киммериец, обращаясь к последнему, который, почти не осознавая, что делает, все же пытался, правда без особого успеха, подняться с земли.

Конан не стал марать свое благородное оружие, а просто приподнял телегу и швырнул на стражника. Повозка, как скорлупу, раздавила грудь бедолаги, лишь слабо охнувшего напоследок. Его голова гулко стукнулась о землю, а глаза, сразу ставшие похожими на полустертые оловянные монеты, уставились в небо. Схватка была настолько стремительной, что двое людей, находившихся во дворе, так и не двинулись с места, оцепенев от изумления, страха, а возможно, даже и восхищения.

— Куда? — грозно крикнул варвар, заметив, что они, опомнившись, метнулись к воротам, намереваясь выбежать на улицу. — Стоять, сучьи дети! Стоять, кому я сказал!

Он в два прыжка преодолел расстояние до ворот и одним движением захлопнул довольно-таки тяжелые створки. Обитатели двора рухнули наземь, умоляя варвара пощадить их.

— Да кому вы нужны, охвостье Нергала! — выругался киммериец. — Топайте в свой сарай! Придется чуток там отдохнуть, пока кто-нибудь вас не выпустит.

Загнав их внутрь, варвар задвинул снаружи засов и залез на крышу. Размотав веревку с крюком, он со второй попытки забросил ее на гребень стены и с ловкостью обезьяны вскарабкался наверх. Отсюда был хорошо виден раскинувшийся внизу город, а взглянув в другую сторону, киммериец увидел подступавшие чуть не к самым крепостным стенам лесистые склоны гор Ильбарс, тоненькие ниточки караванных троп, серебром поблескивавшие на солнце ручьи, черепичные крыши отдаленных селений. Он быстро

спустился вниз, сдернул закрепленный крюк и смотал веревку. Оглядевшись, Конан убедился, что никто его не заметил, и быстро зашагал по направлению к западным воротам Шангары. Надо было торопиться, чтобы встретить караван подальше от города.

Как раз в это время на всех въездах в город стояла усиленная стража, и солдаты Азатбахта тщательно проверяли каждого конного и пешего, каждую повозку и каждый тюк: им строго-настрого было велено не выпускать из города высокого черноволосого юношу с синими глазами и мужчину, по виду туранца, с черной бородой. Если среди желающих выйти из Шангары таких, как Конан, не оказалось, то подходящих к описанию Хафара набралось довольно много, к полудню у каждого ворот их скопилось человек по десять-пятнадцать. Они были вынуждены ждать под присмотром стражников, пока не подъезжал на взмыленном коне Гоухар и, взмокший от спешки и страха, не отпускал бедняг восвояси, дав им, разумеется, на прощание по зубам. Должен ведь он был хоть как-то отвести душу!

Киммериец прошел шагов пятьсот по Кутхемесской дороге и присел в тени большого дерева невдалеке от караванного пути. Он меланхолично жевал травинку, приглядываясь к редким путникам, направлявшимся в Шангару. Жители окрестных деревень везли зелень и фрукты для городского рынка, иногда пастухи гнали один-два десятка овец или коз, степенно ступали вычужные лошади или верблюды под присмотром погонщиков с дочерна загоревшими лицами — караваны из дальних стран: Шема, Кофа, а может быть, из Офира или Аргоса. Однако те, кого ожидал Конан, не появлялись. Уже солнце поднялось высоко, утренняя свежесть сменилась полуденным зноем, а он все сидел на том же месте, прислонившись к зеленоватой потрескавшейся коре старого дуба.

Перед мысленным взором варвара кружил рой воспоминаний. Как все-таки боги могут повернуть жизнь человека! Если бы он тогда, в Арэнджуне, не стал обхаживать любовницу префекта стражи Кагуля, то не узнал бы ни про Глаз Эрлика, ни про Испарану. Самый обыкновенный слу-

чай! Спасаясь от стражников Кагуля, киммериец выбрался на крышу и оттуда услышал, как в верхней комнате таверны двое планируют ограбить волшебника Хисарр Зула, у которого находился Глаз Эрлика. Одной из двоих и была Испарана. Варвар, узнав, что навестить чародея они собираются через две ночи, решил опередить их, но не успел, они тоже пришли раньше. Конан убил напарника Испараны, Карамека, но ей удалось ускользнуть, и он отправился в погоню за женщиной и амулетом. Один, в пустыню, с одной-единственной лошадей. Глупец! Но боги позаботились о нем, и варвар не только догнал Испарану, но и подменил настоящий камень на копию, которую дал ему Хисарр Зул. А кроме того, имел глупость влюбиться. Такая женщина! Столь же вероломна, сколь и прекрасна... Как она владела мечом! А броски ее кинжала дважды спасали киммерийцу жизнь. Из-за нее он даже попал в плен к работоторговцам, но сумел не только освободиться сам, но и Испарану вытащил из неволи. Потом они отвезли камень Актер-хану, и после всей суеты с заговором Балада, убийством правителя и воздвижением на трон юного Джунгира Конан не остался в Замбуле. Они распрощались с Испараной, как он тогда думал, навсегда. Однако судьба повернулась так, что вот он сидит здесь и ждет встречи с этой женщиной, которую так и не смог забыть.

Варвар уже начал терять терпение, когда наконец вдали показалась группа всадников и несколько навьюченных лошадей. Впереди скакали около десятка вооруженных копьями и луками туранских конников. Варвар узнал их по низкорослым гирканским лошадам и характерной посадке седоков с опущенными поводьями и свободно болтающимися руками. Туранские всадники, больше половины которых были гирканцами, чувствовали себя на лошади лучше, чем некоторые на своих двух ногах. О них говорили так: «Рождаются на коне, проводят на нем жизнь и умирают в седле». Конан по себе знал, как трудно победить этих воинов, которые словно приросли к спине своего коня. Они свободно стреляли из лука на полном скаку, отлично действовали копьем и мечом, и выбить их из седла было

далеко не простым делом даже для него. Этих лихих наездников часто брали служить в охрану многие вельможи не только в Туране, но и в соседних странах: Заморе, Кофе и Офире, да и дальше на западе можно было встретить черноволосых и скуластых воинов на мохнатых невысоких лошадях.

«Это те, кого я жду». Варвар поднялся на ноги и не спеша побрел к дороге.

Когда всадники подъехали ближе, стало ясно, что среди них находилось несколько женщин. Одна из них, в белой блузе и широких шароварах-сирваль золотистого цвета, с гривой вьющихся черных волос, была хорошо знакома киммерийцу. Испарана.

Глава четвертая

Конан встал на пути кавалькады и поднял руку.
— Что тебе надо? — крикнул едущий впереди всадник, хватаясь за рукоять меча. Его белые зубы блеснули в недоброй усмешке.

— Меня прислал Хафар, — ответил варвар, придерживая его лошадь. — Где Джунгир-хан?

— Хафар нам ничего не говорил о тебе, — недоверчиво взглянул на него всадник. — Чем ты докажешь, что ты от него?

— Тогда я поговорю с Испараной. — У киммерийца и вправду не было ничего такого, что могло бы доказать солдату его связь с бывшим визирем Замбулы.

Постепенно подъехали все остальные. Всадники собрались позади своего предводителя. В этой толпе не так-то просто оказалось разглядеть, где Испарана. Туранец медлил, не зная, как поступить. Тогда киммериец, повернувшись к всадникам, громко крикнул:

— Испарана!

— Боги! — раздался из толпы знакомый голос, и, раздвигая лошадей, вперед выехала всадница в белой блузе. — Конан?! — воскликнула она, изумленно глядя на него и не веря своим глазам.

— Я что, так сильно изменился? — Варвар подошел к ней и протянул руки.

Женщина спрыгнула с коня, и киммериец крепко прижал ее к себе на виду у столпившихся всадников. Они не

встречались с того времени, как Конан покинул Замбулу, но прошедшие годы ничуть не отразились на красоте гордой замбулийки. Да что там, варвару она показалась даже прелестнее, чем была раньше! Вот что значит жизнь во дворце! Конан сделал шаг назад, чтобы разглядеть ее получше.

— Испарана! Какая же ты женщина, Испарана! — повторял в упоении киммериец. Он не ожидал, что будет настолько рад этой встрече.

— Конан! Как получилось, что мы вновь встретились?

Варвар коротко рассказал Испаране о последних событиях. Она покачала головой:

— Ты уверен, что кто-то неспроста следил за Хафаром?

— Неспроста! — передразнил ее киммериец. — Ты лучше подумай, нет ли здесь в Шангаре кого-нибудь, кто питает особый интерес к вашей занюханной Замбуле.

— Нет, — покачала головой Испарана. — Я в курсе всех дел, но ничего такого не знаю. Это какая-то ошибка.

— Ошибка! — фыркнул варвар. — Я даже не могу поклясться Кромом, что мы увидим твоего друга Хафара, когда вернемся в город.

— Что же нам делать?

— Отпускай охрану, она только привлечет к вам ненужное внимание, и едем в Шангару. Твой визирь снял вам дом, вы с Джунгир-ханом поживете пока там, а я за это время сгоняю в Хоарезм. — Однако, увидев, что Испарана слегка нахмурилась, Конан, чуть подумав, добавил: — Или пусть Хафар поедет. Если его еще не снапали, конечно.

Женщина повернулась к командиру своих охранников:

— Встаньте в каком-нибудь в селе, в горах, и дайте мне знать. Нет! — поправила она. — Пришлешь человека для связи.

Туранцы отсалютовали Джунгир-хану и развернулись, чтобы тронуться в обратный путь. Киммериец вскочил на запасную лошадь и, обмотав голову полосатой чалмой, поехал вместе с Испараной, Джунгир-ханом и десятком слуг к западным воротам Шангары. Заплатив дань, они спокойно въехали в город. На человека в чалме никто и внимания не обратил — мало ли какие слуги у богатой семьи,

приехавшей в Шангару на праздник? Стражникам было приказано не выпускать из города высокого черноволосого варвара с синими глазами, а о том, что кого-то нельзя впускать, речи не было.

Дом, выбранный Хафаром, оказался в тихом месте, недалеко от квартала местной знати. Тенистый сад и высокий забор скрывали происходящее внутри от излишне любопытных взглядов.

— Хм-м,— протянул варвар,— я сам бы был не против пожить здесь пару лун.— Он подмигнул Испаране.— А как насчет тебя? Ты бы не возражала?

— Ты все такой же, Конан! — усмехнулась женщина, но в ее бархатных карих глазах киммериец прочитал именно то, что ему хотелось...

— Ночью приду! — коротко бросил он.— А до того я должен препроводить сюда вашего визиря.

* * *

— Ты все рассказал? — Азатбахт смотрел на Хафара взглядом удава, который собирается проглотить дрожащую мышь.

— Клянусь Эрликом и его пророком Таримом! — Визирь сложил руки в молитвенном жесте.

— Хорошо, я тебе верю.— Азатбахт, довольный, что все сложилось, как он задумал, теперь решал, какую выгоду он может извлечь из всего, что узнал.— Подожди...

У Хафара были веские основания считать себя счастливым, потому что все могло кончиться для него гораздо более плачевно. Киммериец долго не появлялся, и бывший визирь, не вняв предостережениям, отправился ему навстречу. Не успел Хафар пройти и двух кварталов, как был схвачен стражниками, после чего брошен в подземелье, где, дрожа от ужаса и проклиная себя за глупость, сидел, тоскливо ожидая, когда его вздернут на перекладину и безжалостный бич вопьется в тело. Что произойдет именно так, у визиря сомнений не было, потому что сам он не раз добывал таким образом нужные ему сведения. Однако палач не понадобился, потому что начальник стражи Шангары

оказался доброжелательным и понимающим человеком и поверил всему, что рассказал ему Хафар. Правда, бывший визирь Замбулы должен был догадаться, что казавшийся ласковым Азатбахт мог уже узнать о перевороте от кого-нибудь другого и теперь просто хочет использовать его или получить мзду за освобождение. Однако пережитый испуг почти лишил разума мудрого Хафара, и он смотрел на развалившегося в кресле Азатбахта как на своего друга.

— Я позабочусь о том, чтобы враги Джунгир-хана не добрались до вас, но, сам понимаешь, это непросто...

— Мы будем счастливы находиться под столь надежной опекой,— обрадованно подхватил Хафар,— и не поскупимся...

— Вот и хорошо,— продолжал начальник стражи,— а этого парня, как его?..

— Конан,— с готовностью подсказал визирь.

— Угу,— кивнул Азатбахт.— Так вот, я дам тебе порошок, подсынешь ему сегодня в вино. Когда он заснет, известишь моих людей.

— Исполню,— наклонил голову Хафар.

Ему было слегка не по себе, что он предает киммерийца. Но, в конце концов, кто ему этот варвар — друг, брат?.. Это Испарана не могла его забыть, хоть и старалась не показывать этого, а он как был визирем при Актер-хане, так и остался на этой должности при его сыне. Нет, Конаном для своего спасения он запросто мог пожертвовать. Что ж поделаешь, коли так сложились обстоятельства?

— Я дам тебе коляску с охраной, они отвезут тебя на место,— кивнул Азатбахт на прощание.— Но помни, я вас отсюда не выпущу, пока у меня в руках не будет этого варвара...

* * *

Когда киммериец тихонько постучал в комнату, где он оставил Хафара, ему никто не ответил. Конан постучал сильнее, но за дверью по-прежнему было тихо.

«Что-то произошло,— подумал киммериец,— вот бы разузнать, что именно...»

Он спустился вниз и, найдя хозяина, расспросил его о постояльце.

— Расплатился и ушел сразу после полудня, — ответил хозяин, с некоторым страхом подняв глаза на варвара, который возвышался над ним, будто конный над пешим.

— Смотри у меня, — пригрозил киммериец, — если обманываешь, из-под земли достану, клянусь Кромом! Помнишь хоть, в какую сторону он ушел?

— Клянусь Эрликом, не видел, — испуганно заскулил хозяин.

— А, чтоб тебя, шакалья задница! — вместо прощания выругался варвар.

«Демоны разорви этих замбулийцев! — Конан сам бы с наслаждением разорвал визиря на части, если бы он только попался сейчас ему в руки. — Никогда на них нельзя положиться. Мало его Испарана в свое время изводила своим упрямством... И где мне теперь искать этого идиота?»

Киммериец отошел от постоянного двора на пару кварталов, размышляя над тем, что предпринять. Если Хафар попался в лапы к стражникам, он наверняка выдаст место, где находятся Джунгир-хан и Испарана. Он не так уж много общался с визирем во время своего прошлого визита в Замбулу, но успел узнать его достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в этом. Значит, надо как можно скорее бежать туда, если, конечно, уже не поздно... Варвар прибавил шагу, кляня про себя на чем свет стоит придурка-визиря. Он решил не появляться у главного входа дома, а обойти сад с тыльной стороны. Мало ли что произошло, не следует подставлять свою голову понапрасну.

На город спустился вечер, и глаза уже плохо различали предметы, находившиеся вдали. Даже листва деревьев казалась гуще, чем была на самом деле. Скоро все вокруг черным саваном укроет ночная темень, и только под пятнами редких фонарей можно будет рассмотреть лицо встречного. Киммерийца темнота устраивала как нельзя лучше, он по-прежнему старался выбирать узенькие боковые улочки, подозревая, что за ним, вероятно, ведется охота. Подойдя к задней стороне обширного сада, который обнимал невы-

сокий, но широко распластавшийся среди деревьев дом под новенькой блестящей крышей, варвар подтянулся на руках и заглянул внутрь.

В саду было сумеречно и тихо, лишь в дальнем от него конце, у самого дома, он заметил свет факелов и тени передвигавшихся людей.

«Похоже, я не опоздал, благодарение Митре, — подумал Конан, перемахивая через ограду. — Подойду поближе и взгляну на всякий случай, как там дела».

Он уже двинулся бесшумным упругим шагом по направлению к огням, как вдруг почувствовал, что земля под его ногами начала подрагивать и выгибаться, словно спина верблюда.

«Великий Кром! Что же это?» — Киммериец почувствовал, как проваливается в какую-то воронку, неожиданно образовавшуюся под ногами.

Вокруг на склонах ямы прямо из-под земли начали появляться уже знакомые ему трехпалые карлики с черными встрепанными головами и пронзительными писклявыми голосами.

— Шакалья задницы! Шакалья задницы! — перекликались они, подпрыгивая на короточках и веселясь непонятно отчего.

«Опять эти полудурки, — вспомнил варвар полчища этих существ, устроивших ему совсем недавно такой веселый ночлег. — Нергал мне в печень, что им от меня нужно?»

Конан услышал нарастающий звук, похожий на жужжание тысячи пчел. Он становился все сильнее и сильнее, и через мгновение слух киммерийца перестал различать какие-либо звуки извне, только давящий на мозги неумолчный гул, способный свести с ума. Тело варвара словно потеряло свой вес и стало приподниматься над поверхностью, потом поплыло вправо. Откуда-то возникло непонятное сумеречное свечение, заполнившее, как туман, все вокруг. Он снова, как и в ту ночь, с ужасом, от которого кровь леденела в жилах, увидел, что в нескольких шагах от него на противоположном склоне воронки появился его двойник, сумрачно глядевший на него пронзительными синими глазами.

«Этим меня не возьмешь, Нергалово племя,— усмехнулся он, не предпринимая пока никаких действий и глядя на Лже-Конана с легкой усмешкой,— в этот раз я не подниму меч на себя самого».

Однако принять какое-то решение еще вовсе не означает так и поступить. Рука варвара сама собой потянулась к мечу, и он увидел, что его двойник делает то же самое. Киммерийца обуял гнев. Он не мог смириться с тем, что какая-то тень, пустая оболочка, пусть даже столь похожая на него, пытается выдавать себя за живого человека. И хотя где-то глубоко внутри все еще теплилась мысль, что нельзя драться с самим собой, ноги сами сделали шаг вперед. Противники закружили друг против друга, выбирая подходящий миг для удара, совсем как в прошлый раз.

Но вдруг произошло что-то непонятное, как будто подул слабый ветер, который тем не менее все изменил. Киммериец остановился и поглядел на своего противника спокойно и без гнева. Странные существа снова запрыгали вокруг, как курицы, подбирающие зерна на птичьем дворе. Они размахивали трехпалыми конечностями с длинными когтями и казались обескураженными тем, что Конан ничего не предпринимает. По их рядам пробежал легкий ропот, но варвар не слышал звуков, а видел только шлепающие толстые губы. Внезапно их лица исказились страхом. Киммериец проследил за их взглядами и увидел, как в центре ямы выступает что-то зеленое, бесформенное, напоминающее купол погребенного в земле храма.

Роняя комья земли со своей скользкой, покрытой слизью поверхности, купол все больше и больше вылезал наружу, на глазах вырастая в нечто, напоминающее гигантский гриб.

«Боги! — Варвар не мог оторвать глаз от жуткого монстра, выползающего из ямы.— Это еще что?»

Из ножки зеленоватого гриба начали вытягиваться в разные стороны, словно растущие ветви дерева, длинные щупальца. Их было много, наверное не меньше десятка. На концах щупалец проступили утолщения величиной с баранью голову. Эти утолщения оканчивались воронкооб-

разными губами, которые раскрывались и закрывались подобно пасти удава. Монстр, поводя глазами, протягивал щупальца к трехпалым и, смачно чавкая, присасывался к их головам. Три-четыре карлика, одновременно схваченные чудовищем, взлетали в воздух, болтая ногами, словно лягушки, вытасканные цаплей из болотной жижи. Затем следовало быстрое, почти неуловимое, движение щупальца, и карлик по самую голову уходил в землю. Конан отошел чуть подальше. Зеленый монстр продолжал вбивать дергавшихся трехпалых в землю, размеренно двигая глазами и щупальцами, словно вышивальщица, которая втыкает иголку в ткань, чтобы сделать очередной стежок.

Трехпалые существа метались, норовя выскочить из-под шляпки страшного гриба. Они собрались в толпу, образовав кольцо, и вытянули к чудовищу свои руки-лапы. Снова неясный гул возник в ушах киммерийца, как будто кто-то ворочал внутри его головы чем-то тяжелым, раскалывая мозг. Он, с трудом переставляя ноги, отступил на несколько шагов назад, отодвигаясь от круга трехпалых. На когтях вытянутых лап карликов возникло синеватое сияние, которое поднималось вверх, словно языки пламени, распадалось на части и вновь замыкалось в кольцо, постепенно окружавшее гигантский гриб.

Конан, онемев и словно потеряв способность двигаться, стоял чуть в стороне и наблюдал, как карлики погружались все глубже и глубже в землю. Постепенно его слух вновь стал воспринимать звуки, и он услышал легкое потрескивание, как будто рядом горел костер. Но он не видел ничего, кроме исчезающих под землей карликов и гигантского гриба, который каждое мгновение изменял очертания, оставляя при этом постоянным свой зеленовато-бурый цвет.

«Сейчас монстр закончит с трехпалыми и примется за меня!» — мелькнула мысль в мозгу варвара, но он не мог даже пошевелить рукой или ногой.

Однако чудовищный гриб, казалось, даже не заметил Конана и его двойника, так же, как и киммериец, замершего без движения. Монстра интересовали только карлики. Он сосредоточенно изгонял лакуди с лица земли. Когда от

них не осталось ничего, кроме легкого сияния, кольцом окружавшего поляну, шляпка гриба начала заворачиваться внутрь, будто хотела окутать ножку подобием гигантского толстого плаща. Еще несколько мгновений, и вместо гриба перед глазами киммерийца уже был огромный шар, который начал надуваться, словно бычий пузырь. По его поверхности побежали яркие точки, напоминавшие звезды на темном небе, и вдруг сфера лопнула, разлетевшись на тысячи прозрачных осколков. Словно вихрь подхватил Конана и отбросил на несколько шагов назад, швырнув на ствол старого дерева. Удар оказался настолько сильным, что варвар потерял сознание.

Глава пятая

Когда Конан очнулся, то не мог сразу сообразить, что с ним произошло и долго ли он пролежал на прохладной влажной траве. Он поднял голову. Небо было усыпано яркими звездами, полная луна стояла высоко в небе, оставляя на земле причудливые тени деревьев.

«Уже за полночь, — ощупывая спину и плечи, решил варвар. Шершавый и крепкий ствол карагача, на который его швырнуло, был тверже камня. — Нергал мне в кишки, уже второй раз эти трехпалые... Явно попал в чью-то магическую сеть. Если бы еще знать, чего им всем надо от меня?» — размышлял он, поднимаясь на ноги.

Он огляделся по сторонам. Ничего вокруг не напоминало о случившемся совсем недавно. Киммериец даже опустился на колени и прополз несколько шагов, пытаясь найти хоть какие-то следы, но тщетно: трава была ровной и непримятой, словно тут никогда и не выросал гигантский гриб.

«Это не могло мне присниться, — решил варвар, — тем более что мой двойник так же исчез, как и тогда. Все почти повторилось, только в тот раз не было гриба. Нет, постой, — перебил он себя, — может, он и был во дворе, а я его просто не видел...»

Он повернулся туда, где вечером горели факелы. Сейчас там было темно, и лишь дом выделялся в лунном свете белизной своих стен.

«Ладно, хрен с ними, с этими монстрами! — Конан поднялся на ноги. — Потом решу, как с ними разобратся.

Сейчас надо узнать, все ли в порядке с Испараной и Джунгир-ханом».

Киммериец, мягко ступая, двинулся по направлению к дому, где расположились беглецы из Замбулы. Охраны в саду не было: видимо, решили довериться ставням и крепким запорам. Варвар, не подходя к самому дому, обошел его вокруг и приблизился к въезду в сад. За коваными прутьями ворот он различил мелькнувшую тень и застыл на месте, весь обратившись в слух. Из-за ворот донеслось позвякивание железа, через некоторое время снова мелькнула тень, и варвар увидел двух стражников с алебардами, которые прохаживались у ворот.

«Это уже интересно! — чуть не присвистнул Конан. — Теперь их охраняет шангарская стража. — Он присел на корточки и глубоко задумался. — Что бы это могло значить?»

А подумать было о чем. Если стража Шангары охраняет Джунгир-хана, то, скорее всего, Хафар все рассказал кому-то из местных. Тогда не исключено, что ему, Конану, в этой компании места уже нет.

Киммериец вернулся к зданию и отыскал окно, за которым должна была находиться спальня Испараны. Он не мог ошибиться, потому что днем хорошо запомнил расположение комнат в доме. Так, первое, второе, третье окно — должно быть, здесь. Варвар просунул кинжал в щель между деревянными ставнями и пошевелил лезвием. Крак! Защелка приподнялась, и он тихонько растворил ставни. Решеток на окнах, к счастью, не было, а рамы никто не закрывал, так как ночь была очень душной.

«Ну что ж, хоть здесь повезло!» Конан осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, перелез через подоконник и очутился в просторной комнате, убранной без особых изысков: два дивана, сундук, столик с зеркалом и в углу большое ложе, занавешенное прозрачной тканью. Киммериец прикрыл ставни и немного подождал, давая глазам привыкнуть к полумраку. Лунный свет скупо освещал комнату сквозь щели в ставнях, но варвар видел в темноте не хуже кошки. Мягкими шагами он подошел к ложу и раздвинул полог.

Испарана! Она спала совершенно обнаженной, сбросив с себя покрывало. Зрелище, открывшееся Конану, было способно и мертвого поднять из могилы. Женщина лежала на спине, раскинув руки, и киммериец некоторое время просто смотрел на эту необыкновенную красоту, не в силах даже шевельнуться, словно его сковали неведомые силы, точно так же, как совсем недавно магия трехпалых карликов.

Словно почувствовав, что за ней наблюдают, Испарана пошевелилась и перевернулась на бок, и ее густые вьющиеся волосы черной волной упали на точеную шею. Движением руки она убрала их за спину и вновь ровно задышала в крепком безмятежном сне.

«Однако, — подумал варвар, — такие события вокруг, а она спит, как младенец...»

Не в силах больше бороться со своими желаниями, киммериец сбросил одежду и, как ящерица, легко скользнул на ложе рядом с Испараной.

— Испарана! — прошептал он ей на ухо, обнимая теплое расслабленное тело.

— А-а-а, ах!.. — простонала женщина, еще находясь во власти окутавшего ее сна, но непроизвольно потянувшись всем телом к варвару.

Конан сжал ее в объятиях. Испарана вздрогнула и, проснувшись, дернулась в его руках, пытаясь вырваться. Глаза ее открылись, и она несколько мгновений, ничего не понимая, глядела на киммерийца. Потом рот женщины открылся, и крик уже был готов сорваться с губ.

— Тихо, — слегка прикрывая ей рот ладонью, прошептал варвар, — это я, Конан. Ты что, опять не узнала меня? — Он нежно, но крепко обнимал ее, так что женщина не могла даже пошевелиться. — Это я, — повторил он, вглядываясь в ее глаза, которые в ночном полумраке казались совсем черными, как угли.

— Конан! — выдохнула Испарана, окончательно пробудившись от сна. — Пусти! — Она попыталась отодвинуться от него. — Какой ты быстрый! Разве мы договаривались об этом? Может быть, я не хочу!

— Даже если и не договаривались,— со смешком отпаривал киммериец,— мы можем это сделать сейчас. А заодно ты успеешь как следует разобраться, хочешь ты этого или нет.

— Дикое животное! Варвар! — сквозь зубы прошипела женщина, но в голосе, произносившем грубые слова, киммериец уже различил знакомые нотки, которые ясно говорили ему о том, что их желания сейчас совпадают.

— Ты права, я варвар! Дикий и необузданный! Но в свое время, помнится, ты не имела ничего против... — прошептал он, опрокидывая ее на спину и покрывая поцелуями пухлые чувственные губы, ямочку на подбородке и все прекрасное стройное тело молодой женщины.

* * *

За окном уже забрезжил рассвет, а двое все еще были не в силах оторваться друг от друга.

— Конан! — первой опомнилась Испарана. — Уже утро, сейчас все начнут подниматься.

— Еще совсем рано,— возразил киммериец, не выпуская ее из объятий,— у нас уйма времени.

— Нет, пусть!

Она села на постели, поджав под себя ноги, и варвар залюбовался совершенными очертаниями ее стройного пышногрудого тела на фоне пробивающихся сквозь ставни розовых лучей.

— Какая ты женщина, Испарана! — восхищенно шепнул он, поглаживая ее округлые икры и точеную выпуклость бедер.

— Какой ты мужчина, Конан! — усмехнулась она. — Теперь я, пожалуй, уже не могу сказать: «Каким ты будешь мужчиной», ты стал им, варвар! Только ты забыл, что я терпеть не могу, когда ты называешь меня так!

— Но это же было так давно,— улыбнулся киммериец,— теперь ты переменила свое мнение, я уверен.

— Переменила, не переменила,— передразнила его Испарана. — Тебе угрожает смертельная опасность, вот о чем в первую очередь надо думать своей варварской головой! — Она посмотрела на него взглядом, в котором он прочитал

нежность и беспокойство. — Надо свою шкуру спасать, а ты разлгся тут, словно хан в своих покоях.

— Что-то вроде этого,— с удовольствием потянулся киммериец,— с тобой в самом деле чувствуешь себя уж не меньше чем ханом.

— Ты будешь когда-нибудь серьезным, мальчишка? — всплеснула она руками. — Послушай меня хоть сейчас!

— Но раньше же у нас не было времени,— взяв ее за руку, ответил киммериец. Ему очень хотелось продолжить занятие, которому они предавались всю ночь, но по лицу Испараны варвар понял, что дело действительно серьезное. — Говори,— вздохнул он с сожалением.

— Хафар все рассказал о наших замыслах начальнику шангарской стражи Азатбахту, и тот обещал нас охранять и оказывать помощь...

— Ну и славно,— перебил ее варвар,— у вас будет меньше забот. Так в чем же беда?

— А в том,— сверкнула глазами Испарана,— что за это Хафар пообещал выдать им тебя! Вчера вечером он приезжал сюда и был очень раздосадован, что ты так и не появился. Тебя ищут по всему городу!

— В какое время он приезжал? — наморщил лоб варвар. — Я что-то ничего не заметил.

— Когда опустился туман...

— Какой туман? Разве вечером был туман?

— Куда же ты, интересно, смотрел? — удивилась Испарана. — Вчера вечером город накрыл такой туман, что за пять шагов ничего не было видно!

— Хм-м! — протянул варвар, — Наверное, только в ваших кварталах он и был, а я ничего не заметил.

— Ну ладно,— махнула рукой Испарана,— не в этом дело. Азатбахт клялся Вечноживым Таримом, что не выпустит нас отсюда, пока не поймает тебя!

— Да пусть хоть Эрликом клянется! — усмехнулся варвар. — Так он меня и взял, шангарская блевотина!

— Понимаешь,— Испарана скрестила руки на груди,— у нас нет выхода. Мы должны попасть в Хоарезм, ты же знаешь, там у Джунгир-хана родственник, а так...

Глава первая

— Охвостье Нергала! — выругался киммериец. — Ты что, забыла про меня? Я доберусь туда, только скажи, к кому мне обратиться. Потом и вас вытащу. Не впервой такие дела проворачивать, — не удержался он, чтобы немного не похвалиться.

— Надо подумать.

Испарана встала и сделала несколько шагов к окну, потом вернулась обратно. Варвар, не отрываясь, глядел на нее, потому что женщина так ничего и не накинула на себя и точенные линии ее тела, словно высеченные рукой божественного мастера, были несказанно прекрасны.

— Какая ты...

— Одевайся! — приняла наконец решение Испарана. — Пока раннее утро, постарайся незаметно выбраться из города. Помнишь, где мы встретились вчера?

— Обижаешь, — фыркнул киммериец, — я еще не старик, и с памятью у меня хорошо.

— Да, не старик, — улыбнулась Испарана, набрасывая на себя легкий халат, — это я знаю. Даже слишком не старик... Так вот, — продолжила она, — мои всадники остановились в селении чуть подальше на север от этого места. Доберешься туда, они дадут тебе коня, и поезжай в Хоарезм, к великому визирю тамошнего сатрапа. Его имя Мусаиб. Расскажи ему все, что знаешь. Он должен помочь.

— Ну и ну, — присвистнул киммериец. — Большой человек... А если он не поверит мне?

— Поверит. — Испарана подошла к столику и из стоящего там ларца вытащила какой-то предмет. — Вот. — Она протянула киммерийцу белый платок, на котором был вышит ханский вензель. — Покажешь ему это.

— Жди! — Конан мгновенно облачился в свои одежды, подтянул пояс с мечом и кинжалом. — Дня через три-четыре вернусь либо пришлю гонца. Только не говори ничего Хафару. Если он продал меня, то и вас продаст, клянусь Кромом! Такой уж у вас в Замбуле народишко!

Он крепко прижал к себе Испарану и тихо, как привидение, выскользнул в окно.

Конь, осторожно выбирая, куда ступить, медленно спулся вниз по каменной осыпи. Конан держался за повод, направляя коня по узкой, еле заметной тропе, петлявшей по склону горы. Чтобы сократить путь и не встречаться с дозорами, он решил перебраться через перевал по пешей дороге.

Теперь киммериец уже жалел об этом. Конь шел с таким трудом, что вряд ли, несмотря на все мучения, удастся выиграть хоть какое-то время. Скорее, наоборот. Варвар приложил ладонь к глазам, глядя вниз на расстилавшуюся под ним долину. Так и есть! Две арбы, которые тащили небольшие, но сильные и упрямые мулы, уже показались из-за поворота и, наверное, достигнут моста через бурную реку, с шумом прыгающую по каменным порогам, даже быстрее, чем он. А ведь когда Конан выехал из горного селения, они были лишь чуть-чуть, шагов на триста, впереди него.

Расставшись с Испараной, он благополучно перелез через городскую стену и, не привлекая ничего внимания, бегом направился в селение, в котором стоял отряд туранских всадников Джунгир-хана. Командир дал ему крепкого коня, немного пищи в дорогу, и варвар не мешкая направился в сторону Хоарезма. Можно было добраться до цели по ровной широкой дороге, которая шла от Шангары по берегу моря Вилайет, но киммериец выбрал путь через горы.

Когда он наконец спустился с перевала, то у самого моста нагнал две арбы, которые видел с высоты. На передней сидел мужчина средних лет в коричневом кафтане поверх неопределенного цвета рубахи, а второй арбой правила женщина. Конан не мог определить ее возраст, поскольку она была одета в длинную белую накидку с наполовину закрывавшим лицо капюшоном.

— Эй! Поберегись! — Варвар направил коня чуть левее, чтобы обогнать маленький караван.

Возница попридержал повозку, и киммериец, кивнув ему в знак приветствия, направил коня по дороге, спускавшейся вдоль порожистой речки. Далеко впереди горы разбегались в стороны, долина становилась шире, и река разливалась большой заводью, похожей на ровное и спокойное озеро. Однако еще дальше чуткое ухо варвара уловило шум большого водопада. Растительность, которая в этом месте состояла из невысоких кустарников, дальше, у самого разлива, уступала место тенистым деревьям и лужайкам с зеленой травой. Полянка с густыми высокими смоквами и чинарами выделялась ярким изумрудным пятном среди желтоватой скудной поросли горных склонов.

«Вот и хорошо, — решил варвар, — здесь сделаю привал. Напою коня, да и самому пора чего-нибудь сжевать».

Последние несколько сотен шагов дорога сужалась, как бы создавая путникам последнее препятствие перед отдыхом в ровной долине. Конан взглянул вниз, под обрыв. Река шумела и пенилась белой гривой, словно тоже спешила попасть в прохладную заводь, предвкушая долгожданный покой. Выбравшись в долину, варвар нашел небольшую лужайку у самой воды и спешил. Он снял с коня упряжь и поклажу, и животное сразу же зашло в воду. Погрузившись в нее чуть ли не по брюхо, оно принялось утолять жажду, поводя головой и фыркая от удовольствия. Киммериец смыл с лица пот и дорожную пыль, а потом присел в тени раскидистого дерева, прислонясь спиной к шершавому прохладному стволу.

«Может быть, остановиться здесь на ночлег? — размышлял он, развязывая дорожную сумку, которую ему дал ко-

мандир туранцев. — Вечер уже близко. Или проехать еще немного?»

Конан не знал этой дороги и решил, что, пока он поит коня и перекусывает сам, подъедут две арбы. У тех людей он сможет расспросить, каков путь впереди. «Что там сунил мне этот сын пустыни? — Варвар вытащил узелок, в котором лежал его обед. — Хм! Не пожадничал, туранская задница!» — удивился он.

И правда, в белую тряпицу были завернуты несколько изрядных кусков холодной баранины, пара лепешек и мешочек с урюком. К этому была добавлена большая бутылка темно-зеленого офирского стекла. Конан вытащил зубами пробку и понюхал ее содержимое. Вино!

«Неплохо, клянусь Кромом!» Он завернул в лепешку кусок мяса и принялся жадно жевать: он не ел уже больше суток.

Покончив с трапезой, киммериец, прихлебывая вино, наслаждался безмятежным отдыхом, поглядывая на склонившиеся к воде ветви деревьев, зеленую траву, бродившего по мелководью коня. После столь бурно проведенных нескольких дней этот краткий привал казался ему островком покоя. Вдруг до его слуха донеслись какие-то крики. Варвар приподнялся, поглядел в сторону дороги и увидел, что мужчина, упираясь в каменистую тропу, старается удержаться на обрыве накренившуюся арбу, а женщина, видимо выпавшая из нее, скользит по склону прямо в горный поток.

«Наверное, мул оступился на узкой тропе!» Киммериец вскочил на ноги, соображая, как помочь беде.

Поток уже нес женщину к заводу. Бедняжка отчаянно барахталась, пытаясь удержаться на поверхности, ее руки и голова то показывались, то исчезали в пенных волнах. Вода вынесла ее почти на середину разлива, но спокойствие реки было обманчиво: сильное течение неумолимо тащило женщину вперед.

«Водопад!» Конан расстегнул пояс с оружием и бросился в воду.

Варвар плавал не хуже рыбы, но понадобились все его силы, чтобы перехватить женщину, которая потеряла со-

знание, ударившись о камни. Несчастливая не могла сопротивляться потоку, и он нес ее к острым скалам, выступавшим у того места, где река с ревом низвергалась вниз. Киммериец поднырнул под женщину и, подхватив ее левой рукой подмышку, вытащил из-под воды. Теперь поток стремительно увлекал их обоих, и Конану не удавалось, работая одной рукой, ему противостоять. Острые, выступающие над водой камни, отмечавшие начало водопада, стремительно приближались. Варвар изо всех сил старался как можно ближе подплыть к берегу, но в этом месте разлив сужался в горловину и течение было особенно сильным.

Водопад был уже совсем рядом. Еще мгновение, и поток, падающий вниз, увлек бы и их, но киммерийцу удалось невероятным усилием в последний миг уцепиться за камень, который выступал над водой. Он прислонил женщину к его скользкой поверхности и наконец поднял голову, чтобы перевести дух. Справа и слева от них с ревом падала вниз река, и варвар напрягал все силы, чтобы не сорваться вместе с бушующей стремниной.

«Как же выбраться отсюда? — Конан чуть ослабил хватку, и поток потащил его влево, затягивая вниз. — Нергал мне в печень! Так и сдохнуть недолго...»

Киммериец вцепился в камень, словно пиявка, присосавшаяся к ноге, но поток бросал их то вправо, то влево. Ему стоило больших трудов удержаться на месте, тем более что спасенная им женщина не подавала признаков жизни. Ее голова, полностью закрытая мокрым капюшоном, неподвижно лежала у него на плече.

«Не оставаться же здесь на всю жизнь...» Киммериец лихорадочно искал выход.

Руки у него были заняты: одной он ухватился за выступ камня, другой старался держать женщину так, чтобы ее голова оставалась над поверхностью воды. Решение, как всегда, пришло неожиданно. Он перевернул женщину к себе спиной и вцепился зубами в ее одежду в том месте, где начинался капюшон. Теперь одна рука освободилась. Поглядывая на поток, чтобы не упустить мгновения, когда

вода начнет затягивать их вниз, он одной рукой стал рвать одеяние женщины снизу до плеч. Когда оно превратилось в два развевающихся крыла, киммериец перевернулся и, забросив спасенную себе на спину, попытался связать концы ее одежды у себя на горле. Помогая зубами, он кое-как закрепил ткань и теперь почувствовал себя гораздо более свободно. Он повернул голову и скосил глаза, чтобы посмотреть, не пришла ли в себя женщина.

«Боги! — воскликнул он про себя. — Она же почти девочка...»

Действительно, он увидел лицо совсем молодой девушки. Глаза ее были закрыты, но варвар чувствовал на своей шее дыхание.

«Жива, — обрадовался Конан. — Хоть не зря старался, клянусь Солнцеликим!»

Он протянул руку и начал потихоньку отматывать с пояса веревку, которая уже не в первый раз должна была сослужить ему верную службу. Краем глаза он увидел, что мужчина, который успел уже приблизиться к водопаду, бежит по берегу и кричит, но что именно, из-за рева воды киммериец не слышал. Он продолжал разматывать веревку, накручивая ее на руку, что было совсем непросто, ведь в любое мгновение он мог сорваться вниз. Вряд ли их ожидали мягкие перины, а вот вероятность, что они грохнутся на острые камни, в тысячу раз больше. Наконец варвар размотал почти всю веревку и, оставив в ладони конец с крюком, всю остальную часть скинул с руки. Поток сразу же захлестнул петлю и унес куда-то вниз.

«Что ж, попробуем... — Конан чуть не по пояс выпрыгнул из воды и, размахнувшись, бросил конец веревки на берег. — Должно получиться!»

— Лови! — успел крикнуть он мужчине, сомневаясь, впрочем, что тот его услышит.

Однако мужчина, видно, понял его замысел и рванулся на крюк, словно кот, ловящий мышь. Он поймал конец веревки и закрепил его на ближайшем стволе дерева. Конан следил за его действиями, ожидая сигнала. Мужчи-

на схватил веревку обеими руками и помахал ему. Киммериец отпустил камень и сильно оттолкнулся от него ногами. Вода потащила его к обрыву, но вовремя повернувшийся помощник справлялся отлично: он мгновенно выбрал лишнюю часть веревки, что спасло варвара и женщину. Вережка натянулась, как струна, но выдержала. Ее длины уже не хватало, чтобы поток отнес их к водопаду. Действуя двумя руками, варвар подплыл к следующему камню, который был уже ближе к берегу, затем махнул рукой, и они повторили маневр. После следующего раза Конан уже нащупал ногами дно и, хотя поток стремился сбить его, встал. До берега оставалось каких-нибудь два десятка шагов. Мужчина натянул веревку, и с его помощью киммериец преодолел расстояние, отделявшее их от спасительного берега. Он подхватил женщину на руки и вынес ее на сушу.

— Спасибо тебе! — услышал он голос мужчины.

Варвар положил девушку на траву. Она осталась почти обнаженной, и Конан увидел бледное девичье тело с едва сформировавшейся грудью и узкими, как у мальчика, бедрами.

— Благодарить будешь потом! — закричал он. — Надо привести ее в чувство!

Мужчина вытащил из кармана стеклянный флакончик и поднес его пробку к лицу девушки. Бедняжка слабо застонала и открыла глаза.

— Что со мной?

— Все хорошо! — обрадовался мужчина. — Сейчас, сейчас, — пробормотал он и бросился к дороге.

— Подожди, — схватил его за рукав киммериец. — Перенеси ее на ту лужайку, — показал он место, где пасся его конь, — там хоть не слышно этого грохота. Я сейчас приведу твоих мулов.

Конан побежал в гору, где стояла арба мужчины, а вторая, застряв в камнях, почти свалилась с дороги, но каким-то чудом удерживалась там все это время, пока он боролся с водопадом. Варвар, подбежав к обрыву, схватил руками оглоблю повозки и, понукая мула, с его помощью вытащил арбу. Дальше все было просто: он прикрепил повод второго

мула к заднему борту первой арбы. Первый мул, когда варвар взял его за повод, сперва немного поупирался, чувствуя чужого, но громогласный рык Конана убедил даже это упрямое животное. Когда киммериец привел обе повозки к месту стоянки, девушка уже сидела, стуча зубами, плотно закутавшись в кафтан своего спутника, а тот споро и ловко разводил костер.

Огонь разгорелся быстро, и мужчина обернулся к киммерийцу, с которого еще продолжала капать вода:

— Тебе тоже нужно бы переодеться, но у меня вряд ли найдется что-нибудь подходящее. Уж больно ты большой!

— Ничего, — утешил его варвар, — я привык. Одежда мне вполне хватит.

Взяв одеяло, он отошел подальше, чтобы не смущать девушку и дать ей возможность переодеться в сухое. Когда он вернулся, огонь горел вовсю. Вокруг костра уже были вбиты колья и протянута веревка, на которой сушилась мокрая одежда.

— Давай твою, — протянул руку мужчина, — она скоро высохнет.

Киммериец сел около костра, обернув одеяло вокруг бедер, и огляделся вокруг. Теперь наконец-то можно было перевести дух.

— Век не забуду тебя, — обратился к нему мужчина, — ты спас мою единственную дочь, и я...

— Значит, боги так захотели, — остановил его варвар, — не о чем говорить!

— Я не знаю, кто ты и как отблагодарить тебя, — не сдавался мужчина.

— А, брось ты все это! — Киммериец махнул рукой и, повернувшись, подмигнул девушке: — Как ты, красавица, в порядке?

Девушка смотрела на киммерийца широко распахнутыми черными глазами, в которых читалось явное восхищение.

— Меня зовут Конан, — снова повернулся он к мужчине, — я родом из Киммерии.

— Слышать об этой стране слышал, а вот видеть киммерийцев до сих пор не приходилось,— сказал мужчина.— Меня зовут Аршад, я из Хоарезма, а это моя дочь Маниже. Мы будем молиться богам за твоё здоровье и благополучие, пока живы.

— Спасибо,— поклонился ему киммериец, поддерживая спадающее одеяло, дабы не смутить девушку своим видом,— только не переусердствуй, совершая это слишком часто. И было бы совсем хорошо, если б у тебя нашелся глоточек вина. Это будет самой лучшей благодарностью, какую я видел за всю свою жизнь, клянусь и нашим Кромом, и Светлооким Митрой, и вашим Эрликом, и даже его Вечноживым пророком Таримом!

— Ужин почти готов,— улыбнулся Аршад, направляясь к арбе,— и я вполне могу исполнить твоё желание.

Через некоторое время мулы присоединились к скакуну Конана, а трое людей сидели возле расстеленной на траве скатерти. Она была завалена всякой снедью, среди которой покоилась пара тугих бурдючков.

— Белого или красного? — спросил мужчина.

— Начнем...— задумался Конан, оглядывая пиршественное изобилие,— начнем с рыбы. Значит, вино белое.

Общение с благородными вельможами, которое время от времени приходилось терпеть киммерийцу, приучило его к некоторым хитрым правилам трапезы, которых они придерживались. Иногда он любил щегольнуть этими знаниями.

— Хм! — удивился Аршад.— А говорил, что ты из варваров.

— Варвары бывают разные,— самодовольно отпарировал киммериец, пробуя вино.— Неплохое,— хлебнув изрядный глоток, похвалил он,— похоже на барахтанское.

— Оно и есть,— снова удивился мужчина, глядя на Конана.— Ты ещё очень молод, но неплохо разбираешься в винах!

— Выпить привелось немало, поневоле начнешь разбираться,— расхохотался киммериец, которому присутствие хорошенькой девушки всегда поднимало настроение. Впрочем, как говорят, это происходит со всеми мужчинами, если

они не больны. На здоровье же, хвала богам, Конану жаловаться не приходилось.

— Давай выпьем за тебя,— предложил Аршад, поднимая кружку.

— Лучше уж за судьбу,— возразил варвар.— Ведь что мы такое, в конце концов, как не маленькие незаметные песчинки в бурном море жизни?

— За удачу!

Они залпом осушили кружки и потянулись к копченому лососю.

Глава вторая

Как всегда бывает в таких случаях, потекла беседа, обильно сдабриваемая и белым, и красным вином. Маниже, закутанная в одеяла, мирно спала в стороне, а мужчины вели неспешный разговор.

— А ты чем занимаешься? — любопытствовал киммериец, отдавая должное припасам своих нечаянных спутников.

— Да как тебе сказать, — начал Аршад, — вообще-то... — Он подумал немного, глядя на разгорающиеся звезды. — По правде говоря, я маг и звездочет.

— Вот те на! — Варвар чуть было не поперхнулся. — Нергал мне в кишки, никогда бы не подумал!

— Что, не очень-то любишь нашего брата? — усмехнувшись, поинтересовался Аршад.

— Да нет... — замылся Конан. — Не то чтобы не люблю... Но отношусь, честно скажу, с определенной опаской.

— Правильно, — согласился маг. — Колдуны бывают разные, и лучше держаться от них подальше. Но тебе со мной ничего не грозит, — успокоил он варвара, — напротив, я приложу все силы, чтобы тебе помочь. А помощь тебе, мне так кажется, не помешает.

— Почему ты так думаешь? — насторожился киммериец.

— Да вот перстенок твой увидел, — указал на его руку Аршад.

— Ну и что, кольцо как кольцо, — медленно проговорил Конан и повертел своим мизинцем перед глазами чародея. — Очень даже приятное на вид.

— На твоём месте я бы отнесся к этому более серьезно, — тяжело вздохнул чародей. — Где ты его взял?

— С купчика одного снял, — небрежно ответил варвар. — А что, он связан с каким-то колдовством? — вдруг насторожился он, взглянув в глаза Аршаду.

— С каким-то! Если бы... — покачал головой Аршад. — Скажи, с тобой не случалось в последнее время что-нибудь необычное?

— Еще как случалось, — криво усмехнулся киммериец и рассказал ему про маленьких трехпалых созданий и про огромный гриб, выросший из-под земли.

— Этого я и боялся, — нахмурился колдун. — Я расскажу тебе одну легенду, а дальше подумаем вместе, как поступить. — Он уселся поудобнее и начал свое повествование: — Слушай же эту занятную и удивительную историю. Возможно, она прочистит твои мозги, хотя я и не могу поручиться за то, что все рассказанное в ней истинная правда. Маги, как и обычные люди, не всегда умеют отсеивать правду из множества слухов и сплетен.

Это было настолько давно, что человеческая мысль не в состоянии охватить череду веков, прошедших с той поры. В Гулистане, у подножия горы Ишма, обитало племя людей, которые называли себя лакуди. Они были малы ростом, смуглы и черноволосы, а пищу себе добывали охотой на горных баранов и птиц. Кроме того, они были рудокопами и добывали золото в пещерах своих гор. Лакуди ничего не умели с ним делать и меняли самородки и золотой песок на наконечники для копий и стрелы у заходивших к ним вендийских торговцев. Как-то в их земли пришел человек с запада. Никто не знает, как он попал туда, как преодолел несколько горных хребтов, пустынь, степей и лесов: человек был немым и не мог рассказать того, что с ним приключилось. Он знаками попросил еды и ночлега, и лакуди приютили его на ночь. С собой у него были только мешок с инструментами и посох. Утром вождь племени, увидев его инструменты, спросил, для чего они, и путник показал на серьги его жены — он был ювелиром. Тогда вождь велел своим воинам оставить этого бродягу в племени.

Мастер прожил вместе с лакуди несколько зим. В пещере, где он поселился, для него устроили мастерскую, а под его началом поставили людей, которые выжигали древесный уголь, раздували горн и выполняли все поручения мастера. Он сделал много замечательных украшений для вождя лакуди и его жен, для других вождов племени. Эти вещи были так прекрасны, что побрякушки, привозимые вендийскими торговцами, не шли с ними ни в какое сравнение. Особенно красивыми и тонкими по работе получились два перстня с отличными изображениями невиданных для этих мест птиц с длинными распущенными хвостами и хохолками на высоких поднятых головках. Эти кольца он сделал для двух сыновей вождя, близнецов, похожих друг на друга как две капли воды.

Но вот однажды, когда его помощники пришли утром в пещеру, они не застали там мастера. Никто не видел и не слышал, как он покинул ночью племя. Вождь, узнав об исчезновении немого, снарядил за ним погоню, благо уйти из этих мест можно было только по двум горным тропам. Отряды, которые бросились на поиски, возглавили два его сына. Пеший не может бежать так быстро, как лошадь, и уже к вечеру два отряда вернулись обратно. Но когда они съехались в лощине, где их ждал вождь и его подданные, крики удивления пронесли по горам, разносимые дальним эхом: каждый отряд привел с собой беглеца! Их оказалось двое, причем совершенно одинаковых, словно близнецы! Ропот прошел по рядам столпившихся вокруг лакуди. Люди почувствовали, как их охватил ледяной озноб, а в воздухе повеяло дыханием чего-то необъяснимого и ужасного. Двойники были немymi, так что ничего узнать от них никто не мог, ибо за то время, что мастер провел среди лакуди, он общался со всеми только посредством десятка жестов.

Вождь был человеком решительным.

— Это колдовство! — воскликнул он, и племя молча внимало его словам. — Сжечь их!

Обоих пленников привязали к стволу высохшего дерева и, обложив сухими ветками, подожгли костер. Они сгорели в безмолвии, только лица их исказились от нестерпимой муки, когда языки пламени добрались до них и жар объел их тела.

Костер занялся очень высоко, поскольку хвороста для него не пожалели, и в какое-то мгновение он вырос в гигантский гриб, а его чудовищная шляпа, окутанная пламенем и клубами дыма, накрыла всю поляну. Потом дым рассеялся. Люди в страхе попадали на землю, и многие лежали так до тех пор, пока не догорел костер. Пепел развеяли по ветру, и в память об этой жуткой истории, о которой старались не упоминать вслух, остался только обгоревший пенек.

Прошло несколько лет, и еще один путник пришел к подножию Ишмы. За это время в племени произошли кое-какие события. Вождь отошел в иной мир, и его наследники, близнецы, никак не могли поделить престол. В конце концов один из них изгнал брата с земли предков.

Путник тоже был немым, как и пришедший сюда когда-то золотых дел мастер. Вождь племени, усмотрев в его изъяне опасность, что история с двойниками может повториться, приказал немедленно убить его, а тело сжечь. Снова, как и в тот раз, из горевшего костра вырос огромный гриб, повергший племя в смертельный ужас.

— Это неспроста! — кричали объятые страхом люди. — Боги накажут тебя, вождь!

Но судьба распорядилась иначе. Однажды ночью, когда все племя спало в пещерах, земля загудела. Под ужасающие раскаты грома вздрогнули горы, с ревом и грохотом посыпались вниз камни и обломки скал. Они закупорили выходы из каменных мешков, в которые превратились жилища лакуди, и больше их никто и никогда не видел. Только вождю племени удалось спастись, но, когда он обходил окрестности в надежде, что найдет живыми кого-нибудь из своих соплеменников, на его пути вдруг вырос гигантский гриб буро-зеленого цвета с щупальцами, на концах которых были утолщения, похожие на глаза. Вождь лакуди в страхе бросился прочь, но гриб остановил его, опрокинул на землю и вбил в нее, как плотник вбивает гвоздь в доску. На поверхности остался только золотой перстень, соскочивший с пальца вождя. Он мгновенно вспыхнул, как кучка сухой травы, но горел очень долго, ярким голубым огнем, разбрасывая далеко вокруг себя искры и окутывая дымом близлежащие скалы.

Племя лакуди, как утверждает легенда, не исчезло совсем. Колдовство превратило их в существа, похожие на кротов, и обрекло на пребывание под землей в темноте до тех пор, пока они не найдут второй перстень с изображением павлина и не отдадут его жрецам Сабатеи. И вот это племя передвигается за обладателями волшебного золотого кольца, чтобы отобрать его. Но каждый раз, когда они пытаются завладеть им, неожиданно появляющийся гигантский гриб вновь отправляет их во мрак, под землю, и никто не знает, когда это закончится. Говорят, что этим грибом тоже управляют какие-то колдуны или кто-то из магов превращается в него, но никто не знает, правда ли это.

— Тогда мне лучше избавиться от него. Долой, дерьмо ослиное! — Киммериец попытался снять кольцо с пальца.

— Попробуй, — пожал плечами Аршад, — только сомневаюсь, что у тебя это получится.

Он хмуро глядел, как варвар изо всех сил старается содрать перстень с мизинца. Но это ему никак не удавалось, как будто кольцо и палец срослись в единое целое.

— Проклятый чародей, что ты на меня так смотришь?! — Киммериец почувствовал, что его охватывает смертельный ужас, хотя он был смелым и решительным человеком и успел побывать не в одной смертельно опасной передрыге. — Скажи, ты знаешь еще что-нибудь об этом кольце с павлином?!

— Я слышал эту историю краем уха, — покачал головой Аршад, — и больше того, что рассказал тебе сейчас, мне неизвестно, но, — он по-доброму посмотрел на варвара, — когда я вернусь домой в Хоарезм, обещаю разузнать все, что смогу, и помочь, насколько хватит моих сил и умения. Я в неоплатном долгу перед тобой.

— Ладно, — буркнул киммериец, — прости, что накричал на тебя. Для меня все это было немного неожиданно. Сам понимаешь...

— Я не в обиде, — просто ответил Аршад. — С кем не бывает?

Глава третья

Остаток пути до Хоарезма Конан преодолел быстро. Утром он попрощался с Аршадом и Маниже и поскакал вперед: всадник передвигается быстрее повозки, а киммерийцу надо было спешить. Солнце едва перевалило за полдень, а он уже был у ворот Хоарезма. Уплатив положенную мзду за въезд в город, варвар направился ко дворцу сатрапа, надеясь попасть на прием к великому визирю Мусаibu. Стражники, недоуменно оглядев киммерийца, все же объяснили ему, как туда добратся.

Следуя их указаниям, Конан проехал несколько улочек и попал на довольно-таки широкую аллею, которая вела прямо ко дворцу. На площади перед высоким зданием, выстроенным из полированных гранитных блоков, с широкой красивой лестницей, ведущей наверх, стояли несколько человек в форме солдат правителя. Варвар остановил коня и спешился. Тотчас к нему подскочил вооруженный кривым туранским мечом стражник.

— Проваливай, здесь не разрешено останавливаться без дела! — грубо закричал он на Конана.

— Утри сопли, мозгляк, — столь же нелюбезно ответил ему киммериец, — откуда ты знаешь, какие у меня тут дела?

Стражник застыл с открытым ртом. Видимо, он не ожидал столь сурового отпора от незнакомого всадника.

— Захлопни пасть! — гаркнул на него варвар. — У меня дело к великому визирю Мусаibu! Да пошевеливайся, —

прикрикнул он на оторопевшего стража, — мне некогда ждать!

Стражник побежал к товарищам и что-то зашептал на ухо одному из них, видимо старшему. Тот поправил шлем, украшенный плюмажем из павлиньих перьев, окинул взглядом киммерийца и поманил его к себе.

— Кто ты такой, что надеешься повидать столь важного человека? — надменно процедил он.

— Послушай, приятель... — начал Конан.

— Какой я тебе приятель! — завизжал стражник. — Ты, деревенщина, разговариваешь с начальником смены стражи правителя! Я сейчас прикажу бросить тебя в темницу!

— Большой командир, ничего не скажешь! А это ты видел? — Рассвирепевший Конан сложил из трех пальцев всем известную фигуру и поднес ее к носу начальника. —

Если ты сейчас же не доложишь обо мне визирю, он, клянусь Кромом, как пить дать вышибет тебя из твоих лат. Ты и окнуть не успеешь! А если он не захочет марать об тебя руки, я ему с удовольствием помогу! Будешь на помойке объедки собирать, а не в шлеме с перьями расхаживать, курица безмозглая!

Поведение киммерийца и его решительность заставили начальника слегка призадуматься.

— А если... — начал он, но варвар не дал ему закончить.

— Ты что, вислозадый потомок шакала, долго будешь тут еще время тянуть? — гаркнул он. — Тебе же ясно сказали: доложить, и немедленно! Великий визирь Мусаиб сам решит, что ему делать, без твоих подсказок, убоженок!

Начальника стражи словно молотом ударили по голове. Никто в этом городе, кроме его собственной жены, начальника стражи и высокочтимого Мусаиба, не осмеливался обращаться с ним столь непочтительно, да еще и орать при этом. Бедняге показалось, что земля закачалась у него под ногами. Стражники, совершенно оцумев от такого зрелища, застыли, словно истуканы.

— А-а-а! — Развернувшись, начальник смены отвесил оплеуху ближайшему солдату. — Что стоишь, болван? Не ви-

дишь, что ли, человек со срочным делом? Быстро доложи почтеннейшему старшему писцу! Ну! — заорал он, пытаясь подражать рыку киммерийца. — Живо! Совсем разболтались, бездельники!

Окинув злобным взглядом подчиненных, начальник смены стал медленно подниматься по лестнице, звеня шпорами щегольских сапог из тонкого сафьяна. Потупившиеся стражники не смели даже глаз поднять на варвара, настолько их напугало происшедшее. Конан, опершись на меч, ожидал, когда вернется посланный к писцу солдат.

«Вот ведь мерзкое племя, — усмехнулся он про себя, — сразу в штаны наложили, стоило только рывкнуть погромче».

Довольно скоро стражник вернулся. За ним семенил человечек в белой одежде с гладкой лысой головой, чем-то напоминавшей яйцо, только что снесенное курицей. Сходство усиливали раскиданные на блестящей поверхности его черепа несколько темных родимых пятен.

— Кто ты? — обратился он к киммерийцу, настороженно глядя на него блестящими глазками.

— Я от Джунгир-хана, — наклонившись к нему, прошептал Конан.

— Что же ты сразу не сказал об этом стражникам?

— А это не для их ушей. Лучше, чтобы об этом не знал и ты, — усмехнулся варвар, — но это уж головная боль твоего господина.

— Эй! Возьмите у него коня! — крикнул человечек стражникам. — Пойдем со мной, — кивнул он варвару, глядя на него с некоторым испугом.

Они поднялись по широкой лестнице, но направились не к главному входу, где стояли несколько стражников с алебардами, а обошли фасад здания и, свернув за угол, очутились у высокой каменной изгороди. Среди серых, потрескавшихся от времени камней даже очень зоркие глаза киммерийца с трудом разглядели почти незаметную маленькую резную дверь. Писец постучал в нее условным стуком. Сначала сквозь приоткрывшееся отверстие глазка их кто-то долго и внимательно изучал, потом послыша-

лось звяканье металла. Наконец створка двери закрипела на петлях, и Конан, пригнувшись, вслед за писцом вошел внутрь.

Помещение, в которое он попал, оказалось на удивление просторным, чего трудно было ожидать, входя через такую маленькую дверцу. Высокий расписной потолок опирался на два ряда мраморных колонн, которые образовывали по обеим сторонам зала нечто вроде двух галерей. Свет струился из больших окон, расположенных под самым потолком. Выше колоннады весь центр помещения был просто залит им, зато в гораздо более темных галереях стенная роспись едва угадывалась. Между колоннами стояли бронзовые светильники в виде плоских чаш на изящных резных ножках, напоминающих обвитые плющом стволы тонких деревьев. Пол в этом великолепном зале был выложен разноцветными плитками, которые образовывали витиеватые узоры, обволакивающие основания колонн и уходящие в сумрак галерей. В десяти шагах перед киммерийцем находилось круглое возвышение высотой примерно в два его роста, напоминающее башню. Оно занимало примерно четверть пространства между колоннами. Прямо под возвышением начинались ступени, уходящие куда-то вниз. Вдали виднелся резной портал, обрамляющий высокие двустворчатые двери, около которых с каждой стороны стояло по паре стражников, мускулистых и свирепых на вид, с обнаженными кривыми туранскими мечами.

Человек, который впустил их, закрыл дверь на засов и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Они обошли сооружение, напоминавшее башню, и встали в центре зала. Повернувшись лицом к возвышению, варвар увидел, что оно не только походило на сторожевую башню, но по существу ее и заменяло: передняя стена была прорезана узкой лестницей, на площадке которой располагалось высокое кресло, покрытое ковром. В кресле сидел рослый худощавый человек в дорогих белых одеждах, который смотрел на киммерийца пристальным и надменным взглядом. У его ног примостился еще один человек, который что-то с усердием писал, склонившись к маленькому изящному столи-

ку. У подножия лестницы стояли два вооруженных мечами человека.

«Вот это да! — чуть не присвистнул варвар. — Тут не проскочишь!»

Писец поднялся на возвышение и, склонив голову, слушал, что говорит ему визирь, которым, несомненно, и был похожий на скелет человек в белых одеждах. Спустившись вниз, писец потребовал, чтобы киммериец снял свое оружие и положил его на стоявшую рядом мраморную скамью. Конан предпочел бы не расставаться с мечом, но перечить не стал и расстегнул пояс, на котором висело оружие. Писец показал ему рукой, что он может подняться к визирю, а сам потрусил за возвышение.

— Так ты пришел от Джунгир-хана? — спросил Мусаиб, когда киммериец поднялся к нему на площадку.

— Да, высокочтимый! — коротко ответил варвар.

— У тебя есть доказательства?

— А как же! — усмехнулся Конан, доставая лоскуток белой ткани с ханским вензелем.

Визирь взял платок и внимательно осмотрел его.

— Действительно, ты не солгал, — медленно произнес он. — Так в чем же дело?

— Это разговор не короткий, — сказал киммериец.

Брови Мусаиба удивленно взлетели вверх. Однако намек он понял. Дерзость посланца, как ясно показывал его взгляд, не особенно пришлась визирю по вкусу, но все же он коротко указал Конану на скамью, стоявшую слева от его кресла. Варвар же за свою жизнь видывал и не таких вельмож и привык не раболепствовать перед ними, если того не требовали уж совсем особые обстоятельства. Он спокойно поднялся еще на несколько ступенек и, заняв предложенное место, хотел уже было начать рассказ, но визирь знаком остановил его.

Киммериец проследил за его взглядом и увидел, что внизу, посередине зала, началась какая-то не совсем понятная ему возня. Два человека принесли деревянную скамью, которую установили прямо перед возвышением, еще двое направлялись к ней, держа в руках продолговатые предме-

ты. Их назначение варвар понял через несколько мгновений, когда услышал жалобные вопли и увидел, как двое стражников волокут к скамье человека, лицо которого показалось ему знакомым.

«Ха, да это же начальник смены,— узнал его варвар.— А ведь я, видят боги, его предупреждал!»

Стражники действовали быстро и расторопно. Они спустили с бедняги штаны и, закатав рубаху на спине, бросили его лицом вниз на скамью, причем один из них держал руки, а другой брыкающиеся ноги в щегольских сафьяновых сапогах.

— Пятнадцать! — коротко бросил Мусаиб.

Старший писец подал знак, и люди с длинными предметами, что оказались тонкими гибкими палками из молодого бамбука, принялись поочередно хлестать ими вопящего от боли провинившегося бедолагу. Непосвященному такое количество палок могло показаться небольшим наказанием, но варвар по собственной шкуре знал, что такое пятнадцать ударов, когда палка находится в руках опытного палача. Спина надменного стража после первых же ударов окрасилась кровью, а когда дело дошло до десяти, он прекратил даже орать. Последние удары сопровождалась только чавкающими звуками разрываемой плоти. Великий визирь Хоарезма, подперев голову рукой, со скучающим видом наблюдал за представлением. Когда оно закончилось, он взмахом руки отослал всех его участников прочь. Они действовали так же заученно и ловко, как и в начале: быстро уволокли потерявшего сознание стража, унесли скамью, а двое слуг тут же замыли следы крови на мраморном полу.

— Теперь можешь продолжать,— разрешил визирь, повернувшись к киммерийцу.

Варвар подробно рассказал ему все, что просила передать Испарана, умолчав на всякий случай о том, что она и Джунгир-хан остались в Шангаре как заложники.

— Хм,— пожевал губами Мусаиб, изображая глубокое раздумье,— этот вопрос так сразу не решишь. Я должен кое с кем посоветоваться. Кстати, почему они не приехали прямо сюда?

— Им не хотелось поставить тебя, о высокочтимый, в сложное положение,— быстро нашелся киммериец.— Еще неизвестно, как может посмотреть на все это наместник, когда узнает, что они просят тебя о помощи. По этой же причине,— продолжал варвар,— высокочтимый Хафар поручил встретиться с тобой мне.

Мусаиб посмотрел на киммерийца подозрительным взглядом, но ответ, кажется, его удовлетворил.

— Ты не похож на местных,— переменял он тему разговора.— Откуда ты?

— Я родом из Киммерии,— ответил варвар,— служу наемником в армии Замбулы.

Это было ложью, но Конан упомянул об этом, чтобы не возникло лишних расспросов. Мусаиб кивнул головой, по-прежнему погруженный в свои думы. Он уже решил, что трон Замбулы должен достаться ему, поэтому появление посланца от Джунгир-хана было несколько неожиданным и могло спутать все карты. Визирь ожидал, что мальчишка сам приедет в Хоарезм и попадет к нему в руки. То, что он остановился в Шангаре, оказалось неприятным сюрпризом.

«Как же поступить? — ломал голову визирь, искоса наблюдая за киммерийцем.— Что, если заточить его в темницу и пытками вытянуть все, что он знает? Это было бы неплохо, но вдруг в Шангаре ждут его возвращения со дня на день? Тогда, если этот варвар не вернется, они могут насторожиться, и провернуть дело так, как я рассчитывал, будет гораздо труднее.— Он взглянул на Конана.— Мальчишка еще! А если попробовать его подкупить? Нет! Тоже не совсем подходит, он и отказаться может... А если они снюхались с кем-то из шангарской знати, эти потомки шелудивых псов?..»

— Вот что,— принял наконец решение великий визирь,— погости денек в Хоарезме, посмотри город, а завтра приходи ко мне. Я буду готов помочь Джунгир-хану, не сомневайся.

«Приставлю к нему шпионов, узнаю, нет ли у него сообщников,— думал он между тем про себя,— а когда он

будет возвращаться, проследим за ним, сам приведет к этому юнцу. К тому времени я уже решу, сразу отправить наследничка на Серые Равнины или подождать немного. Да и Мизра кое-что успеет посоветовать».

Конан поклонился визирю и начал спускаться по лестнице.

— Постой! — вспомнил вдруг что-то Мусаиб. — Негоже такому знатному гостю по трактирам маяться. Может быть, остановишься у меня во дворце?

«Нет уж, спасибо! — усмехнулся про себя варвар. — Подалее от милостей таких высокочтимых».

— Благодарю тебя, — склонил он голову в знак благодарности. — Я остановлюсь в «Тухлом драконе», по-моему, очень приличный постоялый двор.

— Как знаешь, — недовольно поморщился визирь.

«А глаз я с него все же не спущу, — укрепился он в своем решении. — Молод, мерзавец, а штучка не простая, ох, не простая, клянусь Таримом! Явно что-то скрывает...»

Глава четвертая

Когда киммерийца выпустили через потайную дверь, визирь поманил к себе старшего писца.

— Гонца к Мизре — раз, проследить, куда поедет этот варвар, — два, — загибал он пальцы, — но только чтобы без шума, а вот глаз с него не спускать. Три — на всех городских воротах выставить дополнительную охрану и не выпускать его ни под каким предлогом без моего приказа. — Он бросил на писца испепеляющий взгляд. — Понял?

Старший писец внимательно слушал, кивая головой. Потом он осмелился вставить несколько слов:

— Высокочтимый, трое шпионов уже приставлены к нему...

— Молодец, — похвалил визирь, — за сообразительность тебя и держу. Зайди к казначею, пусть выдаст тебе, как обычно.

Писец принял губами к руке визиря:

— Нет слов благодарности, о высокочтимый, я...

— Иди, иди, — прервал его Мусаиб. — Всю руку обмусолил, экий ты слюнявый...

Слуга, вне себя от счастья, скатился со ступеней.

«Мерзкое племя, — точно как Конан, подумал визирь, — чуть погладишь, готов всю морду себе расшибить, а если что, так же легко и продаст. Впрочем, на все воля Эрлика!»

* * *

Варвар пустил своего коня медленным шагом. Торопиться было некуда, лучше всего спокойно осмотреться.

Что-то не понравился ему этот визирь. Не очень похоже, что он готов помочь своему родственнику. Глаза его выдают, не производит Мусаиб впечатления человека, которому можно довериться. Значит, решил киммериец, надо держать ухо востро, а то легко можно и в темницу угодить или, того хуже, на Серые Равнины отправиться напрямик из Хоарезма. Еще перстень этот, дернул же Нергал взять его у того купчишки! Варвар покосился на кольцо. Будь оно неладно! Ну ладно, здесь хоть есть надежда на Аршада, а вот с этим Мусаибом надо разбираться самому. Конан резко обернулся назад. Выходящий из-за угла человек вдруг почему-то остановился, а потом как ни в чем не бывало перешел улицу и скрылся в трактире.

«Вот оно что! — усмехнулся киммериец. — Это у нас уже было, и не раз. Сейчас посмотрим, сколько вас, сыновей шакала».

Он подъехал у «Тухлому дракону», вывеску которого заметил еще по пути ко дворцу, и, бросив поводья мальчишке, дежурившему у дверей, вошел в таверну. Хозяин, как принято в туранских трактирах, стоял за стойкой, а его работники разносили пищу и вино по столам. В «Драcone», что сразу же отметил варвар, подавальщиками служили красивые стройные девушки, одетые настолько легко, что строгому наблюдателю показалось бы, что одежды на них нет вовсе. Конан сел за ближайший столик, чтобы быть на виду, и потребовал себе хорошего вина. Хозяин, изобразив радостную улыбку, крикнул за занавеску:

— Сануме, быстро обслужи хорошего господина!

Из-за занавеси, закрывавшей вход в соседнее помещение, вихляющей походкой, какой, наверное, ходят прислужницы богини Деркэто, вышла молодая черноглазая девушка в легкой прозрачной накидке и широком, украшенном чеканкой, кожаном поясе, составлявшими все ее одеяние. На плече, как будто для того чтобы подчеркнуть изящество линий своего тела, она несла высокий серебряный кувшин. Подойдя к столу, за которым расположился киммериец, девушка поставила кувшин и серебряную чашу, после чего скромно потупила взор, ожидая дальнейших распоряжений.

В другое время варвар обязательно бы вступил с ней в разговор, но сейчас ограничился тем, что ласково взглянул на прелестницу и чуть коснулся ее бедра:

— Спасибо, красавица! Надеюсь, вкус вина не уступит твоей красоте.

— Суди сам.— Девушка одарила его призывным взглядом и удалилась, соблазнительно покачивая округлыми бедрами.

Конан налил в чашу вина и принялся потихоньку потягивать его, не забывая поглядывать на входящих в таверну. Хоарезм был большим портовым городом, и среди посетителей встречалось много моряков. Варвар узнавал их по обветренным лицам и узловатым натруженным рукам. Некоторые из них были одеты в форму королевского флота Турана. Они гордо поглядывали на остальных гостей таверны: служба в военном флоте считалась весьма престижной, и не каждый, даже из знатной семьи, удостоивался такой чести. Наступал вечер, и дверь в зал хлопала почти непрерывно, впуская все новых и новых посетителей. Таверна постепенно заполнялась, но было еще не так шумно. Основное веселье наступит позже, когда вино вскружит головы и ослабит слух. Тогда трудно будет расслышать даже собственный голос.

— Хозяин! — поднял руку варвар.

Хозяин неторопливо подошел к нему, цепким взглядом оценивая посетителя. Киммериец бросил на стол пару серебряных монет:

— Найдется у тебя комната на ночь?

— Сколько угодно! — Хозяин поспешно сгреб монеты и удалился, но вскоре опять возник перед варваром и вручил ему ключ.

— Хорошая комната?

— Самая лучшая для такого гостя, — осклабился хозяин, — окно в тихий сад, ты будешь доволен. А как насчет?.. — Он подмигнул, наклонившись к Конану.

— Поближе к ночи пришли ту, что подавала мне вино.

— У тебя хороший вкус, — польстил ему хозяин.

— Да я смотрю, — не остался в долгу варвар, — тут есть из чего выбрать.

Хозяин, довольный похвалой, удалился к себе за стойку, а киммериец продолжал прихлебывать вино, временами оглядывая таверну. Человек, которого он искал, должен давно сидеть здесь, поскольку он сказал визирю, где останется.

«Значит, их по меньшей мере двое, — прикинул варвар, — а может быть, и трое-четверо. Да, — усмехнулся он, — видимо, здесь я считаюсь важной птицей, раз они устроили такую слежку. Но подождите, сыновья шакала, я вам покажу неплохую шутку».

Он заказал хозяину ужин и, пообещав скоро вернуться, вышел на улицу, как он объяснил, размять ноги. Сумерки еще не окутали город, и заходящее солнце освещало его улицы красноватыми пологими лучами, которые протягивали длинные тени по выложенной плитами мостовой. Зевнув, варвар нехотя и лениво оглядел окрестные дома, ни на чем не задерживаясь взглядом. Однако его наметанный глаз отметил и человека в матросской одежде с почему-то незагорелым, одутловатым лицом, и старика, который вроде бы бесцельно прогуливался недалеко от таверны и, поймав на себе взгляд киммерийца, поспешно отвел свой взор.

«Так, двое есть. — Варвара трудно было обмануть, зря что ли его не так давно считали одним из лучших воров в Шадизаре? Он безошибочно чуял слежку. — Ну а где тот, что шел за мной?»

Киммериец не спеша обошел квартал, полюбовался стройными колоннами ближнего храма, зашел в лавку ювелира и, склонившись над лежавшими под толстым стеклом украшениями, искоса поглядывал на улицу через полуздернутую занавеску. Человек в матросской одежде явно ожидал, когда варвар выйдет из лавки.

«Вот ты и выдал себя, «морячок», — развеселился Конан, — поплавай за мной еще!»

Он вышел на улицу и сделал еще кружок вокруг квартала, чтобы убедиться, что не ошибся. Заодно он поглядел, куда выходят окна верхнего этажа таверны, прикинул высоту изгородей — в общем, прогулкой Конан остался доволен. После этого варвар вернулся в «Дракона».

«Вонючие черви! — выругался он про себя, принимаясь за поданный ужин. — Хрен вы меня возьмете, потомки шелудивых ослов!»

Он быстро справился с едой, с удовольствием отметив, что она очень неплоха, выпил еще кувшинчик вина, который поднесла ему Сануме, и сытно рыгнув, подошел к хозяину.

— Пойду отдохну, — сообщил он и добавил, подмигнув: — К ночи не забудь прислать девчонку.

Слегка пошатываясь, будто выпил лишнего, киммериец поднялся вверх и долго возился с ключом, открывая дверь.

Глава пятая

Войдя в комнату, Конан внимательно оглядел ее, бесшумно запер дверь и направился к окну. Никто бы и не подумал, что чуть раньше этот человек еле-еле вскарабкался по лестнице и едва справился с замком. Движения варвара были легкими, быстрыми и упругими. Он осторожно распахнул окно и, не высовываясь наружу, осмотрел раскинувшийся внизу сад. В саду было тихо, но в дальнем его конце под светом факелов раздавались взрывы смеха и слышались удары барабана и тоненькое пение флейт.

«Налево стена, выходящая на улицу, впереди площадь с храмом,— вспоминал варвар расположение квартала,— налево чей-то двор с высоким сараем. Ну что ж,— подбодрил он себя,— вперед, и пусть Бел поможет мне и на этот раз».

Киммериец вытащил из кармана штанов тонкую бечевку, пропустил ее конец через петлю замка в оконной раме и закрепил в щели подоконника. Потом, еще раз оглядев двор, тихо выскользнул из окна и спрыгнул вниз. Мягко приземлившись, он потянул конец бечевки на себя, и окно захлопнулось. Удовлетворенно кивнув, варвар бесшумно и быстро прошел вдоль стены таверны, перемахнул через ограду, пробежал соседний двор и скоро уже шагал по улице за два квартала от «Тухлого дракона». Он направлялся к Аршаду, надеясь узнать у него, как избавиться от перстня, да и еще кое в чем получить совет.

«Все в порядке,— думал Конан, ускоряя шаги,— эти дети шелудивого верблюда остались ни с чем. Пусть себе торчат около таверны, как суслики в степи».

Однако он недооценил умения и хитрости хоарезмских соглядатаев. Довольно скоро киммериец почувствовал, что ему все-таки не удалось оторваться от слежки. Несколько раз оборачиваясь назад, он мельком замечал какое-то неуловимое движение среди редких прохожих, словно за ним скользила какая-то тень.

«Что ж,— спокойно решил он,— проверим. Не годится приводить шпионов в дом Аршада».

Конан заметил на площади, к которой он подходил, освещенную фонарем вывеску трактира.

«Когти льва»,— прочел он витиеватую надпись.— Вот в эти когти ты, дружок, и попадешь».

Варвар ускорил шаги и, не оглядываясь, пересек площадь и вошел в двери под фонарем. Таверна, как обычно было принято в туранских городах, имела большой зал на первом этаже и лестницу, ведущую наверх, где помещались комнаты для постояльцев, которые решили остаться на ночлег. В некоторых тавернах и веселых домах на втором этаже был еще один маленький зал, но это встречалось нечасто. Помещение было забито народом, раздавались смех, крепкие соленые шутки, выкрики, визг и нестройное пение. Киммериец протиснулся к стойке и, облокотившись на нее так, чтобы видеть входную дверь, заказал кружку пива. Стоявший за стойкой пожилой благообразный туранец мгновенно нацедил ему в глиняный шербатый сосуд пенистого напитка и ловко поймал брошенный киммерийцем медяк. Конан отхлебнул глоток сладковатого местного пива, внимательно глядя поверх кружки на входную дверь.

«Точно! Нергал мне в кишки!» — усмехнулся варвар, увидев, что в таверне очень скоро появился уже знакомый ему «морячок».

Вошедший, оглядев таверну, направился к стойке и встал рядом с варваром. Стараясь не встречаться с ним глазами, что окончательно убедило Конана в его миссии, «морячок» тоже заказал пиво.

«Ну, парень, ты зря тратишься!» — усмехнулся про себя киммериец, одним духом осушив кружку.

Он резко поставил кружку на место, вышел из зала, быстро сделал несколько шагов по площади и юркнул в проулок, который заметил еще на подходе к таверне. Оттуда ему хорошо было видно освещенное фонарем пространство, а его самого надежно скрывал полумрак. Мгновением позже из дверей не вышел, а прямо-таки вылетел, словно выброшенный из катапульты, «морячок» и, не увидев киммерийца, стал растерянно озираться по сторонам. Он заметался по площади, побежал в одну сторону, но через десяток шагов вернулся и очутился почти напротив варвара. Остальное было очень просто: любимая веревка Конана с прикрепленным к ней крюком обвилась вокруг шеи шпиона, и резкий рывок остановил его метания. Варвар подтянул к себе тело, «морячок» конвульсивно дернулся, но удар кулака по темени навсегда успокоил незадачливого согладателя.

«Отдыхай, вонючий червь!» Варвар смотал веревку и, столкнув труп в канаву, продолжил свой путь.

* * *

Аршад жил довольно близко от центра Хоарезма, в тихом переулке, который выходил на знаменитую улицу Двенадцати ступеней, где располагались самые известные трактиры и веселые дома города. Здесь народу на улицах было побольше, да и стражники встречались почаще: все-таки совсем недалеко находились дворец правителя и дома самых знатных вельмож.

«Успели они приехать в город?» — подумал варвар, подходя к дому, скромно стоявшему в окружении высоких развесистых деревьев.

Он постучал в калитку глинобитной изгороди. На стук вышла Маниже. Девушка проводила его к отцу, глядя на киммерийца с обожанием и, как ему показалось, некоторым смущением.

— Как дела, красавица? Спокойно добрались до дома? — спросил у нее варвар.

— Спасибо, хорошо, — вспыхнула девушка.

«Она смущена тем, что я видел ее обнаженной там, на берегу», — догадался киммериец.

— Ты очень красивая, Маниже, — улыбнулся, подмигнув ей, Конан. — Надеюсь, боги будут милостливы к тебе в дальнейшем.

Аршад встретил его по-дружески, однако лицо чародея было хмурым.

— Я узнал, что мог, про твой перстень, — сообщил он варвару, после того как они обменялись рукопожатием. — Кое-что нашел в своих книгах, остальное выведал у моих собратьев по магии.

— И что же? — нетерпеливо спросил Конан.

— Дело обстоит так, — начал колдун. — Легенда не обманывает. Эти лакуди действительно связаны заклятием: они могут взять перстень только у самоубийцы. Сам понимаешь, ждать, когда кольцо попадет к человеку, решившему добровольно отправиться на Серые Равнины, можно до скончания веков, но, если не повезет, так и не дожидаться.

— Ничего себе вляпался! — воскликнул варвар.

— Не горячись, — продолжал Аршад. — Может быть, все не так уж плохо. Кстати, поэтому ты и видел своего двойника. Лакуди стараются сделать так, чтобы обладатель перстня сам себя убил, они могут своей магией воздействовать на людей.

— Пока я что-то не чувствую, чтобы мне особенно легчало от этого, — буркнул киммериец. — Я не в силах противиться их колдовству.

На столе лежало несколько больших старинных книг. Их переплеты были потертыми, видно, не одно поколение чародеев листало их в попытке найти ответы на вопросы о неведомых секретах и таинственных обрядах. Варвару вспомнилось, как он просматривал похожую книгу в доме проклятого колдуна Лиаренуса, пока его приятель и по-дельник, начинающий чародей Нинус, искал нужный ему фолиант. До сих пор, если он вспоминал события той ночи, мороз проходил по коже киммерийца. Вонючая горбатая гиена! Жутко вспоминать, как вдруг отпрянули от них с Нинусом стены и стали разъезжаться в стороны, уходя

далеко-далеко. А на самом деле это они, Конан и Нинус, съезжались до размеров глиняной куклы. Только лента, повязанная ему на голову его подругой Дениярой, спасла тогда незадачливых воришек. Впрочем, почему незадачливых? Кое-что им удалось унести, и даже немало. Да и в конце концов они посчитались со всеми этими шакалами: и с жирным плешивым Эугешем, которого он утопил в городском сортире, и с колченогим Карбаном, да и с самим горбатым Лиаренусом. Пришлось тогда поработать мечом, да и не только мечом. И голова пригодилась, хоть и сидела она на плечах варвара! Да, время было ничуть не спокойнее нынешнего. Интересно, как они теперь, его шадизарские друзья: Ловкач Ши Шелам, Нинус, прекрасная Денияра? После того как Конан расправился с вонючим шакалом, чернобородым советником правителя, им пришлось покинуть Шадизар, и киммерийцу больше не привелось с ними встречаться. Где их носит судьба?..

Голос колдуна прервал его раздумья.

— Это еще не все, — сказал Аршад. — Гриб, который ты видел, — орудие жрецов Сабатеи, которые тоже хотят завладеть перстнем. Он следит за его обладателем и мешает лакуди, ибо если они сумеют завладеть кольцом, то гриб обратится в пламя и исчезнет.

— Нергал мне в печени! — воскликнул Конан. — Не могу сказать, что ты меня сильно успокоил.

— И это еще не все. — Аршад открыл громадную книгу в потертом кожаном переплете. — Вот здесь сказано, что жрец Золотого Павлина может снять перстень только с трупа, но сам убивать обладателя кольца не должен.

— Почему?

— Кольцо потеряет свою магическую силу.

— Уф-ф... — Варвар вытер пот со лба. — По твоим рассказам выходит так, что мне крышка в любом случае. Я должен стать трупом, а охотников, как я понял, предостаточно.

— Для такого опытного, хоть и молодого, человека, как ты, — усмехнулся колдун, — вряд ли есть что-то новое в смертельной опасности.

— Откуда ты знаешь? — насторожился Конан. — Я ведь тебе ничего такого не говорил.

— Слова... — Аршад положил руку ему на плечо. — Скажи, ты всегда веришь тем словам, что слышишь от других?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся варвар. — Клянусь Кромом, я уже давно сгнил бы где-нибудь на помойке, если б верил всему, что произносят человеческие уста.

— Ну вот, — согласился колдун, — и я так думаю.

— Что же ты думаешь? — полюбопытствовал Конан, на мгновение забыв о проклятом перстне.

— Ты назвал мне свое имя, — ответил Аршад, — а Конан из Киммерии не так уж и неизвестен в наших краях. Кое-кто о тебе знает, и не только понаслышке. Кроме того, — продолжал он, — достаточно рассказать, как ты выглядишь, и обязательно кто-то что-нибудь и вспомнит. Людей, похожих на тебя, немного.

— Да уж, — смущенно буркнул варвар, не зная, радоваться ему или печалиться, что о нем здесь знают.

— Это, правда, иногда сильно мешает жить, — словно прочитав его мысли, заметил Аршад.

— Да, — кивнул киммериец, — я знаю, с моей внешностью трудно скрываться или выдавать себя за другого.

— Но мы отвлеклись, — вернулся к началу беседы чародей. — В том, что желающих заполучить перстень много, есть и хорошая сторона.

— Какая? — не понял варвар.

— Они мешают друг другу. Зеленый гриб спасает тебя от лакуди, но убить тебя ему не позволяет заклятие. Если кто-то будет охотиться за твоим трупом...

От делового тона Аршада киммерийца прямо-таки передернуло. Ничего себе, рассуждает о его жизни так, будто они говорят о покупке кипы хлопка или постройке сарая!

— Да, за твоим трупом, — повторил колдун. — Он должен будет бороться и с лакуди, и с этим грибом...

— Да, будущее у меня... — уныло протянул Конан, — просто королевское! Тебе все это не напоминает кролика, выпущенного в клетку, где одновременно живут и удав, и

тигр, и шакал, и... — Он хотел продолжить, но только махнул рукой: — Да и этих хватит, Нергал мне в кишки!

— Не торопись, — успокоил его Аршад. — Книга говорит, что раз в год от перстня все же можно избавиться.

— Как?! — обрадовался киммериец. — Что же ты морочишь мне голову своими сказками?

— Один раз в год — кстати, этот день скоро наступит — две красные звезды: Песья и аль-Мицар встают на одну линию с кромкой восходящей луны. В этот-то день ты и можешь избавиться от перстня.

— Как, просто снять и выбросить? — перебил его варвар.

— Если бы все было так просто! — покачал головой колдун. — Ты должен подарить его своему врагу.

— Какому? — удивился киммериец. — Их всегда достаточно, но с врагом вряд ли встречаешься за одним столом, обычно это происходит на поле битвы, а тогда, знаешь ли, не до подарков!

— Ну, это не всегда так, — возразил Аршад. — Вот сегодня ты беседовал с одним уважаемым в Хоарезме человеком...

— С визирем? Откуда ты узнал?

— Во-первых, ты же не по воздуху туда прилетел, — усмехнулся колдун, — а во-вторых, если что-то знают двое, то найдется и третий...

— Согласен, — кивнул варвар.

— Так вот, у тебя один враг уже есть.

— В этом ты прав, — согласился Конан. — Он уже и шпионов ко мне приставил.

Аршад вопросительно и, как показалось киммерийцу, с беспокойством взглянул на него.

— Не бойся, — успокоил его варвар, — никто не знает, что я здесь. Одного из них я убрал, а остальные ждут, когда я проснусь.

— Как так?

И Конан рассказал Аршаду все, что приключилось с ним за сегодняшний вечер.

Глава шестая

Я думаю, киммерийца следует отпустить обратно в Шангару. — Мизра взял горсть изюма и бросил себе в рот. Прожевав, он добавил: — Пообещай ему, что поможешь Джунгир-хану. Пусть твои шпионы проследят, где живут те, кто его послал, есть ли у них связь с шангарской знатью и все такое. Узнаем все, тогда и решим, как убрать этого мальчонку, родственничка твоего, — усмехнулся он.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Мусаиб, делая знак слуге налить вина из изящного офирского кувшина. — Пока я приставил к этому посланцу моих людей, чтобы не сбежал.

— Куда он денется? — смакуя вино, ответил колдун. — Судя по твоим рассказам, простой головорез, варвар. Ума у этих дикарей не больше, чем у курицы.

— Скоро уже, скоро, — потирая руки, сказал визирь, — я буду властвовать в Замбуле. Клянусь Эрликом, тогда я не забуду тебя, Мизра, мой друг!

Они сидели в уютном маленьком зале во дворце великого визиря. Стены и пол помещения покрывали пушистые ковры, мягкие подушки, на которых так приятно возлежать, были разбросаны на широком диване, а перед ним стояли столики с яствами. Двое слуг ловили каждый взгляд своего господина и бесшумно и ловко подносили напитки и кушанья, убирали посуду, как бестелесные тени скользя по мягким коврам. Визирь не опасался, что они могут

рассказать о том, что слышат здесь: у обоих были отрезаны языки.

Неожиданно раздался стук. Мусаиб кивнул слуге, и тот, подойдя к двери, впустил в комнату старшего писца, у которого челюсти стучали так, что он не мог выговорить ни слова.

— Что такое, сын собаки? — всполошился визирь.

— Ба... Да... О... Господин... — Писцу наконец все же удалось выговорить одно целое слово.

— Что случилось? — Мусаиб схватил его за шиворот рубахи и как следует встряхнул.

— Исчез... — выдавил из себя слуга и выпученными в ужасе глазами уставился на визиря.

— Кто исчез? — не понял визирь. — Да говори ты, моча черного верблюда! — Он пнул его ногой.

— Э... Этот... Ким... Кимме... Киммериец... — С трудом справлялся со своим языком совершенно ошалевший от животного страха писец.

— Как это исчез?! — наконец дошло до визиря. — Я тебе что приказал, отрыжка осла! Сколько человек ты к нему приставил?

— Че... Че... Четы...

— Стража!

Вбежал, поправляя на голове шлем, человек в форме туранской армии.

— Быстро дозоры в город! Искать! Все перевернуть! Найти мне этого варвара живого или мертвого! — Визирь в ярости брызгал слюной и топал ногами. — Распустились, отвислые задницы! — Он с размаху въехал сапогом в лицо не смеявшего поднять глаза старшего писца. — Запорю, мерзавцы! Иди и, если к утру не приведешь его, можешь пенять на себя!

Взвыв, писец стрелой вылетел из зала. Визирь чуть успокоился и залпом выпил кружку вина.

— Как видишь, дорогой друг, положение может измениться, — обратился он к чародею, который в продолжение всей сцены спокойно потягивал вино, не забывая заедать его вываренными в меду орехами.

— Конечно, — согласился он, — но не так сильно, как тебе кажется. Подумаешь, киммерийцем больше, киммерийцем меньше. Мало ли что может случиться с человеком в дороге. Клянусь Таримом, его лучше всего заставить замолчать. Но сначала, когда поймаешь, надо вытащить из него все, что он знает.

— А если не поймаю?

— Да поймаешь, куда он денется, — заверил его Мизра. — У тебя вон столько людей, а он не иголка все-таки, человек заметный. Вряд ли у варвара здесь найдутся знакомые, которые могут спрятать его от твоих шпионов и стражников. В крайнем случае, направь дозоры по дорогам, ведущим в Шангару. Потом, — добавил он, — кое-чем и я смогу поспособствовать.

* * *

— Я сильно сомневаюсь, что великий визирь будет помогать Джунгир-хану восстановить престол. Мы, конечно, далеки от жизни вельмож, но ведь в народе слухи всякие ходят. — Аршад посмотрел на Конана, словно решая, стоит ли продолжать, потом все же сказал: — Очень много таинственного в том, что правитель Хоарезма так возвысил Мусаиба. Ведь совсем недавно он был всего лишь мелким городским чиновником. Несколько лет назад его и не знал никто. Конечно, он из знатной семьи, но что это решает?

— Так ты думаешь, что он и пальцем не шевельнет, чтобы помочь своему родственнику?

— Еще как шевельнет! — рассмеялся Аршад. — Как ты, наверное, заметил, — он насмешливо посмотрел на киммерийца, — этот гад уже зашевелился. Я ничуть не удивлюсь, если он послал убийц в Шангару.

— Зачем?

— Чтобы убрать Джунгир-хана со своего пути. Тогда он останется единственным законным, если так можно сказать, претендентом на трон Замбулы.

— Вонючий червь! — воскликнул варвар. — Вот и мне он сразу не понравился. Надо как можно скорее возвращаться в Шангару.

— Сомневаюсь, чтобы ты смог покинуть город. Думаю, тебя уже ищут.

— Плевал я на них! — Варвар прямо кипел от ярости. — Они ждут меня у ворот, а я переберусь через стену.

— Это тебе не Шангара, — возразил колдун. — Там почти все стены остались от старого города. Они низкие, на них нет площадок для патруля, поэтому стража сидит только в башнях. А в Хоарезме она ходит по кромке стены, и ты не успеешь через них перебраться, обязательно заметят.

— Что же делать? — спросил киммериец.

— Я съезжу в Шангару вместо тебя, а ты пока поживешь здесь, в моем доме.

— Нет! — твердо сказал Конан. — Что же мне, сидеть у тебя всю жизнь? Так не годится, клянусь Митрой! Это не для меня. Надо найти другой способ, как выбраться отсюда.

— Как знаешь, — пожал плечами Аршад. — Я, конечно, попытаюсь тебе помочь, если ты так решил, но действовать надо уже этой ночью. Потом может быть поздно.

— Тогда за дело! — Варвар решительно сжал кулаки, он был готов немедленно идти в бой.

— Подожди немного! — Колдун подошел к висящей на стене полке и, отодвинув прикрывавшую ее занавеску, достал серебряную шкатулку.

Он поставил ларчик на стол и открыл украшенную фигуркой дракона крышку. Варвар с любопытством заглянул внутрь.

— Ух ты! — вырвалось у него.

Шкатулка была до краев наполнена искрящимися самоцветами: фиолетовыми, синими, розовыми, кроваво-красными. Каких только камней там не было!

— Это не то, что ты думаешь, — засмеялся колдун.

Он провел по лбу киммерийца шелковым платком, неведь откуда очутившимся в его руке, потом накинул его на шкатулку. Когда он снял его, изумленный варвар увидел грудку серых и невзрачных камешков. Только один камень сохранил свой блеск и красоту.

— Вот он-то нам и нужен. — Аршад вытащил камень и, поднеся к глазам, полюбовался его блеском. — Он тебе поможет против лакуди. Дай свой меч.

Варвар отстегнул ножны с мечом от пояса и протянул их чародею. Тот взял камень и опустил его в длинный и узкий кожаный мешочек, потом, повертев в руках меч, прикрепил мешочек к рукоятке, поближе к гарде, чтобы не мешал держать оружие.

— Возьми! Это спасет тебя не от раздвоения, но от силы, заставляющей тебя поднять меч на своего двойника. Зеленый монстр, которого ты видел в Шангаре, действует только там. В других местах ты можешь оказаться один на один с трехпалыми карликами.

— Спасибо, — коротко поблагодарил его Конан.

— Прости, что не могу помочь тебе чем-нибудь более существенным, — развел руками Аршад, — но жрецы Золотого Павлина очень ревностно хранят свои тайны, и нам удастся выудить лишь крупинцы их секретов... Теперь мы, пожалуй, готовы к тому, чтобы переправить тебя за пределы города. Сделаем так...

* * *

— Масхад, посмотри, что там за шум! — Старший ночной стражи с недовольством оторвался от игры в кости. — Носит нелегкая по ночам этих придурков... Двиньте-ка им хорошенько по зубам!

Двое стражников, охранявших западные ворота, лениво поднялись и вышли на улицу. Им тоже не хотелось выходить в ночь из уютной сторожки, находившейся в толще крепостной стены. Они подошли к воротам, чтобы проверить, цел ли замок. А куда он, собственно, мог пропасть — тяжелая железная штукавина, величиной с годовалого ребенка? Его и снести в сторожку не всякий смог бы в один ночку. Они прошли немного вдоль стены, пытались обнаружить источник шума, но ничего подозрительного не нашли.

— Эй! Галаз! — Масхад, сложив ладони воронкой, поднял голову к гребню стены.

— Чего тебе, мокрая задница? — раздалось сверху.

— Вы ничего не видели здесь?

— Ты что, опух? Кто тут может ходить ночью?!

— Не знаю, начальник послал посмотреть. Так ты ничего не слышал, глухая вошь?

Наверху на некоторое время стало тихо, затем полился поток грубой брани, а затем донеслось:

— Сам уши прочисти, сын бородавчатой свиньи, ничего здесь не было!

Масхад прислушался. Нет, прав был все же не Галаз, а начальник. Где-то явственно слышался звон, похожий на бреньканье колокольчика, привязанного к бычьей шее.

— Слышишь? — спросил он напарника.

— Да, вроде где-то там. — Он указал на площадь перед городскими воротами.

— Сейчас вот врежу ему, мало не будет! — Масхад, разозленный, что кто-то помешал спокойному течению службы, двинулся от стены.

Вот и источник шума. На площади, шагах в сорока от сторожки, стояла арба, запряженная почему-то верховой лошастью. Лошадь мотала головой, и колокольчик дребезжал в такт ее движениям.

— Эй, ты, потомок шакала! — Масхад с напарником подошли к повозке, но на козлах никого не было.

Масхад приподнялся на цыпочки и заглянул внутрь. Там тоже было пусто.

— Что еще... — начал было его напарник, но его слова прервал какой-то шорох шагах в двадцати от них — там, где площадь заканчивалась и начинались торговые ряды небольшого рынка.

— Помоги мне, солдат. — Перед ними возникла женская фигура в белых одеждах.

— Смотри-ка, девка! — воскликнул Масхад, делая к ней пару шагов.

Женщина повернулась и пошла к рынку.

— Эй, постой! — Масхад с напарником, ускоряя шаг, двинулись за ней.

Женщина вдруг неожиданно остановилась и, когда Масхад уже было приготовился схватить ее за руку, резким

движением всадила кинжал ему в шею. Второй стражник открыл было рот, чтобы крикнуть, но не успел: нож киммерийца, стоявшего шагах в десяти от него, возле самой стены лавки, вонзился ему в глаз. Истекая кровью, оба стража осели на землю.

— Молодец! — похвалил варвар Аршада, который так удачно изображал женщину. — Как это у тебя получается?

Они быстро пересекли площадь и очутились у дверей комнаты стражников.

— Начальник! — голосом зарезанного им Масхада позвал колдун. — К тебе пришли!

— Кого еще там принесло? — раздалось недовольное ворчание, потом послышались шаги и стражник вышел наружу.

Перед ним стояла закутанная в покрывало женщина.

— Масхад! — оглянулся по сторонам стражник. — Что это за шлюха? Где ты?..

Договорить он не успел. Сбоку на него обрушилось что-то очень большое и тяжелое, такое тяжелое, что в глазах несчастного потемнело и мгновение спустя он перестал дышать.

— Сколько их там еще? — шепотом спросил варвар, поднимаясь с тела незадачливого стража.

— Думаю, остался один, — так же тихо ответил Аршад, — но надо следить за верхом стены, там тоже ходят стражники.

Он просунул голову внутрь сторожки и голосом начальника позвал:

— Эй! Спустись-ка сюда!

Ничего не подозревающий стражник, сойдя вниз по лестнице, получил страшный удар кулаком по лицу, от которого хрустнули шейные позвонки.

— И этот готов, — шепнул киммериец.

Он поднялся в сторожку. Первое, что ему бросилось в глаза в небольшом помещении, едва освещенном слабым фонарем, который висел на стене, — огромные, длиной в его предплечье, ключи.

— Ничего себе... — уважительно протянул варвар. — Старая работа, наверное.

Он взял ключи и стал спускаться по лестнице.

— Эй! Чего у вас там случилось? — услышал он голос.

— Девка у нас! — раздался в ответ голос начальника стражи.

Словно подтверждая его слова, тотчас прозвучал легкий женский смешок и мелодичный голос произнес:

— погоди, дай я сниму платье! Какой нетерпеливый!

— Не хочешь спуститься? — продолжал Аршад голо- сом начальника стражи. — Позабавишься немного.

— Ладно! — раздалось сверху. — Позовешь, когда подойдет моя очередь!

Конан вернулся с ключами. Аршад уже снимал с себя женские одежды и накладные груди и бедра.

— Ну как? — прошептал он.

— Отлично! — Варвар направился к воротам.

— Постой! Возьми, смажешь, чтобы не скрипел. — Кол- дун протянул ему флакон с маслом.

Конан зашел под каменную арку ворот и, прижимаясь к стене, чтобы не было заметно сверху, отомкнул замок и осторожно снял его.

— Готово! — шепнул он.

— Удачи тебе, и помни про день соединения звезд, — пожал ему руку Аршад.

Мгновением позже фигура в темных одеждах бесшумно растворилась в темноте одной из боковых улочек.

Дело было за малым. Варвар, выждав некоторое время, чтобы дать своему напарнику уйти подальше от городских ворот, метнулся к повозке. Два взмаха ножом, и построжки остались висеть на оглоблях, а Конан верхом уже летел к воротам. Все было приготовлено, ему оставалось только, не слезая с коня, отодвинуть одну из створок так, чтобы мог протиснуться всадник. Скоро он уже крупной рысью уда- лялся от благословенного Хоарезма, даже не потревожив стражников на стене, так и не дождавшихся своей очереди насладиться в эту ночь вожденным женским телом.

Глава первая

Конан решил вернуться в Шангару тем же путем, через горную дорогу, чтобы не попадаться лишний раз на глаза кому не надо. Он переночевал совсем недалеко от города в маленькой рощице и с восходом сол- нца был уже в седле. Теперь путь был ему известен, и он беззаботно глядел по сторонам, в то время как его конь мерной рысью бежал по каменистой дороге. Он уже про- ехал водопад, где совсем недавно боролся с потоком, спасая Маниже, и приближался к знакомому мосту, когда заметил отряд всадников, спешивших ему навстречу.

«На всякий случай пережду, пожалуй, в этой роще, пока они проедут», — решил киммериец и съехал с дороги.

Однако всадники уже заметили его и, прищипывая лошадей, с криками «стой!» бросились за ним следом.

«Что им от меня нужно?» — подумал варвар, пригото- вясь к схватке.

Он прислушивался, прикидывая расстояние до погони. Судя по всему, она была примерно шагах в ста от него.

«Попробую их перехитрить», — решил киммериец, заби- рая влево, чтобы заставить их как можно дольше пресле- довать его по лесу. Затем, прищипив коня, поспешил вновь выехать на дорогу.

Он выскочил на нее у самого мостика, но здесь его ждал сюрприз: командир патруля не был новичком и поставил часть своего отряда так, чтобы не дать беглецу уйти в горы. Конечно, справиться с тремя солдатами варвару ничего не

стоило, бывало противников и побольше. Но сейчас... Всадники держали в руках луки, и сомневаться не приходилось: они пристрелят киммерийца раньше, чем он доберется до них.

Размышлять, что делать, времени не оставалось. Конан поскакал по дороге обратно в сторону Хоарезма. Всадники немного замешкались, и в первые мгновения варвар успел уйти довольно далеко. Оглянувшись назад, он резко остановил своего скакуна, спрыгнул на землю и стал быстро карабкаться по почти отвесной скале, возвышавшейся над дорогой. Когда погоня достигла того места, где он спешил, киммериец забрался уже достаточно высоко. Свист стрелы заставил его отпрянуть в сторону. Он мгновенно спрятался за выступ скалы и осторожно посмотрел вниз. Трое солдат целились в него из луков, а их подросшие товарищи слезали с коней и готовились преследовать его по скалам.

— Один, два, три.... Десять, одиннадцать,— считал варвар.— Да, многовато.

Киммериец резко вынырнул из укрытия и, пока солдаты разворачивали луки, успел двумя прыжками переместиться выше по склону.

— Еще пара таких маневров, и они не достанут меня снизу,— решил он.— Правда, за это время другие сумеют подобраться ближе.

Варвар огляделся. Чуть выше лежал большой округлый камень, который, как показалось Конану, будет довольно легко столкнуть вниз. Он вновь выскочил из-за укрытия, и вдруг резкая боль пронзила его ногу.

«Хорошо хоть не в голову!» Не обращая внимания на стрелу, торчавшую из икры, киммериец успел юркнуть за облюбованный камень и всем своим весом навалился на него. Камень дрогнул. Еще усилие, еще — и он покатился вниз, увлекая за собой другие камни.

Конан едва успел отпрыгнуть в расщелину, даже не посмотрев, куда полетел камень. Он вытянул ногу и, стиснув зубы от боли, выдернул наконечник стрелы. К счастью, лучники стояли далеко, и стрела неглубоко проникла в

мышцу, так что пользоваться ножом не пришлось. Послышался грохот камней, и сразу вслед за ним снизу донеслись вопли. Варвар выглянул, чтобы оценить обстановку, и остался вполне доволен: он устроил небольшой горный обвал. Всю дорогу завалили камни и ветки кустарника почти до высоты человеческого роста, а на склоне удержались только трое солдат, которые упорно продолжали карабкаться вверх. На дороге метались несколько коней, людей же осталось всего четверо.

— Ну что ж, неплохо,— удовлетворенно хмыкнул киммериец,— обвал засыпал четверых!

Он высунулся из своего укрытия и запустил осколком камня в одного из солдат, который оказался ближе всех. Камень попал ему в лоб, и несчастный покатился вниз. Варвар крикнул остальным:

— Эй, воюющие ублюдки! Не пора ли вам убираться отсюда? Или вы хотите присоединиться к приятелям?

Хотя рана в ногу сильно мешала, он быстро рванулся вверх, оставив преследователей, теперь уже только двоих, далеко позади. Правда, внизу были еще четверо, но, даже если они и заберутся сюда, его им уже не догнать. Мало кто мог сравниться с киммерийцем в умении лазать по скалам, и чем круче был склон, тем большее преимущество перед противником получал варвар.

Конан на мгновение остановился, чтобы прикинуть, что делать дальше: подпустить преследователей поближе — тем более что они, похоже, расстреляли весь свой запас стрел — и расправиться с ними, либо бежать, чтобы не дать остальным возможности приблизиться. Крутой склон заканчивался, и на плато они могут его окружить или достать выстрелами из луков, если у них еще остались стрелы. Решение нужно было принимать быстро. Опередившего всех солдата отделяли от Конана не более десяти шагов, и настроен он был, мягко говоря, не миролюбиво. Злое выражение лица и зажатый в зубах нож делали его похожим на пирата, который карабкается на борт вражеского корабля.

— Эй! Приятель! — подзадорил его варвар.— Тебе не жарко в шлеме и латах? Смотри, солнце-то как печет.

С этими словами киммериец поднял над головой большой валун и бросил его в неприятеля.

— Давай, катись к своим, отрывка большого шакала! — крикнул он, и его крик смешался с воплем противника, который покатился по склону, безуспешно пытаясь ухватиться за выступы скалы.

К его несчастью, он попал на совсем гладкое место, которое перед этим очистила лавина камней, и ему удалось остановиться только перед самой дорогой, но от варвара его теперь отделяло две сотни локтей. Еще один преследователь, оставшись в одиночестве, замер. По его лицу было ясно, что он понял: они выбрали неправильный путь и, пожалуй, недостижимую цель. Снизу ему закричали, чтобы спускался, признавая тем самым, что варвар победил. Еще бы! От отряда в одиннадцать человек на ногах оставалось лишь пятеро, а остальные лежали с переломанными ногами и руками, а кое-кто и с пробитым черепом. Доспехи отчасти смягчили удары, иначе многих можно было бы уже хоронить.

— Что, ублюдки, получили? — Варвар не мог отказать себе в удовольствии подразнить своих преследователей.

Плюнув вниз, он добрался до гребня скалы и тронулся вперед по ровному участку, не беспокоясь особенно о том, что творится у него за спиной.

«Почему они сразу бросились в погоню? — размышлял Конан, шагая по каменистой, местами поросшей травой равнине. — Значит, их послали поймать именно меня. Экий мерзавец этот визирь! Прав Аршад, он будет против нас».

Впереди виднелись вершины хребта, за которым, как он знал, раскинулось горное селение, где стоял отряд туранцев, верный Джунгир-хану. Поглядев назад, нет ли погони, варвар присел на камень и, оторвав рукав рубахи, перевязал рану. Сильной боли она не причиняла, но все-таки он заметно прихрамывал и шел не так быстро, как обычно.

— Сучий потрох, — выругался киммериец. — Но кровь из носа, а к вечеру надо добраться до своих.

Он поднес к губам фляжку и поморщился: вода оказалась теплой и неприятной на вкус.

— Да, нечего говорить, — едва удержался варвар, чтобы не плюнуть, — шангарская вода вкуснее. Только и она, пожалуй, не сравнится с нашей.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж сильно тосковал по родине, но иногда ему виделись во сне густые леса, прозрачные ручейки, покрытые снегом серые скалы, прохладное северное лето. Но сейчас над ним раскинулось немилосердно раскаленное небо, а вокруг лежала выжженная солнцем скупая равнина с каменистыми островами. Конан прибавил шаг, насколько позволяла ему рана.

— Правильно, что я полез в скалы, — похвалил он себя, — Нергал им в задницу, где им, сопливым детям шелудивых верблюдов, догнать в горах настоящего киммерийца!

Глава вторая

Высокочитимый господин, ты же посылаешь меня на верную смерть! — Слезы катились по щекам мужчины, оставляя следы на грязном смуглом лице.

— Мне кажется, ты еще не понял, что будет, если не согласишься! — Мусаиб бросил суровый взгляд на прикованного на стене человека, руки которого были продеты в кольца, ввернутые в камень.

Чадающие факелы наполняли подземелье угаром, который смешивался с тяжелым запахом сырой земли и мокрого дерева.

— У тебя нет выхода, глупец. — Мусаиб выпрямился в кресле, положив руки на подлокотники. — А если исполнишь то, что я сказал, я щедро тебя награжу.

— Но это невозможно, они убьют меня! — Мужчина рванулся вперед, но кольца не пустили его.

— А ты постарайся уцелеть!

— Нет! Лучше убей меня здесь!

— Какой смелый, — почти ласково проговорил визирь, — посмотрим, как ты сейчас запоешь. Давай ее сюда, — кивнул он человеку в кожаном фартуке, который примостился на деревянной скамье около жаровни с углями.

Палач встал. Он был высокого роста, с длинными, как у обезьяны, руками. Сходство усиливали густые рыжие волосы, покрывавшие его руки, плечи, грудь и выдвинутый вперед подбородок. Череп его, напротив, был чисто выбрит и блестел в свете факелов, словно полированный. Рельефные

мускулы этого чудовища еще более подчеркивались скудным освещением. Казалось, они высечены из камня. Палач поклонился визирю в знак того, что понял приказ, и направился к двери. Фартук у него был надет прямо на голое тело, и мощные ягодицы двигались при каждом шаге, словно мельничные жернова, наводя еще больший ужас на прикованного к стене человека.

За дверью послышались какая-то возня, потом сдавленный женский крик. В подземелье вернулся палач, его широкая грудь закрывала от распятого на стене человека то, что происходило сзади. Когда палач подошел к своей скамье, несчастный увидел, что вслед за ним двое стражников тащат под руки женщину, почти потерявшую сознание от ужаса.

— Малика! Нет! — закричал человек у стены и отчаянно рванулся вперед. — Нет! Не делай этого!

— Давай! — кивнул палачу Мусаиб.

Палач, не говоря ни слова, поднялся со своего места и, подойдя к женщине, двумя взмахами огромных лап сорвал с нее одежду. Женщина встрепенулась и громко закричала.

— О нет! Пощади! — Крик прикованного к стене смешался с ее воплем.

Палач тем временем, не обращая внимания на то, что женщина билась в его руках, как пушинку поднес ее к противоположной стене и заученным движением накинул петлю на сомкнутые в запястьях руки. Он дернул прикрепленную к крюку веревку, и женщина взлетела почти под самый потолок, едва не достав кистями балку, через которую была переброшена веревка.

— Пусть повисит пока, — кивнул визирь палачу. — Ну что, смельчак, понял в чем дело? — обратился он к несчастному, который продолжал биться в кольцах, обезумев от страшного зрелища.

— Да помолчи ты, дурак! — Мусаиб размахнулся и отбил костлявой рукой удар, попав жертве по носу.

Человек перестал кричать и затих. В наступившей тишине частые капли крови из разбитого носа с мягкими шлепками падали на камень.

— Слушай меня, поганец! — Желваки заходили на впалых щеках визирия. — Я сейчас прикажу этому человеку, — он указал на палача, — взять кнут и хлестать ее по ребрам, пока мясо не слезет с костей, а ты будешь смотреть, как твоя сестра корчится и подыхает. По твоей вине! — заорал он, глядя в глаза жертве. — Сначала она будет кричать, — упивался он своими словами, — а потом замолчит, но он сумеет привести ее в чувство. А ты будешь слушать, пока твои уши не лопнут, ублюдок!

— Хорошо, высокочтимый, я согласен, только не делай этого. — Голова человека упала на грудь, последние силы покинули его.

Палач, внимательно следивший за происходящим, мгновенно очутился рядом и окатил его водой из большого глиняного кувшина. Человек окинул подземелье отсутствующим взглядом и, запинаясь, вымолвил:

— То... Только отпусти мою сестру, господин...

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно потер руки Мусаиб. — А то «не буду, не буду»... Будешь! И все сделаешь! А если нет, — скривил он в злобешней усмешке тонкие губы, — я с ней поступлю, как и обещал. Отвяжи их, — кивнул он палачу. — Потом пришли его ко мне, — добавил он, выходя из подземелья.

Глава третья

На следующий день киммериец спокойно въехал в Шангару с караваном, который шел из Офира. За несколько золотых караванщики дали ему замызганный полосатый халат и повязку на голову, посадили на верблюда, и, когда караван проезжал через Западные ворота города, на него никто не обратил особого внимания. Распрощавшись со своими спутниками, варвар быстро исчез в бурлящей толпе городского базара. Исчез, конечно, не то слово, потому что он возвышался над остальными чуть ли не на целую голову, но все-таки повязка немного преобразовала его, а одежда скромного караванщика кое-как скрывала мощные мускулы воина. Многолюдность базара была ему на руку, хотя и приходилось протискиваться сквозь толпы шангарцев, заполнивших просторную площадь. Кован направлялся к тому кварталу, где располагалось убежище беглецов из Замбулы. Рана на ноге все еще слегка побаливала, но на киммерийце все зарастало быстро, как на собаке, да и не стоила эта царапина того, чтобы заострять на ней внимание. Не в первый раз, да и не в последний, скорее всего, храни его боги!

Проникнуть в дом, где находились Испарана и Джунгир-хан, оказалось не так-то просто. Кован нырнул в переулок, который вел к их убежищу, но мгновенно замер: перед входом расхаживали два стражника. Расправиться с ними было раз плюнуть, но рано или поздно должна появиться смена. Их исчезновение не останется незамечен-

ным, а варвару не хотелось производить особого шума. Может быть, удастся въехать с какой-нибудь повозкой, когда привезут еду или что-нибудь еще? Киммериец присел в тени под раскидистым деревом и стал издали наблюдать за воротами в сад. Ждать пришлось довольно долго, но наконец к дому подъехала повозка с каким-то грузом. Стражники тщательно обыскивали всю поклажу, не упуская ни одной мелочи, прежде чем открыли ворота.

«Ясно,— понял варвар,— охрана серьезная. Эти ворота, похоже, не для меня».

Он оставил свой наблюдательный пункт и обошел пару кварталов, чтобы взглянуть на сад с другой стороны — там, где уже проникал внутрь не так давно ночью. Подойдя к знакомой изгороди, Конан прислушался. Вроде все было тихо. Осторожно, стараясь не шуметь, киммериец подтянулся на руках и заглянул через ограду. Первое, что он увидел, был шлем стражника, сидевшего к нему спиной и что-то говорившего второму, который, склонив голову, ковырял кинжалом деревяшку. Он был так занят своим делом, что не заметил варвара, высунувшегося из-за забора.

«Нергал мне в кишки! — Конан мгновенно убрал голову. — Похоже, их охраняют всерьез. Когда я уезжал, этого не было. Что же случилось?»

Он прошел немного дальше вдоль изгороди и заглянул внутрь еще раз. Двое стражников сидели, почти не меняя позы, только теперь до них было шагов пятьдесят. Больше с этой стороны сада он никого не заметил.

«Хорошо, что их всего двое,— подумал варвар.— Подожду чуть-чуть, может, что-нибудь и придумаю».

Кто ищет, тот найдет. Киммерийца вдруг осенило, и он побежал обратно вдоль забора. Миновав то место, где сидели стражники, и пробежав еще шагов сорок, он вновь рискнул заглянуть внутрь. Здесь сад зарос гуще, деревья подходили ближе к изгороди, а некоторые ветки даже перевешивались на улицу.

«Это мне подойдет»,— решил Конан и, стараясь не высовываться, чтобы доблестные стражи не заметили его, кинул

под деревья несколько монет, бросая каждую все ближе и ближе к забору.

Спрыгнув вниз, он искал подходящий камень и, найдя его, бросил к вершине дерева, которое росло внутри сада. Пока камень, ломая мелкие сучки и срывая листья, с шумом падал на землю, варвар уже бежал вдоль забора. Добравшись до нужного места, он подпрыгнул и, больше не таясь, оседлал верхнюю кромку изгороди. Поглядев вниз, он убедился, что расчет его оказался точным: стражники ползали под деревьями, уткнувшись носами в землю. Привлеченные шумом, они пошли проверить, в чем дело, и нашли монеты, разбросанные Конаном.

«Теперь можно хоть целую армию перетащить через забор, им будет не до меня». Киммериец спрыгнул в сад и бесшумно скользнул вдоль кустарника поближе к дому.

Притаившись, варвар оглядел дом снаружи. Все было тихо и спокойно, но никто из его обитателей не подавал признаков жизни. Окна закрыты, не заметно никакого движения.

«Что бы это значило? — изумился киммериец.— Куда они все подевались?»

Убедившись, что его появление в саду осталось незамеченным, варвар подбежал к дому и, забросив крюк на окно чердака, быстро вскарабкался наверх. Осторожно ступая, чтобы его шаги не услышали внизу, он прошел по чердачному помещению к тому месту, где люк вел в центральную комнату дома. Конан хорошо помнил расположение всех комнат и коридоров, ведь он сам несколько дней назад привез сюда Испарану и Джунгир-хана с их слугами.

Добравшись до люка, он приткнулся к щели и прислушался к тому, что происходит внизу. Временами слышались какие-то шаги и команды, которые кто-то отдавал громким, уверенным голосом. Правда, киммерийцу показалось, что начальственный голос он слышит не из той комнаты, что под ним, а из соседней. Осторожно — чуть-чуть, на самую малость — он сдвинул крышку, и в образовавшуюся щель увидел нечто ужасное. Подобное зрелище явно мог вынести лишь человек с очень и очень крепкими нервами. Почти

весь пол комнаты был завален трупами мужчин и женщин, причем, судя по тому, что кровь еще сочилась из их ран, их убили совсем недавно. Конан услышал шаги. Двое солдат внесли очередное тело, в котором он узнал повара Джунгир-хана, и бросили его рядом с остальными.

Киммериец почувствовал, как по его спине пробежал озноб.

— Испарана! — прошептал он. Глаза варвара лихорадочно искали среди трупов ее тело, но никого похожего на свою подругу он не увидел.

— Ну что, все? — раздался громкий голос из соседней комнаты.

— Все, командир, — ответил один из стражников.

— Подгоняй повозку поближе к дверям и начинайте грузить! — скомандовал голос, и на пороге комнаты появился офицер, тот самый, что заходил в таверну, когда готовилось похищение Хафара.

Гоухар, расставив ноги, наблюдал, как двое его солдат брали трупы за руки и ноги и выносили через парадный вход. Варвару было не очень удобно наблюдать через узкую щель, но он приник к ней глазом и внимательно считал тела.

— Так... Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, — с трудом закончил он подсчет, для чего ему пришлось чуть ли не вывернуть шею, чтобы оглядеть дальний угол комнаты. — Джунгир-хана, Хафара и Испараны нет. Всего их было шестнадцать человек, — вспоминал киммериец. — Нет, — поправил он себя, — еще человек для связи с отрядом. Значит, — подвел он печальный итог, — все остальные мертвы, а эти трое, наверное, в застенках начальника тайной службы, или как его там... — Он вытер испарину со лба. — Мерзавцы! Угробить столько невинных людей! Ничего, я рассчитаюсь с вами за это, вонючие ублюдки! Заодно и узнаю, где Испарана. Кажется, этот офицер вхож наверх. Вот его-то я и спрошу.

Варвар оторвался от люка, быстро пробежал по чердаку и спрыгнул на землю.

— Сейчас я вам покажу, сыновья греха!

Он подбежал к углу дома и выглянул на площадку, где двое стражников, закончив погрузку, закрывали тела большим куском рогожи, чтобы не пугать жителей города столь жуткой картиной. Когда один из них вернулся в дом, Конан в три прыжка достиг повозки и, прежде чем оставшийся страж успел повернуться, ловким движением свернул ему шею. Отбросив труп, киммериец встал за дверью так, чтобы его не было видно с улицы, где были слышны голоса наружной стражи. На крыльце показался, что-то напевая себе под нос, второй стражник. Он повернул голову сначала в одну сторону, видимо, разыскивая взглядом своего напарника, потом в другую... В этот миг на его горле сомкнулись стальные пальцы варвара, и тело, увлекаемое страшной силой, рванулось куда-то вперед. Сжимая его горло правой рукой, двумя пальцами левой руки киммериец нанес ему страшный удар в глаза, от которого доблестный страж уже не оправился. Из глазниц брызнула кровь, и он рухнул на землю, загремев латами.

— Что там у вас, шакалы? — Гоухар сделал шаг вперед, выходя на крыльцо, но второго шага ему сделать не удалось.

Какая-то тень выросла в проеме, закрыв свет. Тело офицера стражи после страшного удара в живот, произведенного неведомой силой, сложилось пополам. В глазах у него потемнело, и Гоухар рухнул на пол прихожей.

— Давай, охвостье Нергала! — Варвар похлопал Гоухара по щеке. — Очухивайся, грязная гиена!

Страж открыл глаза. Он увидел жесткий взгляд холодных синих глаз на обрамленном спутанными черными волосами лице с резкими, словно высеченными резцом скульптора чертами. Огромная ладонь мелькнула в воздухе, и Гоухар почувствовал хлесткий удар на щеке.

— Кто ты?

Он попытался вырваться. Тщетно. Вторая рука киммерийца держала его мертвой хваткой.

— Ты... Ты зачем это? — выдавил Гоухар.

— Сейчас узнаешь, — пообещал киммериец. — Где Джунгир-хан и остальные?

— Их... Их... Их забрали к Азатбахту,— запинаясь, ответил стражник.

Он сообразил наконец, что попал в руки тому, за кем сам охотился уже пять дней, причем без малейшего успеха. Да если бы только он! Ведь на ноги были подняты все солдаты шангарской охраны.

— Слушай меня внимательно, ублюдок! — Варвар говорил размеренно и веско, и каждое его слово вызывало у начальника базарной стражи приступ смертельного страха.— Сейчас мы поедем к твоему другу Азатбахту. Если ты чуть шевельнешься или мигнешь кому, вот, смотри.— Конан вытащил огромных размеров кинжал.— Проткну насквозь, как цыпленка. Вставай!

Киммериец, взяв Гоухара за шиворот камзола, поднял его в воздух и резко поставил на пол.

— Давай твое оружие, оно тебе больше не понадобится.

Гоухар повиновался. Он двигался, словно во сне, и никак не мог понять, что же такое произошло, почему этот варвар перехитрил их всех, и, самое главное, что же с ним, Гоухаром, теперь будет?

— А сейчас отправь куда-нибудь своих стражей за воротами! Разреши им пойти пропустить по кружечке. И не вздумай дурить — я рядом!

Гоухар вышел на подгибающихся ногах на крыльцо и тоскливым голосом позвал стражника. Конан, стоя за дверью, держал наготове меч, намереваясь разрубить офицера пополам, если тот попытается его обмануть. Но перепуганный до смерти Гоухар уже не был способен на какие-либо самостоятельные действия. У киммерийца даже зародились сомнения, хватит ли у того сил усидеть на козлах, когда они поедут отсюда.

Глава четвертая

С ил у Гоухара хватило, а может быть, просто страх приклеил его к сиденью на передке повозки. В общем, он даже не пошевелился до тех пор, пока киммериец не остановил коней у ворот начальника ханской стражи. Варвар с трудом натянул на себя форму одного из убитых, чтобы не вызывать подозрений, пока они ехали через город, и теперь сидел, несколько скрючившись, потому что камзол немилосердно жал ему под мышками.

— Скажи, чтобы пропустили,— не разжимая губ, прошипел Конан.

Гоухар повиновался, и привратники, узнав его, распахнули ворота. Повозка, покачиваясь на неровных камнях мостовой, въехала во двор.

— А теперь, шакалья задница,— негромко приказал варвар,— пошли к твоему начальнику. И помни, о чем я тебя предупредил!

Он помог слезть с козел помертвевшему от ужаса Гоухару и, ласково подталкивая его кинжалом в спину, пошел за ним к дверям, расположенным в конце крытой галереи.

Теперь уже не было смысла таиться, и, когда киммериец поравнялся с двумя стражниками, которые сидели на скамье и приводили в порядок свою амуницию, он просто проткнул им глотки тем же кинжалом. Движения его были настолько стремительными, что те даже охнуть не успели, а так и остались сидеть на скамье, привалившись к

стене дома. Конан вытер клинок об одежду Гоухара и подтолкнул его:

— Ну, чего застыл? Давай, шевели копытами!

Они вошли в небольшое помещение, где за столом сидел человек в форме стражника и что-то писал на большом листе пергамента.

— Надо же, — удивился киммериец, — грамотный!

Стражник поднял голову и, увидев Гоухара, входящего с каким-то незнакомцем, открыл было рот, чтобы задать вопрос или поприветствовать офицера. Но что он хотел сделать, уже никто не узнал. Длинная рука киммерийца молниеносным движением схватила его за волосы и впечатала лицо в столешницу с такой силой, что доска не выдержала и треснула. Что произошло с головой стражника, описывать излишне: разумеется, его череп лопнул, словно спелая дыня.

— Где Азатбахт? — Варвар повернулся к Гоухару, который, выпучив глаза, смотрел на расколотую голову стражника. Видимо, картина настолько впечатлила стражника, что он застыл как истукан.

Конан повторил свой вопрос, отвесив предварительно сочную оплеуху, чтобы тот очнулся.

— Т-т-т... Т-там. — Стуча зубами, Гоухар указал на дверь.

Киммериец приложил ухо к двери и прислушался. Внутри было тихо.

— Заходи первым! — подтолкнул он Гоухара.

Начальник базарной стражи трясущимися руками открыл дверь и сделал два неверных шага вперед.

— А, это ты, свинячий глест, — услышал варвар голос изнутри комнаты. — Кто тебя пустил, и зачем ты приперся?

К изумлению большого начальника, вместо того чтобы рабопенно согнуться и ответить на его приветствие, Гоухар, словно выпущенный из катапульты, пролетел, растопырив руки, вперед и обрушился на него. Это Конан толкнул в спину незадачливого офицера и вслед за ним вошел в комнату.

— Ты... — выбираясь из-под придавившего его тела, хотел было грязно выругаться Азатбахт, но слова застряли у него в глотке.

Аккуратно запирая дверь на засов, у дверей стоял гигантского роста человек с обнаженным мечом в правой руке и таким взглядом жестоких синих глаз, что у начальника ханской стражи отпала охота не только спрашивать, но и вообще шевелиться. Вид вошедшего внушал Азатбахту определенные сомнения не только в том, что вопросы сейчас будут уместны, но также и в том, что его жизнь имеет хоть какой-нибудь смысл. Все это время, с тех пор как варвар ехал на повозке с трупами, его ярость возрастала, не находя выхода. Азатбахту довелось увидеть киммерийца как раз в то мгновение, когда он дошел до высшей точки кипения своей злости, и она казалась еще страшнее оттого, что внешне Конан выглядел совершенно спокойным.

— Тихо, — предупредил киммериец, — я люблю порядок. Порядок во всем, — добавил он и рванул с почтенного Азатбахта ножны с оружием с такой силой, что чуть не разорвал того пополам.

Ремень лопнул, начальник ханской стражи скорчился от страшной боли в пояснице. Штаны упали с него, полоса содранной кожи на месте, где полагалось быть талии, кровоточила.

— Сядьте, — коротко бросил варвар, кивая на лавку в углу комнаты.

Поддерживая спадающие шаровары, начальник стражи семенящими шажками пробежал в угол и сел. Гоухар, соблюдая субординацию, подождал, пока сядет Азатбахт, и потом робко примостился на краешке скамьи. Конан подвинул себе ногой стул и устроился напротив них.

— Ну, что будем делать, сыновья пьяной блевотины? — ласково спросил он.

Его незадачливые собеседники были потрясены настолько, что просто не могли сразу сообразить, чего же хочет от них этот могучий варвар. Давая выход своей ярости, Конан отвесил каждому по хорошей оплеухе.

— Начинай ты! — ткнул он острием меча в грудь Азатбахта.

— Чего ты... Тебе... — заскулил тот, не соображая еще, в чем дело.

Киммериец отвесил ему вторую пощечину, посильнее первой.

— Объясни ты, сопля шангарская.— Теперь он ткнул мечом в Гоухара.

Тот, давясь от испуга собственной слюной и заикаясь, рассказал Азатбахту, что успел понять сам. Варвар, положив ногу на ногу, слушал, временами внося поправки.

— Понял, что тебя ждет, если с этими людьми что-то случилось? — мягко спросил варвар, и от его вопроса Азатбахта забила крупная дрожь.

«Что? Уже?» — пронеслось в голове киммерийца.

— Отвечай, тухлый селезень! — Отвесил он еще одну оплеуху.

— Нет! Нет! — Азатбахт умоляюще протянул вперед руки и завопил: — Они живы, живы!

— Тихо, скотина! — процедил сквозь зубы варвар.— Ты так всю стражу сюда созовешь. Забыл, что все под богом ходим? — Он выразительно покачал клинком.— Продолжай!

— Они здесь, у меня в подземелье,— затараторил Азатбахт,— я сейчас прикажу их привести. Они живы, живы...— повторял он, испытывая животный восторг оттого, что поступил правильно и не успел отправить своих пленников на Серые Равнины. У него появилась надежда, что теперь он сможет уцелеть.

— Не торопись,— охладил его пыл киммериец.— Ты очень плохо себя вел. Люди приехали в твой город отдохнуть и набраться сил, а ты их сажаешь в темницу, сын вонючей гиены! — В синих глазах полыхнул яростный огонь.— Вспомни, паршивый козел, зачем я тебе был нужен?

Азатбахт вздохнул. Отвечать ему не хотелось, но под взглядом варвара он все-таки выдавил:

— Ты убил моих людей, поэтому тебя и искали...

— Врешь! — Киммериец приподнялся со стула.— Эти облезлые псы первыми погнались за мной. Значит, им кто-то приказал. Ну-ка, вспоминай, живо!

— Нет! Не надо! — заверещал офицер, думая, что варвар хочет покончить с ним.— Я все скажу! Один из местных рассказал, что ты украл у его семьи перстень. И я...

— Этот? — Конан сунул ему под нос мизинец с кольцом.

— Я не знаю, какой... Он так сказал, и я пообещал арестовать тебя и отдать кольцо ему.

— Как его зовут?

— Махтар, он приятель хозяина таверны Бехруза.

— Ты думаешь, шелудивая овца, что я всех знаю по именам в вашей вонючей Шангаре? — Варвар сжал кулаки.

— Бехруз — хозяин «Туранского сокола».

— Хорошо... — Киммериец на мгновение задумался.— С этим я разберусь. Теперь о ближайших делах. У тебя есть закрытая повозка?

— Есть, есть,— обрадованно закивал головой Азатбахт.

— Прикажешь запрячь лошадей и подогнать сюда, во двор,— глядя на него тяжелым взглядом, распорядился Конан.— Потом посадишь туда пленников. Кстати, деньги где?

— Какие деньги? — изобразил недоумение начальник стражи.

— У Хафара было много денег! Забыл, что ли? — Новая оплеуха обрушилась на окровавленное лицо начальника ханской стражи.

— Они у меня дома,— быстро вспомнил Азатбахт.

— Придется заехать к тебе в гости,— мрачно изрек варвар,— там заодно и на твои припасы посмотрим. Ты ведь, небось богатый?

— Ну, что ты... — застеснялся стражник.

— Ладно! — прервал его киммериец.— Хватит гундосить! Вытри рожу, подтяни штаны и сделай распоряжения. Учти, я буду стоять сбоку от тебя. Если что, сам понимаешь, тухлая отрыжка осла!

Все прошло довольно быстро и, к величайшему удовлетворению Конана, благополучно. Они втроем вышли из комнаты Азатбахта и сели на передок повозки, которая уже стояла наготове. Конан постучал в стенку:

— Испарана, вы живы?

— Конан?! — раздался изнутри приглушенный вскрик.

— Кто с тобой?

— Только Хафар и Джунгир-хан. Где остальные, я не знаю.

— Хорошо, — ответил варвар, — об остальных потом.

Он бросил возжи Гоухару, который сидел справа от него.

— Давай, поехали, будешь за возницу! И смотрите у меня, ваша жизнь не будет стоять и ломаного медяка, если что не так сделаете, свинососы!

Азатбахт и Гоухар уныло кивнули. Уже вечерело, поэтому горожанам было невдомек, что на козлах повозки, которая быстро двигалась по улицам Шангары к Западным воротам, сидели грозные и всеильные офицеры, причем тот, что имел весьма сильно опухшее лицо, был сам начальник городской стражи, почтенный Азатбахт. Привратники у ворот, увидев своего начальника в сопровождении Гоухара и еще какого-то стражника, лишних вопросов не задавали, и скоро повозка уже весело катила прочь от Шангары. Только один прохожий обратил внимание на возницу и его спутников. Махтар, спеша в таверну к Бехрузу, так и застыл с раскрытым ртом, узнав в сидящем рядом со знакомыми ему почтенными людьми человека, которого безуспешно пытался поймать.

«Куда это они его везут? — размышлял колдун, провожая повозку недоумевающим взглядом. — Впрочем, раз его поймали, завтра я так или иначе заполучу этого парня. Ведь Азатбахт обещал. Надо же, не соврала старая карга! Действительно, какой он большой!»

Когда башни Шангары скрылись за поворотом дороги, Конан ткнул Гоухара в бок острием кинжала.

— Стой, ублюдок! Приехали. Слезайте! — скомандовал он, спрыгивая на землю.

— Что ты с нами сделаешь?! — Двое стражей бухнулись ему в ноги, норовя облобызать сапоги.

— Это не мне решать, — ответил варвар.

Он связал их и, отпихнув с дороги, открыл дверцу повозки.

— Испарана! — позвал он. — Выходите, самое время размять ноги!

Глава пятая.

Конан! — Испарана упала в объятия киммерийца. — Мы уж думали — все, конец!

— Слава Солнцеликому! Будем надеяться, что боги нас и впредь не оставят! — Варвар нежно сжимал в ладонях ее тонкие, но сильные пальчики. Он был по-настоящему счастлив. — Видишь, нам суждено быть рядом! А ведь как ты сопротивлялась тогда!

Из повозки выпрыгнули Джунгир-хан и Хафар. Киммериец выпустил Испарану из своих объятий.

— Ну что, высокочтимые, надо решать, что делать дальше. Сначала ты, повелитель, — Конан обернулся к Джунгир-хану, — скажи, как поступить с этими двумя негодяями. Они зарезали всех твоих верных слуг.

Мальчик исподлобья взглянул на киммерийца. Его лицо ясно говорило о том, что он не доволен. Здесь распоряжался Конан, и юному правителю Замбулы это не нравилось.

Он походил на своего покойного отца не только внешне. Его волевой, надменный взгляд тоже напомнил варвару вероломного Актер-хана.

«Скоро от этого волчонка можно ожидать больших неприятностей», — подумал Конан.

— Тебе решать, правитель, — повторил он, подводя Джунгир-хана к канаве, где трепыхались связанные Гоухар и Азатбахт.

— Кто это? — спросила Испарана, подойдя к ним.

Киммериец наклонился вниз и вытащил за ворот рубахи сначала Гоухара, а потом его начальника. Встряхнув их хорошенько, он поставил обоих на ноги.

— Вот, смотри.— Варвар отступил на шаг.

— Мерзавцы! — Испарана, как разъяренная тигрица, рванулась вперед и, наверное, вцепилась бы Азатбахту в глаза, если бы киммериец не успел перехватить ее руку.

— Ты еще не все знаешь,— нарушил молчание Джунгир-хан.— Вот этот,— мальчик указал на Азатбахта,— отдал ее своим солдатам, и он,— теперь его палец ткнулся в грудь Гоухара,— он был первым.

— Испарана? — задохнулся киммериец.

— Ну да! Да! — закричала женщина.— Что ты еще хочешь? Подробностей? Их было четверо, они привязали меня к скамье...

— Достаточно! — прервал ее Конан.— Не нужно,— добавил он уже мягче, обняв женщину за плечи.— Ты вправе растерзать этих ублюдков. Вот тебе мой меч.— О вытащил из ножен клинок и протянул его Испаране.— Надеюсь, ты не разучилась пользоваться оружием.

Животный вопль ужаса огласил окрестности. Оба офицера бухнулись на колени, умоляя даровать им жизнь.

— Заткнитесь! — рявкнул на них киммериец.— Хоть умрите как люди, псы позорные! Тем более, что ваши товарищи смогут продвинуться по службе,— не удержался он, чтобы не съязвить.— Давай, Испарана! — Он отвернулся и отошел в сторону.

Вопли перешли в долгий и протяжный вой, словно стая шакалов лаяла на луну. Потом раздался свист меча, стук упавшей головы, и следом за ним еще один глухой звук падения. Потом все стихло.

— Садитесь.— Конан вскочил на козлы.— Все расскажу на месте, там и решим, как поступать дальше. Поедем к вашим туранским всадникам, больше нас нигде не ждут. А эту падаль шакалы и стервятники к утру обглодают дочиства.— Он кивнул на два обезглавленных тела, которые

принадлежали бывшим офицерам стражи.— Тьфу, псы шангарские! — сплюнул он и тронул поводья.

* * *

— Ваше положение на сегодня таково...— начал варвар, когда он, Испарана, Джунгир-хан и его визирь сели в кружок на пригорке рядом с лагерем.

Собеседники не сводили с него глаз, потому что за те дни, которые они провели в подземелье Азатбахта, никто никаких новостей им не сообщал. Всем не терпелось услышать, что скажет киммериец.

— Так вот,— продолжил Конан,— надежд на твоего родственничка нет никаких...

Он рассказал о своих приключениях в Хоарезме, о Мусаibe, о том, как за ним установили слежку, и о том, как его встретил дозор на дороге,— в общем, почти все, что с ним случилось. Он умолчал лишь об Аршаде, поскольку не привык посвящать в свои дела других. Перстень с павлином и все, что было с ним связано, остальных не касалось. Так он решил.

— Я не вижу ничего странного в том, что Мусаиб установил за тобой наблюдение,— поджав губы, сморщился Джунгир-хан.— Откуда ему знать, что какой-то дикарь его не обманывает?

Варвар с удовольствием дал бы юнцу по шее за такие слова, а главное, за тон, каким он их произнес. Однако мальчишка был как-никак ханом, поэтому Конан просто усмехнулся. Зато не промолчала Испарана.

— Как ты можешь! — возмущенно воскликнула она, и Джунгир-хан прикусил язык, глядя на нее с таким обожанием, что это не ускользнуло от пронизательного взгляда киммерийца.

«Неужели? — подумал он, но тут же отменил эту мысль.— Хотя,— поразмыслил он еще немного,— мальчишка уже почти взрослый, и не исключено, что Испарана тоже испытывает к нему не только материнские чувства...»

— Это вашей семейке доверять нельзя,— прямо и совсем непочтительно сказала Испарана, глядя в глаза Джун-

гир-хану.— Если Конан так говорит, то ему надо верить, тем более что он единственный из нас, у кого нет интересов в этом деле.

— Ты права,— поблагодарил ее взглядом варвар,— мне действительно ничего не нужно от вашей Замбулы, провались она к демонам! Но твой родственничек,— он посмотрел хану прямо в глаза,— мне не понравился.

— Это твое дело,— не сдавался Джунгир-хан.— Я думаю, теперь к нему можно послать более подходящего гонца, Хафара.

— Я готов, повелитель,— склонил голову визирь.

— Не торопись,— Испарана даже привстала от волнения,— так можно наделать ошибок!

— Если ты хочешь съездить в Хоарезм,— усмехнулся варвар,— то я тебя понимаю. Город красивый и богатый, есть на что посмотреть и где погулять, клянусь Белом,— его разбирал смех,— но,— он поднял вверх палец, словно служитель храма перед толпой молящихся,— почему-то у меня предчувствие, что тебя там, скорее всего, посадят в такое же подземелье, как и здесь. А на расправу там быстры, можешь поверить! — закатив глаза, будто ел что-то очень вкусное, продолжал варвар.— Штаны с тебя сдернут, мигнуть не успеешь,— захохотал он, уже не сдерживаясь.

В нескольких словах он поведал остальным, как был свидетелем скорой и весьма болезненной расправы со стражником.

— Беднягу унесли, как мешок с зерном,— закончил он свой рассказ.

Хафар, слушая его, слегка поежился, но Джунгир-хан недовольно взглянул на киммерийца.

— Ты не понимаешь откошений среди знатных людей, ты ведь всего-навсего простой солдат.

— Да,— усмехнулся Конан,— я действительно человек простой. Варвар из Киммерии. Но не придурок. А вот ты,— продолжал он, тяжелым взглядом окидывая Джунгир-хана,— хотя и царственного рода, напоминаешь мне безмозглую овцу.

— Ты забываешь, с кем говоришь! — вскипел Джунгир-хан.

— Вовсе нет,— спокойно отпарировал киммериец.— Ты, между прочим, сейчас стал никем, и звать тебя никак. Если бы случай в моем лице не помог тебе, то, возможно, черви уже давно лакомились бы твоим знатным телом. Надо было мне оставить вас с визирем у почтенного Азатбахта, смотришь, лишняя спесь и вышла бы из ваших высокородных мозгов.

— Ну, это ты слишком,— вмешался Хафар.

— А ты вообще бы помолчал! — огрызнулся Конан: его уже начало злить поведение этих вельможных ублюдков.— Можно подумать, это не ты продал меня начальнику стражи!

— Но я...

— Пес с вами! — Конан встал и решительно направился прочь.— Как хотите, так и поступайте, а у меня своих дел полно. Только время с вами теряю.

— Придурки! — выругала Испарана хана с визирем, бросаясь вслед за киммерийцем.

— Конан! Остановись! — Она подбежала к нему и бросилась на грудь.— Прости их. Ты ведь делаешь все ради меня, не так ли? — Взгляд ее карих глаз обволакивал киммерийца, лишая его сил к сопротивлению.

— Ладно уж,— буркнул он,— боги им судья...

Они вернулись к мужчинам. Те тоже понимали, что перепалка между Конаном и Джунгир-ханом зашла слишком далеко. Они сидели мрачные и безмолвно смотрели на приближающегося варвара.

— Я считаю,— киммериец начал свою речь так, как будто ничего не произошло,— надо найти достаточное число наемников. Это первое.— Он немного помолчал и продолжил: — Потом я попытаюсь привлечь на нашу сторону Ахимен-хана, если получится, конечно, я еще в этом не уверен. Если соберем достаточно сил, твое дело выгорит, возвратишь свой трон,— взглянул он на Джунгир-хана.

Тот молчал, угрюмо разглядывая носки своих сапог.

— Если ты хочешь искать помощи у Мусаиба, дело твое, — пожал плечами варвар, — но собирать войско все равно придется. Деньги ваши я у Азатбахта забрал, — сообщил он, — так что будет чем заплатить наемникам.

Договорились, что варвар начнет собирать отряд. Джунгир-хан все-таки настоял на своем, и Хафар решил завтра же ехать в Хоарезм. Конан не спорил. Нет смысла становиться между дураком и его глупостью. Если кто-то добровольно хочет подставить себя под кнут, только боги способны ему помочь.

Часть пятая

СОГЛЯДАТАИ И ПОДНАДЗОРНЫЕ

Глава первая

Утром Махтар направился к Азатбахту, надеясь, что сегодня ему наконец выдадут обещанное. Но, видимо, боги решили иначе. Сомнения у колдуна зародились, когда он еще шел по улицам Шангары, и чем ближе он подходил к дому, где помещалось ведомство начальника ханской стражи, тем быстрее таяла его надежда. На улицах было много стражников и даже солдат ханской армии, и из обрывков разговоров Махтар понял, что Азатбахт вместе с начальником базарной стражи Гоухаром куда-то исчезли.

«Боги! — вытер вспотевший лоб колдун. — Значит, это не они поймали варвара, а наоборот, он захватил их и увез с собой. И я, старый болван, все видел и пальцем не пошевелил, чтобы помочь им. Куда подевалась моя способность предвидения? Как будто кто-то напустил в мои глаза колдовского тумана!»

Он помчался обратно домой, заперся в своей комнате, где обычно занимался магией, и долго возился с колдовскими принадлежностями, лихорадочно листал старинные фолианты, пока наконец не узнал, что интересующий его перстень не поменял владельца.

— Уф! — Махтар откинулся на спинку кресла. — Слава богам, что перстень еще у киммерийца. Но парень он не простой, ох, не простой! Что же мне теперь делать?

Он сомневался, стоит ли опять обращаться к помощи властей. Один раз он это уже сделал. И что? Даже неизве-

стно, живы ли пропавшие офицеры стражи. Махтар встал и запагал по комнате из угла в угол. Варвар где-то недалеко от города, в горах. Вряд ли шангарский наместник сочтет нужным направлять туда отряд, чтобы вызволить Азатбахта и Гоухара. Поищут в городе день-два, а потом благополучно о них забудут. Претендентов на их должности хоть отбавляй. Стражником больше, стражником меньше, какая разница! Да и самому соваться к городскому начальству смысла нет: начнутся ненужные расспросы, времени он потеряет уйму, а толку ноль.

Колдун остановился на мгновение, потом снова забегал по комнате. Ему плевать на этих ослов, что попались в лапы варвара! Его, Махтара, задача — овладеть кольцом с золотым павлином.

«Надо рассуждать спокойно», — уговаривал себя он, но волнение не давало ему сосредоточиться.

И у магов бывают минуты растерянности. Ведь удача так неожиданно ускользнула из рук! Но, может быть, еще не все потеряно? Если свергнутый правитель Замбулы и его приближенные, о чем уже распространились слухи по Шангаре, действительно находятся где-то поблизости, они, несомненно, будут собирать армию из наемников. Народ к ним потечет разный, всяческий сброд в основном, конечно. Что, если подослать к этому варвару убийц? Тихонько ножичком в спину — и все дела! Один удар, и можно снимать перстенок с его руки. Махтар потер ладони: в самом деле, здорово он придумал! Дело за малым — найти исполнителя среди шангарских лихих ребят. Что ж, за хорошие деньги желающие всегда отыщутся, в этом он нисколько не сомневался.

«А лакуди? — пришла в голову внезапная мысль. — Как же я об этих-то поганцах забыл? Зеленого в горах нет, он может действовать только в Шангаре. Пока я тут рассуждаю, эти твари, пожалуй, и снимут мой перстень! Надо скорее, скорее!»

Он как ошпаренный выскочил из дома и помчался к своему дружку Бехрузу. Кто, как не хозяин таверны, поможет найти ему нужного человека?

— Что-то многие стали интересоваться людьми из Замбулы, — почесал щеку Бехруз. — Вот вчера вечером заходил тут один, все расспрашивал, где они могут быть. — Его лисья физиономия приняла печальное выражение, словно восстановление ханского престола было для него жизненно важным.

— Вчера? — удивился Махтар. — Насколько мне известно, вчера они еще были... — Он внезапно замолчал, чтобы не сказать ненароком чего-нибудь лишнего.

Бехруз, хитро прищурившись, глядел на него, соображая, зачем его подельнику понадобился отчаянный человек. В это время дверь открылась, и на пороге возник вчерашний посетитель, тот, что спрашивал про прибывших из Замбулы.

— Вот он, — шепнул Бехруз. — Может быть, вы найдете с ним общий язык. Чую, он неспроста интересуется Джунгир-ханом.

Колдун оглянулся. К ним подходил неприметный тураец с усталым взглядом. Видно было, что он целый день провел на ногах и провернул с утра немало дел.

— Пива, — попросил он хозяина, и когда тот подал ему кружку, тихо поинтересовался: — Что-нибудь слышал новенького?

— Поговори с ним. — Бехруз кивнул на стоявшего рядом Махтара. — Может быть, вы будете полезны друг другу.

— Пойдем поговорим. — Колдун повел незнакомца в дальний угол таверны.

Махтар всегда завидовал могущественным чародеям. Те умели многое, и всяческих колдовских предметов имели гораздо больше, чем он. Это они собирались на весенние гадания в Хоарезме, а таким, как он, оставались только мелкие делишки, вроде тех, чем он занимался с Бехрузом. Даже старая карга Эноха могла управлять своим монстром. А у него было только несколько магических книг да заколдованная коровья шкура. Тоже, конечно, штука неплохая: завернешь в нее человека, а потом глядишь — и нет его. Только боги знают, что произошло, да они ведь об

этом не расскажут! Вот когда он, Махтар, завладеет перстнем, тогда и о нем пойдет слава среди всех магов и колдунов, тогда и его имя будут произносить шепотом и с почтением. Через некоторое время не этот надменный индюк Шарип, а он поедет в Хоарезм к знаменитому Бахраму. Правда, кое на что он и сейчас был способен. Например, читать чужие мысли. Не у всех, это редко кто может, но вот этот человек, с которым они уселись за крепкий дубовый стол в таверне Бехруза, был для него прозрачен, как простое оконное стекло в таверне.

«Даже прозрачнее,— подумал Махтар,— потому что Бехрузу свои окна не мешало бы и помыть».

Однако своих секретов он раскрывать не стал, предпочитая послушать сначала, что скажет незнакомец, Юлбаш из Хоарезма, как он представился. Когда тот закончил свой рассказ, Махтар посмотрел на него пристальным взглядом.

— Ты, по-моему, немного ошибся,— важно начал он.— Ты ведь не послание привез от визиря Хоарезма, а собираешься убить Джунгир-хана, иначе Мусаиб замучает твою сестру, которую ты нежно любишь. Так?

Собеседник поперхнулся пивом, и его глаза остекленели.

— Откуда тебе это известно? — хрипло выдавил он.

— Не бойся,— успокоил его Махтар,— у нас с тобой очень близкие цели. Тебе нужно убить мальчишку-хана, а мне одного варвара из его приближенных. Если мы займемся этим вместе, то быстрее добьемся успеха. Верно?

Юлбаш подавленно кивнул: он еще не мог оправиться от потрясения, вызванного неожиданной осведомленностью Махтара.

— Я расскажу тебе, где они скрываются, и даже смогу отвезти туда,— продолжал Махтар.— Еще у меня есть неплохое снотворное зелье. Может быть, тебе имеет смысл прикинуться поваром. Ты умеешь готовить?

— Нет, в общем... — помедлив, ответил Юлбаш.

— Тогда попробуй наняться в услужение. Я знаю, что у них сейчас нет слуг, а таким большим людям они необходимы. Что-нибудь ты вообще умеешь делать?

— Я был цирюльником когда-то, могу шить...

— Вот видишь! — подбодрил его Махтар.— Главное — проникнуть к ним, а потом останется лишь дожидаться подходящего случая.

— А если... — начал Юлбаш.

— Умно будешь действовать,— перебил его колдун,— и сам уцелеешь, и дело сделаешь. Сестру свою спасешь, и, кроме того, если все закончится хорошо для нас, я дам тебе двадцать золотых. Сам прикинь, деньги немалые.

Юлбаш кивнул в знак согласия. Выбирать ему все равно не приходилось, а помощь Махтара была весьма кстати.

— Вот и славно! — Колдун не скрывал своей радости.— Теперь отправимся ко мне, надо все подготовить.

Через некоторое время арба, запряженная, как принято было в Туране, парой мулов, скрипя колесами, двинулась по дороге от Шангары на запад. На передке сидели двое неприметных мужчин: один, судя по одежде, лекарь или гадальщик, другой не выделялся ничем и мог быть кем угодно. В повозке лежали нехитрый скарб путешественников, несколько бурдюков вина, сундучок с принадлежностями цирюльника. Лица сидевших в ней были хмуры и сосредоточенны.

Глава вторая

Конан весело плескался в прохладном озерце. Стремительный ручей, стекавший с гор, замедлял здесь свой бег и в узкой лощине между двумя склонами растекался в спокойный водоем, видимо, для того чтобы, отдохнув и набравшись сил, быстро мчаться дальше, на равнину.

Варвар только что вернулся из поездки по ближайшим селениям, где договорился с крестьянами о покупке лошадей и поставках продовольствия. Армия, которую ему предстояло набрать, нуждалась и в том, и в другом. Самых же солдат киммериец намеревался поискать в ближайших городах: Самарре, Шангаре и Хоарезме. Всегда найдется достаточно лихих ребят, которые возьмутся за любое дело, если им пообещать звонкую монету. Но этим он собирался заняться завтра, а пока с наслаждением смывал с себя дорожную пыль в прохладной и свежей воде.

Киммериец поплыл медленными гребками на середину озерца, наслаждаясь покоем и ярким солнечным светом.

«Жаль, что Испараны нет со мной, так хочется ее видеть рядом...» Он перевернулся на спину и лег на воду, прикрыв глаза.

Сами собой всплыли в памяти стихи, которые он слышал как-то в шадизарской таверне. Странствующие музыканты пели под тихие мелодичные звуки флейты:

Приходи и танцуй для меня
Танец радостный узнаванья.

В полумраке увядшего дня
Я увижу груди колыханье.

Приходи и танцуй для меня
Танец медленный обещанья,
Сладше меда и жарче огня,
И улыбки зовущей сиянье.

Приходи и танцуй для меня
Танец сладостный опьянения.
И твой смех серебристый, звеня,
Поведеет меня в сад наслаждения.

Приходи, мы станцуем вдвоем
Обжигающий танец слиянья,
Я горю, как костер, в ожиданье своем,
И, кинжала острей, полыхает желанье.

Варвар нырнул на глубину, чуть коснувшись рукой каменистого дна. Сюда почти не проникали солнечные лучи, несмотря на то что вода была прозрачной и чистой. Поверхность водоема, видимая снизу, казалась темно-голубым сводом с искристым пятном дневного света. Киммериец проплыл немного у самого дна, распугивая раков и мелкую рыбешку, а потом сильным взмахом обеих рук послал свое тело наверх, к солнцу.

Вынырнув, он фыркнул, словно боевой конь, и вновь только сверкнувшие над водой пятки варвара могли указать любопытному месту, где он скрылся. Он снова появился на поверхности почти у противоположного берега и, поднимая тучи брызг, мощно загребая воду, поплыл обратно — туда, где под раскидистым дубом оставил свою одежду и оружие.

Выйдя на берег, Конан в недоумении огляделся вокруг: вроде бы место то самое, но где одежда? Он прошел по берегу несколько шагов в одну сторону, потом в другую. Ничего нет! Варвар еще раз осмотрел полянку. Да нет же, точно то место, вон и конь его пасется рядом. Чудеса! Он скрипнул зубами. Чьи это дурацкие шутки? А если он проворонил врага? Хотя он мог бы выстоять против нескольких человек и с голыми руками, но все же сейчас,

обнаженный, на открытой поляне, представлял собой удобную мишень для противника.

На всякий случай киммериец отломил здоровый сук от ближайшего дерева и направился к своему коню.

«Что же делать? — усмехнулся он про себя. — Придется так и ехать голым в лагерь. Вот будет потеха... Там найду чем прикрыться».

— Ты ничего не потерял? — насмешливо спросил голос позади него.

Варвар чуть не подпрыгнул от неожиданности и, заметив, где шевельнулись ветки кустарника, бросился туда. Движение листьев впереди указало ему дальнейший путь, и он рванул туда, проламывая себе дорогу, как разъяренный слон. Уже выбегая на крошечную полянку у самой воды, Конан услышал знакомый серебристый смех, а мигом позже увидел и очаровательную шутницу. Испарана, оперев руки в бока, залиристо хохотала над ним, голым, с дубиной в руке, взъерошенным, с торчащими из волос сломанными веточками и листьями.

— Ну что, парень? — подразнив его языком, задорно крикнула женщина. — Нравится? Помнишь, как ты подглядывал за мной, когда я купалась?

Конан бросился вперед, пытаясь схватить ее, но Испарана ловко увернулась, и он, проехав босыми пятками по влажной траве, влетел в воду. Фонтан брызг поднялся вверх, когда он рухнул с берега. Киммериец вскочил на ноги. Вода доставала ему до пояса и приятно холодила тело. Тряхнув головой, варвар рассмеялся, вторя подруге.

— Твоя взяла, — махнул он рукой, признавая поражение. — Иди сюда, Испарана! Давай искупаемся вместе.

Испарану долго упрашивать не пришлось. Она, глядя прямо в глаза Конану, медленно расстегнула застёжки, скреплявшие лямки ее безрукавки, потом сдвинула с плеч ворот просторной рубахи и повела плечами. Одевание, мгновение помедлив на пышной груди, плавно соскользнуло на траву. Женщина потянула завязки у пояса шаровар, и они белым пятном улеглись у ее ног. Варвар как замороженный смотрел на умопомрачительную картину. Испарана, сбросив с

себя одежду, словно бутон цветка, раскрывший лепестки, замерла перед ним. Ее золотистая кожа как будто искрилась на фоне темной зелени кустарника. Киммериец застыл, не шевелясь, словно опасаясь спугнуть неосторожным движением этот чудесный миг. Испарана была очень красива: ее длинные стройные бедра и сильные икры, чуть выпуклая округлость крепкого живота, упругие груди с розоватыми сосками, слегка покатые плечи и совершенной формы руки, изящная головка на длинной стройной шее, густая копна пурпурно-черных вьющихся волос — все, что предстало перед варваром в своей неприкрытой прелести, было способно свести с ума кого угодно.

— Испарана! — Он протянул вперед руки, как всегда, восхищенный.

Женщина шагнула вперед и, преодолев полянку несколькими грациозными прыжками, бросилась к варвару, распластав в полете руки, как удивительная птица. Конан поймал ее на лету и ласково прижал к себе.

— Испарана! — прошептал он. — Какая ты красавица, Испарана...

Женщина, забросив руки ему на шею, закрыла поцелуем его рот. Они долго не могли оторваться друг от друга, пока Испарана не заколотила маленькими кулачками по широкой спине киммерийца. Он отпустил ее на мгновение.

— Задушишь ведь, варвар! — В ее глазах было столько ласки и нежности, что у Конана перехватило дыхание от нахлынувших на него чувств.

— Купаться будем потом, — шепнул он, подхватывая Испарану на руки.

Он прочитал в ее глазах, что их желания совпадают, и вышел на берег, неся свой драгоценный груз. Поляна была им ложем, а синее небо и светлое Око Митры наблюдали за ними с высоты, но разве от этого стройное упругое тело Испараны становилось менее желанным? Праздник плоти продолжался долго. Уже солнце изнемогло и начало склоняться к горизонту, но Конан не чувствовал усталости. Он готов был продолжать всю наступающую ночь и весь следующий день, и...

— Нам пора возвращаться в лагерь.— Испарана встала на колени, вглядываясь в темнеющее небо.— Никто нам не мешает продолжить чуть позже,— прибавила она, взглянув на нахмурившего брови киммерийца.— А теперь давай действительно выкупаемся. Ты ведь обещал!

Они, как дети, с визгом и смехом бросились в прохладную воду озера и долго плавали, ныряли и плескались. Их разгоряченные тела никак не могли остыть, и варвару казалось, что вода кипит, обволакивая его кожу. Когда они вышли на берег, Испарана бросилась в кустарник и, пока варвар недоуменно глядел ей вслед, вынесла оттуда ворох его одежды и ножны с оружием.

— Лови, герой! — Узел полетел в руки варвара.— Ты такой осторожный,— поддела она его со смехом,— мало, что одежду проворонил, так тебе вполне могли отстричь то, чем ты так гордишься! — Она шаловливо протянула руку к упомянутой части тела.

Варвар инстинктивно согнулся, прикрываясь ладонями, но через мгновение уже весело хохотал вместе с подругой. Когда они, одевшись, не спеша шли к лагерю, ведя в поводу коня киммерийца, Испарана вдруг сказала:

— Помнишь ли ты, что сказал мне тогда на прощание?

— А что я сказал? — спросил варвар.

— Ты сказал, мерзкий дикарь, что я покроюсь морщинами и буду старухой к следующей нашей встрече!

— Разве я мог сморозить такую глупость? — удивился Конан.— Ну, если и мог, то оказался не прав. Ты не составишь никогда,— добавил он, и чувствовалось по его голосу, что он на самом деле верит в это.

Близилась ночь, сумерки плотно окутали тропинку и кустарник, карабкающийся вверх по склонам. Только вершины гор еще купались в последних лучах заходящего солнца. За следующим поворотом должен был показаться их лагерь. Уже потянуло дымком костров и аппетитным запахом жарившегося мяса. Конан шевельнул ноздрями, только сейчас почувствовав волчий голод. Вдруг его конь дернул головой, остановился и попятился.

— Что такое? — Варвар обернулся назад, и его вдруг охватило уже знакомое ощущение тяжести в голове и гула в ушах.

Он повернулся к Испаране. На лице женщины застыла маска ужаса.

— Испарана! Приготовься! — крикнул он, но не услышал своего голоса.

Конан уже понял, в чем дело. В десяти шагах стоял его двойник, а склон справа вздыбился и покрылся многочисленными холмиками. Спустя несколько мгновений в полутьме показались знакомые лохматые головы усмехающихся карликов.

Их становилось все больше и больше, подпрыгивающие тела-покрыли весь косогор. Губы их шлепали, словно они хором пели какую-то песню.

— Лакуди! — выдохнул варвар.— Вот вам! — Он выхватил меч и помахал им.

Двойник сделал то же самое, и они оба бросились на трехпалых. Киммериец снес первую голову легко, как ветку дерева, и Лже-Конан сделал то же. Они работали вместе, взмахивая мечами, как крылья одной мельницы, как косари, идущие в одном ряду. Головы лакуди летели с плеч, как перезрелые яблоки. Краем глаза варвар заметил, что Испарана тоже выхватила клинок и рубит мелкую нечисть. Лакуди, увидев, что ничего не могут сделать, испуская синеватое сияние с трехпалых когтистых лап, начали зарываться в землю, спасаясь от разящих ударов двух Конанов и прекрасной воительницы. Все произошло, как в прошлый раз в саду, только теперь помощи гриба не понадобилось, да он и не появился. Гул в ушах стих, и варвар обнаружил, что сидит на траве.

— Что это было? — услышал он звенящий голос Испараны.

Варвар поднял голову. Женщина наклонилась к нему, вглядываясь в глаза. Было уже темно, и он не видел ее лица, но по голосу понял, как она взволнована.

— Не беспокойся, все в порядке, клянусь Кромом,— поднялся он на ноги.— Расскажи лучше, что ты видела.

— Ты вдруг стал... Вдруг...— Испарана не могла сразу подобрать слова.— Как будто сделан из прозрачного тумана, а потом начал раздваиваться, и тебя...— Она сглотнула.— Вас стало двое. И еще эти карлики... Они кричали хором: «Шакальи задницы! Шакальи задницы!..»

Конан обнял подругу.

— Это я их научил. На свою голову...— Он тихо засмеялся, потом негромко сказал: — Не бойся, малышка, все уже прошло...

— Что же это было? Тебя заколдовали? — спросила Испарана, чуть не плача.

— Это скоро кончится,— успокоил ее киммериец.— Я избавлюсь от него через четыре дня,— уточнил он.

— От кого ты избавишься?

— Вот! — Он поднес мизинец с перстнем поближе к ее глазам.— Видишь? Нергал попутал, взял у одного торговца, теперь мучаюсь...

— Да выкинь ты его подальше!

— Какие вы женщины шустрые! — важно ответил киммериец. Он уже полностью овладел собой.— А то бы я сам об этом не догадался. В том-то и дело, что я не могу снять этот подарочек Нергала.— Он слегка сжал ее плечи, успокаивая.— Не думай об этом, Испарана. Потом когда-нибудь все расскажу, если уцелею, конечно,— добавил он.— А сейчас пойдем в лагерь. Ужасно есть хочется!

Глава третья

На следующее утро варвар отправился по делам: пора было приступить к формированию наемной армии. Испарана, Джунгир-хан и верные им туранцы остались в лагере, который постепенно разрастался: подъезжали крестьяне из окрестных селений с продовольствием, гнали лошадей, овец и быков. Армия должна быть накормлена, и к тому времени, когда Конан наберет наемников или Муса-иб пришлет свои отряды, не должно возникнуть лишних вопросов, все надо постараться сделать загодя. Над полем витали гомон, крики погонщиков, лошадиное ржание. Дел у Испараны было невпроворот.

В отсутствие киммерийца и Хафара ей приходилось многие решения принимать самой: нанимать пастухов и погонщиков, указывать место, куда сгружать зерно и другие припасы, расплачиваться с продавцами. Поэтому, когда двое людей из Шангары предложили свои услуги, она, почти не раздумывая, взяла их на службу. Один из них назвался лекарем, а какое же войско обойдется без врача? Второй оказался цирюльником, и Испарана взяла его в услужение к Джунгир-хану. Мальчишка привык в Замбуле к роскоши и теперь, когда его слуги погибли, приходилось срочно искать новых. Можно было купить невольников, но за ними пришлось бы ехать в ближайшие города, в Шангару или Самарру. Для этой затеи пока ни времени, ни людей не хватало. Поэтому Испарана даже обрадовалась тому, что подвернулись эти двое.

Время за делом проходит быстро. Когда поле опустело и все поставщики разъехались, уже наступал вечер. Киммериец не возвращался, и Испарана уже начала беспокоиться, не случилось ли чего с ним.

* * *

В это время два новоиспеченных приятеля сидели в отведенной для них палатке и обсуждали план действий. Точнее сказать, говорил один Махтар, а Юлбаш только кивал головой в знак согласия. Скоро ему предстояло действовать, а он от ужаса не мог даже пошевелиться. И чем ближе подступала ночь, тем сильнее он боялся.

— Что с тобой? — Махтар потряс его за плечо, видя что мысли собеседника витают где-то далеко, и он ничего не слышит.

Юлбаш очнулся и затряс головой.

— Мне очень страшно, — хрипло пробормотал он.

— Ты брось это, трусливая задница, — грозно зыркнул на него Махтар.

Колдун уже начинал жалеть, что связался с этим типом. Проще было найти парочку подходящих ребят в Шангаре — те обтяпали бы дельце быстро и бесшумно. Но маг подошел уже к самому главному, осталось чуть-чуть, и начинать все сызнова ему не хотелось.

— Хлебни вина, помогает. — Махтар поднялся на ноги. — Пойду посмотрю, что там творится в лагере.

Прошло совсем немного времени, и послышались шаги колдуна.

— Он вернулся! — заглянул в палатку Махтар.

— Что будем делать? — спросил Юлбаш.

— Как — что? — изумился Махтар. — Мы же обо всем договорились. Несешь им вино, они как раз собрались вместе. Потом, когда заснут, мы разберемся с ними, вот и все.

— Что-то мне не по себе... — Чувствовалось, что Юлбаш отчаянно старается оттянуть неприятный для него миг.

— Не будь идиотом! — прошипел Махтар. — Все равно выхода у тебя нет. Если ты захочешь выйти из игры, я про-

сто выдам тебя этому киммерийцу. А уж он мигом свернет тебе шею, клянусь Эрликом и Вечноживым Таримом!

— Ты прав... — решил наконец Юлбаш. — Я должен это сделать, иначе моей сестре уготована страшная казнь.

— Ну, вот и хорошо, — потер ладони Махтар. — Сейчас приготовим напиток, и все дела. Положу побольше, чтобы сразу свалил с ног.

Он ссыпал порошок из небольшого флакона в узкогорлый серебряный кувшин.

— Готово, — сказал он, передавая кувшин Юлбашу. — Поставь в угол и пойдем. А это, — он дал ему маленький кувшинчик, — возьми с собой.

Они вышли из палатки и подошли к костру, около которого стоял шатер лагерного повара.

— Что вам, ребята? — спросил тот, поворачивая на вертеле тушу ягненка.

— Да вот, вышли подышать да посидеть с тобой, — зевнув, ответил Махтар. — Не хочешь ли кружечку барахтанского, мы с собой привезли?

— Если угощаешь, то кто же откажется! — расплылся в улыбке солдат.

Ему страсть как надоело заниматься стряпней, и он был рад отвлечься да и языком потрепать немного с новыми людьми.

— Давай за знакомство. — Юлбаш налил всем по кружке, и они присели у костра, прихлебывая вино и неспешно беседуя о жизни.

Довольно долго они сидели у костра с поваром, рассказывая различные истории, пока наконец не увидели, как из палатки хана выбежал человек и направился к ним.

— Ну вот, это, наверное, к тебе, — сказал Махтар, поднимаясь на ноги.

— Точно, — отозвался повар; но встать не успел: Юлбаш всадил ему нож в спину.

Подбежавший к ним человек еще на ходу крикнул:

— Мясо готово? Давай сюда!

Тут он заметил лежавшего на земле повара и замер, не в силах сразу сообразить, что произошло. Пока он раздумыв-

вал, Махтар резким движением воткнул ему в горло кинжал. Захрипев, человек осел на землю.

— Теперь твоя очередь. — Махтар слегка подтолкнул Юлбаша.

Юлбаш на подгибающихся от страха ногах отправился к шатру Джунгир-хана.

— Ты куда это? — остановил его охранник.

— Я новый цирюльник и прислужник хана, — ответил Юлбаш. — Повар послал меня отнести вино.

— Входи. — Охранник отодвинул занавеску, прикрывающую вход.

Юлбаш, низко кланяясь, приблизился к столу, за которым сидели Джунгир-хан, Испарана и еще один человек. Хана и женщину он уже сегодня видел, а вот третьего, огромного роста черноволосого воина, который с аппетитом обглаживал баранью ногу, Юлбаш не встречал.

«Это и есть тот самый киммериец, — сообразил он. — Да, такой свернет шею, как цыпленку».

— Красное вино, высокочтимый. — Он поклонился хану и застыл с кувшином в руках.

— Красное? — переспросил гигант.

— Красное, — как эхо, повторил Юлбаш.

— А что мяса не принесли?

— Оно сейчас будет готово, — ответил Юлбаш.

— Хорошо, поставь и иди, — рыкнул киммериец, — да поторопи повара! Я смертельно голоден!

Юлбаш не помнил, как вышел из шатра. Глубоко вздохнув, он направился к костру повара.

— Ну, как? — Из темноты выросла фигура Махтара.

— Все в порядке, — ответил Юлбаш.

— Что в порядке? Ты налил им вина?

— Нет, он сказал поставить на стол.

— Ладно, — прошептал Махтар, — и то молодец, а то мог бы и в обморок хлопнуться. Теперь подождем...

* * *

— Человек триста-четыреста можно будет набрать в Самарре. Я поговорил кое с кем из своих.

— Каких это своих? — недовольно спросил Джунгир-хан. — Опять эти воры и бандиты?

— А где взять других? — удивился киммериец. — Я же не могу тебе привести солдат из регулярной армии. Это обеспечит твой родственничек из Хоарезма.

Он наполнил кружку вином из кувшина и залпом осушил ее.

— Ты опять непочтительно отзываешься о моих родственниках, — сморщился юноша и просительно посмотрел на Испарану, ища у нее поддержки.

— Конан, ты же обещал... — Испарана укоризненно взглянула на киммерийца.

— Не буду, не буду, клянусь Кромом! — Варвар осушил еще кружку и потянулся за новым кувшином. — Давай выпьем за наши дружеские отношения. — Он налил всем по кружке. — Кстати, а это что за человечек принес вино?

— Новый цирюльник, сегодня наняли, — ответила Испарана.

— Угу, — промычал варвар. Он хотел что-то сказать, но, взглянув на свое пустое блюдо, рявкнул: — Этот собачий сын, где он? Где мое мясо?

Он стремительно поднялся и, ворча, направился к выходу.

— Где этот сын порока? — спросил он у стоявшего возле входа солдата.

Солдат рукой показал на костер повара, который ярко горел шагах в пятидесяти от них.

— Его только за смертью посылать! — выругался варвар и зашагал к костру.

Лагерь скудно освещали несколько факелов, которые крепились к жердям, расставленным по его периметру. Он был небольшим, всего с десяток шатров и палаток, но чуть поодаль раскинулся бивак пастухов и табунщиков. Варвар поглядел на огни его костров, и сердце его затрепетало от близости предстоящих ратных дел. Конан всегда испытывал безотчетное волнение при виде походных шатров, блеска лат, при шуме множества голосов...

Он подошел к костру. Подвешенная на огне туша нестерпимо чадила, обугленная с одного бока.

— Нергал им в кишки!

Варвар посмотрел по сторонам и тут же мгновенно пригнулся, приняв боевую стойку. Меч словно сам выпрыгнул из ножен и очутился в его руке. Киммериец увидел лежащие на земле тела туранских воинов. Конан даже не стал подходить к ним, потому что был совершенно уверен, что они мертвы.

— Так, — процедил он сквозь зубы, — даю голову на отсечение, это новый цирюльник. — И вдруг его сознание пронзила тревожная мысль. — Боги! — Варвар сломя голову помчался к шатру Джунгир-хана.

Влетев туда, он сразу увидел, что его опасения не беспочвенны: Испарана лежала, откинувшись на подушки, а юноша тщетно пытался привести ее в чувство.

— Она выпила вина и... — ответил он на безмолвный вопрос киммерийца.

— Вижу! — прорычал Конан и выскочил из шатра.

Он увидел две метнувшиеся в темноте тени и гигантскими прыжками помчался туда, где они скрылись.

— Тревога! — закричал он. — Никого не выпускать из лагеря!

На его крик из патров стали выскакивать солдаты, на ходу доставая оружие. В тусклом свете факелов варвар различил две фигуры. Пользуясь темнотой, они неслись к ближайшему склону горы.

— Не уйдешь! — рывкнул Конан и помчался за ними со всей скоростью, на какую был способен.

Он уже мог рассмотреть их: сзади, спотыкаясь, бежал тот человек, который принес вино, второго он видел впервые. Сделав длинный прыжок, киммериец настиг ближайшего и плашмя ударил его мечом по спине. Удар был такой силы, что бежавший, перекувырнувшись два раза через голову, упал и больше не двигался. Варвар, не обращая на него внимания, припустил за вторым. Когда он уже почти догнал его, тот обернулся и перед глазами киммерийца на мгновение вспыхнул яркий огонь. Конан успел отскочить

чуть в сторону и увидел лицо человека с напряженно сжатыми губами и резкой морщиной или шрамом поперек лба. Беглец взмахнул рукой, и новая вспышка на некоторое время ослепила варвара. Когда его глаза вновь смогли видеть, преследовать уже было некого. Человек исчез, и даже шагов его не было слышно. Сзади он услышал лязг доспехов. К киммерийцу уже бежали солдаты. Он обернулся: несколько факелов в руках людей тревожно метались по полю.

— Не ищите! — Конан устало махнул рукой. — Один убежал все-таки. Где второй?

— Вот он! — Двое солдат держали под руки человека, назвавшегося цирюльником.

— Тащите его в шатер! — распорядился варвар. — Я с ним поговорю.

Глава четвертая

Конан вновь вернулся к шатру Джунгир-хана, но застал там ту же картину: растерянный юноша безуспешно пытался привести в чувство Испарану.

— Они убили ее,— горестно поторял он,— она мертва...

— Подожди, не каркай! — прикрикнул на него варвар.

Он нагнулся над женщиной и приложил ухо к ее груди.

— Дышит! Нергал тебе в задницу! — Он обернулся к Джунгир-хану. — Скорее всего, это сонный порошок. Я думаю, он был предназначен в первую очередь для тебя.

— Но ты ведь тоже пил вино,— чуть не плача, протянул юноша.

— Чтобы меня свалить, надо гораздо больше,— огрызнулся Конан, успев при этом подумать, что это, видимо, перстень сослужил ему добрую службу.

Варвар уложил Испарану поудобнее на мягкие подушки у дальней стенки шатра и гаркнул:

— Ведите его сюда!

Занавеска раздвинулась, и двое туранцев вытолкнули на середину человека, который совсем недавно приносил им вино. Увидев его, Джунгир отшатнулся и взглянул на варвара:

— Это он?

— Сейчас все узнаем,— зловеще пообещал варвар и направился к пленнику.

Тот поднял окровавленное лицо — солдаты постарались, когда вели его к палатке,— и, еле шевеля разбитыми губами, прошептал:

— Я скажу все, только оставь мне надежду... — Он закрыл лицо руками и зарыдал, как ребенок.

— Хватит выть! — Киммериец пнул его носком сапога. — Давай быстро говори, а не то я нарежу ремней с твоей спины и повешу тебя на них. Расскажешь нам все, может быть, останешься жив. — Он поднес свой внушительный кулак к носу пленника. — Все, ты хорошо понял?

Всхлипывая и размазывая по лицу кровь, Юлбаш рассказал все, что знал, начиная с подземелья Мусаиба. Киммериец слушал его, не перебивая, только временами хмурился, и желваки начинали ходить по его скулам. Он понимал страдания этого несчастного, ему самому случалось испытывать нечто подобное. Варвар обернулся к Джунгир-хану. Тот в продолжение всего рассказа не проронил ни слова и сидел уткнувшись взглядом в пол.

— Видишь? — почти торжествуя спросил Конан. — Я был все-таки прав.

Юноша молча кивнул. Когда он поднял глаза на варвара, в них уже не было прежнего оттенка презрения и надменности. Видно было, что рассказ цирюльника потряс его до глубины души.

— Я ведь старше тебя. — Варвар нравоучительно поднял палец вверх. — Правда, всего лет на шесть,— уточнил он,— но порой это много. Поживешь с мое, тоже будешь разбираться в людях.

Он не отказал себе в удовольствии добить этими словами своего недавнего недоброжелателя и жалел только о том, что Испарана, по-прежнему погруженная в сон, не видит его победы.

— Почему твоя сестра оказалась у него? — вновь вернулся Конан к цирюльнику.

— Ее насильно сделали наложницей одного чиновника, и она... Она... — Рыдания вновь душили Юлбаша. — Она отравила его.

— Смелая женщина, — похвалил варвар. Он сделал два шага по шатру, потом обернулся к пленному: — Расскажи подробней о своем напарнике. Как его зовут?

— Махтар.

— Махтар? — переспросил киммериец. — Вот в чем дело... — задумчиво протянул он. — Ты был у него в доме? Юлбаш закивал головой.

— Опиши все подробно: где живет, какой дом... В общем, все, что знаешь.

Конан уже придумал, что сделает, и пока Юлбаш торопливо рассказывал ему о расположении дома и комнат в нем, прикидывал, как быстро сможет обезвредить эту гадюку Махтара.

— У него две страшные собаки, — закончил свой рассказ несостоявшийся убийца.

— Какие собаки? — переспросил варвар.

— Не знаю, как называются, — шмыгнул Юлбаш носом. — Они вот такие, — он приподнял ладонь над полом, показывая их рост, — гладкие, и морды огромные и страшные...

— Понял, — коротко бросил киммериец, — шандаратские мастафы.

Ему приходилось уже сталкиваться с таким псом. Это был далеко не легкий поединок. Лучше биться со стаей волков, чем с парой этих страшилищ. Варвар поскреб в затылке.

— А Бехруза ты знаешь?

— Плохо, но это он свел меня с Махтаром. И потом, — несколько успокоившись, добавил Юлбаш, — мне показалось, что Махтар имеет отношение к магии.

— Мне тоже, — усмехнулся Конан. — Ладно, живи пока, я еще подумаю, что с тобой делать. И, возможно, как выручить твою сестру, тоже подумаю. — Он выглянул из шатра и позвал солдат. — Связать этого, — указал он на Юлбаша, — пусть посидит пока в своей палатке. Без моего разрешения пальцем его не трогать.

Юлбаш снова разрыдался, на сей раз, видимо, от облегчения, что все позади. Но киммериец уже не обращал на него внимания. Он повернулся к Джунгир-хану.

— Сделаем так. — У него уже созрел кое-какой план, который он и торопился изложить юноше. — Твой родственничек хочет занять трон Замбулы, теперь в этом нет сомнений. Правильно?

— Правильно, — согласился Джунгир-хан.

— Ему мешает только одно, — продолжал варвар, — ты. Он подослал убийцу, и тот не промахнулся.

— Как же?.. — не понял юноша.

— А вот так, — усмехнулся варвар. — Завтра утром устроим тебе пышные похороны. И очень шумные. Надо чтобы побольше народу знало об этом.

— Зачем?

— Затем, — не стал вдаваться в объяснения Конан. — Похороним тебя, тем более что трупы у нас есть, хоть беднягу повара возьмем. — Хитро прищурившись, киммериец посмотрел на Джунгир-хана. — Отдашь ему свою одежду?

Тот, еще не понимая сути дела, только кивнул.

— Ну вот и хорошо, добрый мальчик, не пожалел ханской одежды для простолюдина, — хохотнул варвар, но тут же стал серьезным. — Узнав, что ты мертв, этот мерзавец из Хоарезма, твой родственничек Мусаиб, наверняка пришлет сюда войско. Да и сам, может быть, приехать не погнушается.

Джунгир-хан наконец понял замысел варвара. И его надменность как рукой сняло. Теперь он смотрел на Конана почти с восхищением.

— Ты же говорил, что он не доверяет мне, а с равным поведет себя иначе? — продолжал варвар.

— Говорил, — неохотно ответил юноша.

— Да я не в обиде, тем более что ты, может быть, окажешься прав. — Киммериец взглянул на него вполне дружелюбно. — Через день вернется из Хоарезма твой визирь, — продолжал он, — тогда все будем знать точно.

— Ты хорошо придумал. — Джунгир-хан впервые за время их беседы открыто посмотрел в глаза Конану.

— Но только тебе придется исчезнуть.

— Понимаю.

— Всего трое твоих людей знают, в чем дело. Прямо сейчас я позову их, и вы по-тихому уйдете в горы. Там поживешь несколько дней, тебе это будет полезно, клянусь Кромом. Остальным объявим, что ты пал от рук наемных убийц, — торжественно сказал варвар, — а что происходит на самом деле, никто знать не будет. Даже Испарана, — захохотал киммериец, согнувшись пополам и хлопая себя ладонями по коленям. — Если проспит твои похороны, конечно, — добавил он, утирая выступившие от смеха слезы.

Джунгир-хан шутку не вполне оценил, как-никак речь шла о его собственных похоронах, но собрался на удивление быстро. Через некоторое время труп человека в ханских одеждах лежал в шатре, готовый к погребению, а варвар продолжал прерванный ужин, но уже в одиночестве.

— Сука шангарская! — с трудом разгрызая подгоревшее мясо, честил он Махтара. — Мало того, что человека безвинного загубил, так еще и баранину испортил, потомок вислозадого осла!

Глава пятая

Подходя к «Туранскому соколу», варвар слышал какой-то шум и грохот, доносившийся изнутри. Он остановился неподалеку и прислушался: это вся таверна хором, стуча кружками, подхватывала припев известной песни, которую выводил чистый высокий голос.

«Подожду, — решил киммериец, — не буду портить хорошую песню».

Он прислонился к стене и слушал разухабистый мотив:

Вина налейте нам по целой кружке!
Полней пусть брызжет пенная струя.
Спешите к нам, веселые подружки,
Для вас распахнута душа моя.

Хмельной напиток силы бесконечной.
Его испив, бессонный враз заснет,
Глоток вина разбудит ум беспечный,
И, как богов слеза, на душу упадет.

Нам без него ни радости, ни света.
И если ты надежду потерял,
То не конец, послушай-ка совета,
Испей — все обретешь, чего желал!

Мертвец, хлебнув его, восстанет из могилы.
Где нет вина, там холод или мрак.
Подарок солнца, кладезь божьей силы,
И кто не пьет его — больной или дурак!

Великий плод лозы ярко-зеленой,
И что могло бы в мире с ним сравниться?
Ни трон, ни золото и ни корона.
Его лишь вволю дай напиток!

Оно всего превыше под луной,
И даже боги, от забот устав своих,
Тропой небесной возвратясь домой,
Блаженство обретут, вина испив!

Варвар дослушал песню и толкнул ногой дверь. Хозяин даже не взглянул на вошедшего. Подперев голову рукой, он масляными глазами следил за девушкой, которая только что пела и теперь, подбоченясь, слушала одобрителльные возгласы всей таверны. Опомнился Бехруз, только когда почувствовал, что острие клинка уперлось ему в бок.

— Ты ведь узнал меня? — Из-под низко опущенного капюшона на него недобро глядели сверкающие холодным синим огнем глаза. Огромная фигура нависла над стойкой. — Пойдем поговорим, подальше от посторонних ушей. — Киммериец слегка надавил на кинжал. — Если дернешься, вшивая тварь, прирежу, как свинью!

Подталкиваемый клинком, Бехруз покорно прошел за занавеску и свернул направо в каморку, где хранил кое-какие припасы. В помещении было темно, если не считать скудного лунного света, который едва пробивался сквозь запыленное оконце под самым потолком.

— Зажги лампу, ублюдок!

Трясущимися руками хозяин таверны нашарил огниво и запалил слабый фитилек масляной лампы. Гость откинул со лба капюшон, и Бехруз увидел лицо киммерийца. По взгляду, словно врезавшемуся прямо в мозг, хозяин понял, что, если он неправильно себя поведет, до последнего вдоха ему останется меньше времени, чем нужно голодной собаке, чтобы проглотить кусок хлеба.

— Чего ты хочешь? — с трудом выдавил он из себя.

— Помнится мне, — ответил варвар, — что совсем недавно ты пользовался неким сонным порошком. Так, паскуда?

— Я ничего не знаю... — попытался отвертеться Бехруз.

Конан оглянулся по сторонам и сбросил крышку с большой бочки, стоявшей в углу каморки. Он опустил туда палец и понюхал.

— Что там?

— Т-тра... Травы засаливаю, — стуча зубами, ответил Бехруз.

— Отлично, зимой все пригодится, — одобрителльно кивнул киммериец и неожиданно для хозяина схватил его за пояс и за ворот рубахи и резко окунул в бочку вниз головой, погрузив в нее тело несчастного чуть не по самые колени.

Рассол немилосердно щипал глаза, заливался в уши и в рот. Бехруз отчаянно барахтался в своих соленьях, захлебываясь и пуская пузыри. Конан подержал его так немного, потом вытащил и поставил на ноги. Дав ему увесистый подзатыльник, чтобы очнулся, варвар вновь повторил свой вопрос. На этот раз Бехруз, отчаянно лоя ртом воздух, утвердительно кивнул.

— Я всегда считал, что рассол прекрасно освежает память, — флегматично заметил киммериец. — Где этот порошок?

— К-кончил... — Договорить Бехруз не успел, поскольку вновь оказался головой в рассоле.

На этот раз варвар подержал его там чуть подольше.

— Я тебя прирежу сейчас, крысиная морда, — вытаскивая кинжал пообещал киммериец, когда Бехруз вновь обрел способность что-то соображать. — Я не шучу. Если не получу порошок, то, клянусь Светлооким, останки твои будут гнить в этой бочке.

Бехруз опять отчаянно закивал головой.

— Молодец, — похвалил его варвар, — давай, показывай. Где он?

— На к-кухне...

— Ты все-таки тупее, чем кажешься на первый взгляд, — мягко улыбнулся киммериец. — Даже я своим варварским умом понимаю, что ты хочешь позвать на помощь. А дурак ты потому, шангарский помет, что не научился в столь зрелом возрасте хорошо разбираться в людях. Если надо

будет, то я всех твоих поваров нашинкую в мелкую лапшу за считанные мгновения.

Бехруз начал понимать, что ведет себя неправильно. Он часто задышал и снова согласно закивал головой:

— Я дам, дам тебе порошок, только отпусти.

— Совсем ты дурак, шакалья задница, — с издевкой в голосе ответил Конан, — кто ж тебя теперь отпустит? Ты сейчас прикажешь нарезать мяса, мы с тобой возьмем порошок и пойдем к твоему другу Махтару.

Бехруз вздрогнул, но в руках киммерийца особенно не подергаешься. Варвар, не обратив внимания на его движение, тихим голосом продолжал:

— Мы покормим твоим мясом собак, и, если они не заснут, значит, ты меня обманул. Тогда там уснешь ты, — зловеще улыбнулся киммериец, — навечно, разумеется...

Со стороны могло показаться, что два подвыпивших приятеля направляются домой, так ласково варвар обнимал за плечи Бехруза. У того сильно ныла левая рука, пальцы Конана сжимали ее, как железные тиски, и хозяин таверны только молил богов, чтобы уцелеть и чтобы этот гигант не размозил его плечо напрочь.

Конан посадил Бехруза на изгородь и сам устроился рядом.

— Давай, начинай!

Два огромных мастафа, глухо и злобно ворча, тут же подлетели к забору и встали на задние лапы, пытаясь достать людей. Мясо, брошенное Бехрузом, они встретили весьма благосклонно. Мастафы, урча, хватали куски на лету и с жадностью заглатывали. Наевшись, оба пса довольно скоро мирно улеглись недалеко от изгороди.

— Порядок! — удовлетворенно отметил варвар. Он взял последний кусок и запихал его в рот хозяину таверны: — Можешь даже не жевать, — разрешил он, — так, пососи!

Через некоторое время варвар спустил Бехруза на землю и положил рядом с псами. Он обошел вокруг дома. Темно и тихо. Следовательно, хозяин еще домой не вернулся, и это было на руку киммерийцу. Он не хотел заходить в дом без Махтара. Однажды в Шадизаре он чуть не по-

платился головой за то, что залез в дом к колдуну Лиаренусу. Повторять ошибку он не собирался, все-таки жизнь кое-чему учит!

Конан притаился у забора и терпеливо ждал, прислушиваясь к шагам, раздававшимся на улице. Прошло достаточно много времени, прежде чем звук шагов затих около входа во двор. Варвар вытащил меч и приготовился. Колдун вошел, аккуратно запер калитку на засов и огляделся, видимо, удивленный, что его стражи не бегут навстречу. Он свистнул, подзывая собак, и этот звук слился со свистом меча. Голова колдуна отлетела шагов на десять в сторону, туловище рухнуло на землю. Варвар успел отпрыгнуть, чтобы кровь, хлеставшая из обрубка шеи, не запачкала его сапоги. Мечта колдуна о перстне с золотым павлином буднично и просто умерла вместе с ним.

Когда киммериец шел по тихим уже улицам Шангары, он был спокоен как человек, полностью выполнивший свою задачу. Один только вопрос слегка забавлял его: интересно, кто проснется раньше, пандаратские мастафы или незадачливый хозяин таверны?

Глава шестая

По пыльному облаку, поднимавшемуся впереди, варвар догадался, что догоняет группу всадников. Он немного придержал коня и подождал, когда дорога, изогнувшись вокруг склона горы, откроет вид шагов на триста-четыреста от него.

— Всего три человека! — сосчитал он всадников. — Уж не Хафар ли это возвращается из Хоарезма?

Он пустил коня в галоп и скоро нагнал группу. Действительно, это был Хафар, сопровождаемый двумя охранниками. Узнав киммерийца, они придержали своих лошадей, и визирь, привстав на стременах, громко и торжествующе провозгласил:

— Так и есть, варвар, Джунгир-хан был прав!

Конан поравнялся с ним и, не проявив особой радости по поводу сказанного, спросил:

— В чем прав?

— Как — в чем? — удивился Хафар. В голосе зазвучали те же надменные нотки, что и у его повелителя. — Как это в чем? Да в том, что визирь Хоарезма просто не захотел иметь дело с таким, как ты!

Варвар усмехнулся. В который уже раз слышал он слова о том, что происхождение и положение не позволяют ему говорить с сильными мира сего на равных? Пожалуй, это уже начинало ему надоедать.

— Как насчет войска? — поинтересовался он. — Поможет?

— Не сомневайся! — важно ответил Хафар. — Завтра подойдет целый полк.

— Что ж, — не сразу ответил киммериец, — этого нам должно хватить вместе с моими головорезами.

— С какими еще головорезами? — не понял визирь.

— Обещали набрать в Самарре и Аките человек двести-триста лихих ребят.

— Фу! — поморщился Хафар. — Опять этот сброд?

— Почему сброд? — не согласился с ним киммериец. — Они всегда бьются не хуже солдат, лишь бы платили вовремя.

— Ну, а еще что новенького? — спросил визирь.

— Да так, ничего особенного, — ответил варвар, — вот только Джунгир-хана зарезали.

— Зарезали?.. — переспросил Хафар, но варвар не услышал ни особенного удивления, ни горя в его голосе.

«Ну и народец в этой гнусной Замбуле! — подумал он. — Не успеешь глазом моргнуть, как каждый сучий мешок с дерьмом продается кому ни попадя!»

— Угу, — подтвердил киммериец довольно равнодушно, как будто речь шла о погоде, — Мусаиб подослал к нему убийцу.

Говоря это, он украдкой взглянул на визиря. Интересно, как он воспримет новость? Хафар резко натянул поводья.

— Кто тебе сказал?

— Да сам убийца и сказал, — спокойно пожал плечами Конан. — Ты же понимаешь, в умелых руках любой запоет.

— Послушай, киммериец... — Хафар наклонился к нему поближе. Он покосился на всадников, которые ехали впереди, и прошептал: — Давай еще поотстанем, надо поговорить...

— Ладно. — Киммериец попридержал коня.

— Теперь, когда Джунгир-хан умер... — начал визирь и посмотрел на варвара.

Тот ехал рядом, даже не глядя на Хафара. Когда визирь замолчал, Конан вопросительно взглянул на него:

— Продолжай, что замолк? Я тебя слушаю, высокочтимый.

— Теперь положение изменилось, и остался один законный претендент на трон — Мусаиб!

— Ничего себе законный! Убийца и сукин сын. — Варвар уже в открытую издевался над Хафаром, но тот все еще ничего не замечал.

— Перестань так говорить о благородных людях! — возвысил он голос. — Этот убийца соврал тебе от страха, а ты ему веришь!

— Скелет он поганый, хоть и из благородных! — фыркнул в ответ Конан. Он с трудом сдерживал смех, и одновременно ему страсть как хотелось размазать этого Хафара о каменную скалу. — Только он зря воображает, что его богомерзкие поступки сойдут ему с рук.

— Ты что это говоришь? — Хафар подумал, что ослышался. — У тебя мозги не на месте, одно слово — варвар.

— А вот ты разговаривался не в меру! — остудил его пыл Конан. — Пока ты еще не визирь Мусаиба. Ты ведь на это место метишь?

— Я и тебе предлагаю перейти к нему на службу, — миролюбиво сказал Хафар, покосившись на киммерийца. — Все равно теперь надо менять господина.

— Быстро же ты забыл своего повелителя! — упрекнул его варвар.

— А хоть бы и так! — огрызнулся Хафар. — Ничто не вечно в этом мире.

— Правильно, — согласился Конан. — Я тоже так думаю.

— Вот и подумай! — повернулся к нему Хафар. — Тебе осталось на размышления три дня!

— Что же будет через три дня? — прикинулся непонимающим киммериец.

— Через три дня сюда прибудет сам Мусаиб!

«Не прибудет, — ухмыльнулся про себя варвар. — Через два дня я вышибу из него дух, чего бы это мне ни стоило, клянусь Солнцеликим Митрой!»

— А что будет с Испараной? — спросил он, чтобы полностью утвердиться в своих подозрениях.

— Мусаибу она не нужна, — отрезал Хафар. — Можешь забирать ее себе.

Остаток пути они проехали молча. Каждый думал о своем, и если визирю мнилось блестящее будущее при дворе нового правителя Замбулы, то у киммерийца заботы были посерьезней. Он пытался придумать, как ему пробраться в Хоарезм к скелету-визирю, разобраться с ним, да еще и уцелеть. Задача, что и говорить, не из простых.

* * *

— Ну, как твои дела? — встретила его вопросом Испарана, когда он спрыгнул с коня.

— Мои хорошо, — обнимая ее, ответил варвар, — да и Хафар принес неплохие новости.

Визирь важно прошептал в шатер, крикнув по пути:

— Давайте обедать, я жутко проголодался в дороге!

Киммериец и Испарана вошли вслед за ним. Визирь, видимо, размахавшийся сверх меры, пока ехал в лагерь, процедил сквозь зубы:

— Теперь в этом шатре буду жить я. До приезда Мусаиба, конечно, — поправился он.

— Почему это ты? — не поняла Испарана. — Это же шатер Джунгир-хана!

— Джунгир-хан мертв, — отрезал Хафар. — Теперь я здесь за главного.

— Ты что, заболел? — удивилась Испарана и повернулась к варвару: — Значит, ты ему ничего не рассказал?

— Зачем? — усмехнулся киммериец. — Наш благородный друг все решил сам. Разве ты не видишь, как он раздулся от важности, как индюк?

Испарана вскрикнула. Она все поняла.

— Ты что же, мерзавец? — Она сделала несколько шагов к визирю, на ходу вынимая меч из ножен. — Поганый предатель!

— Постой! — Если бы варвар не перехватил ее руку, голова Хафара катилась бы уже по полу. — Сейчас разберемся, клянусь Светлоликим!

Хафар вскочил на ноги и прижался к полотну шатра:

— Конан! Убери от меня эту безумную бабу!

Киммериец отпустил Испарану и расхохотался так, как давно уже не смеялся.

— Глиста ты замбулийская, — с трудом выговаривал он сквозь хохот. — Какой же ты государственный деятель, если даже на наживку безмозглого варвара попался, как тупая рыба?

Визирь переводил безумевшие от ужаса глаза с Испараны на Конана, поняв наконец, что произошло. Смертельный холод начал подниматься к его горлу, предательски задрожали руки.

Варвар сделал два шага вперед и сорвал с него оружие, примерно так же, как недавно сделал это с Азатбахом.

— Сиди здесь, паук вонючий! — гаркнул он на безумевшего от перепуга Хафара. — Я так и чувствовал, что ты только и ждешь удобного случая, чтобы предать своего повелителя. Сейчас я его свяжу и пусть посидит в шатре, — повернулся он к Испаране, — чтобы лишнего шума не было. Завтра я поеду к этому ублюдку Мусайбу, а его посади к Юлбашу. Пусть тот ему расскажет, как зарезал Джунгир-хана.

Конан опять захохотал, и его смех совершенно парализовал бывшего великого визиря Замбулы. Он смотрел на варвара остекленевшими глазами, и уже никакие мысли не посещали его голову, кроме желания завывать по-волчьи и убежать в степь или в пустыню — куда угодно, лишь бы только не видеть этого хохочущего гиганта. Громоподобный смех, словно огромный молот, бил его прямо по мозгам, все сильнее и сильнее, и уже не было никаких сил его терпеть. Хафар зажал ладонями уши и пронзительно завизжал. Его визг раздавался до тех пор, пока варвар не заткнул ему рот сорванным с него же тюрбаном.

— Спят, Нергал ему в печень, определенно спят! — Варвар с презрением посмотрел на мычащего Хафара и предложил Испаране: — Ты не хочешь пойти выкупаться? А то я сильно пропылился в дороге...

Ответом ему был пламенный взгляд карих глаз, потемневших от еле сдерживаемого желания.

Глава седьмая

Впереди у Конана было сложное и опасное дело, и при всей вере в свои силы варвар несколько сомневался в его успехе. Однако выбирать ему не приходилось. Предстояла ночь, когда Песья звезда и звезда аль-Мицар, как сказал ему Аршад, встанут на одной линии с кромкой восходящей луны.

В эту ночь он сможет всучить проклятый перстень этому скелету Мусайбу, будь он неладен!

На этот раз варвару не пришлось долго упрашивать стражу пропустить его к великому визирю Хоарезма. Едва он появился у дворца, один из стражников, узнав его, стремглав помчался докладывать своим командирам о прибытии варвара.

— Удивлен! — Мусайб встретил его холодным взглядом с высоты подиума, похожего на сторожевую башню.

— О, высокочтимый! — Конан отвесил глубокий поклон, чтобы никто не видел, как он усмехается. — Великий визирь Хафар шлет со мной послание правителю Замбулы.

Визирь пожевал тонкими губами, сдерживая улыбку. Почтительное обращение варвара произвело на него должное впечатление.

— Ну, что ж! — Он жестом разрешил киммерийцу приблизиться.

Варвар, отстегнув пояс с оружием, поднялся по мраморной лестнице и остановился, не доходя двух ступеней до площадки, на которой находился визирь. Затем он отвесил

еще один поклон и раскрыл рот, чтобы заговорить, но Мусаиб остановил его:

— Проходи, садись.— Он указал киммерийцу на скамью, где тот уже сидел однажды.

Это было большой честью именно сейчас, когда Мусаиб уже чувствовал себя ханом Замбулы.

— Что же хотел сообщить Хафар? — спросил Мусаиб.

— Высокочтимый,— начал варвар,— великий визирь сообщает, что к твоему приезду все подготовлено.

— И это все? — спросил Мусаиб.

— О нет,— продолжал варвар,— визирь присылает тебе в подарок реликвию ханов Замбулы, перстень с золотым павлином.

— Да? — оживился Мусаиб.— Где же он?

— Вот.— Киммериец начал стаскивать кольцо со своего мизинца.

«Только бы оно слезло, помоги Солнцеликий!» — билась у него в мозгу отчаянная мысль.

К его облегчению, перстень легко соскользнул с руки, и варвар, положив его на ладонь, протянул визиру.

«Неужели? — Внутри у него все пело.— Аршад не подвел, все рассчитал правильно!»

Мусаиб взял кольцо и долго рассматривал его со всех сторон.

— Изящная вещица...— Он вертел перстень перед глазами, любуясь тонкостью отделки.

«Да надевай ты его, сучий потрох»,— воскликнул про себя киммериец, с тревогой наблюдая за визирем.

— Встретил ли ты по пути полк, который я послал?

— Да, высокочтимый,— ответил Конан, отчаянно моля богов, чтобы этот ублюдок наконец надел кольцо.

— Что вы сделали с убийцей Джунгир-хана?

— Визирь до твоего распоряжения велел заковать его в цепи.

— Это лишнее,— поджал губы Мусаиб.— Надо было сразу же лишить его головы.

«Не хочет, сука, чтобы стало известно о его участии в убийстве,— решил варвар.— Да надевай же ты кольцо, ске-

лет занюханный!» — безмолвно взывал он. Это было сейчас самым большим его желанием.

— А что убийца рассказал? — поинтересовался визирь, примеривая перстень.

«Ну же! — взмолился варвар.— Уф! Все! — выдохнул он, увидев, что Мусаиб наконец-то пристроил перстень себе на палец.— Носи, дурень туранский, на здоровье!» — ликовал он.

— Эй! — услышал он голос визиря и, спохватившись, быстро ответил:

— Его особенно не допрашивали, не до него.

— Хорошо! — обрадовался Мусаиб.— Как приеду, сразу же и казним!

Он полюбовался перстнем и попробовал снять его с пальца. Не получилось. Визирь попытался сделать это еще раз. Он схватился за кольцо всеми пальцами правой руки и потянул вновь, но успеха не добился. Казалось, если бы он смог упереться в кольцо ногой, то сделал бы это, но варвар знал: ему уже не поможет ничто. Он отсутствующим взглядом смотрел по сторонам, делая вид, что не замечает мучений Мусаиба. Тот покраснел от натуги, его пальцы хрустели, напрягаясь изо всех сил. Ничего. Визиря прошиб холодный пот. Он покосился на Конана, однако тот рассматривал узоры на потолке, не глядя в его сторону.

— Ты с дороги,— сказал визирь, стараясь не выдать своего замешательства,— пусть тебя угостят ужином.

— Спасибо, высокочтимый,— поднялся киммериец,— это слишком большая честь для меня. Я поужинаю где-нибудь в таверне.

— Нет, нет! — запротестовал Мусаиб.

«Неужели почуял что-то, сука паршивая?» — похолодел варвар.

Он не стал более отказываться, чтобы не навлечь на себя подозрений, и слуги проводили его в небольшую комнату, где расторопно накрыли стол.

«Питаются здесь неплохо,— подумал киммериец, принимаясь за еду. Но изысканная пища сейчас его не радовала. Он предпочел бы в этот миг находиться где-нибудь в таверне, а еще лучше — очень далеко от Хоарезма.— Если

этот сучок что-то заподозрит, то я вряд ли выберусь отсюда живым».

В комнатке не было ни окон, ни дверей, а пробиться сквозь залы и коридоры дворца совершенно невозможно: в каждом помещении находилось по три-четыре охранника. Оружие киммерийцу не вернули, так что оставалось надеяться только на милость судьбы.

«Подожду, — раздумывал варвар, налегая на еду, — может быть, пронесет».

В это время вокруг Мусаиба суетились одновременно несколько слуг, лекарей и прочего дворцового люда. Палец визира уже распух от попыток снять подарок, привезенный киммерийцем. Не помогало ничто: ни смазывание пальца маслом, ни окунание его в холодную воду, ни оплеухи, что визир щедро раздавал своим слугам — все было тщетно. Перстень как будто врос в его плоть.

— Пошлите за Мизрой! — в отчаянии закричал Мусаиб, когда все способы были испробованы. — А этого варвара бросьте в подземелье, там я с ним и поговорю.

* * *

— Пойдем с нами, господин зовет тебя. — Перед киммерийцем выросли четыре стражника.

Когда приглашение делается столь настойчиво, приходится его принимать. Конан с сожалением оторвался от цыпленка и последовал за охранниками. Они миновали несколько комнат и залов, потом спустились по неширокой, но богато отделанной мраморной лестнице, прошли еще несколько поворотов по длинному коридору...

«Куда же меня ведут? — Варвар с беспокойством оглядывался вокруг. — В подземелье, как пить дать».

Он хотел было развернуться, чтобы выскользнуть из рук стражей, но почувствовал удар сзади по затылку чем-то тупым и тяжелым. Свет померк в его глазах.

Конан вновь обрел способность видеть, когда ему на лицо обрушился поток холодной воды. Он тряхнул головой и обнаружил, что не может пошевелить руками.

«Попался», — только и мог подумать киммериец.

Он не ошибся: его руки были крепко связаны в запястьях, а сам он висел под потолком огромного помещения с земляным полом и грубо обработанными каменными стенами. Зал пыток — а в назначении этого подземелья у варвара сомнений не оставалось — имел такие размеры, что дальний его конец был почти не различим в скудном свете. Запах горящих факелов смешивался с чадом жаровни. Конан увидел ее почти под собой, чуть в стороне от столбов, поддерживающих перекладину, на которой его подвесили.

— Очухался, дикарь паршивый? — раздался знакомый голос.

Киммериец поднял глаза и увидел своего гостеприимного хозяина, развалившегося в кресле у противоположной стены. Недалеко от него на деревянной лавке сидел человек с гладко выбритым черепом и чудовищными узлами мускулов на почти обнаженном теле. По силе и мощи его вполне можно было сравнить с Конаном. Кожаный передник со следами засохшей крови составлял все одеяние этого мрачного на вид существа, с отсутствующим видом поворачивающего в жаровне несколько железных прутьев. У ног палача — а в том, чем он занимается, сомнений возникнуть также не могло — лежал свернутый в кольцо бич.

«Из воловьего хвоста», — отметил про себя варвар. Однако особенно рассматривать зал пыток ему не пришлось.

— Говори, сучий сын, кто тебя научил дать мне это кольцо? — прошипел Мусаиб, приподнимаясь в кресле.

«Что ему сказать? — лихорадочно подумал киммериец. — Правду? Или соврать что-нибудь?»

Давать время на раздумья не входило в планы визира: бич хлестнул по телу варвара, обвившись вокруг бедер.

— Говори быстро, вонючий червь! — заорал Мусаиб, и новый взмах бича едва не вырвал крик из глотки киммерийца.

Палач был опытным и умелым, нагое тело Конана сразу же покрылось кровотокающими полосами.

— Подожди, — прохрипел варвар, — я скажу...

— Придется, — усмехнулся визир, — здесь молчунов еще не бывало.

«Скажу все как есть», — решил киммериец.

— Это перстень золотого павлина Сабатеи,— чуть переводя дух, сказал он.— Тебе не удастся снять его с пальца целый год.

— Мерзавец! — завизжал Мусаиб.— Дай ему хорошенько! — приказал он палачу.

Удары вновь обрушились на варвара, его тело напряглось, обильно покрываясь потом и кровью.

— Подожди! — крикнул Конан.— Если ты убьешь меня...

Мусаиб кивнул палачу, чтобы тот прекратил, поднялся с кресла, подошел к киммерийцу и встал прямо перед ним:

— Что тогда?

— Ты не узнаешь, как можно его снять,— прохрипел киммериец.

— Расскажи!

— Что я буду иметь с этого? — Варвар, несмотря на кажущуюся безнадежность своего положения, решил поторговаться.

— Я дам тебе легкую смерть,— оскалился визирь.

— Не согласен.

— Что же ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты меня отпустил.

— Безмозглый мальчишка! — Мусаиб с усмешкой посмотрел на него.— Да ты и так скажешь мне все, что знаешь. Не плетъ, так огонь развяжут твой грязный язык.

— Может быть,— согласился киммериец.— Но я терпелив и не впервые попадаю в такое положение. Опыт, знаешь ли, имеется.

— Значит, будешь мучиться дольше.— Визирь отвернулся и пошел к своему креслу.— Продолжай,— приказал он палачу, усаживаясь поудобнее.

Тот размахнулся, бич врезался в кожу. Варвар, извиваясь в своих путах, крикнул:

— Остановись!

— Что еще? — Визирь сделал знак палачу.

— Пока твой кистолом мучает меня,— с трудом выдохнул Конан,— может, уже будет поздно.

— Поздно?

— Да, да,— торопливо закивал киммериец. Ему пришла в голову спасительная мысль, и он спешил воспользоваться ею.— Будет поздно для тебя, потому что перстень начнет свою магическое действие.

— Какое еще действие? — насторожился визирь.

— Я расскажу тебе,— продолжал Конан,— если ты обещаешь меня отпустить.

Мусаиб выглядел встревоженным. Палец распух, и кольцо больно врезалось в кожу. Какие еще могут произойти неприятности? Надо добиться от этого варвара всей правды. Вдруг на самом деле что-то может случиться с ним? Визирь даже вспотел от такой мысли.

Киммериец, висая под потолком, украдкой наблюдал за Мусаибом и видел, что попал в точку. Наживку тот заглотил. Теперь надо постараться — ох как постараться! — и не наделать ошибок. Тогда, кто знает, может быть, и повезет унести отсюда ноги.

— У тебя уже распух палец,— начал варвар,— а это признак того, что работа пошла...

— Ну и что дальше? — забеспокоился визирь.

— Дальше начнет распухать рука...— Киммериец говорил медленно, стараясь выиграть время, чтобы придумать, как вести себя дальше.

Мусаиб взглянул на свою руку, и ему показалось, что кисть действительно увеличилась в размерах. Он сравнил ладони обеих рук: никакого сомнения, левая рука распухла!

— Говори, сын шакала! — закричал он на варвара, вновь подбегая к нему.

— Дальше ты и сам можешь сообразить, мудрейший...— Варвар сделал паузу.

— Что?! — выдохнул визирь, чувствуя, как липкий пот покрывает его тело.

— Распухнет все тело, оно станет похоже на копну сена, кожа будет водянистой и посинеет, как твой палец...— Киммериец принялся вдохновенно расписывать те ужасы, которые уготованы визирю.

— Хватит! — заорал тот.— Как избежать этого?

Конан молчал, тяжело дыша.

— Говори! — чуть не плача, закричал визирь. Ему уже казалось, что боль в руке поднимается выше и выше.

— Я знаю, но не скажу, пока ты меня не отпустишь.

— Обещаю, обещаю, слово визиря! Клянусь Эрликом!

— Не кощунствуй! Твое слово ничего не стоит, — твердо ответил киммериец. — Ты же обещал Юлбашу отпустить его сестру...

— Откуда ты знаешь это? — встрепнулся Мусаиб, и киммериец понял, что сболтнул лишнее.

— Я все знаю, — ответил варвар.

Раз уж проговорился, надо идти дальше. Чем Нергал не шутит, может быть, и девчонку удастся отсюда вытащить. Правда он, все еще голый и исхлестанный бичом, висел под потолком и пока смутно представлял, как выберется сам. Конан еще раз взглянул прямо в глаза Мусаиба и увидел, что ему не показалось: визирь смертельно напуган.

— Где эта девка? — Визирь обернулся к палачу и, не дожидаясь ответа, приказал: — Сюда ее!

Палач встал со скамьи и пошел к дверям. Варвар, с трудом повернув голову в ту сторону, увидел, как он что-то объясняет на пальцах двум стражникам у дверей. Те, кивнув головами, вышли из подземелья.

— Так ты расскажешь мне, что делать? — Визирь умоляюще посмотрел на варвара.

— Если договоримся. — Киммериец уже понял, что теперь его жизнь зависит только от него самого. — Для начала скажи своему животному, чтобы снял меня отсюда.

Мусаиб дал знак палачу, и тот, покрутив блок у стены, ослабил веревку. Варвар с удовольствием коснулся ногами сырого пола каземата. В этот миг раскрылась дверь, и двое стражников швырнули на середину помещения женщину, чуть прикрытую остатками разорванной одежды. По знаку визиря палач вылил на ее бесчувственное тело ведро воды. Она застонала и пошевелилась, потом приподнялась на одной руке, и варвар увидел, что это совсем юная девушка — лет пятнадцати, не больше.

— Вот она, — осклабился визирь. — Видишь, еще живая. Я отпущу тебя и ее, если ты мне все расскажешь.

Глава восьмая

Несколько мгновений Конан раздумывал, как начать свою речь, но тут открылась дверь и в подземелье вошел еще один человек. Вновь прибывший был невысоким крепким мужчиной. Его черные борода и волосы отливали благородной сединой.

— Мизра! — радостно воскликнул визирь, забыв на мгновение о киммерийце, и бросился к вошедшему.

— Я пришел помочь, друг мой, — ответил Мизра. — У тебя какие-то неприятности?

Мусаиб отвел своего приятеля в дальний угол и зашептал ему что-то, видимо рассказывая о своих несчастиях: он размахивал руками и подносил к носу собеседника палец с перстнем. Варвар стоял на полу, и, хотя руки его были связаны над головой, чувствовал себя гораздо лучше, чем под потолком, да еще с ударами бича. Он оглядывал зал, прикидывая, что ему надо будет сделать, да и сможет ли он что-нибудь предпринять, если обстановка изменится. Девушка, очнувшись после холодного душа, сидела на полу, опираясь на руки. Сквозь прорехи платья были видны синяки, покрывавшие ее худенькое тело. Безучастный ко всему палач с непроницаемым видом сидел на своей скамье. Его лицо, смахивавшее на морду обезьяны, было неподвижным, как у каменного истукана.

Голоса в дальнем углу стали громче, потом оттуда раздался крик визиря:

— Я спущу шкуру с этого мерзавца!

Он сорвался с места и широкими шагами направился к киммерийцу, на ходу крича палачу:

— Подвесь его и поджарь на медленном огне! И ее тоже!

Обезьяноподобный костолом поднялся, чтобы исполнить приказание, но внезапно пошатнулся. Конан, пристально следивший за ним, увидел, что земляной пол помещения начал вздыбливаться бугорками, словно море, покрытое легкой зыбью. Все, кроме варвара, в недоумении усталились на пол, который шевелился, словно живой.

«Неужели?! — возликовал Конан, еще не веря своим глазам. — Лакуди! Но теперь не за мной, а за ним!»

Девушка пронзительно завизжала и вскочила на ноги: прямо из-под нее вдруг вылезла трехпалая лапа, потом другая, и вот уже лохматый карлик, приплясывая на коротких ножках, бросился к Мусаibu.

— Шакальи задницы, шакальи задницы! — Уже множество карликов прыгали вокруг обезумевшего от этого зрелища визиря.

Киммериец теперь собственными глазами увидел то, что проделывали с ним эти странные уродцы. Мусаib вдруг начал раздуваться и стал полупрозрачным, как давно немытое окно. Он покачался в воздухе, и вдруг в десятке шагов от него возник второй визирь, злобно смотревший на своего двойника. Подарок оказался удачным. Теперь этому ублюдку предстояло испытать то, что раньше приходилось переживать варвару.

Конан, краем глаза следя за событиями, попытался разорвать связывающую его веревку. Сначала это ему не удалось, он подпрыгнул вверх и всем телом рванул еще раз. Запястья обожгла страшная боль, но за спиной у него, там где конец веревки прикреплялся к вороту, что-то треснуло, и варвар ощутил, что путы ослабли. Он повторил свою попытку. Привязь ослабла настолько, что киммериец смог опустить руки и сделать пару шагов в сторону. В этот миг два Мусаiba, схватившись друг с другом, словно псы на базарной площади, покатались по полу. В стороны летели клочки одежды, а глухое рычание, издаваемое благородны-

ми визирями, еще больше усиливало сходство с собачьей дракой. Это было гораздо увлекательнее, чем петушинные бои!

В другое время варвар с удовольствием понаблюдает бы, кто возьмет верх, но сейчас было не до этого. Хорошо бы воспользоваться суматохой и спасти свою шкуру. Конан еще раз оглядел подземелье. Два визиря продолжали свою схватку, подбадриваемые воплями лакуди. На палача раздвоение визиря и драка двойников произвели неизгладимое впечатление. Он в смертельном ужасе прижался к стене, стараясь подобрать под себя ноги и вообще занять как можно меньше места, чтобы ненароком не коснуться приплясывающих совсем рядом трехпалых тварей. Мизра, отрезанный толпой лакуди от места, где находились остальные, закрыв лицо ладонями, шептал какие-то заклинания. Девушка в ужасе, не меньшем, чем палач, взобралась на ворот и, вцепившись руками в деревянное колесо, широко распахнутыми глазами глядела на происходящее. Было видно, что она не в силах даже пошевелиться. Два стражника, которые влетели на шум, раздававшийся из пыточного зала, остолбенели у входа.

Киммериец не стал ждать, как повернутся события. Он изо всех сил натянул веревку и поднес руки к жаровне. Его обожгло нестерпимым жаром, волосы на руках начали потрескивать и скручиваться, но варвар терпел, стиснув зубы. Наконец веревка обуглилась настолько, что Конан смог движением ладоней ее разорвать. Он был свободен от пут! В это время отчаянные крики сразу нескольких людей слились в протяжный вопль. За кольцом лакуди, внутри которого продолжали рвать друг друга два Мусаiba, выростало что-то огромное и зловонное. Смердный запах проник даже в ноздри стоявших поодаль стражников, и они дружно, как по команде, зажали носы.

«Гриб? — мелькнула мысль у варвара. — Нет, похоже, что-то другое!»

В полумраке подземелья стало отчетливо видно нечто огромное и ужасное — что-то вроде слона, только в два раза шире. Тяжелая туша на четырех толстых ногах, похожих

на пни старого дерева, имела длинную шею с маленькой костистой головой на конце. В пасти монстра торчали два ряда кривых и острых зубов. Из раскрытого рта капала слюна, которая и распространяла зловоние. Словно удав, гибкая шея начала метаться в толпе лакуди, выхватывая отдельных карликов и перекусывая им шеи. Уродцы загомонили еще сильнее и принялись отбиваться кривыми лапами с длинными когтями, нанося по страшной змеиной морде чувствительные удары. Голова уворачивалась от ударов лакуди, время от времени выхватывая очередную жертву. Откусив ей голову, монстр издавал громкий рев и удовлетворенно поводил головой из стороны в сторону, выискивая место следующего удара. Варвар заметил, что чудовище ударяет не просто куда попало, а расчищает в толпе карликов проход, по которому идет Мизра, совершая руками плавные пассы.

«Вот оно что! — догадался киммериец. — Еще один колдун мне на голову. Он хочет вытащить придурка-визиря!»

Конан огляделся. Похоже, в неразберихе, которая царил в зале, пропитанном вонью чудовища и запахом чадящих факелов, заполненном ревом толстоногого гада, гнусными воплями лакуди и криками людей, только он сохранил способность здраво мыслить. Мизра не в счет. Колдун был всецело занят спасением своего друга, пытаясь пробиться поближе к нему, или к ним, если говорить точнее. Один из стражников бросился на землю и зажал ладонями уши. Киммериец сразу же вспомнил вероломного Хафара.

«Бедняга, — пожалел стражника варвар, — и этот спятил, клянусь кишками Нергала!»

Он схватил валявшийся на полу бич и, прижимаясь спиной к стене, стал медленно приближаться к стражнику у дверей. Когда тот заметил киммерийца и выхватил саблю, то ничего уже не смог сделать. Конец бича обвился вокруг его запястья, Конан резко дернул его на себя, и стражник, потеряв равновесие, свалился со ступеньки и упал на колени. Варвар в прыжке не дал ему подняться и сомкнутыми руками со страшной силой ударил в то место, где начинается шея. Он не слышал хруста позвонков, но по

тому, как мгновенно обмякло тело, понял, что достиг цели. Схватив саблю, киммериец полоснул ею по шее сжавшегося от страха второго стражника — так, на всякий случай, и, развернувшись, посмотрел на поле битвы.

Монстр продолжал реветь, нападая на лакуди, но было уже поздно. Один из визирей все-таки добился своего: его костлявые пальцы ухватились за горло двойника и сжимались все сильнее и сильнее. Двойник тоже не остался в долгу: он выдавливал своему противнику глаза. Жуткий вопль одного из двойников перекрыл рев монстра. Тот, которому вцепились в глаза, дернулся и затих. Лакуди взвыли с удвоенной силой, празднуя победу. Тела обоих визирей внезапно вспыхнули ярким синим пламенем. Мизра схватился за голову, видя полную тщетность своих усилий.

Конан втри прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от девушки, и сдернул ее с деревянного колеса. Она по-прежнему мало что понимала от ужаса и пыталась вырваться из рук варвара, цепляясь за ворот, словно видела в нем последнюю надежду на спасение.

— Да очнись ты, дуреха! — Варвар несильно хлопнул ее по щеке. — Бежим!

Она посмотрела сквозь него, но покорно последовала к дверям. Конан тащил ее за руку, стремясь как можно быстрее выбраться из этого кошмара. Неожиданно что-то стукнуло его в спину, да так сильно, что он не удержался на ногах. Перевернувшись, киммериец увидел в локте от своего лица страшную голову монстра с разинутой зубастой пастью. Киммериец ударил чудовище саблей по выступающим над пастью ноздрям. Голова, издав жуткий рев, отпрянула назад.

— Беги отсюда! — успел крикнуть варвар девушке, вскакивая на ноги и метнувшись назад, к месту пытки, чтобы освободить ей путь.

Голова монстра, качнувшись, вновь устремилась к нему. Киммериец пригнулся и полоснул саблей по незащищенному костяными пластинами месту под нижней челюстью. Фонтан черной жидкости брызнул на пол, и монстр, дернув шеей, отступил назад. Конан схватил конец веревки, на кото-

рой еще совсем недавно висел под потолком, и мгновенно завязал петлю, собираясь накинуть ее на голову чудовища. Однако он не смог увернуться от следующего броска монстра и почувствовал на своем плече укус смертоносных зубов. Киммериец упал, но тут же вскочил, перекатившись через спину. Совсем рядом с собой он увидел жаровню и надвигающуюся сверху раскрытую пасть монстра. Невероятным усилием ему удалось схватить жаровню и ткнуть горячими угольями прямо в распахнутый зев...

Шея монстра затряслась, с шипением полетели угли, которые явно причинили ему сильную боль. Краем глаза варвар отметил, что ни лакуди, ни визиря не видно, а Мизра опять что-то шепчет, уткнувшись в ладони.

«Стало быть, визирю крышка», — успел с удовлетворением подумать Конан, примериваясь, как бы подобраться с петель к голове чудовища, которое теперь шевелилось намного медленнее.

Голова вновь двинулась на него, но варвар ловко накинул на шею петлю и дернул свободный конец. Монстр оказался привязанным к вороту, вмурованному в стену. Киммериец отскочил на пару шагов, чтобы перевести дух. Однако он недооценил силу чудовища. Тварь дернула шейю, веревка выдержала. Еще рывок — и вырванное из стены колесо пыточного приспособления, как пущенное из пращи, врезалось в стоявшего рядом с монстром колдуна. Он упал на землю, дернулся и затих. Чудовище, порождение мага, начало уменьшаться в размерах, словно проткнутый рыбий пузырь. Конан не стал дожидаться, чем все это закончится. Хотя зрелище и радовало глаз, все же не следовало слишком здесь задерживаться. Он в три прыжка достиг дверей и выскочил в коридор.

Девушка, обхватив руками голову, сидела прямо около двери. Конан схватил ее за руку.

— Давай быстрее! Нам нужно бежать!

Она встала, но почему-то не двигалась с места, как-то странно глядя на него. Проследив за ее взглядом, варвар хлопнул себя по лбу. Он же совершенно голый! Прыгнув назад в подземелье, киммериец сорвал рубаху с одного из

стражников и повязал ее на бедра. Затем он бросил прощальный взгляд на поле недавней битвы и вновь выскочил в коридор.

— Так я тебе больше нравлюсь? Вперед!

В этом коридоре они не встретили ни одного стражника, зато дверей было с избытком. Киммериец на мгновение задумался. Он не запомнил расположения подземелья. Когда его вели сюда, стражники столько раз поворачивали, что он перестал следить, куда они идут. Важно было решить, что делать дальше. Вылезти через окна, которые находились здесь под самым потолком, или продолжать двигаться по коридору?

Его колебания прервал шум голосов и лязг металла где-то впереди.

Варвар толкнул ближайшую дверь. Заперто! Еще одну. То же самое... Шаги приближались. Он навалился всем телом на третью. Удача! Запор не выдержал, дверь щелкнула и растворилась.

— Быстро! — Конан втащил за собой девушку и плотно закрыл дверь.

Через несколько мгновений по коридору прогрохотали сапоги нескольких солдат. Варвар прислонился к стене и вгляделся в полумрак комнаты. Лунный свет через большое и чистое окно равномерно, хотя и скудно, освещал небольшую каморку, вдоль стен которой стояли какие-то длинные предметы. Конан взял один из них в руку. Мотыга! Судя по всему, они попали в каморку садовника. Варвар внимательно оглядел стены, нашел несколько халатов неопределенного цвета, висевших на гвозде, и попытался натянуть на себя один из них. К его удивлению, халат пришелся почти впору. Конечно, рукава оказались коротковаты и в плечах не больно-то просторно, но его хотя бы можно было запахнуть!

— Малика, поищи чего-нибудь для себя, — шепнул варвар. — Твоя одежда тоже не очень-то подходит для прогулок по дворцу.

Пока спасенная им девушка натягивала на себя халат, киммериец, действуя острием сабли, аккуратно высадил раму

и выглянул в сад. Собственно говоря, это был не сад, а небольшое глухое пространство, засаженное кустарником. Надо было торопиться, потому что в коридоре снова слышались торопливые шаги и крики солдат. Наверное, увиденное в зале для пыток произвело на них большое впечатление. До забора было совсем недалеко, и, на их счастье, в саду никто не прогуливался и не работал.

— Да пребудет с нами милость богов! — Конан помог девушке спрыгнуть вниз и тихо спустился вслед за ней.

Они легко перемахнули через изгородь, а поскольку варвар хорошо помнил дорогу к дому Аршада, то и этот путь обошелся без приключений. Несмотря на ссадины и шрамы на теле, на обожженные руки, варвар чувствовал себя превосходно. Он сделал все, что замышлял, и даже больше — ну уж за это никто не станет его упрекать!

Часть шестая

КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ СВОЕ

Глава первая

Д а, неплохо тебя отделали! — Аршад произнес это так, будто работа палача вызвала у него гордость за земляка.

Конан возвышался посреди комнаты, а чародей смазывал его раны мазями и жидкостями из различных флаконов и горшочков, которые стояли на длинном столе.

— Так, говоришь, Мусайб вспыхнул синим пламенем?

— Угу, сгорел, как щепка, — подтвердил варвар, морщась от боли.

В горячке схватки и последующего бегства из дворца он не замечал своих ран, но сейчас, в спокойной обстановке, ожоги и ссадины напомнили о себе. То же произошло и с сестрой Юлбаша. Только девушка сломалась гораздо раньше, и последние несколько переулков он просто нес ее на руках, потому что она совсем выбилась из сил от многодневных пыток, голода и пережитого ужаса.

— Девушку лучше всего будет оставить у меня, — предложил Аршад, — зачем ее тащить в ваш лагерь?

— Нет, — возразил Конан, поеживаясь от мазей и бальзамов, немилосердно щипавших кожу. — В лагере ее брат. Он, правда, пытался убить Джунгир-хана, но, думаю, его стоит простить. Пусть живет. А в Хоарезме ей оставаться опасно, даже у тебя. У вас ведь не каждый день травят хозяев, пусть и жестоких.

— Поступай, как знаешь, — не стал спорить колдун. — А что ты собираешься делать дальше?

— Вернусь в лагерь,— ответил варвар,— и поведу на Замбулу войска, которые прислал этот скелет Мусаиб...

— Ты думаешь, они согласятся, узнав, что визиря больше нет в живых?

— Во-первых, я не скажу им об этом, а во-вторых, и это даже важнее, они пойдут за деньги куда угодно, лишь бы платили.

— Пожалуй, ты прав,— кивнул Аршад,— но кое-чем могу тебе помочь и я. Ты не откажешься от моей помощи?

— Откажусь? — обрадовался варвар.— Да с тобой я, словно за паузой у Солнцеликого!

— Не навлекай на себя гнева богов,— серьезно прервал его Аршад.— Им свое, а нам свое. Есть у меня одна мысль, надо бы ее проверить. Кстати, сколько дней ты собираешься идти до Замбулы?

— Недели две, не меньше,— поразмыслив, ответил киммериец.— Был бы один, и за неделю бы добрался, а с войском и обозом быстрее не получится.

* * *

Утром Конан проснулся, словно заново рожденный: ничего не напоминало о том, что еще вчера бич обезьян-палача безжалостно хлестал по его телу. Все раны затянулись. Даже ладони и запястья, покрытые пузырями от ожогов, стали гладкими и ровными, будто за ночь на них выросла новая кожа.

— Вот что значит магия! — прищелкнул языком варвар.— Хорошо, что от нее не всегда неприятности.

Он удовлетворенно потянулся так, что хрустнули суставы. Пора подниматься! День обещал быть нелегким. Надо выбраться из Хоарезма да побыстрее вернуться в лагерь. Киммериец встал, еще раз потянулся и прошелся по комнате. Одежда и оружие! Как же он забыл об этом? Варвар осмотрел саблю, которую вчера взял у стражника. Таким клинком только в зад у кабана ковырять! Да и идти по городу, прикрываясь лишь куском тряпки, тоже не совсем прилично. Он будет похож на беглого раба, и каждый прохожий, не говоря уже о стражниках, проявит к нему небозосновательный интерес.

— Проснулся? — В комнату вошел Аршад.— Вот, прикинь, может быть, тебе подойдет.

Он бросил на скамью сверток с одеждой. Конан оделся. Платье, как ни странно, пришлось ему впору: широкие синие шаровары, белая рубаша и кожаная безрукавка делали его похожим на обыкновенного жителя Хоарезма.

— Другое дело! — оглядывая его, прищмокнул губами Аршад.— Вот взгляни-ка еще на это.

Он вышел из комнаты и тотчас вернулся. В его руках был огромных размеров меч в кожаных ножнах. Варвар схватил оружие и придирчиво его осмотрел. Клинок был по нему! Отличная офирская сталь, рукоятка перевита плетеными полосками кожи, чтобы не скользила рука. Киммериец благодарно и удивленно взглянул на колдуна:

— Откуда?!

— Да так, заваялся,— уклончиво ответил Аршад.— Я подумал, что такому воину, как ты, не пристало ходить с каким-то ножичком.— Он пренебрежительно указал на саблю Конана.

— Спасибо! Ты меня здорово выручил! — Киммериец бросил меч в ножны.

— Теперь пора собираться в путь,— напомнил Аршад.— Мы с Маликой выедем открыто, а тебя спрячем среди тюков в моей арбе. Думаю, все пройдет хорошо. Выберемся за ворота, а там садись на коня и скачи в лагерь. Мы подждем через день.

Так и поступили. Через некоторое время варвар, отплевываясь от забившихся в рот соломы и клочьев шерсти, выбрался на свет. Он лежал в душной темноте среди мешков и тюков, скорчившись и сжимая рукоятку меча на случай, если стража обнаружит его, но все обошлось. Вкочив на коня, киммериец поднялся в стременах, помахал своим спутникам и дал коню шпоры:

— Вперед!

* * *

Лагерь было не узнать. Когда варвар несколько дней назад покидал это место, на поляне стояло всего несколько шатров и

палаток, теперь же все пространство, насколько мог охватить его взгляд, покрывали разноцветные купола. Вокруг все гудело, шумело, двигалось — это была стоянка большого войска. Сразу бросалось в глаза, что это отряды регулярной армии Турана. Солдаты были одеты в белые шаровары и одинаковые белые длинные безрукавки, накинута на малиновые туники до колен. Две широкие желтые ленты, одна вокруг бедер, другая наискось от левого плеча вниз, отчетливо выделялись на белом фоне. Золотой грифон Турана, вышитый на груди, завершал украшение каждого мундира. Все снаряжение было ладно пригнано, а копья, алебарды и топоры составлены в пирамиды, около которых стояли постовые. Кони паслись на пастбище чуть поодаль, рядом со стадами овец и быков, пригнанных для пропитания войска. Костры располагались в специально отведенных местах, подале от шатров. В общем, отметил про себя киммериец, все было устроено хорошо. Ему приходилось участвовать в сражениях и, как он давно уже понял, дисциплина и порядок определяют боеготовность армии.

«Неплохой отряд прислал визирь, — усмехнулся он, — да и неудивительно, для себя же старался. Не повезло бедняге, гуляет теперь себе на Серых Равнинах...»

Варвар отыскал шатер, где оставил Испарану. Соскочив с коня, он бросил поводья подбежавшему туранцу и откинул занавеску. Женщина сидела, поджав под себя ноги и, казалось, не очень обрадовалась приходу киммерийца.

— В чем дело? — спросил Конан. — Ты мне не рада? Или что-нибудь случилось?

Испарана молча кивнула. Она не поднимала головы, уставившись в землю.

— Да не молчи ты! — прикрикнул на нее варвар. — Раскрой рот и расскажи, в чем дело.

— Джунгир-хан исчез...

— Как это исчез? — удивился киммериец. — Может быть, они просто сменили стоянку и ушли подале в горы?

— Ты меня не понял. — Испарана подняла на него усталые глаза. — Мы нашли три трупа. Тех людей, что были с ним. А его самого и след простыл...

— Когда это случилось?

— Откуда я знаю! Ночью, наверное, — отгрызнулась Испарана. — Вчера вечером они были на месте... Теперь все пропало! Ты можешь это понять своими варварскими мозгами? — Она вскочила на ноги и, вцепившись в рубаху Конана, попробовала его встряхнуть.

— Ну, тогда след еще не простыл, — усмехнулся киммериец, обняв женщину и прижимая ее к себе. — Да что с тобой, Испарана? Ты всегда была такой, — он не мог сразу подобрать слово, — ну, такой... Тьфу, Нергал мне в задницу! — выругался он, потому что подходящего слова так и не нашел. — Ладно, не в этом дело, пес с ним! Не надо паники, я уверен, мы с этим разберемся! — Он погладил ее по волосам. — Кто об этом знает?

— Я и еще один человек. — Испарана подняла на него глаза, в которых подозрительно сверкала влага.

— Ну, это уже совсем ни к чему! — Варвар смахнул слезу, ползущую по ее щеке. — Безвыходных положений не бывает. Скорее всего, — потер он лоб, — вас все-таки выследили люди Хамера. Шакаль потроха! Значит, ночью... — Он задумался.

— Они его убьют! — всхлипнула Испарана.

— Не раньше, чем привезут в Замбулу, — успокоил ее варвар. — Иначе убили бы его прямо здесь... Поступим так. — Он уже принял решение. — Они, скорее всего, поехали по караванной дороге и через пару дней будут переправляться через Ильбарс. Там я их и возьму.

— Ты что, поедешь один? — изумилась женщина.

— Послушай меня, Испарана... — Киммериец взял ее руки в свои ладони и легонько сжал их. — Я пойду напрямик через горы, и никто, кроме меня, не сможет проделать этот путь так быстро. Их не более пяти-шести человек, я справлюсь, клянусь Кромом! — Он упрямо сжал зубы. — Они у меня получают все, что заслужили.

— Конан! — Испарана, не в силах сказать что-то большее, спрятала лицо у него на груди.

— А ты, — варвар обнял ее, — дождись моего друга. Его зовут Аршад. Завтра он должен приехать сюда. Тогда сворачивайте лагерь и выступайте. Встретимся у брода через Ильбарс. Я сейчас пойду приготовлюсь, и в погоню. Время ждать не будет.

Глава вторая

Двое суток киммериец, вспомнив все, чему научился еще в далеком детстве, провел в горах. Он поднимался на скалы, спускался в ущелья, бежал по сухой равнине, вновь переходил через остроконечные пики и спускался в долины. Иногда он забирался по каменным осыпям так высоко, что не встречал никакой живности: ни баранов, ни мышей, ни каменных ящерок. Вокруг, насколько хватало глаз, лежал снег, и только ледяные вершины сияли вдали. Лишь могучие орлы, расправив свои широкие крылья, сопровождали его бесконечный бег, удивляясь, наверное, что кто-то появился на этих безжизненных просторах. Конан передвигался налегке, взяв с собой только самое необходимое: меч и кинжал, несколько метательных ножей, длинную веревку с бронзовым крюком, которая уже не раз сослужила ему добрую службу, и две сухие лепешки. Несколько раз он останавливался, чтобы подкрепиться горстью красных кисло-сладких ягод, сжевать кусок пресной лепешки и напиться чистой, как хрусталь, воды из ручьев. Все остальное время он шел, бежал, карабкался вверх и спускался вниз, не чувствуя усталости и не желая останавливаться, как бесконечный поток горной реки, несущийся по камням и перекатам.

Когда он, преодолев последний, уже совсем невысокий хребет, спустился в долину, всевидящее Око Митры уже в третий раз начинало свой путь по небосклону. Варвар улыбнулся и позволил себе немного расслабиться, облегчен-

но вздохнув: самое трудное осталось позади. Его не беспокоила встреча с солдатами, похитившими Джунгир-хана. Ему столько раз приходилось сталкиваться с серьезными противниками, что он иногда даже скучал по опасным приключениям.

В селении, примостившемся у невысоких зеленых предгорий, киммериец купил коня и в первый раз за эти дни нормально поел. Нормально — это по его мнению, а вся семья крестьянина, где он остановился передохнуть, собралась вокруг и смотрела, как в утробе синеглазого гиганта исчезает такое количество пищи, которого хватило бы на обед половине их деревни. Конан одобрил съеденное большим кувшином местного вина и почувствовал, что силы, которых он немало потратил за время перехода через горы, возвращаются. Он щедро расплатился с крестьянином и вскочил на коня, рассчитывая к вечеру быть на месте.

Расчеты киммерийца оказались верными. Через Ильбарс в этих местах были две переправы. Один брод около Самарры, где и переходило реку большинство караванов, направлявшихся в Хорайю, Шем, Хауран и дальше во все западные земли и страны. Вряд ли несколько вооруженных всадников с пленным попытаются пройти там, где встречается так много народу и шныряют дозоры туранских конников. Скорее всего, они пойдут дорогой, ведущей в Кутхемес, там людей поменьше. Варвар вышел на этот путь к полудню и решил подождать здесь, не подходя к самой реке.

Он выбрал место, где дорога делала большую петлю, огибая возвышенность. Склон холма покрывала достаточно густая растительность, так что Конан, оставив коня внизу, смог забраться повыше и, не опасаясь быть обнаруженным, видел всю дорогу как на ладони. Ждать ему пришлось довольно долго, и он уже начал беспокоиться, что ошибся в своих предположениях, когда вдали показалась шестерка всадников. Киммериец приложил руку, прикрывая глаза от лучей солнца. Они! Пять конников ехали свободно, слегка придерживая поводья, а один, в самой середине кавалькады, держался как-то неестественно, движения его были скованны. Лица людей с такого

расстояния не мог увидеть даже Конан, обладавший великолепным зрением, но варвар ни на миг не усомнился, что это Джунгир-хан и его похитители.

«Еще бы, — усмехнулся про себя киммериец, — человек, руки которого привязаны к поводьям, не может чувствовать себя свободно».

Он кубарем скатился с холма и побежал вниз к опушке леса. Пришлось немного подождать, пока всадники подъедут достаточно близко, чтобы их можно было хорошо разглядеть. Конан ожидал, схоронясь в чаще. Сначала он услышал голоса, потом стук лошадиных копыт по каменистой дороге. Всадники не спешили, видимо, лошади уже слегка выдохлись после долгого пути. У Джунгир-хана были привязаны не только руки, но и ноги крепились к стремянам кожаными ремнями. Лицо мальчика казалось измученным и посеревшим, но следов побоев варвар не заметил.

«Так, — прикидывал киммериец, следя за ними из-за деревьев, — луки только у двоих: вот у этого, с зеленой лентой на лбу, и последнего. Не повезло бедолагам, им придется умереть в первую очередь. Да и остальные вряд ли задержатся на этом свете. Ну, помощь богов мне сейчас не помешает!»

Он быстро и в то же время осторожно, стараясь не шуметь, побежал напрямик по лесистому склону холма. Всадникам же предстояло еще преодолеть изгиб дороги. Варвар успел вскочить на коня и приготовиться к встрече, когда снова послышался топот копыт. Дорога здесь выходила на небольшую поляну, так что Конана, спрятавшегося за высоким кустарником, невозможно было обнаружить до той поры, пока вся колонна не окажется на открытом месте. Так и получилось.

Первый всадник, оглядываясь по сторонам, заметил его только тогда, когда нож варвара вонзился в шею туранца, который ехал самым последним. Тот свалился с лошади, а киммериец, дав шпоры своему коню, выскочил на поляну и метнул веревку с крюком в переднего всадника. Конан столько раз использовал это оружие, что в конце концов стал непревзойденным мастером. Пущенный умелой и сильной рукой аркан обвился вокруг шеи коня, и варвар,

остановив своего на полном скаку, резко дернул веревку. Конь противника рухнул, придавив седока.

«Удачно! Спасибо, Солнцеликий!» — отметил киммериец.

Остальные трое, сначала опешившие от внезапного нападения, наконец-то увидели, что противник всего один.

— Схватить его! Вперед! — закричали они, перебивая друг друга, и повернули лошадей в сторону варвара.

Конан развернулся и погнал своего коня к лесу, но у самой кромки резко натянул поводья. Первый туранец с перекошенным от напряжения лицом оказался всего в трех шагах от него. Он уже занес свою саблю для удара, но варвар был быстрее — молниеносно повернувшись в седле, он встретил нападавшего ударом меча. Клинки сшиблись со звоном, и сабля вылетела из рук туранца. Не обращая на него внимания, киммериец пустил своего коня вправо, стараясь, чтобы лошадь противника закрывала его от двух других всадников. Затем он прищипорил скакуна и выскочил на открытое место. Теперь он преграждал туранцам путь к Джунгир-хану и оказался к нему ближе других. Пока те разворачивали коней, он подъехал к мальчику и двумя быстрыми движениями перерезал ремни, которыми тот был привязан к упряжи.

— Скачи вперед! — коротко бросил Конан, указав на дорогу, а сам встретил двух солдат, которые, развернувшись, снова бросились на него.

Своим длинным мечом варвар рубанул по оскаленной морде ближайшей к нему лошади, и она рухнула на колени. Всадник, на мгновение потерявший равновесие, попал под второй взмах меча. С ним было покончено. Краем глаза Конан увидел, что выбравшийся из-под своей лошади лучник, припадая на вывихнутую ногу, лихорадочно шарит у себя за спиной, стараясь вытащить стрелу. Медлить было нельзя, и киммериец направил коня к нему, отмахнувшись от второго всадника. Он подлетел к лучнику и ударил клинком прямо по его расширившимся от ужаса глазам. Мгновенно развернувшись, потому что всадник уже оказался совсем рядом, варвар уклонился от удара его сабли и, выпрямляясь, полоснул мечом по нападавшему. Сдавленный вопль слился с трес-

ком разрушаемой плоти, и всадник упал бы на землю, если бы не зацепился за стремяна. Его лошадь понесла. Остался третий туранец, который все-таки успел поднять свое оружие, выбитое из его руки Конаном. Он обводил поле схватки безумными глазами: все его товарищи, кроме одного, который волочился за лошадью, запутавшись в стремянах и теряя по дороге внутренности, валялись на траве, истекая кровью. Туранец, скорее от отчаяния, чем по здравому размышлению, поднял клинок и направил коня на киммерийца.

— Тебе что, жить надоело, сын гиены? — удивился варвар.

Схватка оказалась короткой. Мощным ударом Конан снова выбил саблю из рук солдата, но уже не стал ждать, пока тот ее поднимет. Резкий удар, и его голова, отлетев от туловища, покатила под ноги коня. Все было кончено. Первое, что сделал киммериец, это обшарил кошельки своих недавних противников. Улов оказался неплохим, хотя варвар ожидал куда большего. Он оглядел поле битвы, взял кое-какое оружие поверженных врагов, поймал двух коней и, привстав на стремянах, погнал свой маленький табун вслед за Джунгир-ханом. Тот успел уйти далеко, и киммерийцу пришлось приложить немало усилий, чтобы догнать юного правителя Замбулы.

— Да стой ты! Стой! Это я, Конан! — Ему пришлось несколько раз крикнуть, пока юноша услышал его и, обернувшись, придержал коня.

— Молодец, быстро скачешь, — похвалил его киммериец, когда они поравнялись, — вот, возьми запасного. — Он бросил мальчику поводья второго коня. — Выбери себе саблю и кинжал. Мужчина должен иметь оружие. Если он мужчина, конечно.

Джунгир-хан вспыхнул, но варвар похлопал его по плечу, успокаивая.

— Ты не виноват в том, что тебя поймали, такое может произойти с каждым. Три дня назад я влип куда серьезнее. — И добавил, когда юноша повесил на пояс ножны с оружием: — Вот, совсем другое дело. Поехали! Мы не будем особенно торопиться. Пусти коня шагом. Войска придут к переправе только завтра.

Глава третья

Когда они подъехали к переправе, там было очень много народу. Еще издали виднелись огни костров: вдоль берега расположилось несколько караванов. Обычно перед тем как пересекать Ильбарс, все останавливались тут довольно надолго, чтобы запасти воду и продовольствие, а также починить снаряжение. Через день-два, когда они чуть отойдут к западу, их встретят жесткие сухие степи, а потом начнется пустыня, где беспечный и неподготовленный путешественник, обессилев без запасов воды и пищи, запросто может послужить кормом для шакалов. Да и вообще, мало ли что может случиться в местах, где дождь выпадает два раза в году и жаркое дыхание песков высасывает у путника все силы.

— Нергал мне в печень! — выругался варвар. — Толпа какая!

— Разве они нам помешают? — удивленно поднял брови Джунгир-хан.

— Еще как! — Конан сплюнул. — Они движутся быстрее, чем войска, и придут в Замбулу раньше нас.

— Да, — согласился Джунгир-хан. Он понял, что беспокоило киммерийца. — Они расскажут там, что в их сторону движется армия.

— Молодец, — похлопал его по плечу варвар. — Но это дела не меняет. Мы не сможем напасть на мятежников внезапно, тут уж ничего не поделаешь. Значит, надо готовиться к осаде.

Конан вздохнул. В ранней юности ему пришлось участвовать в битве за крепость Венариум, и он прекрасно знал, что осаждать противника гораздо труднее, чем сражаться в чистом поле. Мало того, что защитник имеет преимущество, укрываясь за башнями и бастионами, так надо еще иметь хоть какие-то орудия для штурма: катапульты, мангонеллы для метания камней и бочонков с горячей смолой, большие щиты, чтобы подобраться поближе к стенам, лестницы, веревки... А самое главное, специально обученных солдат. Это беспокоило варвара больше всего. Туранцам, как правило, не часто приходилось штурмовать города и крепости, их стихия — это лавина всадников, решительно бросающихся на врага.

Конан уже начал подумывать о том, что напрасно они связались с туранским воинством. Может быть, проще было тайно проникнуть в Замбулу с десятком хорошо вооруженных и обученных головорезов, таких как он сам, и попросту убить Хамера. Остальные его приспешники не будут особенно сопротивляться, если узнают, что в Замбулу возвращается законный правитель. Но вот где взять десяток таких, как он? На этот вопрос у киммерийца ответа не нашлось. Он вздохнул еще раз. Что ж, придется действовать, как начали, и надеяться на милость богов.

Они с Джунгир-ханом заночевали чуть в стороне от всех, чтобы не особенно мозолить глаза своим присутствием и не нарываться на лишние вопросы. Варвар считал, что такая предосторожность не помешает. Укрывшись за небольшим холмом, они, по очереди стоя на карауле, провели ночь и утром отправились на встречу с войском.

Как и рассчитывал варвар, к середине дня туча пыли, поднявшаяся из-за холмов, дала им знать, что к реке движется много всадников. Так и оказалось. Через некоторое время уже стали видны колонны со знаменами, ряды торчащих вверх копий, повозки, гурты овец. Армия приближалась, и скоро все потонуло в разноголосом шуме людских голосов, ржании лошадей, скрипе колес, шелканье бичей. Гул все нарастал и нарастал, как будто навстречу летел огромный пчелиный рой.

Испарана ехала на коне впереди отряда вместе с командиром, усатым широколицым туранцем. Увидев киммерийца и его спутника, она прищипорила коня и поскакала к ним.

— Конан! Джунгир! — закричала она еще издали.

Варвар спрыгнул с коня и, когда женщина приблизилась к ним, подхватил ее лошадь под уздцы. Он почти сдернул Испарану с седла, не дожидаясь, пока она спешится, и сжал в объятиях. Он целовал ее на виду у всех, радуясь, что подруга снова рядом с ним. Джунгир-хан, не слезая с коня, прямо сидел в седле, отвернувшись в сторону. Его смуглое скуластое лицо было хмурым и сосредоточенным. Оторвавшись от губ женщины, киммериец обернулся к Джунгир-хану и, сделав рукой плавный жест в сторону войска, сказал:

— Вот что прислал тебе твой добрый родственник и визирь Хоарезма Мусаиб. Как опытный солдат скажу тебе, что войско очень хорошее.

— Лучший полк Хоарезма! — услышав его слова, подтвердил сказанное подскакавший к ним офицер в боевом шлеме, украшенном разноцветными перьями. — Сам наместник приказал нам следовать к Замбуле и сбросить самозванца с престола.

— Туранская армия всегда была образцом военного порядка, — поклонившись командиру, польстил ему варвар, — тем более, когда ею командуют такие мужественные офицеры!

Туранец расплылся в улыбке, несмотря на то что лезть киммерийца не отличалась особой утонченностью, а была прямой, как копьё.

— Мое имя Октай. Эти ребята горы свернут, если им приказать, — скаля белые зубы, важно произнес командир. — Госпожа, — обратился он к Испаране, — кто этот юноша? — Он указал на Джунгир-хана.

— Это законный правитель Замбулы, наместник Илдиза Туранского, Джунгир-хан, — ответил за нее киммериец.

Лицо офицера выразило легкое недоумение, потом он нахмурился и неуверенно произнес:

— Наместник Хоарезма, наш повелитель и господин, сообщил, что Джунгир-хан убит, и замбулийский трон теперь наследует высокочтимый великий визирь Мусаиб. Клянусь Эрликом! — добавил он, поймав на себе слегка насмешливый и участливый взгляд варвара.

Синие глаза киммерийца смотрели на него с легким сожалением, как будто он, командир полка туранской армии, был нездоров и нес в горячке совершеннейшую чушь. Лицо Октая вспыхнуло.

— Что ты скалешь зубы, пес? — Гнев начинал закипать в туранце, хотя внушительная фигура варвара удерживала его от опрометчивых поступков.

— Высокочтимый и храбрый воин, наверное, давно находится в походе, — дружелюбно ответил киммериец. — Видимо, последние новости еще не дошли до него. Испарана! — Варвар, нахмурившись поглядел на женщину. — Ты забыла сообщить достойному офицеру, что великий визирь Хоарезма и редкостный ублюдок Мусаиб уже не сможет воссесть на престол Замбулы.

— Как это? — спросил Окай, потрясенный тем, что о высокочтимом и уважаемом вельможе какой-то варвар в потрепанной одежде выражается не только без почтения, а и вообще самым непотребным образом.

— Об этом я и хотел бы поговорить с храбрым, опытным и, без сомнения, умным воином, если на то, разумеется, будет его воля и желание. — Цветистая фраза далась варвару с трудом, и он даже незаметно от собеседников перевел дух, в душе поздравляя себя с тем, что его напыщенная речь произвела впечатление на офицера.

— Да уж сделай одолжение, Расскажи. — Окай спрыгнул с коня.

Он был высоким для туранца, крепким и мужественным на вид человеком средних лет. Темные с легким прищуром глаза прямо смотрели на собеседника, и киммериец почувствовал, что договориться с ним будет можно.

— Беседа будет долгой, — сказал варвар, — отдай пока приказы своим офицерам, а нам пусть поставят навес да принесут вина. Что-то в горле пересохло. Еще, — добавил

он, — там, в повозке, должен быть наш достойный друг Хафар. Пусть его приведут.

— Ты прав, — согласился офицер, — долгая беседа не должна проходить всухую, клянусь Вечноживым Таримом! — Он снова обнажил в улыбке крупные белые зубы. — Хотя он, конечно, и не поощрял привычку к вину...

— Я не сомневаюсь, — улыбнулся в ответ варвар, — что ты впоследствии вознесешь молитву Эрлику, и он простит тебя.

Довольно быстро, пока войско устраивалось на привал, в стороне от всех солдаты установили шатер и приподняли его полотнища, чтобы воздух проникал внутрь и нес сидящим в нем прохладу. К полудню в степи становилось жарко. Конан, Испарана, Джунгир-хан и командир туранцев уселись на расстеленном ковре из верблюжьей шерсти, и киммериец налил всем по кружке вина.

— Чтобы тебе, уважаемый, — он приподнял свою кружку, кивнул Окаю и сделал глоток, — все стало ясно как день, Расскажу тебе все, что знаю. — Варвар отхлебнул еще вина и продолжил: — Остальные поправят меня, если сочтут нужным, а потом приведем сюда и послушаем бывшего визиря Замбулы.

Киммериец рассказал все, что знал об интригах вокруг трона Замбулы, коротко упомянул о лакуди и гибели Мусаиба, и, закончив повествование, взглянул на офицера:

— Теперь предлагаю послушать Хафара.

Привели бывшего визиря Замбулы. Он бросился в ноги Джунгир-хану, униженно умоляя о прощении.

— Заткнись! — прервал его стенания варвар. — Расскажи почтенному офицеру о своих переговорах с Мусаибом.

Хафар, запинаясь, заговорил, а Окай, слушая его, укоризненно качал головой. Потом туранец спросил:

— Почему же вы до сих пор не лишили головы такого вероломного мерзавца?

— Специально продлевали ему жизнь, чтобы ты мог выслушать его рассказ, — ответил киммериец, а Испарана и Джунгир-хан кивнули в знак согласия. — Теперь он больше никому не нужен, — развел руками варвар. — Что с ним сделаем?

— Нечего и думать, — решительно произнес Октай.

Он был солдатом, человеком по-своему честным и прямым, хотя уже слегка и пообтерся в ханском дворце. Туранец любил суд скорый и правый. Подозвав офицера, он указал на Хафара и выразительно провел ладонью по горлу. Когда вопящего и извивающегося визиря утащили два рослых солдата, командир взглянул на собеседников.

— Выходит, — почесал он переносицу, — мы напрасно проделали такой большой путь. Теперь нам придется возвращаться в Хоарезм.

— Зачем возвращаться? — встрепелась Испарана.

— Наместник послал нас поддержать Мусаба...

— Мне кажется, — заметил Конан, — ты говорил, что вашей армии приказано вернуть трон законному властителю.

— Правильно, — начал соображать командир. — Он так и сказал: вернуть трон династии Актер-хана.

— Ну, вот и договорились! — Варвар налил еще по кружке. — Джунгир, если ты запамятовал, единственный родной сын Актер-хана. И уж во всяком случае, наместник Хоарезма не обвинит тебя в том, что ты не выполнил приказа. Скажешь ему, что вести о гибели визиря дошли до тебя только после взятия Замбулы. А повелитель Илдиз, — усмехнулся он, — будет только приветствовать установление порядка в сатрапии, да и богам угодно, чтобы народ жил под властью законного властителя.

— Разумеется, — подал голос Джунгир-хан, — воинский труд должен быть хорошо оплачен, и это я могу вам обещать.

Октай окинул взглядом собеседников. Видно было, что в его душе происходит некоторая борьба, но варвар не сомневался, какое решение примет туранский офицер. Он не ошибся.

— Ладно, — махнул наконец рукой командир, — это действительно угодное богам дело, и я приму в нем участие, клянусь Эрликом!

Они вышли вместе с киммерийцем из шатра, оставив вдвоем Испарану и Джунгир-хана.

— Не исключено, — снова заговорил Октай, — что нам придется брать Замбулу в осаду. Это меня беспокоит, потому что может пройти много времени, прежде чем мы добьемся успеха. Тогда армия должна найти где-то запасы воды и пищи. В пустыне взять этого негде, а с собой мы много не увезем.

— Я подумал об этом, — ответил варвар. — У меня есть в пустыне друзья из племени шанки. Я уверен, они нам помогут.

— Тогда будем переправляться на тот берег и завтра выступим. — Командир отсалютовал киммерийцу и направился к своим солдатам.

Конан пошел разыскивать Аршада. Он помнил, что тот обещал помочь ему, но слабо представлял себе, каким образом чародей собирался это сделать. Варвару хотелось это узнать не только из чистого любопытства. Он, кроме всего прочего, еще и нуждался в добром совете.

Глава четвертая

Удовлетворенный разговором с Аршадом, варвар на следующее утро, не дожидаясь, пока армия выступит в поход, отправился в дальний путь по пескам пустыни. Он ехал один. С сожалением расставшись с конем, киммериец пересел на длинноногого меланхоличного дромадера. Второй верблюд в двух бурдюках по бокам горба нес запас воды на пять дней. По прошествии этого времени киммериец надеялся достичь оазиса шанки. Он не взял с собой никакого сопровождения, хотя в пустыне вполне могли повстречаться иоггиты, проклятые сыны шакалов, которые грабили караваны и одиноких путников. Конан надеялся на лук — самый большой, который он нашел в туранском войске, и на свой меч.

Он помахал провожавшим его Испаране и Аршаду и ударил пятками верблюда. Дромадер, медленно переставляя ноги, пустился в далекий путь. Второе животное покорно последовало за вожакom. Варвар, покачиваясь в седле, оглядывал унылый пейзаж, расстилавшийся вокруг: сухие, выжженные солнцем островки травы в безбрежном море песчаных барханов, и думал о том, как встретят его шанки. Он вспоминал, как и о чем надо говорить с этими людьми, чтобы не навлечь на себя гнев и не испортить все дело. Их обычаи были во многом странными и не похожими на то, что составляло правила жизни других народов. Но еще более странным было поручение Аршада, которое приводило киммерийца в немалое замешательство. Колдун, узнав,

что шанки бывают в Замбуле, где обменивают на рынке товары, дал варвару весьма необычное задание. Зачем это нужно, ведь в такое никто никогда не поверит? Аршад хотел, чтобы шанки на базаре — так, между прочим, — пустили слух, что Эрлик разгневан незаконным переворотом в Замбуле и может погасить солнце. Чудак этот Аршад, хотя и чародей! Конан подивился про себя его словам, но просьбу выполнить обещал. Теперь он размышлял над тем, как уговорить шанки.

Горячее дыхание пустыни было хорошо знакомо варвару, поэтому он не испытывал особенных неудобств в пути. Окутав голову белой кафией, он проводил весь день на верблюде, который медленно, но верно преодолевал и песчаные барханы, и твердые, словно камень, поля высохшей глины, приближая варвара к цели его путешествия. Один раз он подвергся нападению иоггитов. Его пытались окружить четверо всадников в зеленых одеждах, но он снял одного выстрелом из лука и подбил лошадь второго. Быстро сообразив, что не на того напали, шакалы пустыни оставили его в покое, ускакав куда-то в пески — видимо, за подмогой.

Киммериец приготовился к тому, что на следующий день ему снова предстоит встретиться с ними, но этого не произошло. Наверное, потеряли следы в бескрайнем море песка, решил Конан. Через два дня после нападения иоггитов он увидел впереди всадников в белых одеждах на таких же, как у него, одnogорбых верблюдах. Они заметили его и направились навстречу.

— Кто ты? — спросил его предводитель отряда, когда они сблизились и воины окружили варвара.

У всех были черные или темно-каштановые бороды, густые и коротко подстриженные. Из под белых кафий глядели на варвара свирепые глаза, обведенные черной краской.

— Я хотел бы поговорить с Ахимен-ханом или с его сыном, если ваш повелитель не сочтет возможным принять меня.

Всадники на верблюдах переглянулись.

— Откуда ты знаешь нас? — настороженно спросил предводитель.

— Я был гостем вашего повелителя несколько лет назад, — просто ответил Конан.

— Поехали, — коротко бросил ему воин.

Они достигли поросшей пальмами долины между песчаными холмами, где жили шанки, и варвар порадовался за себя, что правильно выбрал направление. Если бы он уклонился в сторону, ему пришлось бы долго искать этот оазис. С тех пор как киммериец впервые побывал здесь, ничего не изменилось. Мужчины так же ходили в белых туниках с длинными рукавами поверх штанов желтого, оранжевого, красного или коричневого цвета. Конан помнил, что шанки получали этот цвет с помощью верблюжьей мочи и держали рецепт в строгом секрете. Женщины выделялись широкими ярко-красными одеждами. Те же цветные шатры под листьями больших пальм, которые, словно крылья, прикрывали жилища от солнца. Некоторые из проходивших мимо узнавали киммерийца и поднимали руку в знак приветствия.

— Приветствую тебя, Конан из Киммерии! — Человек с черными усами, закрученными вверх почти до самых глаз, склонил голову.

Он стоял у входа в свой шатер, приглашая варвара войти.

— Приветствую тебя, повелитель храброго народа! — Варвар поклонился в знак ответного приветствия и прошел внутрь.

— Что снова привело воина в наши далекие пески? — спросил Ахимен.

— Меня привели несколько дел, которые, я надеюсь, будут интересны и хану, — вторично поклонившись, ответил киммериец.

Песчаного цвета шатер хана был перегороден надвое алой занавеской. Варвар заметил, что связки человеческих ушей, которые висели с каждой стороны входа, стали заметно длиннее.

— Акби! — крикнул Ахимен.

Из-за занавески вышла женщина в алой одежде и такой же яркой вуали, совершенно скрывавшей ее лицо. Вуаль

опускалась почти до самого пояса и была украшена золотыми подвесками. Женщина отвесила поклон варвару и замерла, ожидая приказаний хозяина.

— Счастлив отметить, — сказал варвар, вспомнив, кто эта женщина, — что супруга хана находится в добром здравии, и это делает честь шатру хана и его силе.

— Наполни чашу нашего гостя! — приказал Ахимен.

Акби повиновалась, и в глиняную чашу полилась струя пенного шанкийского пива. Варвар помнил, как два года назад он налакался до полного беспамятства, поэтому сейчас учтиво поклонился хозяину и лишь слегка пригубил из чаши.

— Я вижу, — кивнул киммериец на связки ушей у входа, — что мужественный хан не оставляет одного из своих главных дел.

— Да, гость не ошибся, — ответил Ахимен. — Мы продолжаем истреблять джазихимов.

— Я надеюсь, — приступил киммериец к делу, — что хан примет от меня в дар несколько вещей, которые, как помню, имеют для вашего народа некоторую ценность. Они предохраняют от песчаной слепоты.

Он снял с пояса кожаный мешочек и высыпал на низкий резной столик горсть крупных гранатов. Конан специально приобрел их в Хоарезме, чтобы было с чего начать разговор.

— Нет, нет! — скрестил на груди руки Ахимен. — Я не могу принять такой богатый дар. Надеюсь, мой гость не проявит неудовольствия, если я возьму только один камень.

Он знаком предложил варвару расположиться на ковре из верблюжьей шерсти.

— Тогда пусть хозяин примет в дар, — киммериец убрал пару камней обратно в мешочек, — вот эти камни.

— Мне оказана слишком большая честь, — покачал головой хозяин, — я могу принять лишь половину того, что предлагает гость.

— Моя собственная честь не позволит мне подарить так мало, — сказал Конан, убирая еще один камень, после чего, вытащив кинжал, приставил его к своей груди.

— Пусть рука воина остановится! — Ахимен-хан стрел оставшиеся камни к себе в ладонь. — Я скорее пролью собственную кровь или навлеку гнев богов, чем позволю столь храброму воину хотя бы поцарапать свою кожу.

Представление было окончено, и киммериец вздохнул с облегчением. Его несколько раздражала манера шанки говорить друг с другом так, как будто их самих нет в комнате, однако приходилось терпеть. Теперь, хоть и придется следить за тем, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость, все пойдет куда проще. Камни хану понравились, а главное, Конан показал себя большим знатоком в соблюдении шанкийских обычаев.

— Что уважаемый хозяин может сказать о нынешнем хане Замбулы? — осторожно подошел варвар к интересующему его вопросу.

Ахимен потряс головой, как будто Конан предложил ему съесть что-то неприятное:

— Я слышал, новый хан хочет взять на службу иоггитов.

— Таким образом, — удивился варвар, — заклятые враги шанки переходят под покровительство Турана?

— Не совсем, — покачал головой Ахимен. — Хамер ведь не владыка Турана, а только его сатрап. Я послал своего сына в Аграпур-иль-Раззуф, чтобы он попросил у Илдиза Туранского защиты от его сатрапа. Все-таки мы с ним давнишние союзники, моя старшая дочь живет в его гареме.

— Вот об этом я и хотел поговорить с ханом.

Ахимен открыл рот, чтобы ответить, но в это время занавеска у входа откинулась и в шатер вошел высокий человек с вьющейся бородой и глубоко посаженными черными глазами. Даже беглый взгляд не мог не заметить сходства между вошедшим и хозяином.

— Хаджимен! — воскликнул варвар.

— Конан? — не поверил своим глазам Хаджимен, старший сын хана и наследник престола шанки.

Они обменялись поклонами и выпили пива в честь встречи.

— Пусть Хаджимен послушает, что говорит гость, — указал хан сыну на место рядом с собой.

Конан рассказал о том, что на Замбулу идет большая армия и что он тоже способствует восстановлению Джунгир-хана на престоле, рассказал о Мусабе и людях в Шангаре, которые пытались ему помешать.

— Другие люди живут по странным обычаям, — выслушав киммерийца, сказал Ахимен-хан. — Нам не всегда понятно, как можно хладнокровно и тайно убивать своих противников. Но правила чужеземцев — это их правила.

— Не расскажет ли мне гость, — Хаджимен повернулся к Конану, — как они собираются действовать, если сразу не удастся взять Замбулу?

— Мы собираемся осадить город.

— Но у вас не хватит воды и пищи!

— Конечно, — кивнул киммериец, — для этого я и приехал за помощью к друзьям.

— Вот оно что! — скрестил руки на груди Ахимен.

Вошла женщина, неся в руках блюдо с лепешками и овощным соусом, распространявшим крепкий чесночный запах. Судя по ее одеянию, которое состояло только из красной юбки и тяжелого пояса из серебряных монет, обвивавшего узкие бедра и спускавшегося вниз, она не была замужем. Склонившись перед сидящими, она поставила блюдо на стол. Варвар залюбовался ее крепким округлым животом и маленькими, торчавшими вперед грудями. Он вздохнул про себя, поскольку знал, что, несмотря на все свое гостеприимство и щедрость, шанки никогда не дадут дочерей своего племени на утеху чужеземцу, хотя бы и на одну только ночь. Чистота крови здесь соблюдалась очень строго, и осквернять ее не позволялось никому.

— Но мы не сможем обеспечить вас больше чем на две луны, — отставив чашу, сказал Ахимен.

— Столько я и не осмелился бы просить у Ахимен-хана, — ответил варвар. — Мы рассчитываем, что сумеем справиться раньше.

— Сколько у вас солдат? — спросил Хаджимен.

— Около двух тысяч.

— Это больше, чем у Хамера, но ведь для того, чтобы держать оборону за стенами, и требуется меньше солдат.

— Да,— согласился варвар, прихлебывая густое, терпкое пиво.— Но есть еще одно. Правда, я не совсем понимаю, в чем там дело.

— Пусть воин не боится сказать нам это, даже если смысл до времени скрыт от него,— важно кивнул Ахимен.

— Если люди уважаемого хана пойдут на днях в город...— Конан посмотрел на собеседников.

— Завтра мы собираемся послать несколько человек для обмена опалов,— не дослушав гостя, сказал Ахимен. Видимо, выпитое пиво несколько умерило его почтение к обычаям.

— Тогда, если хан соизволит,— варвар сохранял пока полную ясность в голове,— надо попросить этих людей шепнуть торговцам на рынке, что Эрлик не одобряет действий Хамера и может погасить солнце.

Конан выпалил это и перевел дух. Очень странное предложение! Ему самому было мало понятно, зачем это Аршаду, но обещание свое он выполнил.

— Погасить солнце? — в один голос воскликнули отец и сын и уставились на варвара, как на безумца.

— Да, так просил меня сказать один мой ученый друг.

— Странные обычаи других племен нас не касаются,— усмехнулся Ахимен.— Если ты нас просишь, мои люди скажут об этом.

Они продолжили беседу, обильно сдабривая ее пивом. Обсудили, как и когда шанки будут подвозить продовольствие и, главное, воду для армии Джунгир-хана. Под конец разговора языки у всех заплетались настолько, что сказанное надо было повторять трижды, прежде чем собеседники начинали понимать друг друга.

Глава пятая

На следующее утро голова у варвара раскалывалась, словно вчера по ней долго и упорно стучали молотом. Он проснулся в маленьком шатре желтого цвета, предназначенном для гостей, и долго не мог сообразить, где находится. Выглянув наружу, он увидел, что солнце еще только взошло, но в оазисе уже всю кипит жизнь. Видимо, ожидавшая его пробуждения девушка, та же самая, что вчера подносила им пиво и еду, сидела на корточках рядом с шатром. Она осведомилась у варвара, что он желает. Конан, подумав немного, попросил пива, зная по опыту, как оно помогает с утра, если перебрал накануне. Несколько глотков горьковатого напитка вернули его к жизни, и он поинтересовался, как самочувствие хана и его сына. Девушка сообщила, что Хаджимен собирает небольшой караван в Замбулу, а Ахимен-хан ожидает гостя у себя в шатре.

— Вот это здоровье! — восхитился варвар, хотя на свое пожаловаться до сих пор тоже не мог.— Крепкие ребята эти шанки, клянусь брюхом Крома!

— Как себя чувствует наш гость? — приветствовал его Ахимен-хан.

Он восседал на ковре на том же месте, что и вчера, и казалось, так и не поднимался с него всю ночь.

— Благодаря гостеприимству хана,— ответил киммериец,— я чувствую себя прекрасно.

— Гость хотел нас покинуть сегодня,— продолжал хозяин,— не согласится ли он поехать вместе с нашим кара-

ваном? Это оградит его от иоггитов,— хан сплюнул,— хотя я не сомневаюсь, что такой могучий воин в защите не нуждается.

— Спасибо хану,— беря в руки протянутую ему чашу, ответил варвар.— Могу ли я предложить хозяину скромный подарок?

Он вновь вытащил камни из кожаного мешочка. Это были те гранаты, что остались после вчерашнего торга наоборот. Они вновь повторили положенное по шанкийским обычаям представление, и киммериец в конце концов всучил хозяину все камни, что оставило довольными обе стороны. Распрощавшись с гостеприимным ханом, киммериец присоединился к Хаджимену, и небольшой караван тронулся по пескам по направлению к Замбуле.

* * *

Когда из пустыни начал вырастать похожий на луковичу купол дворца сатрапов Замбулы, а вслед за ним алые башни и сверкающие белизной стены, которые окружали город, киммериец распрощался с Хаджимен-ханом. Шанки направились в город, а варвар повернул на восток, чтобы обойти крепость и встретить направляющуюся сюда армию. Он не хотел попасться на глаза дозорам замбулийских войск, поэтому, проехав немного, взял еще более на восток, и его верблюды шагали вперед до тех пор, пока стены и башни вновь не скрылись за горизонтом. Вдали показалось постепенно приближавшееся легкое облачко. Скоро стало ясно, что это песчаная пыль, поднимаемая тысячами лошадиных ног. Легкий ветерок, редкий для этого времени в пустыне, гнал пыль навстречу Конану, и скоро он уже осязал приближение своего войска: мельчайшие песчинки стали заползать за одежду, в глаза, скрипеть на зубах.

Киммериец оглянулся назад. Солнце уже склонялось к закату, небо было расчерчено легкими светлыми полосами. Конан направил своих верблюдов в сторону песчаного облачка, чтобы еще до темноты прибыть в расположение войска, которое должно было остановиться на ночлег.

Когда варвар подъехал к войску, он увидел, что несколько солдат лопатами разгребают песок, обнажая ровное каменное основание. Из шатра навстречу варвару Аршад нес какие-то отливающие в сумерках золотом металлические предметы.

— Привет тебе, Конан! — кивнул он ему.— Ты выполнил мою просьбу?

— И тебе привет,— ответил киммериец. Затем с легкой обидой в голосе добавил: — Если уж я что-то обещал, то всегда это выполняю.

— Спасибо,— сказал Аршад, устанавливая на площадке свои инструменты.

— Зачем это? — полюбопытствовал варвар.

— Да вот хочу поколдовать немного,— усмехнулся чародей.— Надо кое-что проверить.

Он присел на корточки и принял глазом к одному из предметов, похожему на наконечник алебарды. Конан, немного постояв рядом и убедившись, что занятие звездочета мало его привлекает, отправился к шатру Испараны, ведя в поводу своих верблюдов. То, что может произойти под его сводом, интересовало его гораздо больше.

* * *

На рассвете армия выдвинулась к самой Замбуле. В городе, разумеется, уже было известно, что противник приближается. Возле стен было пусто — ни пешего, ни всадника, как будто все вокруг вымерло. На стенах виднелись вооруженные солдаты, приготовившиеся отразить штурм.

Однако варвар, вспомнив утреннюю беседу с Аршадом, посоветовал командиру армии не начинать атаки.

— Конан,— сказал ему колдун,— сегодня после полудня подведи войска к самым стенам, но так, чтобы вас нельзя было достать выстрелом из лука.

— Я могу подвести войска, но что из этого?

— Не торопись и слушай,— нахмурился Аршад.— Постарайся каким угодно способом вызвать Хамера на переговоры. Надо, чтобы он появился на стене.

— Постараюсь, клянусь Белом! Только зачем это нужно?

— Это еще не все. Прикажи приготовить мне повозку, по возможности высокую, как арбу, с задней стенкой высотой в человеческий рост. В нее должны быть запряжены два верблюда.

— Куда ты поедешь? — хохотнул варвар. — Будешь кататься вокруг города?

— И еще, — не обращая внимания на непочтительное поведение Конана, продолжал колдун, — распорядись, чтобы войска расступились, когда услышат звук трубы. Исполни все точно, как я сказал, и ничему не удивляйся, что бы ты ни увидел.

— Я уже сейчас удивлен до крайности, — покрутил головой киммериец, — но ты мне помог не один раз, и у меня нет причин тебе не верить. Сделаю все, как ты скажешь.

После этого разговора варвар разыскал командира и передал ему разговор с Аршадом.

— Колдовские штучки! — поморщился офицер. Видимо, он, как и Конан, недолюбливал волшебство и чародеев. — Что, он собирается своим взглядом расшатать крепостные ворота? Но раз ты так просишь, то почему бы не попробовать. Хотя по мне лучше всего сразу же навалиться на восточные ворота — видишь, они похуже других защищены с башен. Но ладно, — махнул он рукой, посмотрев на киммерийца, — начать штурм мы сможем и завтра.

Солнце палило немилосердно. Солдаты, укрывшись в шатрах, проклинали и жару, и своих командиров, отложивших штурм, но стоило трубачам заиграть сбор, как войско мгновенно пришло в движение. Через некоторое время ряды воинов в белых бурнусах начали придвигаться к стенам города.

На крепостных башнях заметили, что войска противника приближаются. Солдаты засуетились, стали слышны резкие отрывистые слова команд. Конан, по знаку Аршада, вскочил на коня и впереди цепи наступавших поскакал к городской стене. Не доезжая шагов пятьдесят до противника, он остановился и, сложив ладони рупором, прокричал:

— Эй! Наверху! Где ваш ублюдочный повелитель Хамер? Наверное, живот прихватило от страха, и он боится показаться?

Несколько стрел просвистели в воздухе, но, не достигнув варвара, упали на песок.

— Что, замбулийские собаки, силенок маловато? — продолжал подзадоривать их киммериец. — Позовите вашего хана, или как вы там теперь называете этого самозванца?

— Заткнись, киммерийская собака! — раздался голос, привыкший отдавать команды.

Киммериец, приложив ладонь ко лбу, пригляделся. На одной из башен в окружении людей в офицерских шлемах стоял человек в расшитом золотом белом бурнусе и высоким тюрбане.

— Это что там за павлин? — крикнул варвар. — Неужели это ты, Хамер, сын лживого вонючего шелудивого осла? Что тебя подняло от горшка? Неужели ты здоров?

— Вонючий червь! — раздалось сверху. — Подожди, я прикажу своим солдатам открыть ворота и разогнать твой сброд по пескам.

— Ты полный дурак! — ответил киммериец. — Ты знаешь, что владыка Турана недоволен тобой и уже наточен кол, на который он с удовольствием водрузит твою безмозглую башку?

— Моя секира еще попляшет на твоей шее, киммерийский ублюдок!

— Я не ублюдок! — захохотал варвар. — Я-то своих родителей знаю! А вот ты родился неизвестно от кого, говорят, от тухлой отрыжки больного осла!

Наверху почему-то замолчали — видимо, Хамер лихорадочно искал достойный ответ. Вдруг за спиной варвара раздался ужасный рев трубы, такой, что от него в жилах застыла кровь. Конан обернулся. Среди расступившихся в стороны своих войск он увидел приближавшуюся к нему повозку, на которой стоял человек в алых одеждах и расшитом золотыми нитями белом бурнусе. Два верблюда медленно влекли арбу к стенам города.

— Что это еще за шут? — раздался со стены голос Хамера. — Ты решил позабавить нас перед своей позорной гибелью?

Варвар не ответил и отодвинулся в сторону, освобождая повозке место, где только что стоял сам. Когда арба поравнялась с ним, он узнал колдуна Аршада. Киммерийцу показалось, что его приятель заметно подрос с утра. Он протер глаза, не доверяя им. Нет, он не ошибался! Аршад уже был выше его самого и продолжал все увеличиваться и увеличиваться в размерах. У киммерийца был зычный и мощный голос, но когда Аршад поднял вверх руки и заговорил, то даже у него зазвенело в ушах.

— Нечестивый и подлый потомок шакала! — Трубный голос, напоминающий рев взбешенного слона, раскатился по пустыне. — Ты пренебрег своим долгом и нарушил закон, ты рассердил владыку Турана! Ты не соблюдаешь заветы Вечноживого Тарима, пророка нашего, и повелителя всех живущих Эрлика! Тебя ждет суровое наказание, и вместе с тобой пострадает вся Замбула!

Варвар с немалым удивлением наблюдал, как фигура Аршада все растет и растет, но все это пока не слишком его убедило. Хоть он и слегка побаивался колдовства, но относился к подобным штучкам скептически, считая, что этим замбулийцев вряд ли удастся испугать.

— Скажи что-нибудь новенькое! — раздался сверху крик, в котором, однако, слышались нотки страха.

— Для начала я по повелению Эрлика погашу солнце! — громогласно объявил Аршад, выросший уже до размеров двухэтажного дома. — Я погружу вас в вечный мрак!

— Ха-ха... — Начавшийся было смех на башнях Замбулы вдруг прервался на верхней ноте.

Варвар почувствовал, что по пустыне как будто пробежал холодный ветер. Стало удивительно тихо. Вдруг на башне послышался истерический вопль:

— Смотрите! Смотрите!

Армия, стоявшая позади киммерийца, отозвалась громким, многоголосым криком ужаса. Варвар взглянул на небо. Его пронизала дрожь. Боги! Какая-то темная тень начала надвигаться на светило, поглощая его лучи. От только что ослепительно сиявшего Ока Митры остался небольшой краешек, словно кусок откушенной лепешки. Еще немного,

еще! Стало темно, как ночью. Зажглись звезды. Люди попадали ниц. В наступившей жуткой тишине раздался вой собак за крепостными стенами и вторящий им визг шакалов где-то недалеко в пустыне. Варвар услышал свист нескольких стрел и удар наконечников о дерево. В безмолвии еще более жутким показался голос неизвестно кого, мужчины или женщины, звонкий и низкий одновременно, как гром больших медных тарелок. Он вибрировал в воздухе, и от этого звука хотелось убежать и зарыться глубоко-глубоко в землю.

— Вы, жители Замбулы! Избавьтесь от Хамера, иначе вас неминуемо ждет жизнь во мраке! Мрак, вечный мрак!

Наверху послышалась глухая возня, сдавленные крики, вопль ужаса, переходящий в визг, потом несколько мягких шлепков о песок, которые тем не менее явственно слышали все.

— Ах! — Единый вздох прошел по городским стенам и по рядам наступавшего войска.

В это мгновение край солнца выглянул из мрака и залил все своим животворящим светом. Крики ликования пронесли по пустыне. Киммериец огляделся. В двух шагах от него стояла арба с торчащими из задней стенки оперениями нескольких стрел. Под крепостной стеной шагах в пятидесяти впереди лежало несколько предметов, похожих на кучи тряпья. Варвар побежал туда. Хамер! Неловко подогнув под себя одну ногу, перед ним лежал труп человека, который еще недавно мнил себя ханом Замбулы, могущественным властителем своих подданных. Недалеко друг на друге бесформенной кучей лежали еще два мертвеца. Видимо, чтобы окончательно задобрить богов, солдаты расправились с двумя близкими к Хамеру офицерами. Киммериец оглянулся назад. Боязливо озираясь, несколько офицеров подходили к арбе, на передке которой Аршад, свесив вниз ноги, утирал катившийся со лба пот.

— Ворота! — закричал кто-то из солдат.

Огромные ворота, скрипя тяжелыми петлями, медленно отворялись. Все шире, шире... Наконец в проеме башни показали несколько человек в шлемах с перьями. Они

медленно шли вперед по песку, держа в вытянутых руках кривые сабли.

Киммериец искал глазами командира своего войска. — Они сдаются! — крикнул он. — Принимай!

Его все еще бил легкий озноб. Варвар был не в силах поверить тому, что только что видел. Вокруг арбы образовалась толпа народу, но никто не решался сделать шаг ближе, как будто был очерчен невидимый круг, не пускавший их дальше.

«Вот это да! — наконец опомнился киммериец. — Но как он это сделал? Никогда не слышал про такое! Вот что значит настоящее чародейство! Куда там до него лакуди и прочей нечисти!»

Он подошел к людям, окружившим арбу и, раздвинув их плечами, шагнул к Аршаду. Лицо у того было землистого цвета, он тяжело дышал. Видно было, что колдовство далось ему нелегко. Еще бы! Погасить солнце! Увидев варвара, Аршад хитро подмигнул ему:

— Ну, как тебе мое представление?

— До сих пор в себя не приду, — честно признался киммериец.

— Не дрожи! — усмехнулся колдун. — Считай что тебе помогла природа, а я просто вовремя использовал ее силы.

Глава шестая

Варвар стоял на площадке лестницы из песчаника, прорезанной в невысокой оборонительной стене и ведущей к главным дверям дворца. Сам дворец располагался дальше и представлял собой множество башен и пристроек, которые соединялись стенами из кирпича. Надо всем этим великолепием возвышался купол в форме луковицы, чей золотисто-коричневый цвет, заметный издали, сливался с цветом песков окружавшей город пустыни. Перед киммерийцем по широкой мощеной дороге, что вела к Вратам Орла, уходили последние отряды армии повелителя Хоарезма, которые прошли такой длинный путь, но ни разу не пустили в ход свое оружие.

Конан только что по-дружески распрощался с Октаем, с которым они почувствовали близость душ еще по пути в Замбулу. После обильных возлияний богам, не прекращавшихся по случаю победы три дня, они совсем подружились. Джунгир-хан щедро наградил всех, кто помог ему вернуть трон. Он предлагал командиру туранцев остаться и командовать замбулийскими войсками, но тот, подумав, а потом еще и послушав совета киммерийца, отказался.

— Пустыня! — объяснил он свой отказ Джунгир-хану, чтобы не обидеть ненароком правителя. — Вокруг пустыня! А я как-то больше привык к берегу моря.

И вот армия покидала пределы Замбулы. В пути их поджидал Хаджимен-хан с караваном верблюдов, навьюченных бурдюками с водой для солдат и, главное, лошадей,

так что варвар мог быть за них спокоен. Неделя пути, и герои могут рассчитывать на награды от императорского дома. Хотя варвар в этом сильно сомневался, но чем не шутит старина Нергал? Может быть, владыка Турана и расщедрится на пару золотых для каждого воина, восстановившего порядок в дальних пределах его империи.

Больше всего почестей было оказано Аршаду, и заслуженно! Приятель Конана уже начал подумывать, не остаться ли ему в должности главного мага хана Замбулы, и, похоже, склонялся к положительному ответу. Колдуну варвар советов не давал: такой человек сам может дать тысячу советов и самостоятельно разобраться, что ему нужно, а что нет.

Проводив взглядом уходящие колонны солдат, Конан вернулся во дворец. Стражники, когда он проходил мимо, салютовали ему и почтительно открывали перед ним двери. Варвар не привык к такому обращению, но нельзя сказать, что это ему не нравилось.

У покоев Джунгир-хана к нему подбежал одетый в малиновые шуршащие шелка человек, показавшийся Конану знакомым. Юлбаш!

— Тебя взяли на службу во дворец? — усмехнулся варвар. — А вдруг ты снова?..

Юлбаш потупился, но, склонившись перед киммерийцем в поклоне, твердо ответил:

— Господин, это же из-за моей любви к сестре! Теперь Малика со мной, и я буду всецело предан хану за то, что он простил меня. За тебя же, господин, я буду ежедневно возносить молитву Эрлику!

Конан не стал ему объяснять, что их Эрлик вряд ли станет печься о каком-то киммерийском варваре. Он дружески похлопал Юлбаша по плечу:

— Тебя послали за мной?

— Да, господин, повелитель хочет видеть тебя.

— Скажи, что иду.

Юлбаш убежал, а киммериец не спеша отправился вслед за ним. У высоких резных дверей два стражника отдали ему честь и распахнули створки. Варвар вошел в тронный

зал. Здесь тоже ничего не изменилось за те несколько лет, что киммериец отсутствовал в Замбуле. Высокое просторное помещение, роспись на потолке, изображавшая ночное небо, и колонны в виде раскидистых акаций, которые поддерживали свод. Правда, ковер, который покрывал ведущие на возвышение ступени, был теперь желтовато-зеленого цвета, а не синего, как тот, что лежал тогда. На возвышении бросился в глаза прекрасной работы трон, выполненный из темного полированного дерева с искусной резьбой и инкрустацией серебром. Рядом с возвышением стояли красивые бронзовые водяные часы на подставке из нефрита в виде колонны, которую обвивала змея.

«Не иначе, Аршад уже расставляет везде свои инструменты, — подумал киммериец. — Значит, остается здесь, в Замбуле».

Джунгир-хан сидел на троне и, как показалось варвару, с напряжением смотрел на него, ожидая, пока тот приблизится. Конан медленно шел по мраморному с прожилками полу, каблуки его сапог выбивали негромкую четкую дробь. Когда он подошел, хан молча указал ему на низкую мраморную скамью рядом с троном. Варвар сел. На некоторое время воцарилось молчание.

Последние дни Джунгир-хан относился к киммерийцу совсем не так, как раньше. После всех событий, в которых Конан принял самое непосредственное и, можно сказать, главное участие, после того как Джунгир-хан был спасен от ножа убийцы и от плена у солдат Хамера, после взятия Замбулы он уже не мог смотреть на варвара теми же глазами, что и прежде. Его надменный и презрительный прищур исчез. Конан часто ловил на себе взгляд юноши, в котором легко читалось восхищение и даже что-то вроде преданности, если вообще можно говорить о таких чувствах владыки по отношению к простому воину-чужаку. Тем не менее Джунгир-хан, несомненно, уважал Конана и, как часто бывает с юношами в его возрасте, наверное, хотел подражать ему или хотя бы в чем-то походить на него. Однако как только Джунгир-хан вновь очутился на троне, после того как прошли дни празднования победы, раздачи наград,

принятия почестей и восхвалений, он вновь изменился. Не совсем, не во всем, но варвар чувствовал почти неуловимый холодок, пробежавший между ними. Сейчас, когда Конан сидел рядом с резным тронem, весь зал представлялся ему застывшим и неудобным.

— Я позвал тебя, чтобы... Чтобы сказать... — Джунгир-хан немного замаялся.

— Понимаю, — кивнул варвар, — ты хочешь спросить меня, долго ли я собираюсь пробыть у тебя в гостях?

— Нет, ты не думай... — начал юноша, но киммериец видел, что именно этот вопрос мучает правителя Замбулы.

В самом деле, пора покидать этот город. Дела все сделаны, и ничто больше его здесь не удерживает. Главное, что мучает мальчишку, несомненно, Испарана! Варвар взглянул на Джунгир-хана. Он уже почти сформировавшийся мужчина. Киммерийцу не удалось увидеть, как он владеет оружием, но сомнений в том, что юный правитель умеет это делать, у него не было: в этих краях мальчиков обучают военному искусству с младенчества. Во всяком случае, в седле он держится прекрасно. Как он лихо удирал тогда, в лесу! Киммериец усмехнулся про себя. Отношение к нему Джунгир-хана понятно без долгих речей и размышлений. Ревность! Но ведь Испарана чуть не в два раза старше его! Пустяки... Варвар вспомнил то время — совсем недавно, кажется, — когда он пришел в Город Воров, Шадизар. Он был всего лишь чуть постарше этого юнца. Денияра! Прекрасная и влекущая! Она тоже была старше его, но Конана тянуло к ней, и еще как, несмотря на то что вокруг было много женщин, куда более молодых. Хотя бы ее служанки: Мадина, Шариза и Замира. Варвар замер от нахлынувших на него воспоминаний. Денияра! Настоящая богиня любви. Она устраивала ему такое...

Как-то раз она спросила Конана:

— Мой тигр, какая из моих служанок нравится тебе больше других?

— Девушки все хороши, — дипломатично ответил он тогда, не понимая, к чему клонит его подруга, — они все одинаково любезно относятся ко мне.

— Они все тебя хотят, — объяснила Денияра, — и поскольку ты все равно когда-нибудь изменишь мне с одной из них, а скорее всего, со всеми, то я решила, что мы вместе выберем, с кого тебе начать.

Тогда варвар почувствовал себя не очень удобно. Одно дело, когда он сам решал, нужна ему женщина или нет, и совсем другое, если она по своей воле предлагала себе замену. Он попытался отшутиться, но Денияра оставалась непреклонна. Сказать по правде, Конан не раз ловил на себе взгляды этих чаровниц, да его синие глаза тоже нередко останавливались на их прелестях. Что ж, стоит ли упускать случай, когда все само идет в руки да еще тебя и просят об этом! Он на мгновение задумался, как бы не решаясь назвать имя, и тогда Денияра позвала самую младшую из девушек, Мадину, и приказала ей раздеться. Да, прямо здесь перед ней и киммерийцем!

Девушка зарделась от смущения и, боясь даже пошевелиться, застыла, словно изваяние. Варвар и сейчас, словно это случилось вчера, видел ее покрасневшее личико и даже кончики маленьких ушей, окрасившиеся в розовый цвет.

Сейчас Конан понимал, что никакая молодая и невинная девушка не могла бы доставить мужчине такого удовольствия, как это делала Денияра. Она наслаждалась девичьим смущением и искоса поглядывала на Конана, наблюдая, как все происходящее разжигает в нем новую страсть. Будучи женщиной опытной в любовных усядах, она знала: то, что киммериец получит от этой девушки, потом трижды возвратится ей, когда она его заполучит вновь.

— Любовь моя, пощади ее, видишь, она почти в обмороке, — пытался заступиться за Мадину киммериец.

— Она без чувств от желания, чтобы ты объездил ее хорошенько, — Денияра подошла к служанке и принялась сама раздевать ее. — Помоги мне, Конан, — поддразнила она варвара, — или ты не знаешь, как обращаться с девушками?

Киммериец не противился, и они вдвоем начали снимать покров за покровом с юной женщины, причем Денияра успевала нежно прикасаться к нему и дарить свои поцелуи. Обнаженная Мадина была еще красивее, чем в

одежде, а это случается далеко не со всеми женщинами. Она, по-прежнему смущаясь и опустив глаза, пыталась ладонями закрыть свое тело от обжигающих взглядов варвара. Тогда Денияра позвала двух остальных девушек и велела им тоже снять одежды. Прибежавших женщин не пришлось уговаривать долго, через мгновение они, как будто только и ждали этого, остались в одних ожерельях и кольцах. Вспоминая это, киммериец понимал, что две служанки сговорились со своей хозяйкой, но тогда он принял происходящее за чистую монету.

— А теперь танцуйте, покажитесь нашему другу, пусть он посмотрит, умеете ли вы двигаться и нет ли у вас тайных изъянов, — приказала хозяйка. Затеянное представление продолжало доставлять ей огромное удовольствие.

Девушки легко двинулись по кругу, покачивая бедрами и поворачиваясь во все стороны, чтобы Конан мог рассмотреть их прелести. Такого варвар вынести уже не смог: он, как ястреб на стаю куропаток, бросился на них и, выхватив из круга Мадину, унес ее в свою спальню. И там он уж не подкачал! Так и продолжалось: Денияра, Мадина, Шариза, Замира, Денияра, Ма... Но, несмотря на то что девушки были моложе хозяйки, тела их свежее и кожа более гладкая, если бы ему пришлось выбирать, то он отдал бы предпочтение Денияре. Так что разница в возрасте не все, по крайней мере, не самое главное...

Киммериец оторвался от сладостных воспоминаний. Что ж, ему вполне понятно, как чувствует себя юноша, желающий Испарану, и как ему мешает его, Конана, присутствие. Соратница хана! Хорошее звание... Киммерийцу не хотелось расставаться с Испараной, больше всего на свете он жаждал взять ее с собой. Но в то же время он понимал, что ничего хорошего не выйдет, если он заставит гордую красавицу скитаться с ним по всему миру. Она была настоящая боевая подруга, искусная в обращении с оружием, выносливая и сильная, но все же лучше ей остаться здесь.

— Послушай... — Он поднял глаза на Джунгир-хана, который все это время, пока он предавался воспоминаниям, напряженно ожидал ответа. — Послушай, — повторил вар-

вар, — я клялся киммерийским Кромом и замбулийским Эрликом, шанкийской Тебой и рогами этой нечисти Нергала, что никогда не вернусь в Замбулу и даже забуду название вашего города! Видишь сам, пришлось нарушить обет. Думаю, боги простят меня за это, — усмехнулся он, — но все равно оставаться здесь мне не хочется, так же как и тогда, несколько лет назад.

Лицо Джунгир-хана прояснилось, и впервые за время их беседы на нем появилось некое подобие улыбки.

— Завтра утром я покину твой благословенный город. — Варвар встал и, похлопав правителя по плечу, добавил: — Не смотри так мрачно на мир. Ты опять на троне, а все остальное уладится, поверь мне. Жизнь продолжается!

Джунгир-хан повеселел окончательно и, когда варвар, обернувшись у дверей, дружески помахал ему рукой, ответил радостной и открытой улыбкой.

Глава седьмая

Варвар побродил на прощание по Замбуле, заглянул в пару питейных заведений, где его появление вызывало любопытные взгляды и шепот собравшихся. Везде обслуживали по первому разряду, ловя каждый его взгляд и стараясь угодить. Ему даже не приходилось заботиться о размерах счета за выпивку, поскольку каждый хозяин считал своим долгом угостить его за счет заведения. В «Королевской Таверне» оркестр, состоявший из четырех сильно подвыпивших музыкантов, даже сыграл в его честь какой-то замбулийский марш под одобрительные хлопки и выкрики посетителей.

Наступил вечер, и киммериец возвратился во дворец. Перед покоями Испараны щебетали и суетились несколько девушек. В одной из них варвар узнал сестру Юлбаша. Малика была одета в полупрозрачные шелковые одежды, которые не скрывали ее округлых плеч, небольших, прелестной формы груди и плоского, с легкой девичьей припухлостью живота. Бедра обвивал широкий серебряный пояс, спускавшийся вниз, как у шанкийских женщин. Никто не признал бы в ней несчастную и изможденную девушку, которую без чувств и прикрытую лишь жалкими лохмотьями притащили в подземелье визиря Хоарезма.

«Неплохо устроились брат с сестричкой», — хмыкнул про себя Конан, не упуская случая легонько щипнуть прелестницу за тугую округлость сзади.

Девушка протестующе взвизгнула, но в ее глазах варвар прочел совсем другое.

— Хозяйка твоя здесь? — спросил киммериец, откровенно рассматривая ее тело, просвечивающее сквозь тонкую ткань.

— Она ждет тебя, господин, — с легким сожалением в голосе ответила Малика.

Варвар вошел в покои Испараны. Посредине просторного помещения, стены которого были выложены розовым карпашским мрамором, находился небольшой круглый бассейн, где полулежала обнаженная Испарана. Вокруг нее суетились несколько женщин. Служанки терли мягкими губками прекрасное тело своей хозяйки. Их одежда состояла лишь из куска шелка, небрежно обернутого вокруг бедер. Конан, слегка прищурившись, оглянулся, куда бы ему пристесть.

— Садись прямо на ковер, — засмеялась Испарана, ничуть не смущенная, что он застал ее в таком виде.

Скорее всего, женщина хотела, чтобы он видел все ее приготовления к ночи. Она сладко потянулась в голубоватой воде, и ее движение кошачьей грацией напомнило варвару мягкую поступь пантеры.

«Тигрица!» — глядя на нее, подумал киммериец, опускаясь на пушистые ковры, которыми был устлан пол зала.

Девушки между тем закончили омовение госпожи, и она вышла из бассейна, показавшись во всей своей красе. Капельки воды блестели на ее теле, словно мелкие переливающиеся жемчужины. Служанки закутали ее в шелк, и он тотчас пропитался водой и прилип к коже, совсем не скрывая восхитительного тела. Испарана, отпустив служанок кивком головы, медленными шагами подошла к киммерийцу. Он, не в силах больше ждать, вскочил и, подхватив женщину на руки, понес в находившуюся за полукруглым проемом в стене спальню.

— Пусти, я же мокрая! — притворно отбивалась женщина.

— Сейчас высохнешь, — пообещал Конан, приныкая к ее полным влажным губам.

Она затрепетала в его руках, и узенький быстрый язычок проник в рот киммерийца. Стараясь раздвинуть зубы, он легко касался, и ускользал, и вновь отталкивал его язык и, покорный, ловил его дыхание, чуть напрягаясь и вздрагивая под напором его губ. Варвар бережно положил Испарану на ложе и, подсунув ладонь под спину, сорвал шелковую ткань, прикрывавшую ее тело. Он сбрасывал с себя одежду, а она лежала на спине, раскинув в стороны руки, вся открывшись его взгляду, и ждала. Ее тело цвета спелого меда было удивительно прекрасно в слабом свете двух бронзовых светильников, стоявших по краям ложа. Перевернутое отражение женщины в громадном зеркале в изголовье постели произвело на варвара странное впечатление раздвоенности, но ему было не до раздумий. Он поставил одно колено на край мягкого ложа и склонился над Испараной.

Конан медленно ласкал женщину, и она словно таяла и растворялась от его прикосновений. Тело Испараны дрожало и напрягалось, вновь замирало, а ее полные чувственные губы искали его рот и покрывали множеством нежных маленьких поцелуев его тело, вызывая в нем трепет, восторг и радость, как будто легкие, теплые дождевые капли касались его кожи в жаркий полдень. Конан страстно целовал подругу, и каждый изгиб ее тела, запах бархатистой кожи доставлял ему неизъяснимое наслаждение.

— Варвар... Мучитель...— Женщина вытягивала тело и чуть поворачивалась, открывая киммерийцу самые потаенные его уголки.— Дикарь...

Испарана стонала и извивалась, она забыла себя, забыла, где находится, наслаждаясь его крепкими мускулами, перекатывавшимися под кожей, каждой частью его мощного тела. Нежными укусами она торопила его, но в то же время ей хотелось, чтобы это продолжалось вечно, вечно, дольше, чем вечно!

Конан нежно держал ее в объятиях, чувствуя, что приближается тот миг, когда она, изнемогая от желания, уже не сможет сдержать себя. Он не торопился и нарочно медлил, как будто терзая ее пыткой, но такой сладостной, что жен-

щине казалось, будто разум покидает ее, она взлетает и парит над пространством, и нет ни света, ни темноты, ни воздуха — ничего, кроме всепоглощающего чувства полета, разрывающего ее изнутри на мириады сверкающих искр.

— Ты убьешь меня...— шептала она.— Никто не в силах выдержать... такое...

Варвар вошел в нее, и все окончательно растаяло в волнах острого, обжигающего наслаждения, и женщина кричала и стонала, прижимая его к себе, и это продолжалось долго, пока ее стоны не перешли в легкие всхлипы, и силы не покинули ее. Испарана замерла, а киммериец лежал рядом, тихонько водил пальцами по ее груди, животу, подрагивающим бедрам, вызывая сладостное томление и негу. Где-то в скрытых уголках ее существа вновь поднималось сначала незаметное, а потом растущее сильнее и сильнее желание, охватывающее ее всю, от розовых кончиков ногтей на прелестных ступнях до самого последнего волоска в роскошных черных густых волосах с пурпурным отливом. И вот она уже не в силах больше сдерживаться, и все приходит еще раз, и еще, и...

* * *

Конан лежал на спине. Его колени слегка подрагивали, а в глазах мелькали радужные круги. Рядом, подложив одну руку под голову, свернулась клубочком Испарана. Она спала. Киммериец полюбовался ее нежным телом и с хрустом потянулся. Он почувствовал волчий голод.

Спустив ноги на устланный ковром пол, варвар подошел к маленькому столику и оторвал кусок лепешки со стоявшего на нем блюда. Потом, посмотрев на остальную снедь, взял большую индюшачью ногу. Он набил рот пищей, откусывая поочередно и мясо, и хлеб, и потянулся за вином. Челюсти варвара работали, словно жернова мельницы, перемалывая все, что могла захватить рука с серебряных блюд, расставленных перед ним. Хлебнув красного бархатанского, Конан взглянул на полукруглое окошко, расположенное под самым потолком. Небо уже чуть посветлело, обещая скорый приход нового дня.

— О чем мечтаешь? — Обернувшись, он увидел, что Испарана стоит на коленях, слегка раздвинув бедра и закинув за голову руки. Отгоняя сон, она сладко потянулась и запрокинула голову, вновь напомнив варвару гибкую, сильную пантеру.

Женщина спрыгнула с ложа, подбежала к Конану, вскинула руки, обняв его за шею, и прильнула к широкой мускулистой груди. Он ощутил прохладу ее гладкой кожи и нежно прижал подругу к себе.

— Вина! — воскликнула она и жадно выпила целую чашу, налитую киммерийцем.

— Как хорошо! Вот так бы всегда! — потянулась Испарана, крепче прижимаясь к варвару. — Если ты захочешь, — она подняла на него глаза, в глубине которых киммериец уловил блеск надежды, — я без всякого сожаления брошу замбулийский трон и пойду с тобой. Ты хочешь этого, Конан?

Варвар молчал.

— Понимаю... — поймав взгляд киммерийца, сама себе ответила Испарана, и огонек потух в ее глазах. — Боюсь, ты прав... Не пристало мне в моем возрасте скакать по горам и пустыням. Но я хочу, чтобы ты знал, варвар: я люблю тебя и вряд ли уже сумею полюбить кого-нибудь так же...

— И я люблю тебя, Испарана, — произнес киммериец. — Я никогда не смогу тебя забыть. На этот раз я не буду предсказывать, что ты покроешься морщинами и постареешь к нашей следующей встрече. У меня такое впечатление, — он нежно погладил ее обнаженные плечи, — что ты вообще никогда не состаришься. Вон как этот юнец поглядывает на тебя! — не удержался он. — Клянусь вашим Эрликом, не успею я отъехать и на три лиги, как он... — Варвар махнул рукой.

* * *

Конана никто не провожал — так они уговорились с Испараной. Долгие проводы — лишние слезы... Он выехал из Замбулы вместе с Аршадом, которого сопровождали два десятка вооруженных туранцев. Еще бы, личный чародей

хана! Колдун направлялся в Хоарезм, чтобы забрать оттуда свою дочь Маниже и оставшийся в доме скарб. Выехав за городские ворота, они распрощались.

— Удачи! — помахал рукой Аршад. — Я буду молить богов за тебя, киммериец.

— Благодарю, друг! — с высоты своего верблюда кивнул варвар. — Ты так помог мне! Только вот камень я твой не сберег.

— Какой камень?

— Тот, заколдованный, что ты дал мне против лакуди.

— Пустое! — рассмеялся чародей. — Их уже нет, и каждый получил свое. Одни то, что хотели, а другие то, чего оказались достойны.

Конан посмотрел вслед удалявшемуся каравану и повернул в другую сторону. Его верблюды медленно шагали на север. Киммериец собирался навестить Ахимен-хана и его сына. Шанки заслужили благодарность, и, кроме того, варвар должен был передать им приглашение от правителя Замбулы.

«Каждый получил то, чего достоин», — вспомнил он слова Аршада. Так оно и есть! Он оглядел раскрывающийся перед ним простор, синее небо, сверкающее на нем солнце и решил, что и ему боги выдали не так уж и мало. В голове варвара под мерное покачивание верблюжьих боков звучала песня, которую он частенько слышал в тавернах шадизарской Пустыньки:

И жизни жернова вращают боги,
И в миг один все может измениться,
Ты был еще вчера в конце дороги,
Опять пришлось к началу возвратиться.

На боевом коне ты, победитель-воин,
И все приветствуют тебя, хвалу крича.
По прихоти богов теперь достоин
Лишь цели рабской ты и хлесткого бича.

Совсем недавно нищий и забытый
Сейчас богат, в короне золотой,
Среди правителей ты самый знаменитый,
Ведь поворот судьбы бывает и такой.

Еще вчера среди красавиц волооких,
В хмельном пиру ты гордый властелин,
И вот теперь среди песков глубоких
В пустыне знойной ты бредешь один.

Ничто не постоянно под Луной.
У каждого из нас свои дороги.
И с лет молодых повязан ты судьбой.
Что впереди? То знают только боги.

Конан тронул повод мохнатого животного. Под жарким солнцем до самого горизонта бесконечной чередой рассти-
лались пологие барханы. Впереди лежал новый неведомый
путь. Жизнь продолжается!

Пролог

На измученный зноем прибрежный город опустилась благоденственная ночь. Легкий ветерок шевелил запыленные листья чахлых пальм, играл вымпелами на стоящих в гавани кораблях и вздувал кисейные занавеси в окне одного из богатых домов, что возвышался совсем рядом с дворцом правителя.

Если бы плывущая над городом томная луна интересовалась людскими делами, то, заглянув в это окно и увидев двух мирно беседующих за чашей вина мужчин, она разочарованно продолжила бы свой путь. Где неискушенному в земных интригах небесному светилу понять, что порой обычный разговор может изменить судьбы империй...

Один из собеседников, хозяин дома, кутающийся в шелковый домашний халат, привезенный, должно быть, из самого Кхитая и стоивший уйму денег, нервно барабанил униженными перстнями пальцев по крышке мраморного столика. Второй мужчина, вальяжно откинувшись на спинку мягкого кресла, смаковал отличное аргосское вино. Его выдававший виды плащ был небрежно перекинут через плечо золотой статуи, изображавшей обнаженную девушку с букетом диковинных цветов. Статую подарил хозяину посланник из Вендии, утверждавший, что купил ее у жрецов подземного святилища, исповедующих древний запретный культ. Но гостя это обстоятельство, по-видимому, нисколько не смущало. Он отхлебнул еще вина и взглянул на собеседника.

Глава первая

— Многого ты добился в жизни, как я погляжу, — сказал гость. Насмешка, прозвучавшая в его голосе, не соответствовала смыслу слов. — Большой дом, богатая обстановка, отменные вина... А скольких красавиц собрал ты в своем серале?

Хозяин нервно сглотнул и ничего не ответил.

— Не бойся, на твоих наложниц я не претендую, — примиряюще поднял руку посетитель. — Я лишь хочу напомнить, кому ты обязан всем этим. Или ты вспомнишь сам?

— Я ни о чем не забыл, — подобострастно ответил хозяин. — Все эти годы я ждал, когда ты придешь...

— Не надо быть магом, чтобы понять, что ты лжешь, — холодно проговорил гость, любуясь игрой крупных граненых изумрудов, украшавших чашу. — Ты спал и видел, как жрецы Стигии добираются до меня... Впрочем, теперь они мне не страшны. Я вновь обрел могущество, и у меня большие планы. Я решил, что настало время потребовать с тебя долг...

— Я готов, мой господин, — без особого энтузиазма сказал хозяин и продолжил с надеждой: — Если тебе нужно золото...

Гость расхохотался.

— Глупец, я могу иметь столько золота, что ты утонешь в нем, как крыса в выгребной яме! Клянусь Сетом, так просто тебе не отделаться!

На полном лице хозяина отразилось неподдельное отчаяние. Видимо, он проклинал тот день своей жизни, когда встретился с сидящим напротив.

— Приказывай, мой господин. Я сделаю все, что в моих силах, — униженно прошептал он.

— Сил у тебя достаточно. Много лет назад я позаботился об этом, — усмехнулся посетитель. — Тебе придется оставить свой гостеприимный дом и твоих жен — пусть поплачут, женщинам это на пользу. Тебе предстоит отправиться в одну из западных стран и помочь мне осуществить мои замыслы...

Беседа продолжалась далеко за полночь, и когда гость наконец удалился, хозяин долго и нервно пил вино, не чувствуя его вкуса. Затем он позвал чернокожего раба, который принес ему свиток папируса, кисточку и чернила. Хозяин вздохнул, поплотнее закутался в халат и твердо вывел на листе: «завещание».

В о имя Митры, где же, наконец, Его Величество? Такой вопрос мог возникнуть лишь в Аквилонии, и то при условии, что ею правит варвар. В других цивилизованных странах придворные обычно знают, где находится их монарх. Здесь же служащему канцелярии, в обязанности которого входило докладывать королю об испрашивающих официальной аудиенции, приходилось пройти не одну лигу по дворцовым коридорам, прежде чем он отыскивал правителя империи. А потому уже порядком уставший Люций решил зайти в караулку к офицерам стражи и узнать местонахождение Его Величества.

Лишь год минул с тех пор, как аквилонская армия была разгромлена объединенным войском короля Офира Амальрика и правителя Кофа Страбонуса. Пока считавшийся погибшим король Конан пытался выбраться из обиталища колдуна Тсота-Ланти — Алой Цитадели, власть в Тарантии захватил принц Арпелло, изгнавший из города наместника короля графа Троцеро. Арпелло, как всякий временщик, думал лишь о собственной выгоде и утопил столицу в крови и беззакониях. В то время как армии Офира и Кофа осаждали брошенный на произвол судьбы Шамар, новоявленный правитель громил гарем своего предшественника. В бесильном гневе жители столицы собрались вокруг дворца, на одной из башен которого принц Пеллийский встречал их требования защитить страну от врагов и прекратить погромы в городе презрительным смехом. Неожиданное

появление Конана решило судьбу Арпелло и Аквилонии. Принц был убит, народ растерзал его вассалов, а Конан с отрядом Троцедо наголову разбил Страбонуса и Амальрика под стенами Шамара и вновь занял свой некогда утраченный престол.

С тех пор в Аквилонии царили мир и спокойствие, изредка нарушаемые незначительными вылазками пиктов на западных границах. Огромного выкупа, заплаченного наследниками королей Кофа и Офира, хватило на то, чтобы отстроить новые прекрасные дома взамен разрушенных, укрепить армию и границы, и даже осталось на закупку большой партии знаменитых зингарских вин для празднования двухлетия правления Конана Аквилонского. Остатки именно этого вина и допивали офицеры, коротавшие в караулке время между дежурствами.

Один из них, маленький и кривоногий, с воодушевлением рассказывал какую-то историю, соорудив на столе подобие крепости из хлебного мякиша и глиняных кружек. Остальные с равнодушным видом потягивали вино, не проявляя должного интереса к повествованию.

— ...Они идут, а мы стоим вот здесь.— Для пущей убедительности офицер потыкал кинжалом в горку мякиша.—

Это были демоны, а не пикты, клянусь Митрой! И впереди — сам Зогар Car! Весь черный, ростом...— офицер завертел головой и указал на видневшееся за окном дерево: — ...вон с тот тополь! Я, значит, поднимаю лук...

— Может, Чепозус, ты его и поднимешь, а как насчет натянуть? — осведомился один из слушателей.

— А ты, Терцион, заткнись! Ты на границе не был, только на парадах меч и вынимаешь из ножен! — огрызнулся рассказчик и продолжил: — Поднимаю я лук и — р-раз! — стрелу в Зогара! Попал прямо в горло!

— Ну, если он ростом с то дерево, неудивительно, что ты попал, — вновь встрял неугомонный Терцион. Остальные офицеры засмеялись. Чепозус с царственным величием проигнорировал недостойный выпад товарища.

— Тут в пиктов словно Сет вселился — начали вопить и кидаться друг на друга. Мы их тогда и добились. Ни один

не ушел! А после боя подошел ко мне наш король — тогда он был простым разведчиком, но я-то видел, что этот человек далеко пойдет! — и, пожав мне руку, подарил свой кинжал, сказав, что...

— Когда ты рассказывал эту историю позавчера, он подарил тебе меч, — под общий хохот напомнил один из офицеров.

— Ну, может, и меч, — раздраженно буркнул Чепозус, сгреб со стола мякиш и обратился к незаметно вошедшему Люцию: — Эти недоноски только ржать умеют. Посмотрел бы я на них при защите Велитриума!

Люций с пониманием покачал головой и спросил сидевших за столом, не знает ли кто, где король Конан. Ему ответили, что в это время Конан обычно совещается с Королевским Советом в Северном зале.

Люций поспешил в Северный зал и наткнулся на своего начальника Публио. Канцлер Публио принимал живейшее участие во всех делах государства, даже тех, которые его не касались. Поэтому он был крайне суетлив и непоседлив, многоречив и очень забывчив.

При восшествии на престол мятежного принца Арпелло Публио посмел усомниться в законности этого шага, за что был посажен в темницу, и лишь победное возвращение Конана спасло его от неминуемой казни.

Вытащив своего верного, отоцавшего и порядком зашвыбевшего канцлера из Железной Башни, киммериец умилился и наградил его поместьем казенного барона-изменника и мечом, на котором велел выгравировать надпись: «Верному рыцарю и защитнику Аквилонии». Правда, при выборе меча Конан не учел, что его «верный рыцарь» не отличался особой силой, а потому награда новоиспеченного национального героя причиняла немало неприятностей как ему самому, так и окружающим. Дородному и низкорослому Публио, решившему носить этот меч во что бы то ни стало, приходилось отдыхать на каждой площадке дворцовой лестницы, а его вежливые поклоны грозили стоявшим позади придворным серьезными увечьями.

Несмотря на попытки домашних отговорить главу дома от ношения опасного оружия, канцлер продолжал упорствовать — до того печального случая, когда во время приема он умудрился, неловко повернувшись, задеть и опрокинуть мечом кресло вместе с сидевшей в нем престарелой госпожой Изарой, матушкой графа Альвия. Три дня Публио сидел дома, ожидая официального вызова от графа на поединок, и, когда этого не произошло (старая графиня отделалась легким испугом, и Альвий простил мученика за свободу Аквилонии), меч был торжественно водружен на стену над супружеским ложе. Остряки-придворные намекали, что эта реликвия висит там исключительно для устрашения некоторых близких друзей молодой канцлерши.

От Публио Люций узнал, что совет недавно закончился и король вместе с Просперо удалился в свои покои обсуждать особо важные дела. Люций вздохнул, проклял свою хлопотную должность и направился вверх по дворцовой лестнице. Личные покои короля Конана охранялись с большим тщанием, особенно после покушения, организованного изменником Аскалантом. Тогда киммериец остался жив лишь благодаря своей недюжинной силе и выносливости. Через первый круг стражи Люций пробился, но офицер следующего дозора, в третий раз выслушав убедительную речь служащего о важности его миссии, не менее убедительно посоветовал Люцию отправиться к стигийским демонам, которые наверняка отнесутся к его словам более внимательно.

Усталый Люций побрел обратно и оказался в одной из комнат внешних покоев. Не заметив сидящих у окна женщин, он плюхнулся на мягкую софу.

— Теперь я точно опоздаю к обеду, — мрачно произнес он и в сердцах призвал Митру покарать не в меру ретивых вояк. Услышав веселый девичий смех, Люций с досадой обернулся... и, поспешно вскочив, отвесил глубокий поклон, кляня себя за то, что не узнал Белезу, фаворитку короля Конана.

— Прости, госпожа, что был столь бесцеремонен и помешал тебе... — осторожно начал Люций, но, видя, что Белеза

не сердится, продолжил уже смелее: — Лишь важное сообщение, которое я должен передать королю, дало мне право нарушить твоё уединение...

— Конан обещал зайти сюда, когда закончит свои дела с Просперо, — любезно ответила девушка. — Можешь остаться здесь и подождать.

Люций учтиво поклонился и вновь уселся на софу, украдкой с любопытством поглядывая в сторону королевской возлюбленной. Девушки вернулись к прежнему занятию: две из них, по-видимому служанки Белезы, выпивали, их госпожа с явной скукой глядела в окно и ела виноград.

Белезу при дворе обсуждали часто и с удовольствием, как ни одну из предыдущих наложниц Конана. Не столь давно восшедший на престол король до сих пор оставался холост и бездетен, к вящему неудовольствию советников, не устававших пенять на это суверену. «Долг владыки обеспечить державу наследником», — твердили они, но король лишь отшучивался, утверждая, что не встретил до сих пор женщины, достойной стать матерью аквилонского принца.

Белеза, однако, находилась на особом положении, и это многих заставляло задуматься о том, не переменял ли киммериец свое мнение. Она повсюду сопровождала короля и пользовалась всеми привилегиями дворянки, а не наложницы, каковой, по сути, являлась.

Родом девушка была из Зингары, но Конан встретил ее во время скитаний по Пиктским пустошам, где она жила вместе с дядей, бароном из Кордавы. Выжить в тех местах могли только сильные духом и телом люди, и потому Белеза совсем не походила на изнеженных южанок. Стройная, черноволосая, решительная и жизнелюбивая, под стать самому Конану, девушка не могла не понравиться будущему королю. Война с пиктами разлучила их, но Конан обещал найти Белезу. И она не забыла варвара-северянина. Когда Конан захватил аквилонский престол, Белеза приехала в Тарантию, готовая бороться за свое счастье вопреки людской молве, и такая преданность тронула не слишком чувствительную натуру киммерийца. Многие при дворе были уверены, что король наконец нашел пару себе под стать... однако, никому не ведо-

мо было, что думает о том сам Конан, до сих пор не спешивший узаконить свои отношения с красавицей. Возможно, король все еще искал... Впрочем, киммериец пока не столь долго занимал тарантийский престол. И времени озаботиться супругой и наследником было еще в избытке.

...Девушка разделалась уже с четвертой гроздью винограда, а Люций дважды пересчитал тяжелые кисти на бархатных портьерах, когда дверь отворилась и в комнату вошел король в сопровождении Просперо. Несмотря на мощное телосложение, двигался правитель Аквилонии с полной внутренней силы грацией, свойственной диким животным. Казалось, он находится не в богатых покоях дворца, а в джунглях или скалистых горах, где на каждом шагу подстерегает опасность.

Все присутствующие, кроме Белезы, склонились в церемонном поклоне, но Конан подошел прямо к девушке и, нисколько не стесняясь чужих глаз, поцеловал ее в губы.

— Мне так скучно, милый,— жалобно заговорила Белеза, прижимаясь к могучей груди киммерийца.— Может, оставишь свои дела, и поедем покататься верхом? Вчера, когда я заходила в конюшню проведать Льясу, твой Тугодун так грустно смотрел на меня...

Конан вздохнул и совсем не по-королевски почесал в затылке.

— Знала бы ты, как мне наскучило глядеть в проклятые бумаги, что подсовывает мне Публио. Пожалуй, из всех перепробованных мной занятий быть королем — самое хлопотное дело, клянусь Кромом. А теперь этот самодовольный красавчик тащит меня посмотреть на гвардейцев панцирной конницы.— Киммериец хлопнул Просперо по плечу, и тот слегка поморщился от столь бурного проявления дружеских чувств. Белеза бросила ревнивый взгляд на королевского полководца и в сердцах воскликнула:

— Если бы я знала, что только так можно привлечь твое внимание, я бы обучила своих служанок стрелять из лука и маршировать не хуже твоих солдат!

— Лучше привлекай мое внимание привычным тебе способом,— добродушно заметил Конан.— Ну, не дуйся,

девочка, иди займись чем-нибудь. Вечером я зайду к тебе.

Конан повернулся, собираясь выйти, и наткнулся на Люция, который решил, что настала пора выполнить свою обязанность.

— Во имя Митры, что этому настырному толстяку опять от меня понадобилось? — проворчал киммериец, безошибочно распознав в Люции подчиненного Публио.

— Ваше Величество, в Канцелярию поступило прошение от гостя из Шема, называющего себя магом и алхимиком Бен-Аззаратом,— Люций решил сразу перейти к сути дела, зная, что король не любит церемонных вступлений, считая их пустой болтовней.— Он просит аудиенции для рассмотрения его просьбы о вступлении на официальную должность придворного прорицателя и советника.

Конан хмыкнул.

— Много колдунов я повидал на своем веку, но не бывало случая, чтоб кто-то из них набивался мне в советники,— обратился он к Просперо.— Какой демон пригнал сюда этого шемита?

— Может, хочет нажиться при дворе? — пожал плечами полководец, расправляя складки синего щегольского плаща, ниспадающего поверх золоченого нагрудника. Никто другой при дворе не посмел бы вести себя так в присутствии короля, но граф Пуантена пользовался особым доверием и расположением киммерийца.

Конан покачал головой.

— Насколько я знаю эту породу, они всегда ищут власти,— пробормотал киммериец.— Только глупец может связаться с магом по своей воле. Да еще с каким-то приبلуднем из Шема.

— Я бы посоветовал тебе назначить аудиенцию,— сказал Просперо.— Посмотреть, что за человек этот Бен-Аззарат. Хотя я не думаю, что какой-то маг может представлять для нас опасность. Аквилония сейчас сильнее, чем до мятежа, и наши враги знают об этом.

— Маг может натворить кучу дел там, где бессильны меч и копьё. Вспомни Тсота-Ланти,— возразил король.

— Но ты же убил его в конце концов! — воскликнул пуантенец. — С каких пор ты стал таким пугливым, Конан? Пожалуй, Белеза права — тебе необходимо покинуть стены дворца хоть ненадолго, а то станешь робким и изнеженным, как столичные аристократы.

— Вот уж нет! — рыкнул киммериец, и Просперо расхохотался. Король повернулся к терпеливо ожидающему Люцию: — Передай Публио — пусть назначает официальную аудиенцию этому гостю из Шема. Поглядим, что он за птица...

* * *

Обычно Конан с неохотой соглашался на официальный прием в Главном Тронном зале. Его раздражала необходимость сидеть на троне в присутствии толпы разряженных праздных придворных и выслушивать ничтожные просьбы провинциальных дворянчиков и однообразные славословия послов, прячущих за лстивой улыбкой темные замыслы. Король предпочитал давать аудиенции в надежно защищенной от подслушивания комнате в глубине дворца и в присутствии людей, которым он доверял — хотя бы до определенных пределов. Но сейчас, не в силах избавиться от застарелого недоверия к магам, Конан решил, что безопаснее будет принять Бен-Аззарата при большом скоплении народа.

Главный Тронный зал был создан строителем дворца с единственной целью — показать ничтожность посетителей перед лицом правителя Аквилонии. Зал около двадцати локтей в высоту выглядел подавляюще огромным. Два ряда стройных колонн из блестящего карпашского базальта, казалось, уходили в бесконечность. Узкие стрельчатые окна под потолком пропускали солнечные лучи, прорезающие зал подобно золотым копьям. Выложенный красными и белыми мраморными плитами пол был выщерблен многими поколениями придворных, стремящихся выказать свою преданность королю.

Трон аквилонских королей, вырубленный из цельного куска яшмы, опирался львиными лапами на мраморное

возвышение из трех ступеней. Отлитая из бронзы оскаленная голова льва венчала спинку трона, словно защищая сидящего правителя. На стене за тронном красовался герб Аквилонии — лев на задних лапах.

В полдень тяжелые двери Главного Тронного зала распахнулись, и внутрь хлынула толпа придворных. Мужчины в пестрых нарядах из шелка и бархата несли на себе не меньше драгоценностей, чем любимая наложница султана-гурского эмира. Их церемониальные мечи в битве создали бы своим владельцам немало трудностей из-за вделанных в рукоятку драгоценных камней, вычурно изогнутых крестовин и свисающих чуть ли не до земли темляков с кистями. Женщины же были одеты преимущественно в темное (эту моду ввела благородная госпожа Эриона, вернувшись из путешествия по Хорайе), зато их лица являли собой выставку разнообразнейших красок, изготовленных из редких веществ, добытых в далеких заморских странах и провезенных смелыми купцами через все опасности на радость прекрасному полу. Воздух зала был напоен экзотическими ароматами, вызывавшими у непривычного человека сильное желание чихнуть. В общем, любому попавшему сюда иноземцу сразу становилось ясно — Аквилонская империя процветает.

Придворные еще не успели обменяться последними новостями, как распорядитель, внушительно ударив об пол золотым посохом, объявил: «Его Величество король Конан Аквилонский!» Двери поспешно отворились, и в зал стремительно вошел правитель империи.

Среди этой разряженной и благоухающей толпы король выделялся, как кряжистый дуб в яблоневой роще. Он был на голову выше любого мужчины в этом зале. Сшитая по вычурной аквилонской моде одежда не могла скрыть его могучие мышцы, а королевский меч обычный человек вряд ли поднял бы. Его называли «варвар» — с презрением или невольным уважением, — и он остался варваром даже на королевском престоле. Но именно это позволило Конану завоевать корону и удерживать ее вопреки всему вот уже два года.

Конан уселся на трон, отполированный поколениями высокородженных аквилонских королей, и окинул взглядом своих подданных.

— Клянусь Кромом,— пробурчал Конан,— скоро я перестану отличать, кто тут мужчина, а кто — женщина. Совсем распустились...

Стоявший, как обычно, по правую руку граф Пуантенский не преминул заметить:

— Пока мужчины носят оружие, надеюсь, ты не ошибешься.

— Смогут ли они при необходимости пустить его в дело — вот что меня беспокоит,— отозвался киммериец.

Распорядитель объявил:

— Почтенный Бен-Аззарат из Шема, алхимик и маг, с прошением к королю Конану Аквилонскому!

Двери тихо открылись, пропустив в Тронный зал невысокого полного мужчину средних лет, облаченного в длинные светлые одежды, как принято в Шеме. Он бы ничем не отличался от респектабельного отца семейства, если б не цепкий взгляд черных глаз и не голубой шар из дымчатого стекла, который маг бережно держал на ладони.

Посетитель поклонился и заговорил:

— Приветствую тебя, могучий король Конан, под чьей рукой слава Аквилонии засияла еще ослепительней! Немало дней добирался я до твоей столицы, и все это время я слышал, как люди превозносят твою мудрость и силу. Но дела твои говорят громче людской молвы. Окрестные страны склонили головы перед величием твоей империи...— Бен-Аззарат сделал паузу, чтобы отдышаться. Конан едва заметно поморщился и махнул рукой — дескать, хватит, переходи к делу.

— Прослышал я, что у столь славного властителя при дворе нет никого, кто бы с помощью алхимии и магии укреплял мощь государства и твою, о король. Сейчас многие правители держат на службе ведающих тайные силы, ибо нередко их помощь и совет спасают жизнь государя и его страну. Вот я и рискнул отправиться в путешествие, чтобы предложить славному королю Конану

свои услуги в качестве придворного мага и прорицателя. Я заручился верительными грамотами у правителя города Асгалуна и надеюсь, что моя просьба будет рассмотрена благосклонно...— Бен-Аззарат достал из складок одежды свиток и с поклоном передал его подошедшему пажу. Конан, не проявив интереса к свитку, уперся в мага тяжелым взглядом.

— Что же ты можешь, почтенный Бен-Аззарат? — спросил король.

Маг не обиделся на столь откровенный вопрос.

— О мудрый король Конан, я всю жизнь посвятил проникновению в тайны незримого мира, который, как покрывало, окутывает нашу действительность. Я могу говорить с душами умерших, могу излечить болезнь, наведенную твоими врагами с помощью злых чар...

«И навести ее на меня»,— подумал Конан.

— ...могу проникнуть в думы любого человека и открыть тебе, кто верен королю, а кто улучает момент, чтобы предать...

«И заморочить мне голову»,— добавил про себя Конан.

— ...могу показать тебе будущее, чтобы ты знал, где таится истинная опасность...

«И обмануть меня»,— подумал Конан и прервал Бен-Аззарата, постаравшись, однако, говорить учтиво:

— Ты действительно великий колдун, почтенный Бен-Аззарат. Думаю, любой правитель с радостью примет твои услуги. Мы же пока не нуждаемся в них. В Тарантии достаточно жрецов Митры, которые не зря едят свой хлеб.

Маг едва заметно нахмурился, и это не укрылось от проницательных глаз киммерийца.

— Позволь, король Конан, продемонстрировать тебе мое искусство. Быть может, тогда ты изменишь свое решение...— И, не дожидаясь ответа, Бен-Аззарат обхватил шар обеими ладонями и вытянул руки перед собой. Никаких заклинаний маг не произнес, но шар вдруг брызнул изнутри ослепительным светом. По стенам и потолку заскользили лучи, бьющие, казалось, прямо из ладоней Бен-Аззарата. Сейчас

он не был похож на заурядного горожанина — облитая сиянием фигура мага казалась величественной и зловещей одновременно. Внезапно, прекратив свое бешеное вращение, лучи сфокусировались перед троном, и там, прямо в воздухе, начали возникать словно сотканые из мельчайших пылинок фигуры. Постепенно их очертания становились все отчетливей...

Толпа загудела — в одной из теней все узнали своего нынешнего короля. Рядом с ним были Паллантид и Просперо, оба с обнаженными мечами — они явно от кого-то отбивались. Лиц нападавших разобрать не удавалось, но, судя по одежде, это не были чужестранцы. Призрачный Конан обернулся, что-то беззвучно крикнул и... с искаженным от боли лицом схватился рукой за стрелу, пробившую его грудь. Одна из придворных дам вскрикнула — и лучи тут же исчезли, стерев видение, словно его и не было вовсе. Шар в руках Бен-Аззарата потух, а сам маг сник, словно сотворенное им видение отняло у него все силы. Придворные взволнованно обсуждали происшедшее. Лишь Конан оставался внешне спокоен.

— Я показал тебе, король, что может случиться в недалеком будущем. — Голос Бен-Аззарата прорезал гул, стоящий в зале. — Но нити времени сплетаются прихотливо, и в нашей власти изменить то, что до конца не определено даже богами... Могут ли твои жрецы справиться с такой задачей?

— Ваше Величество, — наклонился к королю слегка обеспокоенный Просперо, — мне думается, этот маг будет нам полезен. Опасность заговора — серьезная вещь.

Конан с досадой отмахнулся.

— Знаю я их штучки, — сказал он. — Колдун совет — недорого возьмет. Нельзя доверять тем, кто знает с демонами и темными силами. А с заговорщиками мы и без колдовства справимся, клянусь Кромом.

К трону поспешно приблизился изрядно побледневший Публио.

— Мой государь, — нервно зашептал он, оглядываясь по сторонам, точно ожидая немедленного нападения, — прика-

жи схватить этого фокусника и отправь его в Железную Башню немедленно! Я уверен — он подкуплен заговорщиками и изобразил твою смерть, чтобы отвести наши подозрения от настоящих врагов, которые сидят сейчас на берегах Алиманы, ожидая известий...

На скулах Просперо заходили желваки.

— Клянусь Митрой, Конан, лучше посади в Железную Башню этого пугливого толстяка — он не видит дальше собственного носа! Каждый пуантенец умрет за короля Аквилонии, ручаюсь головой! Так что оставь свои намеки, канцлер, иначе ты можешь дорого за них заплатить!..

— Не ко времени ты развоевался, Просперо, — заметил Конан и обратился к Публио: — Насчет Железной Башни — ты поторопился. Займись-ка лучше делами своей Канцелярии, а мы тут сами справимся.

Киммериец взглянул на мага, стоявшего посреди зала.

— Мы убедились, что твоя сила велика. Но я не меняю принятых решений. Незачем мешать магию в дела простых смертных.

По лицу Бен-Аззарата было незаметно, сильно ли его разочаровал отказ. Он поклонился и спросил:

— Позволено ли мне будет на время остаться в Тарантии, ибо для человека моих лет я проделал слишком долгое путешествие и изрядно устал?

Конан милостиво кивнул, и маг удалился, бережно прикрывая дымчатый шар полый своего одеяния.

— И все равно — не люблю я колдунов, — пробормотал Конан, ни к кому не обращаясь. — Все беды нашего мира — от чернокнижников и дураков, что им верят, клянусь Кромом!

Глава вторая

В самом сердце Аквилонии, на отменях реки Хорот, окруженная высокими стенами, вольно раскинулась жемчужина западных стран, хранительница короны великой империи — Тарантия. Она не отличалась вычурным изяществом городов Турана, кипучим многолюдьем торговой Мессантии, экзотичностью Хоршемиша или суровым величием Кордавы — но чувствовалась в Тарантии какая-то особенная дерзкая жизнестойкость, позволяющая ей с насмешливой снисходительностью взирать на более древние города, что уже растеряли свой задор в прошедших веках.

Сколько пожаров, эпидемий, восстаний и захватов власти пережила Тарантия, не единожды разрушались ее дворцы, храмы и акведуки — но вновь возрождался неукротимый город, наполнялись людским потоком его улицы и площади, вновь тянулись туда караваны купцов, приезжали искать счастья ремесленники и наемники, прибывали для учебы в Университете молодые люди со всех концов света, шли к храмам Митры паломники, стекались аристократы всех мастей в расчете на славу и положение при дворе. Сейчас, оправившись от волнений, связанных с недолгим правлением принца Арпелло, столица вновь расцвела, и горожане с головой ушли в свои будничные радости и заботы, как всегда не задумываясь о том, насколько ненадежно спокойствие в этом изменчивом мире.

Меньше всего склонны были задумываться о будущем обитатели Тарантийского Университета — гордости и голов-

ной боли властей столицы. И сейчас, несмотря на поздний вечер, когда почтенные горожане уже пристраивали на головы ночные колпаки, в небольшом кабачке близ Университета веселье было в полном разгаре. Кабачок назывался «Белый конь», что подтверждала бледная вывеска с намалеванной на ней головой некоего мифического зверя, но завсегдатаи кабачка, студенты, называли его просто «Кокюшня» — и, надо признать, это название подходило заведению гораздо больше. «Белый конь» представлял собой просторный зал, где на полу, засыпанном начавшей подгнивать соломой, громоздились деревянные столы и скамейки, которые даже вселенский потоп не отмыл бы от въевшихся в них жира и копоти. Попытки нескольких масляных фонарей разогнать полумрак, перемешанный с плывущим из кухни дымом, были весьма жалки. За стойкой уныло восседал хозяин кабачка и, казалось, проклинал себя, свое заведение, своих посетителей и весь остальной мир. Впрочем, в кредит он отпускал охотно, что снискало ему большую популярность среди местной молодежи.

Однако грязь, вонь и духота, царившие в кабачке, не мешали компании непритворных любителей наук наслаждаться жизнью, молодостью и дурным, но зато дешевым вином. Повод для сегодняшнего праздника уже был прочно забыт всеми присутствующими. Вроде бы провожали домой в Аргос молодого Джидци. Во всяком случае, платил именно он.

Украшали развеселую компанию несколько крикливо одетых женщин, согласных за бесценок дарить свою любовь вкупе с известными болезнями. Одна из них, блондинка с устрашающе покрашенными губами, слезла с колен худого смуглого зингарца и, слегка пошатываясь, исчезла за дверью, ведущей на задний двор. Ее кавалер понимающе кивнул и присоединился к нестройному, однако на редкость единодушному хору, затянувшему одну из незамысловатых студенческих песенок:

Крестьянин пашет, плотник стучит
По длинной доске молотком.
А мне такая жизнь претит —

С работой я не знаком.
Солдат воюет, кузнец кует
Подковы и лемеха.
Студент редко ест, зато часто пьет...

Истошный женский вопль, раздавшийся со двора, мгновенно обрубил песню. Толкаясь и роняя скамьи, мужчины бросились к двери, женщины замерли в растерянности. Внезапно, оборвавшись на душераздирающей ноте, крик перешел в хрип и бульканье. В крошечной тьме ничего нельзя было разобрать. Послышались ругательства и требования принести факелы. Одна из женщин, менее напуганная, чем ее подруги, вынесла из кабака фонарь с заляпан-ными жиром стеклами.

В неверном свете фонаря трезвеющая на глазах компания увидела распростертую на земле блондинку. Ее голова была запрокинута, в глазах застыл смертельный ужас. Светлые волосы, которые недавно перебирал ее возлюбленный, теперь плавали в быстро растекавшейся луже крови. К горлу женщины припало какое-то существо размером с крупную собаку. Лишенные шерсти блестящие бока размеренно вздымались и опадали, острые уши были плотно прижаты к вытянутому черепу. Повисшую над этой сценой тишину разбил истерический женский визг. Он вывел всех из оцепенения. Зингарец первым выхватил кинжал и двинулся вперед. Животное повернуло к людям окровавленную морду, и из его горла вырвалось нечто похожее на клекот. В отличие от нападавших, оно явно не было напугано.

— Это демон, клянусь Митрой! — крикнул какой-то студент, вмиг растерявший свою ученость.

Зингарец уже занес свой кинжал, но тут существо молниеносно развернулось и прыгнуло на человека. Коротко вскрикнув, зингарец упал и выронил кинжал. Тварь вцепилась в юношу мощными лапами и уже подбиралась к его горлу. Началась паника, женщины визжали, пытались протолкаться обратно в кабачок, мужчины что-то кричали о демонах и метались, стараясь хоть чем-то помочь товарищу.

В суматохе один из студентов подкрался к нечисти сзади и ударил ее прихваченным в кабаке ножом для разделки мяса. Тварь обернулась, раздирая пасть в хриплом крике, и, оставив зингарца с разорванной грудью, ринулась на нового противника. Брошенное чьей-то меткой рукой полено сбilo демона на землю, но тут существо развернуло большие кожистые крылья, дотеле плотно прижатые к телу, и, взвившись в воздух, камнем упало на растерявшегося человека. Кто-то опрокинул фонарь, и язычки пламени злое ще за-плясали на деревянных стенах «Белого коня», все ярче освещая сцену побоища. Людей, зажатых в глухом тесном дворике между пожаром и обезумевшей от огня и крови тварью, охватил ужас. Выбраться отсюда можно было лишь через дверь кабака, но кто-то, видимо хозяин, закрыл ее изнутри.

Никто уже не думал о том, чтобы добить демона, каждый помышлял лишь о собственном спасении, не обращая внимания на крики о помощи очередной жертвы взбесившегося ночного кошмара. Пока одни выбивали дверь, а другие, отталкивая друг друга, пытались преодолеть высокий глиняный забор, отгораживающий этот дворик от соседнего, пламя охватило весь кабачок. На улице испуганно завывали девицы, которым удалось спастись, хозяин заведения в отчаянии заламывал руки, глядя на гибнущее добро, бестолково суеились ничего не понимающие жители квартала, самые сообразительные тащили ведра и топоры, пытались не допустить, чтоб огонь перекинулся на соседние дома. Внезапно прогоревшие балки угрожающе затрещали, и пылающие стены «Белого коня» рухнули, накрыв собой и запертых во дворике людей, и демона вместе с его жертвами. Пронзительный нечеловеческий вопль разнесся над пожарищем, смешавшись с криками гибнущих в огне, — и все смолкло. Убывающее пламя выстреливало в темное небо снопы искр, пузырилась краска на обгоревшей вывеске, мягко падал на землю белесый пепел. Когда наступающее утро окрасит небосвод в розовый цвет, лишь черное пожарище напомнит людям о случившемся. Но разве не входит в число достоинств рода человеческого способность забывать?

Молодая Альтея, жена почтенного купца Симплия, владельца лавки тканей и пряжи, вернулась с базара чрезвычайно взволнованная. Ее возбужденный голос донесся до Симплия, пересчитывающего дневную выручку в комнатке над лавкой. Впрочем, юная супруга купца почти всегда была чем-то взволнована. Симплий, женатый на ней уже полгода, никак не мог привыкнуть к бойкому и впечатлительному нраву своей половины. Его прежняя жена, умершая два года назад, за всю их совместную жизнь не произнесла столько слов, сколько новобрачная за первые два дня медового месяца. Даже старшая дочь купца Лаис, будучи на год моложе Альтеи, выглядела солидней своей матеи.

По лестнице простучали быстрые шаги, дверь распахнулась — и Альтея впорхнула в комнатку, спеша поделиться новостями.

— Ты все считаешь, дорогой? Нельзя же так много заниматься делами! — зашебетала Альтея и бесцеремонно уселась мужу на колени, разметав широким рукавом долговые расписки, аккуратно разложенные на столе. — У тебя, наверно, уже голова болит... — Она начала энергично тереть Симплию виски. — Я заходила сегодня в лавку Тодрика, ему привезли такое замечательное ожерелье из Хаурана! Он согласен продать нам подешевле... — Альтея перестала терять виски купца и стала заплетать в косичку его седеющую бороду. — Знаешь, Дисма с Кривой улицы разрешилась от бремени мальчиком — а у того родимое пятно на правом плече! Позвали жреца, он сказал, что младенца надо отдать в храм, иначе Сет может завладеть его душой... Я бы не отдала ни за что! — Неугомонная супруга затеребила золотую цепочку на шее Симплия. — А мы с Лаис были на базаре, там рассказывали, что прошлой ночью в городе был жуткий пожар, сгорел целый квартал, и еще там был демон, который загрыз уйму людей, а пожар устроили нарочно, чтобы демон сгорел в огне, потому что убить его нельзя...

— Рыбка моя, может, ты похлопочешь об ужине? — наконец удалось вставить слово главе дома.

Альтея обиженно надула губки.

— Тебе неинтересно, где я была и что делала? Зачем же ты на мне женился — чтоб я ужин тебе готовила?

Эту опасную тему следовало прервать тотчас же.

— Ты же знаешь, моя птичка, как я тебя люблю. Но мне нужно закончить дела, чтобы я мог отложить тебе на ожерелье.

Альтея просияла.

— Конечно, дорогой, ужин скоро будет, — послушно сказала она и исчезла за дверью.

За ужином вновь заговорили о базарных сплетнях. Обстоятельная Лаис рассказала, что в одном из кабачков близ Университета случилась драка, закончившаяся резней и пожаром, но кое-кто клянется, что видел там жуткого демона, который пьет людскую кровь и которого не берет сталь.

— Чтоб Сет побрал этот Университет! — раздраженно буркнул Симплий. — Съезжаются со всего света толпы бездельников — якобы учиться, а на самом деле пьют и развратничают! Все неурядицы в Тарантии — от студентов. Если городские власти не могут навести там порядок, то пусть этим займутся демоны, я возражать не буду.

Перед сном Симплий, как всегда, обошел дом, проверяя запоры на дверях и окнах первого этажа. Дремавший в своем закутке телохранитель купца Кшети привстал и продемонстрировал хозяину свои белоснежные зубы.

— Все спокойно? — на всякий случай осведомился Симплий.

— Да, господин, — ответил Кшети, прижав могучие руки к груди. Этого великана-негра Симплий выкупил на невольничьем базаре в Шеме за баснословную цену, но ни разу не пожалел об этом. Высокий и сильный, как носорог, чернокожий кушиец не раз спасал имущество, а порой и жизнь купца. Кшети был бесстрашен, предан и глуп, что делало его отменным слугой.

Поднимаясь в спальню по узкой полутемной лесенке, Симплий уловил доносившиеся снаружи шорох и сопение. Выглянув в окно, купец увидел человека, забирающегося по

плющу в открытое окно спальни его дочери. Глава дома довольно усмехнулся себе в бороду.

— Ничего, молодой человек, — с отеческой лаской пробормотал купец, — поиграй еще немного в соблазнение дочери глупого торгаша. Скоро тебя здесь встретят не нежные объятия Лаис, а ее родитель вместе с писцом, и тогда ничто не помешает мне стать законным тестем младшего сына барона Тальпеуса. Внуки Симплия далеко пойдут, дайте срок...

Купец долго ворочался в постели, втайне завидуя молодой жене, быстро засыпавшей и легко просыпавшейся. Да, годы уже берут свое... Едва Симплий задремал, как был вырван из сна истошным криком, раздавшимся со стороны комнаты его дочери.

«Воры!» Купец вскочил и схватил саблю, неизменно лежавшую рядом с кроватью. Полная опасностей жизнь торговца научила его смелости и решительности. Жена судорожно комкала одеяло, глядя на мужа округлившимися от страха глазами. А крик — кричала Лаис, в этом не было сомнения — все не смолкал. Симплий выбежал из спальни, торопливо спустился на второй этаж — и столкнулся с полуголой дочерью, на побелевшем лице которой двумя омутами ужаса выделялись черные глаза.

— Там... там... — заикаясь, начала она, дрожа и тыча пальцем в сторону своей спальни, — демон... Влетел в окно, а Милент... Он его... О, Милент!.. — Лаис опустилась на пол и отчаянно зарыдала. Только сейчас купец заметил, что легкое полупрозрачное одеяние его дочери густо забрызгано чем-то красным. Купец покрепче ухватил саблю и направился к комнате девушки.

— Отец, не ходи! — истошно завопила Лаис, но Симплий резко распахнул дверь — и отпрянул. На залитом кровью полу хрипел в агонии обнаженный юноша. Его правая рука и грудь представляли собой месиво из кожи, мяса и костей. Рядом восседало нечто похожее на огромную черную птицу, вместо клюва у существа была пасть, полная острых зубов. Заметив новую жертву, тварь перестала терзать мощными когтями тело умирающего и, развернув кожистые крылья, с клекотом бросилась на Симплия.

— Кшети! — заорал купец, пытаясь увернуться и выставить вперед саблю. Существо было трудно маневрировать в тесной комнате, и оно промахнулось мимо горла купца, задев лишь его руку и разорвав ее до кости. Симплий извернулся и рубанул демона по крылу. Тот хрипло закричал и захлопал здоровым крылом — с полочек посыпались стеклянные безделушки и благовония Лаис, в воздух взвились клубы рисовой пудры. Демон вновь кинулся на Симплия, и уже начинающий слабеть от потери крови купец упал, в отчаянии прикрываясь подушкой от когтей твари. В лицо Симплия дохнуло смрадом, но тут он увидел Кшети, бесстрастно заносившего над демоном свой боевой топор. Почувствовав присутствие еще одного человека, тварь обернулась — но топор, со свистом рассекая воздух, уже обрушился на ее спину. Существо дико завизжало и изогнулось, его крылья заскребли по полу. Кшети едва успел вытащить хозяина из-под умирающего демона, чтобы тот в агонии не разорвал его своими огромными когтями.

— Где ты был раньше, черномазый бездельник? — с трудом спросил Симплий своего спасителя. — Я чуть не погиб!

— Так я на двор... По нужде... — смущенно забасил гигант. Казалось, схватка с неведомым зверем ничуть не взволновала его.

Рыдающая Лаис упала на колени рядом с отцом.

— Хвала Митре, ты жив! Я так боялась, так боялась... — запричитала девушка, цепляясь за окровавленные полы халата Симплия. В проеме двери показалось бледное лицо Альтеи.

— Великие боги, что тут происходит? Дорогой, ты ранен? — Она направилась было к мужу, но при виде окровавленного трупа и издыхающей рядом твари дико завизжала и выскочила из комнаты.

— Дура... — пробормотал купец и обратился к дочери: — Не реви, не время. Перевяжи мне рану, успокой Альтею и пошли ее немедленно за лекарем. Проклятое чудовище едва не оторвало мне руку... — Симплий устало закрыл глаза и откинул голову. Лаис вскочила, но отец удержал ее.

— Подожди... Твой Милент...

Лицо Лаис искривилось, из глаз вновь полились слезы.

— Скажи Кшети — пусть позовет стражу... — Голос Симплия звучал все слабее. — Они должны увидеть демона. Будут свидетелями... Старому барону не удастся свалить смерть сына на нас... Не судьба тебе, дочка, стать дворянкой... — И, теряя сознание, чудом избежавший смерти купец еще успел пожалеть о своих несбывшихся честолюбивых планах.

* * *

Деревня Верхняя Сунила, расположенная на берегу Хорота на полпути между Тарантией и лесом Руазель, была небольшой, но аккуратной и зажиточной, в отличие от грязной и беспорядочно застроенной Нижней Сунилы, отделенной от нее широкой лентой реки. Столичные аристократы, проезжающие через деревню по пути на охоту в Руазель, с удовольствием оглядывали чистенькие домики, ухоженные поля, приветливо кивали головой розовощеким веселым крестьянкам и мечтали переехать в деревню, подальше от городских пороков, грязи и интриг. А сунильцы почтительно угощали дворян домашним элем и теплым хлебом, подавали их бледным женам парное молоко и, получая заслуженную плату за гостеприимство, радовались, что деревня стоит в таком выгодном для их благосостояния месте, а королевская казна еще не догадалась ввести налог на доходы от знатных постояльцев.

Обо всем этом думал староста Верхней Сунилы Валч, сидя на ступеньках крыльца своего дома и глядя на густо усыпанное звездами небо. Нарботавшиеся за день жители деревни давно спали, а Валча мучил застарелый ревматизм, даже связанная женой фуфайка из собачьей шерсти сегодня что-то мало помогала. Староста поерзал на жестких ступенях и подставил лицо теплему ночному ветерку. Царила удивительная тишина, лишь где-то на краю деревни уныло гавкала шавка да из дома доносился мерный храп старшего сына Валча.

«Солнечное в этом году лето, — размышлял староста. — Яблоки, должно быть, уродятся большие да сладкие... Снимем урожай — пошлю Кувена с женой в столицу на базар. А Марне скажу — пусть нарядет полотна, девки сошьют рубашки — тоже продадим. Звездочка вроде скоро отелится — теленка обменяю у Дьяги на пятерых поросят. Откормим — будет господам дворянам к зимней охоте поросенок в яблоках...» Неожиданно сладкие мечты Валча о повышении благосостояния семьи прервал какой-то шум. Валчу, видевшему в молодости осаду города, показалось, будто кто-то тараном бьет по деревянным воротам. Тут же залились бешеным лаем деревенские собаки. Староста, крихтя, поднялся на ноги и встревоженно завертел головой, выглядывая нарушителя ночного спокойствия. И он его увидел.

В конце единственной сунильской улицы, около дома кузнеца, возвышалось нечто огромное и, к ужасу Валча, живое. Лунный свет блестел на боках существа, покрытых, казалось, чем-то вроде брони, и отражался от огромного рога, что торчал из головы чудовища. Этим рогом оно настойчиво било в сарай кузнеца, стены хлипкого строения качались, готовые вот-вот рухнуть. Валч, обомлев, наблюдал, как кузнец и его домочадцы, вооруженные чем попало, выскочили из дома и беспомощно заметались вокруг чудовища, которое, казалось, не обращало на людей никакого внимания. Из соседних домов тоже выбегали сунильцы и замирали в испуге, не зная, что предпринять. Крики людей, вой собак, рев скотины и грохот, производимый неведомым зверем, оглушали. На крыльце показались сыновья Валча в исподнем, из окон выглядывали перепуганные женщины.

Наконец, чудовище развалило сарай кузнеца и неторопливо двинулось к его дому. Оно равнодушно наступило тяжелой ногой на молодого брата кузнеца, пытавшегося ткнуть пикой ему в глаз. Заголосила мать, ее плач подхватили другие женщины.

— Отец, что ты стоишь как пень! — непочтительно заорал на Валча старший сын. — Этот демон разгромит всю деревню! Надо что-то делать!

Грубость сына вывела старосту из оцепенения. Мимоходом залепив ему увесистую оплеуху, Валч крикнул внука и велел ему созвать мужчин деревни с оружием. Сам староста схватил огромный колун, сыновья взяли луки, с которыми ходили на охоту, и все бросились к дому кузнеца, который шатался под ударами чудовища.

— Если что — уводи детей! — успел крикнуть Валч выбежавшей во двор жене.

Вблизи чудовище выглядело невообразимо огромным. Его спина вздымалась вровень с крышей дома, а похожие на столбы ноги глубоко вдавливались в землю, не выдерживавшую немислимого веса зверя. На устрашающе торчащий над пастью рог чудовище без труда могло насадить быка-трехлетка. Вдобавок ко всему существо было покрыто чешуйчатой броней, от которой отскакивали стрелы и пики сунильцев. Маленькие глазки зверя смотрели совершенно тупо — казалось, разума в нем было не больше, чем в ползущей по листу лопуха улитке. Суетившиеся вокруг люди совершенно не интересовали чудовище. Видимо, оно хотело разрушить дом, а все остальное не имело для него никакого значения.

— Великий Митра, откуда взялась эта громадина? — растерянно пробормотал младший сын Валча.

Увидев старосту, крестьяне окружили его, крича наперебой и размахивая руками. Из их слов Валч понял, что оружие против бронированного зверя бессильно.

— Где Хаскей? — Валч обвел односельчан взглядом. Хаскей, лентяй и большой охотник до девок, обладал лишь одним достоинством — он считался лучшим лучником среди парней во всей округе. Выяснилось, что накануне Хаскей уехал проводить сестру в село Пеледуй. Валч с досадой сплюнул — никто, кроме Хаскея, не сможет попасть стрелой в глаз чудовища.

Раздался горестный вопль женщин — зверь разрушил дом кузнеца и, неуклюже топчась по ломавшимся как тростинки сосновым бревнам, медленно поворачивался к кузне. Валч лихорадочно соображал.

— Тащите факелы! — решительно приказал он крестьянам. — Может, чудовище испугает огонь. — Валч виновато

обратился к кузнецу: — Придется, друг Тутела, поджечь твой сеновал, ничего не поделаешь.

Кузнец лишь хмуро кивнул в ответ.

Принесли факелы, несколько парней вызвались проскользнуть мимо зверя и поджечь сено прямо перед его носом. Валч с тревогой наблюдал, как парни во главе с его старшим сыном бегут позади огромных ног чудовища к сеновалу, и старался не думать о том, что осталось от брата кузнеца. Выждав, пока морда чудовища оказалась напротив сеновала, сын Валча махнул рукой, подавая команду, и сено затрепало, подожженное сразу с нескольких сторон.

Пару мгновений существо пылилось на быстро разгорающееся пламя, а потом, испустив трубный рев, попятилось и замотало уродливой головой. Один из парней не успел увернуться и был отброшен огромным рогом почти на десять локтей. Крестьяне бросились врассыпную. Не особо проворных зверь все же затоптал, даже не заметив этого. Оглушительно ревя и сметая все на своем пути, чудовище пронеслось через Верхнюю Сунилу и скрылось из виду.

Люди сбились в кучку посреди деревни, приходя в себя и оглядывая разрушения, произведенные невиданным существом. Кроме дома и сарая кузнеца тварь снесла коровник, попутно растоптав нескольких коров, и небольшой домишко вдовы Синары. Простоволосая, в одной рубашке, она, рыдая, царапала бревна, под которыми осталась ее маленькая дочь. Плакали и другие женщины, потерявшие в эту ночь мужа или сына. Валч с облегчением увидел своих домочадцев — все живы и невредимы.

— За какие грехи Митра послал нам это чудовище? — вздохнул сосед Валча, старый Нирс.

— Скорее уж не Митра, а сам Сет сотворил это исчадие тьмы, — мрачно ответил младший сын Валча.

— Это потому, что у нас до сих пор нет святилища, — бубнил свое Нирс. — Вот Податель Жизни и не защитил нас от демона.

— Завтра же призовем жреца из столицы и заложим капище, — решил Валч, а про себя подумал, что в Тарантии понастроено немало храмов Митры, да что-то не больно

спасал ее Светлый бог. Чего уж ожидать от маленького деревенского святилища?

Крестьяне стали расходиться по домам, увели под руки обезумевшую от горя Синару, а семью кузнеца пристроили на время в дом плотника Булия, лишившегося сегодня старшего сына. Завтра надо помогать кузнецу строить новый дом, отрядить нескольких мужчин ремонтировать кузню, выяснить, у кого погибли коровы, и выделить им из общей доли на покупку новых, найти кого-нибудь, кто позаботится о несчастной Синаре... А сколько возьмет жрец за выдачу разрешения на строительство святилища и отправление обряда?

«Не было печали...» — тяжело вздохнул Валч.

Наутро сыновья Валча прошли пару лиг по глубоко отпечатавшимся в земле следам чудовища. Они вели из леса Руазель.

Глава третья

Послеполуденное солнце золотило лениво набегающие на песок воды Западного океана. Белые чайки деловито сновали над морской гладью, время от времени с торжествующим криком вылавливая из воды сверкающих как алмазы рыб. Далеко, у самой линии горизонта, виднелись галеры с облачками парусов, казавшимися нарисованными на сияющей лазури.

Вайд, корсар Его Величества короля Зингары и капитан знаменитого «Непоседы», любил это тихое предместье Кордавы с его кривыми тенистыми улочками и воздухом, насыщенным морской свежестью и запахом апельсиновых деревьев. Поэтому и обосновался он именно здесь, а не в столице, как другие удачливые капитаны корсарских кораблей. Вайд приобрел в предместье небольшой домик, где чистоту и уют поддерживала степенная домоправительница матушка Лусена и где так славно отдыхалось в перерывах между выходами в море, в отдалении от столичной суеты.

Нельзя сказать, что Вайд не любил Кордаву. В этом городе прошло его детство, здесь жила и умерла его мать, отсюда он в первый раз отправился в море на пиратском карике и сюда же вернулся несколько лет спустя, возмужавший, разбогатевший и повидавший немало удивительного и загадочного. Вайд не знал никакого дела, кроме морского, а потому купил корабль, нанял матросов и получил официальный патент короля Зингары на корсарство. Осторожному и дальновидному капитану везло, и, вернув-

шись из очередного похода, матросы «Непоседы», гремя увесистыми кошельками, шумно пили за здоровье Вайда. Сам капитан не любил пьяных кутежей в припортовых тавернах и, опрокинув с командой карака положенную по традиции кружку эля, уезжал в свой роскошный дом, чтобы наслаждаться уютом, достатком и покоем, которых был лишен прежде.

Вайд оторвал взгляд от моря, на которое мог смотреть часами, и повернулся к товарищам, расположившимся в увитой виноградными лозами беседке. Пятеро мужчин и три женщины праздновали очередное удачное возвращение из плавания.

Черноволосая красotka Вьяна перебирала струны виолы и грудным бархатным голосом пела простую трогательную песню — из тех, что нравятся морякам.

Ты меня опять покинул,
Нежно обнял на прощанье.
Позвало тебя, любимый,
Звезд полуночных сиянье.
Снова я одна осталась,
Тихо плача у порога.
И блестит при лунном свете
Боль моя — твоя дорога...

Вайд пожалел, что задумался и прослушал песню, — голос у Вьяны был замечательный, и пела девушка с большим чувством. В такие минуты она казалась Вайду воплощением мужской мечты о нежной и верной возлюбленной. Но песня кончилась, очарование рассеялось — и Вьяна вновь превратилась в обычную кордавскую содержанку, увешанную безвкусными драгоценностями и уже начинавшую полнеть от неводержанности в еде и выпивке.

Гости выразили свое одобрение певице громкими криками, а рыжеволосый Сигурд из Ванакейма на правах избранника обнял Вьяну и смачно поцеловал ее в глубокое декольте алого шелкового платья. Девушка жеманно захихикала и отложила виолу.

— Ну что, еще красного аргосского за нашего капитана? — предложил штурман «Непоседы» Оливенса и поднял

бокал. Он плавал на караке уже год. Вайду нравился этот крепыш из Карташены, большой знаток своего дела и любитель веселых историй.

— Я польщен, — вмешался Вайд, — но тосты не должны быть однообразны — это плохо влияет на вкус вина. Давайте лучше выпьем за Его Величество, который предоставляет нам такую прекрасную возможность зарабатывать себе на хлеб! — И под восторженные крики присутствующих капитан «Непоседы» залпом осушил свою чашу.

— Не только на хлеб, — с завистью протянул юный Салуццо, взятый Вайдом в команду во время последней стоянки в небольшом аргосском порту Мерано и получавший пока мизерную долю от общей добычи. — Хотел бы я спать на мягкой софе и есть с золотых блюд, как наш капитан!

Белокурая немедийка Линген, подруга Оливенсы, ослепительно улыбулась и, зазвенев серебряными браслетами, взъерошила юноше волосы.

— Подожди хотя бы, пока у тебя начнет расти борода, — насмешливо сказала она. — А пока поешь с глиняных тарелок.

Все расхохотались, глядя на обиженное лицо Салуццо, к которому даже женщины пока не проявляли должного уважения.

— Ты, мальчик, думаешь, что наш капитан всю жизнь только и делал, что ел с золотых блюд, — вступил в разговор старый Алькарас, знавший о море и кораблях больше, чем все присутствующие вместе взятые. — Я был знаком с его достойной матушкой, которая трудилась не покладая рук, чтобы не дать сыну умереть с голода. А наш капитан в твои годы зарабатывал на жизнь, таская в порту мешки с зерном, и получал за это гораздо меньше, чем ты, загораая на палубе!

Вайд усмехнулся — в то время его основной доход состоял отнюдь не из платы, получаемой за разгрузку торговых галер, как в нравоучительных целях пытался представить Алькарас. Будущий капитан кормился тем, что сочинял разухабистые неприличные песенки и распевал их в мат-

росских кабачках близ Морского рынка. А с его достойной матушкой была знакома половина мужского населения Приморского квартала, и именно ее достоинства — весьма спорные, на взгляд Вайда, — позволяли им вести сносное существование.

— Да уж, помню я нашего капитана в те годы! — оглушительно расхохотался великан Сигурд и отложил в сторону дочиста обглоданную ножку куропатки. — Когда он появился у нас на «Вестреле», мы сразу прозвали его Крысенком — такой щупленький востроносенький парнишка, я б его пришиб и не заметил! — И северянин самодовольно согнул мощную руку, на которой тут же вспухли внушительные мускулы. — Чем он приглянулся Конану — ума не приложу! Но песенки пел забавные, веселил нас изрядно... Помнишь, Асторга? — обратился Сигурд к чернобородому мужчине с золотой серьгой в ухе, задумчиво жующему персик. Тот лениво кивнул.

— Клянусь Имиром, я жалел, когда пришел в себя после потасовки с ребятами «Красотки» и узнал, что Крысенка нет на борту! — Для пущей убедительности Сигурд стукнул себя кулаком в широкую грудь. Вайд хмыкнул — в подобную сентиментальность ванахеймца верилось с трудом.

— Конан сказал, что ты, похоже, тронулся умом и решил вернуться в Дарфар, — подал голос Асторга и выплюнул персиковую косточку в траву. — Мы хотели доставить тебя на «Вестрел» силой — авось в Зингаре вылечат, — да Конан запретил.

— Когда спустя три года Крысенек объявился в Кордаве, да еще с кучей денег, я от удивления чуть не съел собственную бороду! Он разыскал меня в «Девяти стрелах». Сперва я его не узнал и аж оторопел, когда он мне на шею бросился. Великий Митра, думаю, неужели у Нергала сегодня проход в обе стороны? Оказывается, этот щенок нашел в джунглях те самые сокровища, ради которых мы потащились в эту дыру и вернулись ни с чем, приехал домой и не знает, чем заняться! Вот тогда я ему и посоветовал получить патент на корсарство. И «Непоседу» я ему сосватал. Вот так благодаря мне Крысенек превратился в капитана

Вайда! — Все успехи друга Сигурд без зазрения совести приписал себе.

— Так выпьем же за то, чтобы в джунглях было достаточно сокровищ и чтобы рано или поздно они все же попались нам под ноги! — торжественно провозгласил Оливенса, наполняя бокалы.

Асторга дожевывал персик, потянулся было за другим, но передумал, уронил голову на колени пышногрудой зеленоглазой Мериды и неожиданно спросил:

— А правду болтают, будто королем в Аквилонии сейчас не кто иной, как наш бывший капитан Конан киммерец?

Вайд кивнул:

— Как только я услышал, что в Тарантии убили короля Нумедидеса, а вместо него на престол воссел никому не известный Конан — сразу понял, что это именно наш Конан, капитан незабвенного «Вестрела». Сбылось все-таки пророчество...

— Какое пророчество? — удивился было Асторга, но его вопрос заглушил энергичный бас Сигурда:

— Как, король Аквилонии — мой друг и соратник?! Почему же мне никто не сказал! Когда он покинул «Вестрел» и отправился куда-то на север, я единственный из всей команды переживал, клянусь задницей Имира! Я хочу видеть Конана! Мы столько морей пробороzдили вместе, что будь он хоть святым Эпимитриусом — он будет рад мне! Вайд, снаряжай корабли! Поплывем в Мессантию, а там по Хороту — до самой Тарантии. Мы еще выпьем за былые подвиги!

Вайд улыбнулся — он прекрасно знал, что горячий порыв Сигурда утаснет через пару чаш вина. Северянин загорался так же быстро, как и потухал — видимо, сказывалось долгое житье в теплом климате.

— И ты надеешься попасть во дворец? — не упустила своего насмешница Линген. — Да как только ты заявишься туда с этакой рожей, стража сразу решит, что ты пришел грабить королевскую казну. И сидеть тебе в Железной Башне да вспоминать былые подвиги.

Сигурд наморщил лоб, раздумывая, что бы такое ответить забывшей свое место женщине. Вьяна бросила на Линген уничижительный взгляд и пробормотала как бы про себя:

— Можно подумать, что твоего Оливенсу на порог к городскому судье пустят!

Городской судья Кордавы был самым высокопоставленным лицом среди клиентов Вьяны и потому казался ей образцом достатка и могущества. Но Линген не смутило упоминание о столь значительной персоне.

— Да Оливенса и сам не пойдет к судье, — вкрадчиво проговорила она. — Ведь после того, как судью дочиста разорила одна особа, любящая обвешивать себя побрякушками, словно чернокожая дикарка с юга, он стал брать непомерно большие взятки... — И Линген вложила в свою очаровательную улыбку точно отмеренную дозу змеиного яда.

Намечавшуюся ссору прервал хруст веток барбариса, высаженного вокруг дома, и в беседку вошло существо. Его атласная черная шкурка была усыпана белыми лепестками, большие газельи ушки нервно дергались, короткая грива и хвостик метелочкой слиплись от воды, глаза цвета светлого янтаря с любопытством оглядывали присутствующих. Размером существо было с крупную собаку, но большие лапы ставило с поистине кошачьей грацией. На маленькой аккуратной головке животного серебрился слегка загнутый вперед белый рог.

— Я купался! — пронзительным голосом заявило существо и в подтверждение своих слов встряхнулось, обдав окружающих тучей брызг.

— Тао, сколько раз я просил тебя не ломать кусты матушки Лусены, — строго сказал Вайд. — Неужели трудно пройти по дорожке?

— Но так же короче! — с неоспоримой логикой заявил Тао и направился к женщинам, которые, тут же забыв свои обиды, заворковали и начали пихать в маленького демона всевозможные сладости и фрукты.

Вайд привез Тао из Дарфара вместе с сокровищами. Необычный зверек, наделенный человеческой речью и ра-

зумом пятнадцатилетнего подростка, всем сердцем привязался к своему старшему другу. Любопытный и незлобивый по натуре, Тао в случае опасности мог стать серьезным противником: на его лапах были острые когти, а рог торчал посреди лба отнюдь не красоты ради. Вайд брал друга в море. Матросы обожали общительное и веселое создание, они считали, что этот экзотический зверь приносит «Непоседе» удачу. При встрече с незнакомыми людьми Тао использовал простейшую иллюзию и становился как две капли воды похож на обыкновенного черного пса. Это было единственное колдовство, доступное маленькому демону.

— А у нас кончилось «Сердце золотой лозы», — капризно протянула Вьяна и перевернула пустой серебряный графин вверх дном.

— И правильно, нечего пить сладенькую водичку! Сейчас я налью тебе настоящего матросского эля, киска. — И Сигурд потянулся за глиняной бутылкой, которую, зная утонченный вкус хозяина дома, предусмотрительно захватил с собой.

— Я сейчас принесу «Поцелуй красоты». Отличное зингарское вино, не хуже аргосского «Сердца лозы»... — сказал Вайд, взял графин и направился к дому. Поспешно проглотив миндальное пирожное, Тао рысью пустился следом.

В доме было прохладно и вкусно пахло стряпней матушки Лусены. Вайд спустился в погреб, налил в графин вина, поднялся наверх и собрался было идти к пирующим друзьям. Но вместо этого поставил кувшин и опустился в кресло. С ним заговорил Лабиринт.

— Ты слышишь меня, Вайд?

— Да.

— Я давно не говорил с тобой. Как продвигается твое учение?

— Я стараюсь. Но мне трудно без твоей помощи.

— Ты должен понять все сам. Иначе потом ты ничего не сможешь сделать без моих подсказок.

— Древние тексты так противоречивы и туманны, — пожаловался Вайд. — Например, что означает: «Чудовище

есть монстр, уничтожению подлежащий, но доброй воли к тому не имеющий?»

Лабиринт промолчал — как всякое сверхъестественное создание, он не обладал чувством юмора.

Много тысяч лет назад, в легендарные времена Ахерона, когда боги еще ходили по земле, один из них, настолько древний, что уже тогда его культ был предан забвению, решил создать себе место успокоения. Боги, хоть и бессмертные, в чем-то уязвимее обычных людей — ведь, лишенные поклонения, они теряют смысл существования. Бог заключил себя в собственной гробнице, плоть его истлела, дух отлетел в иные миры, а гробница за прошедшие тысячелетия обрела сознание, ибо слишком много силы, жаждущей воплотиться в мысль, скопилось в ней. Так в джунглях Дарфара возник Лабиринт.

Наделенный необычайным магическим могуществом, погруженный в тайны мироздания, Лабиринт не интересовался людскими делами. Но и внешний мир не должен был его беспокоить. Попытавшихся было поселиться в его подземельях людей-змей из Валузии Лабиринт изгнал в два счета. Для защиты от нежелательных вторжений Лабиринт создал вокруг себя преграду, непроходимую для любого вознамерившегося прийти мага. Но Лабиринт не был человеком, он даже не был разумным существом. Он был всего лишь сознательной вещью, а любая вещь нуждается в Хозяине. И могущественный Лабиринт принялся искать его. Вайд оказался в дарфарских джунглях вместе с пиратами, искавшими древние сокровища. Почему Лабиринт выбрал именно его, самого слабого и молодого члена команды, Крысенка, над которым все потешались и никто не принимал всерьез, — до сих пор оставалось для Вайда загадкой. Должно быть, Лабиринт разглядел в нем что-то недоступное взгляду простых смертных. А может, простые смертные не очень-то и приглядывались?

Так Лабиринт обрел Хозяина, а Вайд — огромную магическую силу (с которой пока совсем не умел обращаться), способность видеть дальше и чувствовать больше остальных и верного друга Тао, встреченного им в подземельях гробни-

цы. Три одиноких года, проведенные Вайдом в Лабиринте, превратили плутоватого и легкомысленного Крысенка во взрослого мужчину, обладавшего основами тайного знания и научившегося ничего не бояться. Потом, соскучившись по людям, Вайд ушел из дарфарских джунглей, но связь с Лабиринтом не прервалась. Когда Лабиринт хотел говорить с Хозяином, Вайд слышал в голове его голос.

— Ты много можешь, но мало умеешь. Между тем вскоре тебе понадобится вся моя сила и все твои знания...

— Что-то случилось? — спросил Вайд, машинально поглаживая голову Тао.

— Я ощущаю изменения во внутреннем мире, которые уже затронули внешний. Сфера перестала быть замкнутой. Я чувствую холод иных миров...

— Ничего не понимаю, — взмолился Вайд, которого порой раздражала манера Лабиринта излагать свои мысли так, будто его Хозяин давным-давно занимает главный пост в Круге Магов. — Объясни толком, что произошло.

— Как гласит древнее знание, наш мир состоит из двух сфер, вложенных одна в другую. Внешняя сфера — это мир смертных, мир понятного и обыденного; внутренняя — мир тайных законов и неведомых сил, мир богов и магов. Вселенная состоит из множества таких соприкасающихся друг с другом сфер...

Вайд вздохнул — подобной тяготиной были напичканы трактаты, которые он читал, пытаясь, по совету Лабиринта, постичь тайны мироздания. После неоднократных попыток прорваться сквозь вычурный текст древних манускриптов, Вайд с некоторым стыдом обнаружил, что эти тайны его совершенно не интересуют. Здравый смысл подсказывал — необходимо изучать то, что может пригодиться на практике.

— Если кто-то или что-то нарушит целостность одной сферы, содержимое соседней начнет проникать в нее. Это нарушает общее равновесие и грозит бедой как для открывшего Портал, так и для обоих миров...

— Кажется, я понял, — проговорил Вайд. — Кто-то проделал дырку в нашей сфере, и из нее сквозит, как из плохо заткнутого окна. Так?

— На вульгарном языке смертных даже великие тайны Вселенной теряют свою значимость... Такого не случилось очень давно. Я не предполагал, что родится маг, способный на подобное. Но чем дальше, тем больше я убеждаюсь — Портал открыт, и Хаос надвигается на наш мир...

— Ты хочешь, чтобы я это выяснил точно? — Догадливость была врожденной чертой Вайда.

— Да. Ты должен найти Портал и того, кто его открыл. А потом я помогу тебе закрыть его.

— Ну что ж, на первый взгляд все очень просто, — проворчал Вайд. — Похоже, моего согласия на подвиг не требуется... А где же находится этот Портал?

— Когда я говорю с тобой, я чувствую его гораздо сильнее. Значит, он ближе к тебе, чем ко мне... Где ты сейчас находишься?

— В Кордаве, столице Зингары. Это на берегу Западного океана.

— Кордава, Зингара... Человеческие названия ничего мне не говорят. Я не ощущаю расстояние, я чувствую лишь энергию, пронизывающую пространство.

— Замечательно, — хмыкнул Вайд. — Я должен найти неизвестно что, открытое неизвестно кем неизвестно где. Так много загадок — и все мне одному. Не поперхнуться бы... Но хотя бы в каком направлении начинать поиски?

Лабиринт помолчал и ответил:

— Ты должен двигаться к полуночным странам. Скорее всего, Портал открыт неподалеку от больших людских поселений — там его влияние намного больше.

Вайд облегченно вздохнул — это означало, что не надо тащиться в Пустоши Пиктов или в ледяной Ванахейм. Похоже, Лабиринт имел в виду, что Портал расположен в Аквилонии или Немедии.

— Начну-ка я, пожалуй, с Аквилонии. В конце концов, я там родился — по крайней мере, так утверждала моя матушка. Глядишь, и Конана повидать... — пробормотал Вайд. — Отправляться надо немедленно? — Он уже привык к тому, что магические дела не терпят отлагательств.

— Да. Если тебе понадобится помощь — я узнаю. Используй свои знания и верь в свои силы — только так ты сможешь что-то сделать.

Вайд протянул руку, нащупал графин с вином и сделал добрый глоток. Потом потрепал по голове сидящего у его ног и внимательно смотрящего ему в глаза Тао.

— Так-то вот... Прощайте, спокойная жизнь, хорошее вино и красивые женщины! Мы уезжаем, маленькое чудовище.

— Это Лабиринт? — полуутвердительно спросил Тао.

— А кто еще может заставить меня покинуть этот уютный уголок, чтобы отправиться Нергал знает куда? — И, подхватив кувшин, Вайд направился в беседку.

Присоединившись к пирующим друзьям, Вайд в который раз испытал острое чувство одиночества. Вот Сигурд целует смеющуюся Вяну, Асторга задумчиво поедает инжир, Мерида и Линген с горящими глазами обсуждают какие-то женские секреты, Оливенса рассказывает что-то задыхающемуся от хохота Салуццо, старый Алькарас неторопливо вытряхивает на ладонь понюшку табака, матушка Лусена поливает свои любимые нарциссы — и никто знать не знает о каких-то сферах, порталах, магах и лабиринтах. А если бы Вайд попробовал им рассказать — они рассмеялись бы и предложили ему не забивать голову всякой ерундой, а лучше выпить вина и утешиться в объятиях хорошенькой девицы. Счастливы те, кто умеет не задумываться ни о чем, кроме насущных дел и сегодняшнего дня. Вайд утратил эту способность на перекрестках Лабиринта.

Когда хозяин дома объявил, что уезжает и даже не знает, когда вернется, поднялся веселый шум — все начали строить самые невероятные предположения о том, что могло случиться с Вайдом, пока он ходил за вином, и почему он так резко изменил свои планы. Но Вайд не принял участия в дружеской болтовне и, невзирая на неудовольствие Вяны, подозвал Сигурда, дал ему несколько распоряжений насчет «Непоседы» и назначил северянина капитаном на время своего отсутствия. Сигурд при-

нял назначение с должной торжественностью и клятвенно обещал, что ко времени возвращения Вайда «Непоседа» лишь преумножит свою славу и капиталы. Правда, язык у него при этом слегка заплетался.

С непонятной грустью Вайд наблюдал, как, весело переговариваясь, покидают друзья его гостеприимный дом. Тао, всегда остро чувствующий настроение Вайда, ласково ткнулся влажным носом ему в ладонь.

— Мы же вернемся. И все будет по-прежнему. Разве не так?

— У таких, как мы, никогда не бывает «по-прежнему». Потому что мы сами не остаемся прежними. — И Вайд погладил отливающий перламутром в лучах закатного солнца рог своего спутника.

* * *

Проводить Вайда пришли Сигурд с Вяной, Асторга и Оливенса. Они впятером стояли на пирсе морского порта, глядя на бьющие в камень зеленые волны с шапками грязной пены. Неподалеку крутился Тао, приводя в изумление местных псов, на которых, как на существ примитивных, иллюзии не действовали.

Сперва Вайд хотел добраться до Мессантии на своем караке, а там пересесть на галеру, следующую по Хороту до аквилонской столицы, но передумал. Расставание капитана с командой в чужом порту в середине плавания — процедура малоприятная. К тому же постоянные трения между властями Аргоса и зингарскими корсарами делали мирный заход «Непоседы» в Мессантию более чем затруднительным. А купить место пассажира на любой торговой галере в Кордаве не составляло труда.

Купеческая галера «Эвора», выбранная Вайдом, скорее всего, за красивое имя, покачивалась на волнах, скрипя сходнями. Вспотевшие матросы таскали на борт всевозможные тюки и мешки, статный щеголеватый капитан громогласно распоряжался, время от времени раболепно поглядывая в сторону низенького владельца галеры, с равнодушным видом отмечающего что-то на восковых дощечках.

— Вы только посмотрите, как расстилается, — презрительно проговорил Асторга, кивнув на капитана «Эворы», и сплюнул. — Ни за какие богатства не согласился бы стать холуем у жирного торгаша. Пиратство — вот единственное занятие на море, достойное мужчины!

— Что верно — то верно! — хохотнул Сигурд и хлопнул по плечу Вайда, отчего тот едва не свалился в воду. — А что, капитан, может, все-таки нам не выходить в море до твоего возвращения? Монета у ребят пока есть — пусть купчишки отдохнут от нас немного...

— Спасибо, Сигурд, но лучше вам меня не ждать, — покачал головой Вайд. — Я правда не знаю, когда вернусь.

— Что же у них в Тарантии случилось, что без тебя обойтись не могут? — хмыкнул Оливенса, удивленно вскидывая бровь. — Никак ваш бывший капитан Конан с делами не справляется?

Вайд пожал плечами — ему было не до шуток.

— Да, обязательно повидайся с Конаном, — уже в который раз с энтузиазмом напутствовал Сигурд. — Передавай от нас — мы помним его и «Вестрел», наши походы и кутежи. Пусть и он, сидя на троне в королевских палатах, не забывает своих друзей-корсаров и прежнюю вольную жизнь... — Растрогав сам себя, северянин шумно засопел и от избытка чувств проломил ударом кулака стоявшую у его ног старую бочку.

— У меня тут знакомец недавно в Тарантию ездил, — ни к кому не обращаясь, сказал Асторга. — Он в оружейной лавке служит, так его хозяин на ярмарку в аквилонскую столицу какие-то новомодные арбалеты возил. Большой, говорит, город, не меньше Кордавы. И улицы пошире, не то что у нас. А порт маленький — так ведь речной... И порядка у них куда меньше. То пожар, то резня, то убьют кого-нибудь ночью, а виновных не сыщут. Тарантийцы не дураки, они все на разных демонов вают. Только мой знакомец говорит, что демонов он никаких не встречал, зато видел ночную стражу, которая на ногах не держится...

— Можно подумать — от нашей кордавской стражи проку много, — уверенно проговорила Вяна и, поймав слу-

чайно брошенный на нее взгляд капитана «Эворы», кокетливо поправила цветок в волосах. — Женщине одной на улицу вечером выйти страшно!

— Ну, киска, тебе-то нечего бояться. С таким темпераментом тебе никакой демон не страшен — если он мужского пола, конечно! — И Сигурд неуважительно шлепнул Вьяну пониже спины, хладнокровно проигнорировав ее яростный взгляд.

Вайд улыбнулся, думая о своем. В Тарантии говорят о демонах. А Лабиринт не знает, как проявит себя Портал... Может быть, конечно, это просто бабьи сплетни да пьяные видения. Но порой даже в базарных слухах кроется зерно истины.

— Похоже, мы движемся в правильном направлении, — пробормотал Вайд, и впервые ему стало страшно.

Погрузка закончилась, капитан «Эворы» махнул Вайдую рукой — приближался утренний отлив, с которым галере предстояло покинуть гавань. Друзья принялись жать Вайдую руку и хлопать по плечу, желая доброй дороги. Сигурд снял с плеча виолу Вьяны.

— Спой на прощание для моего капитана, киска, — попросил он девушку непривычно мягким голосом. — Я знаю, ему нравится, как ты поешь...

...Вайд уверенно стоял на качающейся под ногами палубе галеры и глядел на исчезающий в дымке берег. Натужно скрипели снасти, ветер хлопал парусами, мерно шлепали по воде весла, слышались отрывистые команды капитана — а в ушах Вайда еще звучала прощальная песня Вьяны:

Опять манит куда-то вдаль
Тебя дорога.
И сердце холодит печаль
Твое немного.
Но теплый ветерок морской
Слезу осушит,
Свобода пряною волной
Наполнит душу.
Тебя встречают города
И лиц смешенье,

И не наскучит никогда
Тебе движенье.
Не знаю, суждена ли вновь
С тобою встреча.
Ведь каждая твоя любовь —
Другой предтеча...

Глава четвертая

Этот день начался для Ларго необычно. С утра в казармы Черных Драконов, личной стражи Его Величества короля Аквилонии, явился служащий королевской Канцелярии — что было само по себе странно, ибо военные и чиновники терпеть не могли друг друга, — и, заглянув в какую-то бумажку, громко спросил:

— Есть ли среди вас гвардейцы Ядрин, Смелидес и Ларго?

Тут чиновник дал маху — Ядрин, Смелидес и Ларго были еще не гвардейцами, а всего лишь учениками при отряде королевской стражи, ожидающими со временем официального зачисления в Черные Драконы. Правда, они носили такую же форму, как гвардейцы, но без знаков отличия, а внушительный меч с выбитым на пята клинка драконом пока заменял им обычный длинный кинжал. Да что взять с этого крючкотвора, неспособного отличить елмань от доломани!

Молодые люди поднялись и подошли к чиновнику, всем своим видом выражая независимость. Тот окинул их пренебрежительным взглядом и процедил:

— С вами будет говорить Его Величество король Конан Аквилонский. Быть в полдень во дворце в Малом Приемном зале. И не забудьте вымыть свои рожи и причесаться. — И, одарив их на прощание еще одним уничижающим взглядом, служащий удалился.

Ядрин, Смелидес и Ларго растерянно переглянулись. Пока они не устаивались разговора даже с командиром Чер-

ных Драконов Паллантидом. Что же такое произошло, если сам король узнал об их существовании?

— Наверняка это из-за налета на кухню, — с тоской заговорил Смелидес, самый младший из товарищей — ему еще не исполнилось пятнадцати весен. — Повар узнал нас даже под масками и доложил. Я же говорил — обойдемся мы без этих каплунов...

— Не ной, дурачина, — оборвал его Ядрин. Он начал бриться еще весной и поэтому считал себя вполне зрелым мужчиной. — Очень нужно королю разбираться в наших маленьких проделках. Если бы узнали про кухню — ты бы давно сидел на гауптвахте. Нет, тут что-то поважнее... Может, король хочет заслать нас лазутчиками во вражье государство? — Глаза Ядрины загорелись жадной похоти.

— Ты из арбалета сначала научись стрелять как следует, лазутчик, — посоветовал Ларго. — А то на последних стрельбах прибил плащ офицера Эсканобы стрелой к дереву — а такой плащ, между прочим, десять золотых стоит, мне портной говорил. Я б тебя на месте Эсканобы к тому же дереву вверх ногами приколотил... — И Ларго с тяжелым вздохом подытожил: — Нет, ничего хорошего от разговора с королем нам ждать не стоит.

Ларго считал, что ему не везло с самого детства. Его отец, солдат-наемник из дальней страны, покинул мать Ларго задолго до появления на свет наследника. Скитаясь по южным странам, Мюриэль с младенцем добралась до Аквилонии и осталась в Шамаре. Мать Ларго умерла, когда ему исполнилось семь лет. Остались в памяти ее черные кудри, которые маленький Ларго любил наматывать на палец, да тонкие смуглые руки, унизанные множеством браслетов, мелодично звеневших, когда мама укачивала сына. Должно быть, Мюриэль зарабатывала на хлеб танцами — во всяком случае, Ларго помнил дым и чад полутемной таверны и знакомый звон браслетов под оглушающий вой и пиликающие каких-то инструментов. После смерти матери мальчика взял к себе сердобольный сосед-гончар. Сперва он пытался сделать из сироты помощника по ремеслу, но, выбрасывая очередное рассыпавшееся после обжига творение Ларго,

старик-гончар свыкся с мыслью, что у его воспитанника иная стезя в жизни. Кузнец, пекарь и чеканщик пришли к такому же выводу.

Когда Ларго исполнилось семнадцать, в Аквилонию вторглись офирские и кофские войска и осадили Шамар. Все мужское население, способное носить оружие, было призвано на защиту стен города. И тут Ларго неожиданно проявил себя с лучшей стороны. Рослый и сильный не по годам, юноша оказался отличным бойцом и заслужил уважение старших товарищей по оружию. Когда подоспевшая аквилонская армия сняла осаду Шамара и ополчение распустило, окрыленный успехом в ратном деле Ларго отправился в столицу — вербоваться в войско короля.

Офицер, ведающий приемом новобранцев, пощупал мускулы юного шамарца, окинул уважительным взглядом его рослую фигуру — и определил Ларго в ученики к Черным Драконам. Что ни говори, а солдаты личной королевской стражи должны быть как на подбор — статные да широкоплечие. Глядя на то, как ловко управляется будущий стражник с мечом и боевым топором, товарищи прочили Ларго быстрый прием в Черные Драконы и головокружительный рост карьеры под крылом Паллантида, не забывавшего отличать храбрых ребят.

Однако принятые вместе с Ларго новобранцы давно скрепляли алые форменные плащи брошью из черного серебра в виде дракона — а злосчастный воспитанник гончара все еще числился учеником. Ларго был уверен, что во всем виноват злой демон, пролетевший однажды над его колыбелью. Офицер Эсканоба, правда, придерживался иного мнения, считая ученика Ларго слишком ленивым и строптивым для того, чтобы из него получился хороший солдат. Ларго обожал всевозможные проделки и всякий раз умудрялся попадать на гауптвахту именно перед очередным официальным зачислением в гвардейцы, в который раз оставаясь в рядах безусых новобранцев. Пожалуй, его давно бы выгнали или перевели в рядовые пехотинцы, но явные успехи ученика в обращении с оружием и отменные сила

и выносливость каждый раз внушали офицерам надежду сделать из Ларго что-нибудь путное.

Ровно в полдень троица стояла перед дверьми, ведущими в Малый Приемный зал. Не раз ученикам Черных Драконов приходилось нести здесь стражу, но никогда их не приглашали внутрь. Поблудневшие Ядрин и Смелидес робко жались у окна, а распроцавшийся с честолюбивыми надеждами Ларго мрачно разглядывал мраморные статуи неизвестных ему древних королей и полководцев. Поодаль, переминаясь с ноги на ногу, ожидали своей очереди крестьяне. Наконец двери зала распахнулись, и распорядитель объявил:

— Стражников Ларго, Ядрина и Смелидеса ожидает Его Величество!

— Спаси нас Митра! — услышал Ларго шепот Смелидеса и первым шагнул за порог.

Ларго приходилось видеть короля на парадах или во время несения караула в дворцовых покоях. Но ничтожный ученик гвардейцев никогда не привлекал внимание правителя Аквилонии. И теперь, встретив прямой взгляд голубых глаз Конана, Ларго почувствовал предательскую дрожь в коленках. Король сидел в удобном кресле, рядом с ним расположились Паллантид и граф Пуантенский.

— Какие они стражники! Это всего лишь ученики, — услышал Ларго голос Паллантида.

— Мы люди торговые, ваша милость, в таких вещах не разбираемся. Они в форме и при оружии — вот мой слуга и позвал этих славных молодых солдат. А имена их я записал для памяти, — ответил командиру Черных Драконов чей-то надтреснутый голос.

Ларго обернулся и увидел пожилого господина, судя по платью — купца, который, поймав взгляд ученика гвардейцев, слегка поклонился ему как старому знакомому. Юноша узнал этого человека. С полмесяца назад он с товарищами пропивал свое маленькое ученическое жалованье в уютном кабачке, куда любили захаживать солдаты. Общее веселье прервало появление огромного чернокожего слуги

с варварским именем, который умолял пойти с ним и помочь господину, в доме которого произошло убийство.

После препирательств эту обязанность возложили на подающую надежды молодежь, и поэтому Ларго, Ядрин и Смелидес вместо того, чтобы провести остаток ночи за кружкой эля, вынуждены были тащиться за подозрительным слугой в купеческий дом, где зареванные женщины и бледный хозяин с перевязанной рукой толковали что-то о демонах и прочих кошмарах. Как оказалось, демон действительно присутствовал — даже мертвое, отвратительное чудовище внушало страх. При взгляде на лежавший на полу истерзанный труп Смелидес побледнел и его стошнило, а Ларго и Ядрин назвали раненому купцу свои имена и обещали в случае разбирательства выступить свидетелями.

— Отвечайте прямо, — сдвинув брови, обратился Конан к ученикам гвардейцев, — видели вы в доме купца Симплия демона или нет?

Ларго увидел, как его товарищи шевелят губами, пытаюсь выдать из себя хоть что-нибудь, и понял, что отвечать придется ему.

— Да, Ваше Величество! — как на параде отрапортовал он и перевел дух.

— Купец наверняка подкупил мальчишек. Я не верю в их дурацкие бредни! — В разговор вмешался человек, дотоле не замеченный Ларго. Седой аристократ, облаченный в траурные одеяния, выступил вперед: — Ваше величество, я требую правосудия! Этот человек убил моего сына, а теперь пытается заморочить нам голову.

— Почтенный барон Тальпеус, у нас есть основания подозревать, что купец Симплий говорит правду, — вкрадчиво сказал Просперо и обратился к юношам: — Расскажите, как выглядел демон.

— Он... он вонял изрядно... — начал было Ядрин, но, увидев, как поморщился Конан, ступсевался и замолчал. На носу Смелидеса выступили крупные капли пота.

— Это будущие гвардейцы или слепые котята, разрази их Кром? — спросил король у Паллантида и кивнул Ларго: — Говори ты, парень. Вроде с виду ты посмышленей.

— Да мы его толком и не рассмотрели, Ваше Величество, — заговорил почти освоившийся Ларго, — там все было кровью залито. А демон... Ну, размером он, наверно, побольше грифа. У него крылья есть, пасть с зубами, когти — что кинжалы. Ни шерсти, ни перьев у него нет, а кровь у него зловонная и зеленая какая-то...

— Похоже на то, что рассказывал купец, — заметил Просперо и обернулся к королю: — Интересно, из какой преисподней вылезают такие чудища?

— Или кто их оттуда вызывает? — задумчиво отозвался Конан.

Почувствовав, что купец ускользает от расплаты, неукротимый барон вновь двинулся в наступление.

— Ваше Величество! — В голосе Тальпеуса зазвучали боевые трубы. — Купец со своими приспешниками опутал вас ложью, чтобы скрыть преступление. Эти рассказы про когти и зеленую кровь годны лишь на то, чтобы пугать детей. Неужели убийство сына владетельного барона останется безнаказанным? Где же сраженному горем отцу искать справедливости?! — И Тальпеус картинно поднял руки к небу. Видимо, в семействе барона этот жест передавался по наследству вместе с фамильными драгоценностями.

— Если бы ты бродил по миру столько, сколько я, почтенный Тальпеус, ты бы знал, что сказки, пугающие непослушных детей, могут здорово испортить жизнь послушным взрослым, — негромко сказал Конан и обратился к почти застывшему в тени распорядителю: — Регар, позови-ка тех крестьян, что на демонов жалуются. Барону будет интересно послушать их сказки.

Дверь отворилась, и четверо вконец оторопевших под устремленными на них взглядами крестьян робко ступили в зал. Самый молодой из них держал в руках мешок из грубой холстины. Крестьяне в пояс поклонились королю, затем остальным присутствующим и замерли в ожидании.

— Расскажите, любезные, что привело вас к королю, — подбодрил вошедших Просперо.

Пожилой благообразный крестьянин откашлялся, снова поклонился и сказал:

— Государь, нам, простым земледельцам, известно, сколь важны дела, тобой решаемые, и велик труд, творимый тобой для процветания благословенной Аквилонии. Никогда не решились бы мы прийти к тебе со своими чаяниями, если бы не урон, что постоянно наносят нам мерзостные порождения Сета. Одни невообразимо огромные твари топчут поля наши и разрушают дома, другие — размером поменьше, но злобные, как демоны, нападают на людей и скотину, и сладить с ними нам не под силу. С каждым днем их становится все больше и больше, люди уже боятся выходить в поле, где их может настигнуть смерть. Многие бросают свои дома и бегут, чтобы спасти детей от когтей творений тьмы. И вот мы, старосты деревень Пеледуй... (Один из крестьян низко поклонился.) ...Верхняя Сунила... (Высокий сутулый старик наклонил голову.) Большая Тутела... (Тут поклонился говоривший.) ...а также Мокрый Чорох... (Молодой крестьянин испуганно тряхнул мешком.) решились идти в столицу к Вашей Милости, чтобы просить о защите его верноподданных...

Барон Тальпеус, с трудом дождавшийся конца неторопливой речи просителя, вспрянул, как боевая лошадь, и вскричал:

— Ваше Величество, как можно верить этим грязным мужикам? Они сочинят любую байку, лишь бы увильнуть от податей! Купец мог заплатить еще дюжине свидетелей, якобы видевших демонов...

— Барон, твое усердие переходит всякие границы... — холодно проговорил граф Пуантена.

Пожилой крестьянин обернулся к разгневанному аристократу и с достоинством произнес:

— Мы, Ваша Милость, не для того оставили свои семьи и поля и отправились к королю, чтобы байки плести. Янгор, открой-ка мешок!

Названный Янгором парень вышел вперед и, раскрыв мешок, вытряхнул его содержимое прямо к ногам короля. Раздался вздох изумления и ужаса, Просперо и Паллантид невольно отпрянули, и лишь Конан задумчиво глядел на валяющийся перед ним предмет. Это была отвратительная

голова неведомого чудовища — чешуйчатая, покрытая какой-то вязкой слизью, с глубоко посаженными маленькими глазками, которые, казалось, смотрели на присутствующих с еще непотухшей яростью. Полуоткрытая пасть зверя обнажала двойной ряд треугольных зубов, мерцающих в полутьме зала призрачным сиянием.

— А у нашего демона зубы не светились... — нарушив тишину, с невольным уважением произнес Ларго. Ядрин с силой ткнул друга в бок, и Ларго прикусил язык.

— Давненько я не видел дохлого демона, — усмехнулся Конан. — Почти год прошел...

— Это чудовище убил молодой Янгор, когда оно напало на его дом, — сказал крестьянин, насладившись произведенным впечатлением и украдкой взглянув на побледневшего барона. — Вот такие небылицы происходят у нас по ночам. Этот еще не самый крупный, того убить совсем невозможно... Ползет вся эта нечисть из леса Руазель, мы не раз проверяли — следы идут оттуда. А кто ушел в Руазель вечером — тех мы больше не видели...

Конан оттолкнул ногой голову демона и поднялся с кресла.

— Я думаю, что досточтимому барону достаточно доказательств. Купец Симплий объявляется невиновным. Барону запрещается преследовать купца или мстить ему и его семье.

Купец прижал ладони к груди и благодарно склонил голову. Тальпеус последовал его примеру, но резкое движение рук, оторвавших кисть от вышитого пояса, выдало его недовольство.

Покончив с этим делом, Конан обратился к крестьянам:

— Я выслушал вашу жалобу. Я обещаю вам, что в скором времени мы найдем способ справиться с демонами, терзающими вашу округу. — И, кивнув, король заговорил с Просперо, давая понять, что аудиенция окончена.

Крестьяне склонились до земли и, пятясь, вышли за дверь. За ними последовали торжествующий купец и хмурый барон. Паллантид махнул рукой ожидающим приказом юношам — мол, проваливайтесь поскорее, и те, не заставив

себя упрашивать, торопливо поклонились и выскользнули из зала.

— Слава Митре, обошлось! — воскликнул Смелидес, утрев пот. — А я уж было распрощался с жизнью.

— Считай, что ты сделал это впрок, — ободрил товарища Ларго. Ядрин хрипло рассмеялся.

— Они, наверно, объявят охоту на чудовищ, — пробормотал Ларго, взглянув на закрывшуюся за ними дверь. — Нас-то, небось, не возьмут...

— И слава Иштар, — отозвался Ядрин. — Не хотел бы я встретиться с таким зверем в ночном лесу! По мне так лучше с человеком драться, чем с потусторонней тварью.

— А мне все равно, с кем драться. Лишь бы победить! — И, обняв друзей за плечи, Ларго зашагал прочь от королевских палат.

* * *

Ларго как в воду глядел — через три дня было во всеуслышание объявлено: «Выслушав немало жалоб горожан и крестьян на неизвестных ранее тварей, всячески вредящих людям и скоту, решили мы направить отряд королевских воинов к лесу Руазель, дабы выяснить, действительно ли оттуда распространяются оные твари и как их можно извести». Ходили слухи, что отряд поведет сам Конан Аквилонский.

А жалоб на «неизвестных ранее тварей» действительно набралось немало. В Тарантии уже всю говорили о безумных демонах, нападающих по ночам на жителей прямо в их домах. Офицеров городской стражи больше не удивляли сообщения о найденных трупах растерзанных и изуродованных людей и животных. Случалось, демона удавалось убить, и тогда сбежавшиеся соседи дивились на невиданного жуткого зверя с острозубой пастью. Но справиться даже с этими некрупными, но сильными и одержимыми жаждой крови тварями было непросто.

От бежавших из окрестностей Руазеля крестьян тарантийцы узнавали о других странных созданиях — огромных и тупых, которые разваливали дома, как дети, разрушаю-

щие крепость из соломы. Ходили слухи, что Аквилония прогневила Дарителя Жизни, не желающего защитить ее от посланцев Сета. Но чаще поговаривали о том, не пора ли перебраться из столицы в другие города, где о демонах и слыхом не слыхивали.

Спустя пять дней после вызова во дворец свободный от дежурства Ларго наблюдал за отъездом королевского отряда в лес Руазель. Ласковое утреннее солнце переливалось на алых плащах Черных Драконов, отражалось от копий пехотинцев и сверкало всеми цветами радуги на драгоценностях многочисленных придворных, что пожела-ли сопровождать отряд. Король Конан восседал на огромном черном жеребце и хмуро наблюдал за тем, как придворные усаживаются на покрытых роскошными попонами лошадей, как суетятся слуги, упаковывая корзины с обедом, как несколько музыкантов пытаются приторочить инструменты к седлам, как развеваются плюмажи, разда-ется веселая болтовня и смех, как машут платочками дамы... Придворных мало интересовали демоны. Они вос-приняли поездку в Руазель как очередное светское развле-чение и собирались извлечь из него как можно больше удовольствия.

— Это Нергал знает что такое, — пробурчал Конан, оглядывая свое пестрое шумливое воинство. — Они словно на ярмарку собрались.

— Это же столичные вельможи, а не наемники или пираты, которыми ты привык командовать, — пожал плеча-ми Просперо, остающийся наместником короля на время его отъезда.

— Если б на их месте были наемники или пираты, я бы чувствовал себя гораздо спокойней, — буркнул киммериец. Однако при взгляде на стройные ряды гвардейцев и пехо-тинцев его лицо просветлело. — Клянусь Кромом, я рад, что хоть ненадолго покину этот дворец, порой он начинает мне казаться каменной клеткой! — воскликнул Конан и дове-рительно сообщил Просперо: — Иногда, знаешь ли, так хо-чется послать к Сету все королевские дела и с отрядом верных ребят провести рейд к немедийцам! Или выйти в

море на быстроходном караке, чтобы купцы, завидев твой парус, в ужасе падали на колени...

— Да, бремя королевской власти не смирило твой нрав, — рассмеялся пуантенец.

— Ваше Величество, может, я все-таки поеду с вами? — К королю подошел бледный Паллантид, закутанный в теплый плащ. Он умудрился подхватить лихорадку и теперь вынужден был остаться в городе. Конан добродушно махнул рукой:

— Тебе к лекарю надо ехать, а не со мной. Мне с этими разряженными войсками забот хватит, чтоб еще больных с собой тащить. Я еле от Белезы отговорился — все упрашивала с собой взять. Если женщина что-то вбила себе в голову — легче сотню демонов одолеть, чем ее переубедить. — И Конан покачал головой, в который раз удивляясь загадочной женской природе.

Простившись, Просперо и Паллантид отошли, киммериец развернул своего коня — и тут его взгляд наткнулся на Ларго, тоскливо переминавшегося с ноги на ногу. Ларго торопливо поклонился и собрался было убраться с дороги короля, но Конан остановил его:

— Подожди-ка... Ты тот гвардеец, что видел демона в доме старого купца?

Ларго кивнул, донельзя удивленный тем, что король соизволил узнать его.

— Что же ты не в строю Драконов?

— Я всего лишь ученик, Ваше Величество, — сказал Ларго с невольной обидой в голосе. — Нас не взяли в Руазель.

— Бери в конюшне лошадь и поезжай с нами, — приказал Конан. — Думается мне, из тебя выйдет толк. — И, кивнув юноше, король направился в сторону офицеров стражи.

Ошеломленный неожиданной удачей, Ларго опрометью бросился к воинским конюшням. У него не было своей лошади, и конюх с радушным выражением лица — мол, для такого орла лучшего коня не жалко — вывел ему каурую кобылку, чей капризный нрав был так же очевиден, как и почтенный возраст. Чтобы завоевать доверие упря-

мой животины, пришлось скормить ей купленную накануне медовую булочку.

Над дворцом разнесся пронзительный звук трубы, солдаты подравнялись, царедворцы зашумели еще сильнее. Тяжелые замковые ворота со скрипом отворились, и горожане, собравшиеся посмотреть на отъезд короля из столицы, расступились, освобождая колонне дорогу. Ларго примчался как раз вовремя, чтобы успеть занять место в конце строя Черных Драконов, встретивших его появление удивленным молчанием. Король махнул рукой, давая сигнал к отъезду, послышались отрывистые команды офицеров, и отряд потянулся в ворота.

Впереди торжественно вышагивал жеребец короля, сам Конан изредка кивал в ответ на приветственные крики подданных и пожелания поскорей известить руазельскую нечисть. За киммерийцем под хор восторженных женских голосов следовали два десятка подтянутых щеголеватых Черных Драконов. После гвардейцев тянулась полусотня пехотинцев, а за ними крутилось пестрое полуводье придворных, каждый из которых, судя по выражению их лиц, готовился уничтожить по меньшей мере дюжину демонов.

За городом жаркое летнее солнце растопило торжественность выезда. Конан оглядывал необъятные поля, покрытые сочной зеленью колышущихся на ветру злаков, тенистые перелески, полные звонкого гомона птиц, широкую искрящуюся ленту Хорота, чьи прихотливые изгибы послушно повторяла дорога, и жадно вдыхал пряный от запаха цветущих трав воздух. Черные Драконы негромко переговаривались между собой. Сзади доносилось:

Шли гвардейцы на войну,
Думу думали одну:
Почему нельзя в поход
Прихватить с собой жену?

И нестройный хор луженых глоток подхватывал:

Хей-хо, гей-хо-хо,
Прихватить с собой жену!

Песня, распеваемая бравыми войками, была длинная и не совсем приличная. Она со всех сторон рассматривала вопрос, почему женщин не берут на войну, и приходила к утешительному выводу, что, несмотря на некоторые неудобства, без них там все-таки намного лучше.

Кортеж придворных растянулся едва ли не на четверть лиги. Там обсуждали охоту, заключали пари на устраиваемые бароном Саморой скачки, спорили о возможности близкой войны со Стигией и декламировали стихи нового придворного поэта.

О демонах вспоминали преимущественно шутки ради. Придворные наслаждались загородной поездкой, свежим воздухом, погожим летним днем и изысканным обществом. Нельзя сказать, что вельможи не верили в демонов — просто-напросто они их не боялись, как не боится смерти несмышленный ребенок.

По краю дороги то тут, то там попадались деревеньки, жители которых выбегали из домов и глазели на королевское шествие. Самые расторопные успевали нарвать цветов и бросали их под копыта лошадей гвардейцев. Какая-то молоденькая стройная девица, покраснев до корней волос, кинула огромный букет прямо под нос каурой кобылке Ларго, чье умиротворение, навеянное медовой булочкой, тут же улетучилось. Вспомнив молодость, она скакнула вбок, ударив крупом едущего рядом вороного жеребца, затем шарахнулась в другую сторону и, исчерпав свою резвость, прочно встала на якорь.

Ларго с тоской глядел на удаляющуюся колонну Драконов, слыша вокруг добродушный смех крестьян и визгливый хохот тощей девчонки. А позади уже раздавался мерный топот пехоты. Юноша сжал ногами бока лошади, но на кобылку это не произвело впечатления. Ларго ударил ее пятками сильнее — лошадь мотнула головой и демонстративно потянулась губами к лежащему неподалеку вороху цветов. Это окончательно разъярило Ларго, и, сорвав перевязь с кинжалом, он замолотил ножнами по блестящему крупу. Пронзительно заржав, кобылка рванула в тяжеловатый галоп, мигом догнав ушедших вперед гвардейцев; при

этом в ее глазах ясно читалось намерение рано или поздно покарать всадника за подобную жестокость.

Деревни близ столицы, выглядели как и пристало деревням. Однако чем ближе кортеж подъезжал к Руазелю, тем заметнее становились разрушения, причиненные неведомыми тварями. Все чаще попадались развороченные строения, проломленные заборы, вытопанные дочиста поля. Встречались целые, но явно заброшенные дома, хозяева которых бежали подальше от этих мест. Выходившие навстречу крестьяне уже не так восторженно приветствовали своего правителя — они лишь с надеждой смотрели на солдат, ожидая избавления от демонов. В хмуром молчании проехали Конан и гвардейцы через сметенную с лица земли деревеньку, от которой остались лишь раскиданные повсюду бревна да сломанные яблони.

В воздухе повеяло вечерней прохладой, когда вдали показалась темная полоска леса Руазель. Посланные вперед дозорные сообщили, что не заметили в лесу ничего подозрительного, зато нашли удобную поляну, где можно разбить лагерь. К наступлению ночи разожгли костры, вкусно тянуло запахом готовящейся пищи, слышалось негромкое ржание лошадей и гул разговоров, перемежаемых взрывами смеха и переборами лютневых струн.

Встревоженная непривычным шумом сова бесшумно снялась с ветки и, удивляясь людской беспечности, растворилась в темноте.

Глава пятая

Получив свою порцию похлебки и пресную лепешку, Ларго уселся возле костра и начал торопливо глотать уже остывшее варево. После целого дня езды на свежем воздухе есть хотелось ужасно, и обычная солдатская пища казалась не хуже блюд, готовящихся на королевской кухне. Ларго пришлось выдержать целый шквал насмешек, когда выяснилось, что в спешке он не захватил миску и ложку и теперь ждет, пока кто-нибудь одолжит ему свои. Благодетель в итоге нашелся, но пока юноша дождался своей очереди, он уже был готов заживо съесть хоть самого демона.

Расположившиеся у соседнего костра король и офицеры ели то же, что и солдаты, — увидев это, уважение Ларго к Конану немало возросло. Со стороны расположившегося поодаль лагеря придворных тянуло дразнящим запахом жареного мяса — слуги крутили на вертелах привезенных с собой кроликов и гусей, раздавался частый звон чаш — явно не с родниковой водой. Гвардейцы и пехотинцы косились в сторону дворян, и в их взглядах читались презрение и зависть.

Насытившись, Ларго отправился к журчавшему на краю поляны роднику, чтобы вымыть миску, и едва не угодил на копье часового, примостившегося в густых зарослях орешника. Беззлбно ругнув незадачливого гвардейца, часовой вновь исчез в темноте, а Ларго недоуменно pokrutil голову, удивляясь предусмотрительности офицеров, позаботив-

шихся о карауле в совершенно безопасном, на взгляд юноши, месте.

Вернувшись к костру, Ларго застал в компании гвардейцев офицера пехоты, которого многие Драконы, по-видимому, хорошо знали. Офицер был невысок ростом, кривоног, пучеглаз и по самую макушку полон собственного достоинства. В одной руке он держал лепешку, а другая застыла в ожидании, когда к нему вернется пущенная по кругу фляга с элем.

— ...и покати́лась его голова прямо мне под ноги, — увлеченно рассказывал офицер, не забывая откусывать от лепешки. — Так я и расправился с этим Зога́р Сагом. Преме́рзкий был колдун, скажу я вам, даже меч было ма́рать жалко...

Стараясь никого не потревожить, Ларго тихо пристроился около костра — он любил послушать рассказы бывалых офицеров. Хотя здесь на лицах окружающих он почему-то приметил не почтительное внимание к повествованию, а едва сдерживаемые улыбки.

— А я слышал, Чепозус, что ты его из лука подбил, — невинным тоном заметил один из гвардейцев.

— Сначала из лука, — не смутился пехотинец. — Но, думаешь, это Сетово отро́дье так просто извести? Пришлось еще и мечом добавить...

— А потом, говорят, ты организовал оборону Велитриума? — уважительно допытывался гвардеец.

— Почему только я? — скромно удивился Чепозус. — Там было достаточно защитников — поселенцы, разведчики...

— Конечно, нужно же было этим бездельникам хоть чем-то заняться, пока ты в одиночку сражался в лесах с колдуном и пиктами! — поддакнул гвардеец под прорвавшийся наконец наружу хохот остальных.

Видимо, над Чепозусом и его рассказами смеялись часто и подолгу, потому как он не особо обиделся. Вернувшись фляга с элем вновь настроила пехотинца на повествовательный лад.

— Вы вот все ржете, думаете — врет старина Чепозус. А вы бы у нашего короля спросили! — Ларго услышал

сбоку ехидный возглас: «А может, прямо у Эпимитриуса?» — Я короля Конана еще по пиктской войне знаю. Когда два года назад он со своим войском осадил Тарантию, я сразу понял — он своего добьется. И вот, дежурю я как-то ночью у входа в королевский дворец — а тут вдруг топот, шум, факелы... Я уж приготовился принять бой — и вдруг слышу: «Чепозус, это же я, Конан! Присоединяйся к нам, зачем тебе сражаться за эту старую развалину!»

— Наш король молодец, сразу сообразил, что без помощи Чепозуса он ни за что трон не получит! — прокомментировал кто-то, невидимый в темноте.

Не обратив на острья внимания, Чепозус вдохновенно продолжал:

— «Но я же давал клятву верности Нумедидесу! — вскричал я, не вкладывая меч в ножны. — Я знаю, что ты победишь, но не могу нарушить свое слово. Лучше сразу убей меня!» И, клянусь Митрой, наш будущий правитель посмотрел на меня с уважением. «Я не могу убить тебя, ведь мы вместе сражались у Громовой реки», — сказал он. И тогда положение спас Троцери Пуантенский: «Прежде всего ты клялся в верности родной стране, а она стонет под игом нынешнего короля. Я освобождаю тебя от клятвы Нумедидесу!» Теперь меня ничто не связывало, и, схватив факел, я повел восставших в покои короля. Но его там не было — старая лиса бежала! «Скорее в тронный зал, он не мог уйти далеко!» — позвал я и бросился вперед, освещая путь остальным. Потерявший рассудок Нумедидес сидел на троне. «Конан, вот твоя корона, — сказал я, поднимая факел. — Так возьми же ее ради всей Аквилонии!» И наш теперешний король просто взял и задушил Нумедидеса! «Благодарю тебя, верный друг», — проговорил он и пожал мне руку.

— И опять подарил меч? — поинтересовался один из опытных слушателей.

— Нет, перстень, — с достоинством ответил Чепозус. — Но недруги украли его у меня, чтобы я не мог подтвердить свои слова...

По лицам гвардейцев Ларго понял, что прозвучавшая история произвела некоторое впечатление. Чепозус это тоже понял и поспешил закрепить достигнутый успех:

— Вот, помню, лет пятнадцать назад, когда вы еще держались за мамкин подол, случилось мне сопровождать нашего посланника в Туран. И пришлось нам заночевать прямо в пустыне. Стою я в карауле и вижу...

Ларго поднялся и побрел по лагерю, оставив бравого офицера развлекать слушателей легендами о своих подвигах. Негромко потрескивающие костры освещали лица солдат, слышались неспешные бивачные разговоры и смех, булькала закипающая вода в котелке — и Ларго показалось, будто он нашел свое место в огромном и не всегда справедливом мире, и здесь его дом — отныне и навсегда.

До Ларго донеслись переборы лютни. Песни Ларго любил не меньше, чем истории о воинских подвигах, и потому отправился на звук. Преодолев небольшой овражек, отделявший королевский лагерь от придворного, он оказался в лабиринте шатров и мелькании факелов. Здесь царило чуть ли не предпраздничное настроение. У самого большого костра толпились хорошо одетые люди, слуги разносили вино и сласти, а в отдалении на поваленном дереве пристроился придворный музыкант, бережно обнимающий лютню. Он пел балладу о смерти воителя Алькое. В последнее время при дворе вошли в моду старинные песни и предания, и музыканты сбивались с ног, разыскивая по деревням седых сказителей и упрашивая их спеть что-нибудь из былого.

Под мелодичное звучание струн лился голос, произносящий древние строки:

В пламенеющем рассвете
Как скала он возвышался,
Трупы вражьи попирая.
Кровь текла из ран глубоких,
Силы были на исходе —
Только меч разил привычно.
А в глазах плескалось небо,
Напоенное отвагой.
И стигийцы, умирая

От его руки, шептали:
«То сам Митра к нам спустился
В человеческом обличье!»

Чуткие пальцы музыканта неуловимо изменяли свой бег, и мелодия звучала то тревожно, то мягко, лютия могла рыдать, подобно женщине, то взывать, подобно боевым трубам. Певец сидел полузакрыв глаза, и казалось, его не интересовало ничто, кроме рождаемой струнами музыки и слов позабытой баллады:

Пыль клубится над долиной —
То спешит на помощь другу
Молодой король Олайет.
Сто десятков с ним отважных
Рыцарей, готовых поле
Затопить стигийской кровью.
Лишь прекрасная Энея,
Побледневшая от горя,
Тихо слезы утирает.
Нет в живых ее Алькоя,
Сердце деве подсказало —
Сердце, полное любовью...

— Посмотри-ка, Сервиллий, даже солдафонов трогает искусство великого Тилбери!

Ларго обернулся — двое придворных проследовали мимо, непринужденно беседуя и не удостоив юношу более ни единым взглядом. Ларго попробовал на вкус уже готовый язвительный ответ — и промолчал, решив, что все равно ничего не докажет. Но удовольствие от баллады было безнадёжно испорчено, и Ларго поплелся к своим.

Большинство гвардейцев, завернувшись в плащи, спали вокруг костра. Ларго пристроился между двумя товарищами, надеясь, что их мощные спины согреют его в наступившей ночной прохладе, и провалился в сон.

* * *

Ларго проснулся от холода. Он открыл глаза — и ничего не увидел. Было то таинственное время суток, когда луна уже не освещает землю призрачным светом, а солнце еще нежится в своих небесных чертогах. Кромешная тьма

и тишина царили над спящим лагерем. На месте костров бесшумно плясали алые искорки, изредка где-то в лесу тоскливо кричала какая-то ночная птица. Дрожащий Ларго с трудом поднялся на затекшие ноги и, спотыкаясь, побрел к кострищу. Какое-то время он с надеждой пытался раздуть угольки, но взметнувшееся пламя тотчас угасало, стоило запыхавшемуся Ларго протянуть к нему руки. Пришлось искать дрова, натываясь в темноте на спящих гвардейцев и выслушивая сонные ругательства, которые, впрочем, не теряли от этого своей изощренности. Наконец Ларго уселся у разгоравшегося пламени и с наслаждением почувствовал, как тепло разливается по окоченевшим рукам и ногам.

Согревшись у весело потрескивавшего костерка, Ларго начал было клевать носом, но вдруг явственно услышал короткий вскрик и плеск воды где-то на краю лагеря. Юноша привстал, тщетно пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. Неподалеку кто-то еще приподнялся на локте и толкнул лежащего рядом:

— Эй, Хотан, там кричали, или мне послышалось?

— Почему мне знать, господин офицер, — проворчал Хотан, накрываясь плащом с головой.

Офицер увидел Ларго и строго спросил:

— Ты караульный?

— Нет, господин офицер, — ответил Ларго и порадовался за себя. — Но там действительно кричали, я слышал.

Дотошный офицер разбудил недовольно бормочущего Хотана, и, прихватив факелы, они отправились в ту сторону, откуда раздался крик. Воцарившаяся на несколько мгновений тишина была сметена воплем ужаса. Затем послышался шум борьбы, треск веток и дикий нечеловеческий визг. Ларго вскочил на ноги, судорожно нащаривая на поясе кинжал. Вокруг, просыпаясь, зашевелились гвардейцы, раздалось испуганное ржание лошадей.

— Тревога! Первое пехотное отделение, ко мне! — услышал Ларго перед тем, как хаос поглотил оба лагеря.

Казалось, демоны хлынули из леса со всех сторон. Они падали с неба, кидались из травы на не успевших пригото-

виться к бою людей и безмолвно вцеплялись им в горло. Оборону организовать не успели, каждый сопротивлялся как мог. Со стороны лагеря придворных доносились истошные вопли — вельможи выбегали из шатров, становясь легкой добычей ночных тварей. По поляне метались сорвавшиеся с привязи и обезумевшие от страха лошади. Выроненный кем-то факел воспламенил легкий палаточный шелк, и взметнувшееся пламя осветило гибнущий лагерь.

Ларго не успел испугаться. Вынырнувшее из темноты животное, кожа которого была покрыта отвратительными складками, молча кинулось на юношу. Под тяжестью зверя Ларго потерял равновесие и рухнул на землю. Дыша злоновонием и капая на лицо Ларго слюной, демон пытался дотянуться до горла юноши. Вцепившись рукой в нижнюю челюсть твари и стараясь задрать его морду, Ларго размахнулся и с силой всадил кинжал в бок противника. Зверь вздрогнул и захрипел. Юноша столкнул с себя умирающего демона и поднялся на слегка трясущиеся ноги.

То, что происходило вокруг, напоминало Равнины Мертвых, как о них рассказывают в страшных легендах. Остатки лагеря дворян были объаты пожаром. В неверном багровом свете уцелевшие люди пытались отбиться от медленно сжимающегося кольца тварей. В отличие от обычных животных, демоны совсем не боялись огня, словно не ведали, что это такое, и зачастую, увлеченные преследованием жертвы, влетали прямо в пламя, превращаясь в живой факел.

Сгустившаяся вокруг поля битвы тьма выпустила еще одного демона — огромного, как осадная башня. Чудовище медленно шло по лагерю, его крохотные глазки с тупым удивлением взирали по сторонам. Тяжелые ноги равнодушно давили и людей, и демонов, попадавших на пути.

Оглушенный стонами раненых и воплями сражавшихся Ларго огляделся и заметил, что возле королевской палатки кто-то сумел наладить оборону — вставшие в круг солдаты довольно успешно сдерживали натиск кровожадных бестий. Инстинктивно Ларго понял, что лишь там он сможет уцелеть. Подхватив с земли чей-то меч — свой кинжал он

оставил в боку убитой твари, — юноша начал пробиваться к палатке. Десять шагов, отделявших от цели, показались Ларго длиннее всей его жизни. Свалив крылатого демона, кинувшегося на него сверху, юноша сделал еще один шаг — и полетел в траву, споткнувшись о камень. В тот же миг что-то тяжелое прижало его к земле, куртка затрещала под острыми когтями. Пытаясь повернуться и чувствуя свою полную беспомощность, Ларго уже приготовился к неизбежной встрече с Нергалом — но тут тяжесть, давящая на его плечи, исчезла, и чей-то голос буркнул:

— Чего лежишь, раз живой!

Ларго не заставил себя упрашивать и быстро вскочил, едва не налетев на Конана. У ног киммерийца, дергая лапами, издыхал напавший на юношу зверь. Ларго выплюнул набившуюся в рот траву и сказал:

— Спасибо, Ваше Величество.

— Под ноги смотреть надо, — ответил король и отвернулся, ловя демона на лезвие меча.

Удар меча... Еще один... Тварь с перерубленными лапами, визжа, кубарем катится по земле. Короткий взгляд по сторонам — не нужна ли помощь... Меч вверх — и крылатый демон напоролся на сталь. Надо успеть достать вон ту бестию — она сейчас прыгнет на спину соседа. Удар... Рискованный поворот на скользкой от крови траве. Еще удар...

Ларго казалось, что он стоит здесь уже двадцать лет, отовсюду лезут эти Сетовы отродья, а он отбивается, отбивается, отбивается... Пот заливает глаза, и некогда даже провести рукой по лбу. Куртка вся в крови — то ли демонов, то ли собственной. Ларго захлебывался воздухом, который никак не мог насытить рвущиеся от напряжения легкие. Временами юноша переставал чувствовать свои руки, и его охватывал панический ужас. Ларго казалось, что он больше не сможет поднять меч и твари вцепятся ему в горло. Но меч упрямо вздымался вверх, и Ларго с удивлением отмечал, что все еще жив.

Король Конан сражался рядом. Вокруг падали раненые и убитые солдаты — а он продолжал разить своим огром-

ным мечом, и демоны были не в силах совладать с ним. Ларго начинало казаться, что правитель Аквилонии создан из чего угодно, но только не из человеческой плоти. Похоже было, что Конан не ведает ни страха, ни усталости. Молниеносная реакция киммерийца не раз спасала его товарищей — Ларго уже по крайней мере трижды был обязан жизнью своему королю.

Внезапно Ларго сообразил, что натиск демонов пошел на убыль. Нападали они как-то вяло, и количество их явно уменьшилось. На разгоряченное лицо Ларго упала капля дождя, он поднял голову — и увидел, что ночь кончилась. Жиденький свет просачивался сквозь ветви деревьев. Ларго равнодушно ткнул мечом кожистого волка — и тот поспешил убираться, отказавшись от продолжения схватки. Юноша вновь поднял оружие — но почему-то никто не нападал. Кажущаяся нереальной после недавней битвы тишина навалилась на Ларго. Уютно шуршал по листьям мелкий дождик, журчал ручей, где-то шипели, угасая, угли, и, радуясь началу дня, робко посвистывала какая-то одинокая пичуга.

Ноги Ларго подкосились, и он опустился на мокрую траву, машинально продолжая сжимать в ладонях рукоять меча. Если бы сейчас на него напала кошка, он бы не смог оказать достойного сопротивления. Но то ли демоны привыкли действовать в темноте, то ли они просто насытились и устали — вокруг было по-прежнему спокойно. И эта тишина говорила не только об отсутствии ночных тварей. Она говорила об отсутствии людей. По крайней мере, живых.

Ларго заставил себя поднять голову и огляделся. Вокруг лежали гвардейцы и пехотинцы — с раздробленной грудью, разодранным горлом, вспоротым животом, растерзанным лицом... Ларго скривился, словно от боли, и перевел взгляд дальше. От лагеря придворных остались лишь выжженная трава, дымящаяся под каплями дождя, да обгорелые черные кучи, от которых тянуло тошнотворным запахом паленого мяса. Юноша поспешил отвернуться — и увидел короля, хмуро взиравшего на картину разгрома. Сердце Ларго сжалось от нелепой радости — значит, не только он пережил эту ужасную ночь! Встав на непослушные ноги, юноша

заковылял к Конану. И тут Ларго с изумлением узрел еще одну фигуру, бредущую к своему королю. Это был пехотный офицер Чепозус — окровавленный, встрепанный, помятый, но по-прежнему преисполненный собственного достоинства. Лишь последнее удержало Ларго от того, чтобы броситься храброму Чепозусу на шею.

— Посмотрите, нет ли раненых, — коротко бросил Конан своим уцелевшим подданным. Ларго слегка обиделся — он считал, что король должен несказанно обрадоваться, увидев его персону. Но, взглянув в мрачное лицо киммерийца, Ларго понял, что для короля, потерявшего за одну ночь добрую половину своих придворных и полсотню воинов, спасенная жизнь какого-то гвардейца мало что значит.

Ларго медленно пошел по бывшему лагерю, принуждая себя вглядываться в окровавленные изуродованные лица в поисках проявлений жизни. Но тщетно — демоны не оставили в живых никого. На краю лагеря Ларго увидел музыканта, чье пение он слушал, казалось, тысячу лет назад. Его бледное лицо было искажено от ужаса, разбитая в щепки лютия валялась рядом — видимо, безоружный музыкант пытался защититься с помощью своей верной спутницы. Ларго стиснул зубы и, наклонившись, укрыл труп музыканта разорванным плащом. Почувствовав, что насытился зрелищем смерти до конца дней своих, Ларго вернулся к своим спутникам. Чепозус неумело перевязывал какими-то тряпицами многочисленные раны Конана. Ларго содрал задубевшую от крови куртку и с удивлением обнаружил, что все его тело покрыто царапинами — некоторые были довольно глубокие и кровоточили.

— Тебя как зовут, парень? — неожиданно обратился король к юноше.

— Ларго, Ваше Величество, — с готовностью ответил тот.

— Ларго, сходи-ка поищи, может, найдешь хоть пару лошадей? Не тащиться же пешком до самой столицы.

Ларго вздохнул, подумав, что победы он хоть сотню демонов, все самые неприятные поручения все равно будут выпадать на его долю. Юноша плутал по лесу почти до полудня, но отыскал-таки трех лошадей, одной из которых

оказалась его строптивая кобылка. Видимо, его лошадка была слишком жилистая, чтобы прельстить какого-нибудь демона.

Уже смеркалось, когда сквозь серую пелену измороси замаячили высокие каменные стены и башни Тарантии. От непрекращавшегося целый день дождя дорогу размыло, усталые, промокшие и с ног до головы забрызганные грязью Конан, Ларго и Чепозус выглядели весьма жалко. Их лошади уныло месили чавкающую глину.

Предместья столицы были пустынные. К счастью, никто не видел их позорного возвращения. Всю дорогу путники молчали, и Ларго мог только предполагать, о чем думает король, которого лишь вчера торжественно проводили подданные, ждущие избавления от демонов. Даже Чепозус растерял значительную часть своего жизнелюбия, его мокрый плащ уныло хлопал по бокам лошади. На надвратной башне уютно мигал желтый огонек. Ларго спешился и подошел к воротам. Они были закрыты.

— Закрыто, Ваше Величество,— глупо улыбаясь, объявил Ларго, испытывавший непреодолимое желание сесть прямо на дорогу и заплакать.

— Разрази их Кром с Сетом и заberi потом Нергал! — рявкнул Конан.— Они что, перепились тут? Ворота закрываются после захода солнца!

— Так солнца-то нет, Ваше Величество,— заметил здравомыслящий Чепозус, и его лошадь печально кивнула головой.

Ларго подошел к огромным деревянным воротам, обшитым толстыми железными полосами, и замолотил кулаками по мокрым доскам.

— Чего надрываешься, вон колокол висит,— хмуро сообщил Конан и поморщился. На звон медного колокола из бойницы высунулась лохматая голова стражника.

— Кончай трезвонить! Не видишь — ворота закрыты до утра. Вот утром и приходи!

— Не-ет,— нехорошо улыбаясь, ласково ответил Ларго,— я никуда не пойду. Я вот умру сейчас здесь, и пусть вонь от моего трупа не даст тебе спать в твоей караулке!

Конан тронул поводья и подъехал ближе.

— Эй, вы, ленивые скоты, открывайте ворота, а то гнить вам до конца своих дней в Железной Башне! — заорал киммериец, выйдя из терпения.

Из башни высунулась другая голова — на сей раз в островерхом шлеме.

— Я, может, и в Железной Башне гнить буду, а ты погниешь до утра вот у этой самой лужи! — И голова в шлеме удовлетворенно заржала.

— Откройте ворота своему королю, вы, помесь осла и гиены! — зарычал Конан.

— Своему мы откроем, когда время придет! А ты остынь под дождичком,— посоветовали с башни. Но упоминание о короле все-таки заставило начальника караула оторвать зад от уютной скамьи и выяснить, кто набрался такой наглости, что выдает себя за правителя. Голова в шлеме исчезла, а вместо нее высунулась красная физиономия, принадлежащая явно не рядовому. Физиономия некоторое время всматривалась в бушующего внизу Конана и внезапно сменила красный цвет на мертвенно-зеленый. Вскоре загрохотал засов, ворота с натужным скрипом отворились, и король со спутниками смог наконец въехать в свою столицу.

— Ваше Величество, мы-то... мы думали, вы еще в Руазеле... злого умысла не имели, Ваше Величество... Простите, Ваше... — запинаясь, бормотал тучный капитан стражи, за спиной которого вытянулись в струнку владельцы лохматой головы и головы в шлеме. Конан окинул их взглядом и сплюнул.

— Почему так рано закрыли ворота?

— Таков приказ... Только сегодня получили... В городе беспокойно, Ваше Величество,— вот и решено ворота закрывать до захода солнца,— сообщил начальник караула.

— Только этого не хватало.— Конан устало провел рукой по лбу и тронул лошадь с места.

— Ваше Величество, а ваша свита когда подъедет? Ворота-то закрывать? — донесся до путников растерянный голос офицера.

Подождав немного и не получив ответа, он пожал плечами и на свой страх и риск велел закрывать ворота, так и не пришедшие в себя стражники исполнили приказ гораздо быстрее обычного.

Позже, сидя в караулке, офицер подумал, что если король, торжественно выехавший вчера во главе целого отряда, сегодня возвращается мокрый и грязный в сопровождении двух бродяг — то не надо быть премудрым астрологом, чтобы предсказать: страну ожидают нелегкие времена. И, тяжело вздохнув, офицер осушил последнюю на сегодня кружку эля.

Глава шестая

Разгром королевского отряда в Руазельском лесу потряс всю Тарантию. Люди были уверены, что правитель Аквилонии и его храбрые воины расправятся с нарушившими их покой демонами и жизнь вновь войдет в прежнее русло. Теперь надеяться было не на кого. Жрецы многочисленных столичных храмов без устали бубнили молитвы Подателю Жизни, но Митра, как всегда, молчал.

В Тарантии началась паника. Все, кто мог, бежали из города. Закрывались лавки и мастерские, пустовали пристани в порту, городской рынок становился все малоллюднее, в Университете воцарилось немыслимое дотоле спокойствие. Зато появилось немало бродяг, главным образом, крестьяне, бежавшие из разрушенных ночными тварями деревень.

Беднякам некуда было идти, на работу в объятom хаосом городе наняться было невозможно, и они целыми семьями просили милостыню на улицах. Нередко бывало, что, не в силах смотреть в голодные глаза своих детей, мирные земледельцы превращались в грабителей.

Среди аристократии тоже царило уныние. Знатнейшие дворянские семьи Аквилонии потеряли своих сыновей в Руазеле. При королевском дворе стало пустынно. Те, кто не погиб, уезжали в свои имения, уже не думая о чести и карьере. Из провинций все чаще доносились голоса, обвиняющие в смерти знатнейших вельмож страны короля

Конана. Намекали даже, что демоны — лишь удобное прикрытие для осуществления замысла аквилонского правителя расправиться с неудобными придворными.

Демоны стали в Тарантии и ее окрестностях делом обычным. Днем они где-то прятались, и люди могли вздохнуть свободно — но ночью неведомые твари, напоминающие то огромных бесклювых птиц, то лишенных шерсти волков, то крылатых гиен, выползали из своих убежищ и начинали охоту. Им было все равно, кто перед ними — собака, лошадь, взрослый или ребенок — они были способны сожрать любого, кто встретится им на пути. Казалось, эти создания Сета ведали лишь голод и злобу.

Вечером улицы города словно вымирали. Жители забивали досками окна и запирали двери тяжелыми засовами, чтобы хоть как-то уберечься от опасных тварей. Бродяги и бездомные крестьяне забирались в опустевшие дома, думая лишь о спасении собственной жизни. За самые удобные здания, которые могли послужить более надежным убежищем от демонов, велись кровавые драки. Утроенные караулы городской стражи предпочитали отсиживаться в немногочисленных открытых ночью кабаках, нежели бродить по темным пустынным улицам в тоскливом ожидании нападения безжалостных бестий.

Говорили, что демоны встречаются лишь в столице и ее окрестностях. В других городах жизнь текла своим чередом, нарушаемая лишь страшными рассказами беженцев из Тарантии. Поползли слухи, что это Митра карает аквилонскую столицу. Причин, спровоцировавших обычно снисходительного к людским грехам бога на столь жестокое действие, выдвигалось немало — пороки и гордыня столичных жителей, безнаказанность и спесь придворной аристократии, не желающей жить по общим законам, ересь, поселившаяся в сердцах аквилонцев. Новоявленные пророки, вознесшиеся на мутной волне всеобщего страха и безнадежности, проповедовали разнообразные учения, обычно бредовые, а зачастую и вовсе пахнущие культом Сета. Кое-кто призывал покориться демонам, дабы умилостивить пославшего их бога. Приверженцы этой идеи ночами выходили

на улицы в белых одеждах, готовые принести себя в жертву злобным тварям.

Один из пророков, объявивший себя не иначе как потомком Эпимитриуса, утверждал, что к нему явился сам великий старец и возвестил, что, пока корона Аквилонии принадлежит безродному варвару, не видать аквилонцам спокойной жизни и что всякие демоны и другие напасти будут терзать их, пока они позволяют властвовать над собой выскочке и бродяге. У этой секты появилось немало сторонников, скорее всего потому, что во всех грехах пророк винил короля, а значит, с него и надо требовать ответа. Стража пыталась изловить ретивого потомка Эпимитриуса — но каждый раз ему удавалось скрыться, а вслед стражникам летели камни и слышались проклятия ожесточившихся горожан.

Король Аквилонии был как никогда близок к отчаянию. Верховные жрецы лишь беспомощно разводили руками — они не знали причины обрушившейся на столицу напасти. Вызванные к Конану маги и прорицатели, сыпя труднопонятными для простого смертного словами, предлагали выходы один нелепее другого. Это приводило киммерийца в неопишемую ярость. Просперо настаивал на том, что необходимо собрать армию и вновь двинуться в Руазель, но Конан понимал, что бароны, чье доверие королю сильно пошатнулось, могут не поддержать своего правителя или даже повернуть войска против него. Король не мог избавиться от чувства вины за гибель придворных и солдат. Он метался по своим покоям, как раненый лев, постоянно спрашивал себя: «Что делать?» — и не находил ответа. Над дворцом нависла тень безысходности...

* * *

На женской половине королевского дворца царил уныние. Давно не было слышно девичьего смеха и пения, шутилых перебранок и веселого визга. Слухи, приходящие из города, были один другого страшнее, и женщины дрожали от страха даже под защитой каменных дворцовых стен и мечей стражников.

Белеза задумчиво сидела на парапете изящного фонтанчика, какие любят устраивать во дворцах Турана. Уже несколько дней в фонтане не было воды — даже дворцовые службы теперь стали работать из рук вон плохо. У ног Белезы пристроилась совсем юная девушка, темные волосы которой были уложены в замысловатую прическу. Ее можно было бы назвать идеалом красоты, если бы не одно обстоятельство — левый глаз девушки был зеленый, а правый — черный.

— Я так тревожусь за него, — вздохнула Белеза. — За эти два года на его лице прибавилось морщин. Как бы я хотела разгладить их своими руками... А ты была когда-нибудь влюблена, Виньела?

— Не знаю, — ответила девушка и покраснела. — Мне нравился один юноша, он жил по соседству... А у купца, привезшего меня в Тарантию, был такой симпатичный сын — и он все время мне подмигивал. Потом еще молодой гвардеец со светлыми кудрями — у него такое строгое лицо, мне иногда хочется погладить его по щеке, чтобы он улыбнулся...

— Все понятно, — засмеялась Белеза. — Ты отдашь свое сердце первому мужчине, который войдет к тебе... А как ты попала во дворец?

— Я не смогу развлечь тебя интересным рассказом. — Виньела виновато посмотрела на подругу. — Я родом из Арэнджуна, что в Заморе. Мой отец был писцом, уважаемым человеком. Соседи всегда обращались к нему, если нужно было составить завещание или написать прошение, — и он никому не отказывал. Потом мой отец умер, и мама, чтобы прокормить меня и пятерых моих братьев и сестер, день и ночь шила платья богатым дамам, а сама ходила в лохмотьях. Ее пальцы вечно были исколоты иглой, а глаза слезились, потому что у нас не было денег на покупку масла для лампы... Соседи отвернулись от нас, никто не помог даже горсточкой муки или черствой лепешкой. Маме советовали продать меня в один из «домов наслаждений» — но она сказала, что лучше умрет. А потом мама повздорила с одной госпожой из-за платья. Той не понравилось, как

пришит жемчуг, и она ругала нас, как рыночная торговка. Мама не выдержала и назвала ее старой жирной курицей, которую не сможет украсить даже платье, вышитое алмазами... — Девушка хихикнула, вспоминая случившееся. — А эта богачка взяла и сообщила жрецам, будто бы я ведьма и при ней превращалась в крысу и змею. Но я же не виновата, что у меня глаза разного цвета... Нас предупредил один добрый человек, и мы бежали. Нашей семье грозила страшная смерть. Нас спрятал аквилонский купец, следующий по Дороге Королей из Акита на родину. Мы ехали с его караваном до Дарема — это город в Коринфии. Там он помог маме и детям устроиться, а мне предложил ехать с ним в Тарантию. Я согласилась... Такой благородный человек этот купец!

— Не волнуйся, девочка, он получил немалое вознаграждение за то, что доставил тебя сюда, — насмешливо проговорила Белеза. — В нашем мире даже добрые дела совершаются ради выгоды.

Виньела потупилась и промолчала. Белеза улыбнулась и провела рукой по волосам девушки.

— Знаешь, к твоей прическе подойдет моя серебряная диадема с топазами. Я все равно не ношу ее. — Белеза порывисто встала: — Подожди, я принесу ларец, и ты примеришь... — И фаворитка короля скрылась за занавесями.

Виньела осталась сидеть у фонтана, задумчиво глядя куда-то вдаль. Неожиданно за легкой ажурной дверью, ведущей в сад, послышался шорох — будто кто-то скреб по дереву ножом. Девушка настороженно вскинула голову. Дверь с тихим скрипом приотворилась, из сада повеяло запахами ночных цветов и влажной земли — и в залу, шурша чешуйчатым брюхом по мраморному полу, вползло существо. Оно было раза в два больше девушки, уродливые кривые лапы с когтями оставляли грязные следы на светлом камне, огромный хвост угрожающе извивался. Плоская голова зверя с круглыми желтыми глазами поворачивалась, словно вынюхивая что-то. Из острозубой пасти время от времени высовывался длинный, раздвоенный, как у змеи, язык.

Виньела замерла, открыв рот от ужаса. Она даже не подумала о бегстве. Существо на мгновение замерло, пригнулось и проворно поползло к девушке. Его светящиеся глаза неотрывно смотрели на беспомощную жертву.

— Виньела, беги сюда! — Голос зингарийки вывел девушку из оцепенения.

Белеза стояла у входа в залу, держа в руках тяжелый бронзовый ларец. Поняв, что Виньела не успеет, фаворитка короля сделала несколько шагов и, замахнувшись, швырнула шкатулку в голову демона. Но на точный бросок сил девушки не хватило, ларец попал лишь в лапу зверя и раздробил ее.

Чудовище яростно зашипело, широко разинув пасть, и за его головой вздулся огромный капюшон ярко-алого цвета. Оставив Виньелу, демон прыгнул на новую жертву. Белеза увернулась и побежала вокруг фонтана, надеясь выскочить в другую дверь. Однако тварь оказалась проворнее.

Демон встал на задние лапы и хвост и рухнул на Белезу, придавив ее ноги к полу. Виньела истошно звала на помощь. Судорожно шарившая по полу рука Белезы ухватила медный подсвечник, и девушка из последних сил, преодолевая боль в переломанных ногах, ткнула своим оружием в круглый прозрачный глаз существа. Морда зверя залилась мутной слезью, чудовище вновь зашипело, вздув капюшон, и впилося зубами в плечо Белезы.

Подбежавшего к демону гвардейца сшиб с ног бешено извивающийся хвост твари. Вторым оказался Конан. Меч киммерийца снес капюшон чудовища и наискось с хрустом вошел в хребет, перерубив зверя пополам. Вытащив свою возлюбленную из-под издыхающего демона, король бережно уложил ее на ковер. Белеза едва дышала, ее ноги были перебиты, а рука и бок представляли собой сплошную рану. Ковер под девушкой быстро пропитывался кровью.

— Лекаря, быстрее! — крикнул Конан, с тревогой вглядываясь в бледнеющее лицо подруги.

Белеза открыла глаза и, с трудом повернув голову, посмотрела на короля.

— Как больно, — с трудом произнесла она. — Я не могу дышать...

— Сейчас, девочка моя, — ласково проговорил Конан, осторожно погладив ее по холодной щеке. — Потерпи еще немного.

— Скажи... — Лицо Белезы искривилось от боли, она застонала, но все равно продолжила: — Ты правда любишь меня... больше всех?

— Да, радость моя. Я шел, чтобы обнять мою маленькую Белезу, — прошептал король.

Пальцы девушки стиснули ладонь киммерийца, она еле слышно спросила:

— Больше... чем Белит?

— Больше, чем всех женщин мира! А теперь помолчи, девочка моя, не трать силы. — И Конан бережно убрал со лба подруги влажные от пота черные локоны.

— Хорошо... — Белеза устало закрыла глаза. — Теперь мне не страшно умирать...

— Что за глупости ты... — сердито начал Конан, но тут тело девушки изогнулось в приступе хриплого кашля, и на губах ее выступила кровавая пена. Отдышавшись, Белеза открыла глаза и пристально посмотрела в лицо королю.

— Я буду ждать... И на Серых Равнинах я буду помнить тебя, любимый... — Брови девушки страдальчески сдвинулись. — О боги, как больно... Поцелуй меня, Конан.

Киммериец наклонился и коснулся губами холодеющих губ возлюбленной.

— Белеза... — тихо позвал он, уже понимая, что не получит ответа. — Девочка моя...

Король поднял голову, невидяще глядя на уже бесполезного лекаря и толпящихся вокруг стражников. Кто-то сорвал легкие шелковые занавеси и укрыл ими тело девушки. Конан провел рукой по лицу, и на лбу осталась кровавая полоса. Внезапно киммериец со страшным рычанием схватил свой меч. Потрясенные гвардейцы и лекарь смотрели, как их король с бешеным остервенением рубит в куски тушу издохшего демона. Наконец Конан остановился и, тяжело дыша, повернулся к замершим в молчании поддан-

ным. С ног до головы забрызганный кровью и слизью чудовища, киммериец был похож на выходца из стигийских подземелий.

— Когда я доберусь до того, кто это устроил, то будь он хоть посланцем Сета, хоть святым Эпимитриусом — я задушу его голыми руками! — ни на кого не глядя, мрачно сказал король. — А вы, ублюдки, с сегодняшнего дня будете патрулировать улицы города по ночам. И если кто-нибудь из вас выживет, пусть возносит хвалу богам!

В дальнем углу залы безутешно плакала всеми забытая юная Виньела.

* * *

Принц Ольтен, младший сын короля Немедии, не ждал от жизни ничего. Нимед, его старший брат и первенец короля ожидал, когда умрет отец и корона перейдет к нему; Зинген ждал, не свернет ли горячо любимый брат Нимед шею на охоте, и тогда наследником будет он; третий брат Халлен ждал, когда послы сговорятся о его женитьбе на одной из принцесс Коринфии и он с помощью приданого жены наконец сможет расплатиться с многочисленными долгами. И лишь на долю Ольтена никаких надежд не осталось. Тем более, что матерью его была одна из младших наложниц короля — а значит, даже принц Тараск, его кузен, стоял к престолу ближе, чем сам Ольтен. Об этом знали все, и серьезно к юноше никто не относился. Поэтому Ольтен был очень удивлен, когда ему сообщили, что с ним желает говорить сам Тимон, тайный и доверенный советник его отца, которого боялись все, включая короля Немедии.

Говорили, что опытная повитуха, принимавшая роды у матери Тимона, взяв в руки хмуро глядящего на мир младенца, сразу определила — мальчик будет либо палачом, либо политиком — что, впрочем, порой одно и то же. Палачом Тимон стать не захотел и возвысился до положения королевского советника. Это был пожилой грузный человек, похожий на жирного вялого кота. Лицо Тимона не хранило даже тени воспоминаний об улыбке. О таких говорят: от их взглядадохнут мухи. Насчет мух сказать было труд-

но, но заговорщики, бунтовщики и прочие, несогласные с королем, дохли очень скоро.

Тимон ожидал молодого принца в своем кабинете. Сидя в глубоком, обшитом темным бархатом кресле, советник смотрел на юношу холодными голубыми глазами.

Равнодушно осведомившись о самочувствии Ольтена и задав еще пару незначущих вопросов, Тимон неожиданно, не меняя тона, спросил:

— Слышали ли вы, дорогой принц, о событиях, происходящих в Аквилонии?

Ольтен удивился. Да, он слышал о каких-то беспорядках в аквилонской столице. Но с тех пор, как короной этой страны завладел никому не известный варвар, там постоянно что-нибудь случалось.

— Я полагаю, мой молодой друг, вам было бы интересно узнать некоторые подробности. — Тимон открыл стоящий на столе железный ларец и вытащил несколько свитков. Недоумевающий Ольтен изобразил вежливое внимание. — Так, так... — Советник один за другим разворачивал свитки. — Цены на хлеб в Коринфии... Заговор в Офире... Новая фаворитка зингарского короля... Все не то... А, вот! Один уважаемый и надежный человек из Тарантии сообщает, — и Тимон внимательно посмотрел на принца, — что положение в аквилонской столице куда более серьезно, чем мы полагали. Неизвестные твари, которых здесь именуют демонами, нарушили спокойствие Тарантии. В городе грабежи и убийства, толпы бродяг наводнили улицы, власти столицы бессильны. Горожанам грозит голод, цены на еду немислимы. Растет число сторонников некоего потомка святого Эпимитриуса, который обвиняет во всем нынешнего аквилонского короля и призывает к бунту. Гибель большинства вельмож в Руазеле обескровила знать и восстановила баронов против своего сюзерена. — Тимон сложил свиток. — Что вы об этом думаете, дорогой принц?

— Думаю... почему же король Аквилонии не положит этому конец? У нас в Немедии подобное невозможно — отец тут же принял бы меры, а потомок Эпимитриуса давно бы висел на дыбе.

— Ваше уважение к мудрости нашего короля говорит о том, что вы добрый сын и подданный, — сказал Тимон, с трудом скрывая иронию. — Что ж, вот сообщение другого уважаемого человека, вхожего во дворец короля. — И Тимон начал читать следующий свиток: — Правитель Аквилонии не появляется на людях. Похоже, разгром в Руазеле и гибель любимой наложницы лишили короля Конана былой энергии и жизненной силы. Делами страны сейчас вершит Просперо Пуантенский, а король, как говорят, уединился в своих покоях, ничем не интересуется и находит утешение в вине... Что вы теперь скажете, принц?

Ольтен вздохнул и с тоской подумал, что Этелла опять устроит ему сцену за опоздание.

— Мне кажется, что, пренебрегая своими обязанностями, аквилонский правитель может вызвать бунт в городе или даже во всей стране и лишиться короны, как это случилось с Нумедидесом. — Молодой человек пожал плечами, недоумевая, для чего понадобилось Тимону спрашивать столь очевидные вещи.

— Вы, дорогой Ольтен, достойный сын вашего великого отца, — проговорил Тимон, и в его голосе юноше почудилась насмешка. — Однако сейчас вы, наверное, думаете: зачем этот выживший из ума старик спрашивает меня о простых вещах, как учитель нерадивого ученика? — И советник шевельнул уголками губ, что, при известных обстоятельствах, могло сойти за улыбку. Ольтен невольно покраснел. — Но, чтобы вершить судьбами империй, иногда приходится опускаться до простых вещей... Давайте продолжим наш разговор и представим, что к городу, находящемуся в столь плачевном состоянии, как Тарантия, приблизилось войско. Небольшое войско, ведомое смелым и дальновидным вождем... Не случится ли так, что измученный беспорядками город сам упадет в руки мудрого военачальника? — И Тимон опустил взгляд в бумаги. Ольтен задумался. К чему клонит старый лис? А может, это — та самая надежда, отсутствие которой всегда так удручало младшего сына?

— Я думаю, что такой военачальник вполне может добиться успеха, — осторожно ответил принц.

— Тогда давайте размышлять дальше. Предположим, этот военачальник — молодой военачальник! — настолько умен, что, завоевав столицу и избавившись от бесполезного короля, утопившего остатки разума в вине, наводит в городе порядок, обещает баронам этого государства прежние вольности, налаживает отношения с купцами и, таким образом, добивается уважения знати и народа... Может ли он претендовать на корону страны, которую не смог удержать его предшественник-варвар?

У Ольтена сильно забилося сердце. Претендовать на корону... Ему и во сне не могло привидеться такое. Младший сын короля сам становится королем сильной державы! Отец наверняка поможет ему, поняв, насколько выгодно его воцарение на престоле Аквилонии. Молодой военачальник.. Ольтен почувствовал, как от столь многообещающих перспектив у него закружилась голова.

Тимон бесстрастно ждал, пока его собеседник свыкнется с новой для него мыслью.

— Я вижу, дорогой принц, что вам надо обдумать наш разговор, — сказал наконец советник и захлопнул ларец, заставив Ольтена вздрогнуть. — Но необходимо торопиться, удача любит стремительных...

— Я... я готов выехать хоть завтра! — вскричал принц, его глаза горели предчувствием великих свершений — Я поговорю с отцом и...

— Полагаю, не стоит беспокоить короля известием о нашем маленьком разговоре, — многозначительно произнес Тимон.

— Я понял, — столь же многозначительно ответил Ольтен и глупо улыбнулся. — Молодой военачальник сделает все сам! Благодарю вас, советник, за столь поучительную для меня беседу. Я ваш должник, дорогой Тимон! — И молодой принц стремительно побежал навстречу своей надежде.

Некоторое время советник сидел, углубившись в свои мысли. В глазах его мерцали хищные огоньки, как у кота, поймавшего в ловушку глупую мышь. Наконец он протянул руку с большим агатовым перстнем на указательном

пальце и взял серебряный колокольчик. Явился секретарь, бледный и невыразительный, как куст лопуха у дороги.

— Садись и пиши, Зуль,— приказал Тимон и побарабанил пальцами по крышке ларца.— «Дорогой мой государь! С прискорбием сообщаю, что разговор мой с принцем Ольтею не возымел на оного должного действия. Ваш сын, наделенный храбростью льва, но пока лишенный приходящей с возрастом мудрости...» Ты пишешь, Зуль? — Тимон строго посмотрел на подчиненного, разглядывающего упавшую в чернильницу муху.

— Да, господин советник! — заунывным голосом ответил Зуль и, оставив муху на произвол судьбы, поднял перо.

— «...мудрости, решил во что бы то ни стало добиться вашего благорасположения и захватить объятую паникой аквилонскую столицу, дабы сместить с престола короля Конана. Трудности в достижении этого, на которые я указал, как более старший и опытный царедворец, не остановили принца, чья решительность и смелость известны всем. Впрочем, смею предположить, что порыв вашего сына можно обратить на пользу Немедии. Если принц Ольтею добьется успеха — о чем мы будем горячо молиться вместе с жрецами — мы поддержим его регулярными войсками и навсегда укротим Аквилонию. И тогда, лишившись серьезных соперников, наша страна будет процветать под мудрой рукой Вашего Величества. При другом же исходе, который наполнит наши сердца черной печалью и о котором мы не будем даже думать, правитель Аквилонии не сможет предъявить нам претензий, поскольку принц Ольтею действовал без согласия и поддержки своего короля, который сожалеет о случившемся. Учитывая вышеизложенное, мое нижайшее мнение таково: не стоит мешать принцу осуществить его честолюбивые юношеские планы. Надеюсь на одобрение Вашего Величества и остаюсь вашим преданным слугой». Записал, Зуль?

Секретарь уныло кивнул и украдкой заглянул в чернильницу, чтобы справиться о состоянии мухи. Насекомое вяло шевелило лапками в черной жиже и всем своим видом молило о помощи.

— Запечатай письмо моей личной печатью и отправь гонца во дворец, Его Величеству королю Немедии. Выполняй, Зуль! — И, тяжело поднявшись с кресла, советник направился к выходу. Секретарь тотчас сунул в чернильницу перо и выловил муху. Положив ее на лист бумаги и полюбовавшись, как она благодарно трепещет крылышками, Зуль аккуратно прихлопнул ее мешочком с песком и испуганно дернулся, услышав от дверей голос Тимона:

— Да, Зуль. Напомни вечером, чтобы я распорядился выделить достойное вознаграждение «потомку святого Эпимитриуса».

Глава седьмая

Наконец Вайд въехал в ворота Тарантии. Купеческая галера, на которой он рассчитывал добраться до аквилонской столицы, застряла в Плоэрмеле, пуантенском городке, расположенном неподалеку от слияния Хорота и Тайбора. Хозяин галеры, смущаясь и бормоча что-то о неотложных торговых делах, вернул Вайду заплаченные за проезд деньги.

От матросов Вайд узнал, что до купца дошли слухи о происходящих в Тарантии беспорядках и хозяин решил не рисковать и сбыть товар в более спокойных городах, например в Шамаре. Владельцы и капитаны других кораблей, в невиданном ранее количестве скопившихся в Плоэрмеле, придерживались того же мнения, и Вайд со вздохом распрощился с надеждой на легкое и безопасное путешествие по реке. Пришлось купить лошадь и под радостные возгласы избавленного от палубной скуки Тао двинуться по Дороге Королей.

Вайд внимательно прислушивался к разговорам случайных попутчиков, надеясь разузнать что-нибудь полезное для своих поисков. Чем ближе он подъезжал к Тарантии, тем тревожнее становились новости. Все больше попадалось людей, бегущих из столицы и ее предместий. От них Вайд услышал невероятные истории о крылатых демонах, о лишенных шерсти волках, разрывающих людей в клочья прямо на улицах города, об огромных чудовищах, способных без труда разрушить целый дом.

Вайд не знал, что и думать. Настало время посоветоваться с Лабиринтом. Обычно Лабиринт сам находил своего Хозяина, чтобы побеседовать, и Вайду иногда казалось, что могущественное создание неведомого бога нуждается в человеке больше, чем Вайд в нем. Но сейчас молодому кордавцу необходимы были знания своего таинственного друга.

В знойный полдень Вайд и Тао свернули с дороги и устроили привал в небольшой тенистой рощице. Тао вальяжно разлегся в траве и, умиротворенно вздохнув, закрыл глаза. Звенела мошकारа, негромко пересвистывались птицы, с дороги изредка доносился скрип проезжающей повозки и фырканье усталой лошади. Вайд прислонился спиной к теплomu буковому стволу, посмотрел в белесое от жары небо и мысленно позвал:

— Лабиринт...

Ответ пришел тотчас же:

— Я слышу тебя, Вайд. Как продвигаются поиски?

— Кажется, мы на верном пути.— Вайд невольно сказал «мы», чтобы убедить самого себя, будто он не один едет навстречу опасности.— В последнее время в столице Аквилонии расплодились какие-то демоны, поедающие людей и животных. Их появление связано с Порталом, или это развлекается какой-нибудь колдун?

— Что угодно можно связать с чем угодно — необходимо лишь постичь эти связи.

Вайд невольно хмыкнул, удивляясь способности Лабиринта запутать ответ на самый простой вопрос, а тот невозмутимо продолжал:

— Существа, названные тобой демонами, могут быть обитателями чуждой сферы, проникающими сюда сквозь открытый Портал. Хотя маг, сумевший нарушить целостность сфер, способен наслать на город порожденных им созданий. Но сейчас я чувствую Портал гораздо сильнее — ты приближаешься к нему...

— Ладно, откуда взялись демоны — это потом,— пробормотал Вайд, слегка досадуя на туманность выражений Лабиринта.— Можно ли открыть Портал прямо в городе?

— Вероятность подобного события не исключена, однако неизбежны последствия — полное уничтожение города и гибель многих жителей. Слишком сильны магические взаимодействия, используемые для этого.

— О разрушениях в Тарантии я не слышал. Значит, Портал находится не там. — Вайд облегченно вздохнул — хоть один из множества мучивших его вопросов нашел разрешение — и продолжил размышлять: — Но если демоны лезут из Портала — он должен находиться рядом со столицей... — Вайд невольно оглянулся, словно ожидал увидеть таинственное сооружение за ближайшим кустом. — Лабиринт, а как выглядит Портал?

— Он может выглядеть как угодно. Когда увидишь Портал — ты сразу поймешь, что это он.

— Остается малость — увидеть его, — усмехнулся Вайд. — Надеюсь, после я смогу с кем-нибудь поделиться своими впечатлениями...

Окрестности аквилонской столицы навевали уныние. И даже в полупустых селениях невозможно было устроиться на ночлег — хозяева не пускали незнакомцев, опасаясь озлобленных беженцев из города. Памятуя рассказы встречавшихся ему тарантийцев, в лесу Вайд ночевать не решил — и провел последнюю ночь в заброшенном сарае, боясь заснуть и держа в руках метательные ножи. Пища в этих краях ценилась дороже золота, и Вайду удалось раздобыть себе на завтрак лишь краюху хлеба с сыром, за которую пришлось отдать изумрудное кольцо редкой работы, купленное в Мессантии. Тао куда-то исчез, сообразив, что Вайд снимает с себя заботы о его пропитании, а вернувшись, долго, как сытая кошка, умывался розовым язычком и лапами. Вайд предпочел не спрашивать, чем позавтракал его маленький друг.

И вот наконец Вайд прибыл в столицу Аквилонии. Стражник у городских ворот в изумлении воззрился на путника, осмелившегося приехать в Тарантию.

— Тебе что, парень, жизнь надоела? — не выдержав, поинтересовался солдат. — Не знаешь, что у нас тут творится?

— Знаю, — невозмутимо ответил Вайд. — Вот я и приехал спасать вас от демонов.

Оценив шутку, стражник захохотал.

— Ну ладно, спасай. За это с тебя даже въездную пошлину не возьмут. Впрочем, сборщик пошлины уже четвертый день не приходит... — Караульный снял шлем и вытер потный лоб. — Нас тут шестеро должно быть, да еще офицер — а остался я один, остальные сбежали, — доверительно сообщил стражник Вайду. — После Руазеля не только горожане — бывалые солдаты бросают службу и думают лишь о собственной шкуре.

— После Руазеля? — осторожно переспросил Вайд.

— Ты что, еще не слышал? — опять удивился стражник и красочно описал разгром королевского отряда в руазельском лесу. Вайд сочувственно поддакивал, в нужные моменты изображая ужас и негодование. Из рассказа явственно следовал один бесспорный вывод — последнее время персона короля не вызывает в столице особой любви и уважения.

— Меня ребята с собой звали, да я отказался, — сказал стражник и понизил голос до шепота: — Потому что ночью лучшего убежища, чем крепостные башни, не сыскать, это я тебе точно говорю! Бойницы узкие, демону ни в жисть не пролезть, стены каменные, на дверях железные засовы — вот я и сижу тут безвылазно. Однажды демоны прямо под башней человека загрызли! Так орал, бедняга... А я ничего, жив пока. Скучно только одному. — Стражник снова хлопнул шлем. — Если что — приходи, на двоих здесь места хватит. Видно, что ты человек благородный, не пристукнешь меня из-за черствой лепешки...

Вайд поблагодарил и тронул поводья. Вслед ему донеслось прощальное напутствие солдата:

— За собачкой своей приглядывай! А то сожрут!..

Город являл собой печальное зрелище. Людей на улицах было мало, да и те норовили побыстрее прошмыгнуть мимо. Окна заколочены, двери плотно закрыты. Городскую стражу Вайд ни разу не видел — похоже, встреченный им солдат ничего не преувеличил, и дезертирство здесь процветало. Зато попадались многочисленные подозрительного вида

бродяги, мрачно поглядывавшие на Вайда. Неожиданно выскочивший из проулка нищий бросился к Вайду и вцепился в поводья его коня.

— Добрый человек, отдай мне лошадку, — забубнил бродяга, заискивающе заглядывая Вайду в лицо. — У меня жена на сносях и четверо деточек, три дня не ели... Мы честные земледельцы... Зачем тебе лошадка, добрый господин? Помоги моей несчастной семье...

Преодолевая жалость, смешанную с отвращением, Вайд оттолкнул нищего. В пустых голодных глазах человека появился безумный блеск.

— Мы честные земледельцы, господин, честные земледельцы!.. — Бормоча как заведенный, бродяга вытащил из своих лохмотьев нож и, занеся руку для удара, кинулся на всадника. Тао прыгнул нищему на плечи и повалил ослабевшего от голода беднягу в пыль, разорвав его хламиду, которая тут же начала пропитываться кровью из ран, оставленных острыми когтями и зубами маленького демона. Вайд прищипорил коня, стараясь не слышать горестных воплей бродяги. Тао молча трусил рядом.

Проплутав по городским улицам в поисках гостиницы, Вайд уже подумывал о том, чтобы занять один из пустовавших домов, как вдруг будто холодная волна накрыла его. Вайд натянул поводья и остановил лошадь. Холод не исчезал. Словно рядом находилось что-то чужое и опасное, и он чувствовал его грозное дыхание.

— Тут что-то не так, — заявил Тао, сев на задние лапы и настороженно приплюсываясь.

Вайд огляделся. Они стояли напротив каменного двухэтажного здания, которое явно принадлежало богатому человеку. Некоторое время Вайд пытался понять, что остановило его, и наконец сообразил: в отличие от других строений города, окна каменного дома не были заколочены. На втором этаже даже светился еле заметный огонек.

— Они что, совсем демонов не боятся? — недоуменно спросил Вайд неизвестно кого.

Спешившись, Вайд подошел к массивной дубовой двери и тронул бронзовую ручку в виде оскаленной драконьей

головы. Дверь была заперта. Тао втянул воздух трепещущими ноздрями.

— В доме кто-то живет, и сейчас они внутри, — сообщил маленький демон и взглянул на друга. — Мы войдем туда?

Вайд отрицательно покачал головой. Ощущение опасности не покидало его. «Пожалуй, надо бы выяснить, кто здесь обитает и чем занимается», — быть может, эта мысль была не слишком разумна, но Вайд давно привык полагаться на свою интуицию. Молодой человек осмотрел улицу. Дома отличались добротностью — в этом квартале обитали состоятельные тарантийцы. Теперь большинство строений стояли заколоченными или запертыми — их хозяева бежали из города. Вайд и Тао подошли к небольшому уютному на вид домику, стоявшему напротив таинственного здания. После некоторых усилий замок на двери удалось сбить — и путешественники очутились внутри чужого жилища. Там было темно и пыльно, вещи раскиданы где попало — видно, хозяева уезжали в большой спешке. К радости Вайда обнаружилось, что в доме есть подвал.

— Тут и будем жить, — сообщил молодой человек маленькому демону. Тао заглянул в пахнущий плесенью подвал, и на его подвижной мордочке явственно отразилось крайнее отвращение.

— А ты не можешь сотворить какую-нибудь магическую защиту от этих тварей? Тогда не надо будет лезть в такую сырость... — Тао вопросительно взглянул на спутника.

— Может, и смогу. Но тогда я не смогу ничего другого. Лучше побережь силы — похоже, они нам еще понадобятся. — Вайд потрепал своего друга по черному гладкому загривку.

— А может, Лабиринт... — начал Тао. Вайд махнул рукой:

— Лабиринт помогает, когда считает нужным. А я с детства придерживаюсь мудрого правила — рассчитывай только на себя. Может, поэтому я до сих пор жив. Так что полезай-ка в подвал, маленький привереда. Заодно убеди тамошних крыс найти себе другое жилище.

Эту ночь Вайд и Тао провели на позаимствованной у хозяев дома перине, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться в промозглой подземной сырости. Прислушиваясь к мерному сопению друга, Вайд вглядывался в крошечную тьму, и порой ему чудилось, будто кто-то настойчиво скребется в запертую на тяжелый засов крышку подвала.

* * *

На следующий день Вайд и Тао отправились на базар, чтобы продать ставшую обузой лошадь и купить еды. Памятуя о мрачных бродягах, Вайд нацепил на видное место перевязь с метательными ножами и привесил сбоку изящный кинжал с затейливо вырезанной костяной рукоятью. Однако больше он надеялся на силу и проворство своего спутника.

На базаре было немногочисленно. Горожане приходили сюда, чтобы обменять свои вещи хоть на какую-нибудь пищу или за баснословные деньги купить у подозрительного вида детин невест как доставленные в столицу муку и мясо. Вайд шел по базару, крепко сжимая повод своей лошади, и смотрел на жителей некогда гордой Тарантии.

Вот грустная женщина держит в худых руках платье из нарядной тафты, рассказывая чернобородому мужчине с парой блестящих кожаных сапог, что прошлой ночью на соседей напал демон, те отбились, да только тварь все-таки убила невестку соседа, сегодня хоронят. Мужчина покивал и поведал, что в их квартале демоны давно не появлялись, а вот лихие люди ограбили на днях сразу несколько семей, прямо среди бела дня, и теперь им совсем нечего есть, его собственный сын уже не может встать на распухшие от голода ноги. Девочка лет восьми протянула Вайду аляповатое серебряное ожерелье и умоляюще прошептала: «Купи, господин... Мама болеет, есть нечего...» Вайд сунул ей несколько золотых монет, не думая о том, что завтра может оказаться в том же положении. Встрепанный парень с разбитой губой обнимал хрупкую коринфскую вазу, явно краденую, и затравленно поглядывал по сторонам. Целое семейство, грязное и донельзя оборванное, располо-

жилось в пыли. Дети с усталой покорностью протягивали к прохожим сложенные горстью ладошки, их мать безнадежно пыталась выцедить из высохшей груди хоть каплю молока для завернутого в тряпки младенца. Поодаль дюжие мужики методично били тощего подростка, попытавшегося стащить горсть зерна. Никто даже не смотрел в их сторону.

— ...а после Руазеля стало совсем худо, — услышал Вайд и невольно оглянулся. Солдат в порванной форме дворцового стражника продавал арбалет с набором стрел и втолковывал высокому степенному мужчине, разглядывавшему его товар: — Если король сотню людей в Руазеле положил и с горя запил — это его дело, а я с голода пухнуть не собираюсь. У нас, господин, и мечи имеются, из самой королевской оружейной. Только тем, кто обращению с мечом не обучен, из арбалета легче...

Снова Руазель... Красивое название незнакомого леса прочно засело в голове Вайда и почему-то тревожило. Вайд поинтересовался у старика с двумя бронзовыми светильниками, далеко ли до этого самого Руазеля.

— Четыре лиги от города, — сказал старик и недобро усмехнулся. — С утра выедешь — к вечеру там и будешь...

Обменяв лошадь на мешок муки, два мешка чечевицы и кусок мяса и стараясь не думать о дальнейшей судьбе несчастного животного, Вайд и Тао направились домой. Подходя к своему новому жилищу, Вайд увидел, как открывается дверь таинственного двухэтажного дома. Молодой человек ухватил Тао за рог и затащил в переулок.

Из дома вышел пожилой человек с корзиной — судя по всему, слуга — в сопровождении огромного мускулистого детины с черной повязкой на лбу. Из-за плеча детины торчала рукоять длинного меча, а в руке он нес дубинку с цепью, на конце которой висел усаженный шипами металлический шар. За поясом мрачного громилы торчали рукоятки двух странноватого вида кинжалов — один покорежен, с лезвием шириной почти в две ладони, другой подлиннее, с клинком, похожим на изогнутый язык пламени. С таким спутником можно было не бояться ни демонов, ни бродяг.

Странная пара скрылась в конце улицы, а дверь снова плотно закрылась.

— Не хотел бы я встретиться с этим парнем на узкой дорожке, — пробормотал Вайд, покидая свое укрытие. Возмущенный столь бесперемонным обращением хозяина, Тао, сопя от обиды, молча шел за ним.

Следующий день прошел тихо. Тао спал, Вайд жарил лепешки, вместо дров используя мебель, и наблюдал за подозрительным домом — но из него никто не выходил. Видимо, слуга и телохранитель закупают еду для своего хозяина сразу на несколько дней, а сам таинственный обитатель не покидал пределы своего жилища. Вайд понял, что, наблюдая за стеной дома напротив, он ничего не узнает. Оставалось одно — каким-то образом пробраться в дом. Причем желательно в отсутствие громилы.

Через день, уныло хлебая чечевичную похлебку и давясь пресной лепешкой, Вайд заметил, что тяжелая дубовая дверь опять отворяется. Слуга с корзиной и телохранитель вышли из дома. Отбросив ненавистную лепешку и приказав Тао ждать его здесь, Вайд осторожно вышел на улицу. Она, как всегда, была пустынна. Прикинув, сколько времени понадобится слугам, чтобы дойти до базара, купить еду и вернуться, Вайд направился к зданию, что примыкало к интересовавшему его дому. Доски, закрывающие окна на первом этаже, были оторваны — это он заметил еще вчера. Видимо, путь Вайду расчистили грабители. Он подтянулся, влез в разбитое окно и, поднявшись по витой лесенке, начал искать путь на крышу.

Вскоре он обнаружил люк, ведущий на чердак. Высувшись в чердачное окно, Вайд увидел, что крыша соседнего дома как раз под ним. Не раздумывая, молодой человек вылез в окно и, повиснув на руках, мягко спрыгнул на плоскую крышу. Свесившись с крыши, Вайд осмотрел дом. Окна со вставленными в переплет толстыми мутными стеклами не позволяли рассмотреть, что делается внутри. Но на первом этаже Вайд увидел маленькую дверь, выходившую во внутренний дворик, где были сложены дрова и на некоем подобии клумбы росли чахлые цветочки. Дворик был об-

несен высокой каменной стеной. Зоркий глаз Вайда обнаружил на ней трещины и выбоины, с помощью которых ловкому человеку удалось бы выбраться на улицу. Через минуту молодой человек уже был во дворе и притаился за поленницей. Но, похоже, его появление не нарушило покоя обитателей дома — навстречу ему никто не спешил.

Подойдя к двери, покрашенной в отвратительный ярко-зеленый цвет, Вайд подергал ручку, заранее предполагая, что дверь заперта, — иначе он просто испугался бы собственной везучести. Но дверь оправдала его ожидания, и Вайд задумался. Во времена бесшабашной молодости ему приходилось общаться с кордавскими взломщиками, и он вынес кое-что полезное из поучительных бесед об их древнем и тяжком ремесле. Вытащив предусмотрительно захваченную из Зингары отмычку, Вайд покопался в замочной скважине, что-то щелкнуло, дверь открылась, и он, крадучись, вошел внутрь.

В доме было тихо. Вайду казалось, что стук его сердца поднимет на ноги весь квартал. Он огляделся, сам не зная, что надеется найти в этом загадочном доме, но «это» наверняка следовало искать на половине хозяев.

Вайд осторожно поднялся на второй этаж по невыносимо скрипучей лестнице. Достигнув последней ступени, он облегченно вздохнул и хмыкнул, подумав, что похож на перетрусившего неопытного воришку, который впервые решил самостоятельно обчистить дом. По-прежнему никто не подавал признаков жизни, и Вайд решил, что все покинули жилище, давая ему возможность спокойно во всем разобраться.

В коридор выходило три двери. Вайд наугад выбрал ту, что была подальше, и приоткрыл ее ровно настолько, чтобы в щель можно было хоть что-то разглядеть. Похоже, в комнате никого не было. Решив рискнуть, Вайд отворил дверь и вошел внутрь.

Он оказался в спальне. Усталая мягкими перинами величественная кровать под тяжелым балдахином занимала едва ли не половину вместительной комнаты. Изящный черепаховый столик, инкрустированный золотом, был

установлен хрустальными флакончиками с мазями, притираниями и благовониями. Рядом с кроватью возвышался золотой подсвечник в виде танцовщицы, чьи развевающиеся одежды кокетливо приоткрывали крепкую маленькую грудь. На толстом пушистом ковре небрежно валялся шелковый халат. Изумрудные павлины насмешливо взирали с халата на непрошеного гостя. По виду спальни было совершенно невозможно определить, кто ее хозяин — мужчина или женщина, но Вайд почему-то решил, что мужчина.

«Да, владелец этого дома привык ни в чем себе не отказывать», — с легкой завистью подумал он, и ему отчаянно захотелось бежать из сырого мрачного подвала в свой уютный и роскошный домик под Кордавой.

Не найдя в спальне ничего полезного, Вайд решил, что пора продолжить осмотр дома, и направился было к выходу, как вдруг алая бархатная портьера, прикрывающая не замеченную им дверь, колыхнулась и в комнату вошла девушка с костяным резным ларчиком в руках.

Несколько мгновений Вайд и девушка оторопело смотрели друг на друга. Потом Вайд улыбнулся и приложил палец к губам. Взгляд девушки выражал полную растерянность.

— Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого, — шептал Вайд первое, что пришло ему в голову. Подобные слова, сказанные незнакомым мужчиной, забравшимся в чужую спальню, звучали не очень убедительно, но придумывать другое было некогда. Вайд прикидывал, успеет ли он допрыгнуть до девушки, прежде чем она поднимет шум. Но, вопреки его ожиданиям, девушка не закричала, а достаточно уверенно спросила:

— Ты ищешь здесь золото?

— Нет, — честно ответил Вайд и вдохновенно продолжил: — Моя семья не видела еды уже четыре дня. Мама больна, распухла от голода. Сестра — она такая же красивая, как ты, — лежит бледная и слабенькая, а раньше все пела и смеялась. Младший брат плачет и просит хлеба. Отец поседел от горя... — Вайд даже сам растрогался от

сказанного и хотел было поведать об исхудавшей жене и трех несчастных малютках, но девушка серьезно сказала:

— Ты совсем не похож на нищего. Почему же твоя семья голодает?

— Весь город сейчас голодает. Даже богачи могут купить лишь горстку муки, — ответил Вайд и удивился: — Разве ты не знаешь?

— Я никуда не выходила уже почти месяц, — сказала девушка. — Мой господин говорит, что в Тарантии опасно, и не пускает меня на улицу. Я не знала, что там голод...

— Может, здесь и про демонов ничего не слышали? Тот я смотрю, окна у вас не заколочены, — попытался пошутить Вайд.

— Когда я в последний раз была на базаре, там болтали о каких-то демонах, — припомнила девушка и пожала плечами. — Но у нас эти демоны не появлялись. А Юшала ничего мне не рассказывает... Ты хочешь, чтобы я дала тебе еды?

Вайд подивился смелости девушки, которая не только не позвала своего хозяина, чтобы он разобрался с вором, но еще и предложила ему помощь.

— А... твой господин не разгневается? — осторожно осведомился Вайд.

— Его нет дома, — беспечно ответила девушка и, спокойно пройдя мимо Вайда, поставила ларец на столик. — К тому же он так занят, что не интересуется запасами нашей кладовой.

— Твой господин — тот сухой старикашка, что ходит вместе с обвешанным железом парнем? — спросил Вайд и, спохватившись, добавил: — Я видел, как они шли по этой улице.

— Нет. — Девушка звонко рассмеялась и, открыв ларец, начала доставать оттуда флакончики и расставлять их на столике. — Этот старикашка — Юшала, слуга моего господина. А другой, обвешанный железом, — его телохранитель Шеки. Он был лучшим бойцом в Шадизаре и стоил моему господину немалых денег... Не бойся, Юшала и Шеки сейчас на базаре. Я одна в доме.

Вайд порадовался своей удаче и снова удивился доверчивости или глупости девушки, которая не выказывала ни беспокойства, ни страха.

— Моего господина зовут Бен-Аззарат, он маг и алхимик из Шема,— продолжила девушка и, неловко повернувшись, смахнула маленький флакончик на пол. Вайд быстро нагнулся, поднял изящную вещицу и протянул девушке. Она благодарно улыбнулась.

— Каждый день вожусь с этими мазиями и притираниями. Мой господин уже немолод и следит за своим здоровьем,— сказала девушка и невольно вздохнула. Вайд посочувствовал ей, такой юной, вынужденной сидеть взаперти и ублажать капризного старика. И тут его словно ударило. Маг из Шема... Маг.... Не зря Вайд ощущал присутствие враждебной силы! Может статься, хозяин девушки — безобидный врачеватель или предсказатель будущего, но, сам не зная почему, Вайд чувствовал, что все не так просто.

— Твой господин не боится ходить по улицам без телохранителя? — Вайд постарался, чтобы голос не выдал его заинтересованности.

— Он не ходит по улицам,— спокойно ответила девушка.— Он же маг! Он запирается у себя в комнате и отправляется, куда ему нужно. То есть его тело остается здесь, а душа странствует разными путями... Честно говоря, я мало в этом понимаю.

Вайд постарался изобразить соответствующие сообщению восторг и ужас.

— И тебе не страшно жить с колдуном?

Девушка вновь пожала плечами:

— В своей жизни я знала вещи и пострашнее... Подожди, я схожу, принесу для вас что-нибудь поесть.

Пока девушка отсутствовала, Вайд стоял у окна, готовый при малейшей опасности выскочить наружу. Но шума в доме не было, девушка вернулась одна и принесла с собой небольшую корзинку.

— Здесь хлеб, лепешки, вино и немного вяленого мяса.— Девушка протянула корзинку покрасневшему и бормочу-

щему слова благодарности Вайду.— Надеюсь, твоей сестре будет лучше...

— А... часто твой хозяин странствует... ну, всякими путями? — невинно поинтересовался Вайд.— Моя сестра наверняка захочет, чтобы я сходил и поблагодарил тебя...

Девушка взглянула на него и непонятно улыбнулась:

— Обычно раз в пару дней. Но пока в доме Юшала или Шеки, тебе опасно здесь появляться. А они пойдут на базар лишь дня через три...— Девушка задумалась, и лицо ее просветлело.— Сможешь пробраться завтра вечером на задний дворик? Тот, что огорожен стеной? (Вайд с готовностью кивнул.) Я буду ждать тебя там. Я частенько выхожу туда, чтобы подышать воздухом и поухаживать за цветами. Мой господин обычно даже на первый этаж не спускается, Шеки целый день спит, а Юшале я дам немного вина — и он отправится в свою каморку. Я приготовлю для твоей семьи еще чего-нибудь... И ты расскажешь мне о здоровье твоей сестры и о том, что творится в городе.

Девушка проводила Вайда вниз и выпустила через дверь, выходящую во дворик. Уже на пороге Вайд догадался спросить:

— А... как твое имя?

— Дайана,— просто ответила девушка и кивнула на прощание.

Не успела дверь закрыться, а Вайд уже точно знал, что, даже если сто кровожадных демонов во главе с разъяренным Шеки захотят помешать ему, он все равно придет сюда завтра. И не только потому, что таинственный шемитский маг Бен-Аззарат может быть связан с Порталом.

Глава восьмая

Вайд уплетал подаренные лепешки, которые не шли ни в какое сравнение с его собственными, запивал их кисловатым вином и размышлял.

Он думал о Бен-Аззарате. Что понадобилось шемиту в аквилонской столице? Отчего маг, судя по всему, человек состоятельный, не бежал из Тарантии, как многие его соседи, а остался в опасном городе? Почему он не позаботился о том, чтобы заколотить окна? Но Дайана сказала, что демоны ни разу их не тревожили...

...А у нее такой необычный цвет волос. Когда она выпла во дворик, лучи заходящего солнца зажглись в ее локонах красной медью...

Да, демоны их не тревожили — может, Бен-Аззарат отгоняет тварей с помощью своего искусства? Вайд твердо усвоил одно из главных правил магии: необходимо хорошо знать предмет, к которому ты собираешься приложить свое колдовство, иначе последствия будут непредсказуемы. Лабиринт повторял это много раз, и потому Вайда не удивляло бессилие аквилонских магов против непонятной им напасти. Значит, Бен-Аззарату известно о демонах больше, чем остальным?..

...И какая удивительная улыбка у этой девушки. Знакомые ему кордавские женщины не способны так солнечно улыбаться. Нет, этот похотливый колдун определенно заслуживает, чтобы ему на голову свалился какой-нибудь демон и избавил Дайану от такого хозяина! Вайд подумал,

что он сам с удовольствием взял бы на себя роль этого демона...

Но сначала необходимо разузнать, связан ли шемитский маг с открывшимся в Аквилонии Порталом.

Вайд плеснул себе вина и продолжил размышлять. Он должен взглянуть на убежище Бен-Аззарата! Его знаний вполне хватит, чтобы разобраться, каким именно колдовством занимается шемит. Без помощи Дайаны ему не обойтись. Но как убедить девушку пойти против ее господина? Особенно после того, что он наплел о своей голодающей семье... Вайду опять стало стыдно, и вино показалось ему совсем прокисшим.

— Я хочу есть, — тихо сказал Тао.

Ничего, он что-нибудь придумает, чтобы не потерять доверия Дайаны! И, улыбаясь, Вайд представил, как сегодня вечером девушка выйдет к нему из маленькой двери, покрытой замечательной зеленой краской...

— Я хочу есть! — громко и почти с вызовом повторил Тао. Вайд недовольно посмотрел на маленького демона.

— Так иди и поешь, — посоветовал молодой человек своему спутнику и собрался вновь вернуться к своим мыслям. Но Тао упорствовал:

— После того, как ты вернулся из дома колдуна, ты все время о чем-то думаешь. То хмуришься, то улыбаешься, как глупец. Ты бы лучше обо мне подумал! Я же не могу кормиться твоими лепешками! Мне нужно сырое мясо. А крысы еще вчера разбежались, да и тощие они совсем, не наешься...

Вайд тяжело вздохнул и в который раз пожалел, что маленький демон умеет разговаривать.

— Тебя легче убить, чем прокормить. Ладно, пойдем в город, попробуем раздобыть тебе мяса, маленький обжора...

Подходя к знакомому уже базару, Вайд увидел небольшую толпу, слушавшую оратора — аскетичного вида мужчину со впалыми щеками и глубоко посаженными светлыми глазами, одетого в длинную хламиду.

— Жители славного города! Доколе вы будете терпеть безрадостное существование? — надрывался оратор, траги-

чески выламывая белесые брови и трясая деревянным посохом. — Демоны пожирают детей ваших, голод уносит жен ваших, честность и трудолюбие бесправны и унижены! Сердце спящего в тайной могиле всевидящего Эпимитриуса обливается слезами за вас, его несчастных детей!

— Это кто? — поинтересовался Вайд у стоящей рядом женщины.

— Это — потомок! — со священным трепетом ответила та.

— Какой потомок? — не понял Вайд.

— Не какой, а чей, — с презрением глянув на Вайда, сказала женщина. — Потомок святого Эпимитриуса!

— Вы заламываете в печали руки, а что делают те, кто призван защищать и оберегать вас? — грозно выкрикивал потомок. — Что делает человек, подло убивший прежнего короля и силой захвативший престол, на который не имел никаких прав?! Он пьет, развратничает с наложницами, пирует и смеется над вашими бедами! Он — средоточие всех пороков, он...

— Сейчас скажет, что король демонов прикармливает, — начал было Вайд и замолк, почувствовав враждебные взгляды окружающих.

— Что, король шибко нравится? — с нехорошей улыбкой осведомился какой-то мастеровой. — Может, пойдешь, уговоришь его еще раз в Руазель съездить да с демонами сразиться?

— Вы посмотрите, какой гладенький! — подхватила женщина, у которой Вайд спрашивал про оратора. — Не голодает небось! Варварский прихвостень!

— Собаку-то чем кормишь? Твой коронованный хозяин присылает?

— Потрясем-ка его! Глядишь, наберется на краюху хлеба нашим детишкам!

— Отправим его голову во дворец — может, король наградит его за верность!

Вайд понял, что еще секунда и на него обрушится разъяренная толпа. Свалив на землю ухватившего его за рукав мастерового и оттолкнув вопящую женщину, он бросился

бежать. Тао легко несясь впереди. Вдогонку неслись угрожающие крики и топот ног. Впрочем, погоня была недолгой — горожанам уже не хватало сил даже на такое благородное дело, как избиение не приглянувшегося им человека.

«Да, похоже, для Конана настали трудные времена», — подумалось Вайд, и он от души посочувствовал своему бывшему капитану.

Изрядно поторговавшись с наглым одноглазым мужиком — даже за ножи пару раз хватались, — Вайд все-таки купил кусок подозрительно пахнущего мяса, очень похожего на конину, хотя продавец упорно твердил, что это телятина.

Уже собравшись уходить, Вайд увидел у стены старуху, разложившую перед собой нехитрую домашнюю утварь. Между какими-то тряпками, горшками и расписными тарелками лежала удивительно изящная вещица — аметистовая подвеска в виде парящей чайки, изделие знаменитых аргосских камнерезов. Повинуясь внезапной мысли, Вайд подошел к старухе и, взяв подвеску, вынул кошель с деньгами. Но старуха, даже не взглянув на золото, жадно уставилась на мясо, и ее сморщенные губы что-то зашептали. Вайд вздохнул, вытащил кинжал и, невзирая на молчаливые, но страстные протесты Тао, отрезал кусок и протянул его женщине. Та воровато оглянулась и, быстро завернув мясо в подол юбки, собрала свой товар и исчезла с удивительным для ее лет проворством.

Любуясь своей покупкой, молодой человек не заметил, как к одноглазому продавцу мяса присоединился невзрачный коротышка. Оба не сводили с Вайда глаз.

— Да я его с прошлого раза запомнил, по собаке этой, — говорил одноглазый, раболепно глядя на коротышку сверху вниз. — Я еще тогда подумал: странно, собак-то в городе не осталось, демоны и люди пожрали, а этот парень своего кобелька сохранил. А золотишко у него имеется, иначе не отдал бы мясо за висюльку какую-то...

— Может, он — человек Талсы Мореного? — задумчиво протянул коротышка. — Тогда, если мы его тронем, подби-

рать нам свои кишки по всей Разночинной улице... Что скажешь, Кривой?

— Я ребят Талсы знаю. Такого среди них не было, — убежденно ответил одноглазый и, подумав, добавил: — Разве что он из подручных Звереныша...

— Но пощупать его не мешает, — вынес решение коротышка. — Полгорода от голода пухнет, а он каждый день на базар шляется и мясо покупает. Пошли-ка кого-нибудь поглядеть, куда этот господин направился, — потом доложишь. — И коротышка, повелительно махнув рукой двум мускулистым и явно не пухнущим с голода громилам, удалился. Оглянувшись, Кривой свистнул, и от стайки ребят, что крутились неподалеку, отделился щуплый мальчонка лет десяти. Подойдя к Кривому, паренек замер в ожидании.

— Дельце для тебя есть, Малек. Видишь того парня с собакой?

Мальчик кивнул. Кривой потрепал его нестриженные грязные волосы.

— Ты свое дело знаешь. Смотри только, чтоб он тебя не заметил!

Малек снова кивнул, сорвался с места и исчез за углом.

...Ближе к вечеру запыхавшийся Малек вновь появился рядом с лениво отгоняющим от своего товара мух Кривым.

— Этот господин не из наших, — сообщил мальчишка. — Живет один, на Верхней улице. Маленький дом с балкончиком и красной черепичной крышей. Пока я за ним шел, он ни с кем не встречался и не заговаривал. А знаешь, зачем он у тебя мясо купил? — И, округлив глаза, Малек перешел на страшный шепот: — Он этим мясом свою собаку кормит! Я в окно заглянул — там доска оторвана — и сам видел...

— Вот шкура! — сплюнул Кривой. Потом сунул руку под покрывающую повозку с товаром дерюгу, достал небольшой мешочек и протянул его мальчику: — Держи, парень. Заслужил. Тут отличная требуха, твоя мамаша рада будет.

Малек крепко прижал мешочек к груди и с преданным обожанием посмотрел в заросшее клочковатой бородой лицо Кривого.

* * *

Едва солнце на треть скрылось за крышами тарантийских домов, Вайд уже примостился на теплых камнях стены, окружавшей задний дворик дома Бен-Аззарата, и сверлил взглядом зеленую дверь, ожидая, когда выйдет Дайана. Вайд намеревался узнать о шемитском маге как можно больше и сейчас обдумывал, как бы похитрее вывести у девушки все, что его интересует.

Когда Вайд уже во второй раз перебирал в голове свои вопросы, дверь отворилась. Молодой человек распластался на стене, приготовившись прыгнуть на улицу, если выйдет не Дайана. Но это была она. В простом светлом платье, перехваченном на талии узким пояском, и с распущенными волосами девушка показалась Вайду такой юной и незащищенной, что у него перехватило дыхание. Дайана окинула дворик взглядом, и на ее лице ясно отразилось разочарование. Подойдя к росшим у стены цветам, девушка наклонилась над ними глиняный кувшин с водой. Напоив растеньица, Дайана выпрямилась — и испуганно отпрянула: прямо перед ее глазами на затейливой серебряной цепочке качалась аметистовая подвеска в виде парящей чайки. Взглянув вверх, девушка увидела улыбающегося Вайда — и невольно улыбнулась в ответ.

— Это тебе... от моей сестры, — сказал Вайд, отпуская цепочку. Ладони девушки приняли подарок, а в глазах засветилась такая детская радость, что Вайд был готов скупить все украшения Тарантии и выложить ими задний дворик дома шемита.

— Спасибо. — Дайана бережно погладила пальцем гладкую поверхность розового камня. — Твоим сестре и мамашке уже лучше?

— Да, намного. — Вайд лихо прыгнул во дворик, едва не подвернув ногу. — А как ты? Хозяин ничего не заподозрил?

— Нет. — С легкой гримаской девушка махнула рукой. — Он почти не выходит из кабинета. Я не помню, чтоб когда-нибудь он был так занят своей магией. Даже Юшала удивляется...

— А нас здесь никто не увидит? — Вайд с опаской взглянул на окна дома. Стоя посреди открытого двора, он чувствовал себя неуютно.

— Мы можем укрыться за поленницей, — предложила Дайана. Вайд бросил на землю свой плащ, и девушка усеялась, грациозно подобрав ноги. Вайд пристроился рядом. Они немного помолчали, и Вайд осторожно спросил, приступая к намеченному плану:

— Дайана, ты давно живешь у своего хозяина?

— Два года, — ответила девушка. — Он купил меня на невольничьем рынке в Асгалуне, нас привез туда торговец людьми... А родилась я в Бритунии, в маленьком приграничном селении. — Дайана обхватила колени руками и улыбнулась своим мыслям: — Многие считают, что у нас только пустоши да дремучие леса. А я помню, как красиво цветет вереск и весной озера становятся белыми от прилетающих с юга лебедей... Жизнь в наших краях неспешная, все происходит согласно обычаям предков. В шестнадцать весен я была сговорена замуж, ждали лишь осени, праздника Викканы, чтобы сыграть свадьбу. Если бы все так и случилось — сейчас у меня был бы свой дом, муж с грубыми от работы руками, я бы растолстела от родов и носилась бы целый день между люлькой, очагом и прялкой, как моя мать. — Девушка задумчиво усмехнулась. — Но на мое селение напала банда из Заморы, промышлявшая торговлей людьми. Они забрали с собой всех молодых девушек и юношей, а с остальными главарь разрешил своим бандитам делать все, что угодно. Я видела, как они надругались над моей матерью и убили брата, который пытался защитить ее... — Глаза Дайаны потемнели. — А я понравилась главарю, и он взял меня себе, отдав предыдущую наложницу на забаву своим людям. Так я познала мужскую любовь... Я прожила с ним несколько месяцев. Однажды он напился до бесчувствия — я взяла подушку, положила ему на лицо

и держала, пока он не затих. Это оказалось совсем несложно... Потом я украла лошадь и сбежала. Глупая, я дрожала от страха и не догадалась прихватить что-нибудь ценное из его вещей. Я пряталась в степи, пока передо мной не маячил призрак голодной смерти. Тогда я вышла на дорогу. Меня подобрал прорицатель-звездочет, он ехал из Султанапура в Шадизар на службу тамошнему правителю. Он был добрый человек и хорошо ко мне относился — но в Зенджане проиграл меня в кости местному судье, а тот подарил меня храму Иштар. Они как раз готовились к празднеству богини, и им нужны были молодые женщины. По их обычаю, мужчины в день праздника Иштар могли делать с храмовой жрицей все, что пожелают... — Дайана зябко повела плечами, словно ее вновь коснулся холод алтарного камня. — Нас охраняли, но мне удалось сбежать перед самым праздником. Я хотела добраться до Коринфии — я слышала, что люди там не так жестоки, как в Заморе. Но меня схватили работоторговцы... Заморские торговцы невольниками могут сделать рабом даже свободного человека — никто не будет слушать его доводов и молений. Через Хауран и Хорайю нас караваном доставили в Асгалун, на невольничий рынок. Так я и попала к Бен-Аззарату. Я — его младшая наложница, кроме меня у него семь жен и три старших наложницы... — Девушка взглянула на Вайда. — Глупо, наверно, что я все это рассказываю?

— Нет, что ты, — пробормотал Вайд. Он готов был выслушать хоть всю шестисотлетнюю историю Аквилонии во всех подробностях, лишь бы ее рассказывала обладательница таких чудесных серых глаз.

Они замолчали. Дайана машинально наматывала на палец локон, а Вайд размышлял о рассказе девушки и удивлялся, сколько бед и напастей может вытерпеть женщина, волей судьбы оказавшаяся в этом жестоком мире совсем одна. Раньше Вайд как-то не задумывался об этом. И еще, где-то в глубине души царапался маленький паучок стыда перед этой девушкой за племя бородатых повелителей вселенной, к которому он имел честь принадлежать.

Вайд украдкой бросил взгляд на Дайану и залюбовался ее тонким милым профилем. Опущенные ресницы придавали ей трогательное и нежное выражение. Рыжеватый локон девушки, отброшенный легким ветерком, улегся на плечо молодого человека. Разведка постепенно превращалась в обыкновенное свидание, но самому Вайду это еще не приходило в голову. Наверное, оттого, что за два с половиной десятка лет своей жизни ему ни разу не доводилось испытывать подобное.

— Ты обещал рассказать, что происходит в городе, — прервала Дайана затянувшееся молчание.

— Ничего хорошего. — Вайд наконец отвлекся от романтических грез. — Невесть откуда взявшиеся демоны нападают на все живое, в Тарантии голод и беспорядки, никто не знает, что делать. — И Вайд живописал несколько сцен из нынешней городской жизни. — В общем, как говорила моя покойная матушка, трусы прячутся, смелые бегут...

Вайд замолк, наткнувшись на испытующий взгляд Дайаны, и обреченно умолк, поняв, что проговорился.

— Ты же сказал, твоей матушке лучше, — слегка приподняв брови, напомнила девушка.

— Да... Вчера было... А утром... — замаялся было Вайд, но Дайана спокойно прервала его:

— Не трудись выдумывать. У тебя нет никакой голодающей семьи, и в дом ты пробрался не за едой. Ведь так?

Вайд пристыжено кивнул, лихорадочно соображая, что скажет в оправдание, если Дайана попросит его уйти. Но девушка продолжала:

— Я поняла это сразу. Ты совсем не похож на человека, который не ел несколько дней, — уж я-то в этом разбираюсь. Но я не виню тебя за обман. Порой человек вынужден лгать, чтобы спастись, — мне это хорошо известно... — Дайана прикоснулась к плечу Вайда. — Ты можешь не рассказывать мне, почему ты оказался в нашем доме. Я не буду спрашивать.

После таких слов удержаться было невозможно — и Вайд рассказал Дайане все, умолчав лишь о Лабиринте. Девушка

внимательно выслушала немного путанные объяснения о Портале и подозрения Вайда насчет Бен-Аззарата.

— Я никогда не слышала, чтобы мой хозяин занимался такими делами, — пожала плечами Дайана. — В Асгалуне он предсказывал будущее, лечил болезни, делал талисманы и зелья — как другие маги. Он не похож на человека, связанного с Темными силами...

Какое разочарование! Неужели он ошибся? Неужели шемит — обычный прорицатель и Вайд по-прежнему далек от цели?

— Мы приехали в Тарантию, чтобы устроиться при дворе короля, — меж тем говорила девушка. — Но король отказал моему господину, и мы поселились здесь. Мы даже не задерживались в Аквилонии, только съездили на день в лес Руазель, где охотятся местные вельможи...

— В Руазель?! — воскликнул Вайд, схватив девушку за руку. — Вы ездили туда два месяца назад? (Дайана испуганно кивнула.) Портал — в Руазеле! — торжествующе вскричал Вайд. — Как же я раньше не понял! Демоны выбирают оттуда, там разгромили целый королевский отряд — и Бен-Аззарат был там! Ну конечно! И если твой хозяин не причастен к этому — я готов съесть целиком это полено!

Дайана невольно рассмеялась, и Вайд только сейчас заметил, что все еще держит руку девушки в своей. Но, по видимому, ей там было вполне удобно.

— Я должен осмотреть комнату твоего господина, — сказал Вайд, глядя на девушку. — Портал необходимо закрыть, иначе хаос захлестнет всю Аквилонию, а потом и весь мир. Быть может, я пойму, как справиться с Порталом, когда увижу, чем занят твой хозяин. — Вайд осторожно сжал ладонь Дайаны и заглянул ей в глаза: — Ты поможешь мне?

— Помогу, — просто ответила девушка и, подумав немного, предложила: — Я попробую сама войти к нему в кабинет, когда он занимается магией и его душа покидает тело. Мне кажется, в такие минуты он не видит и не слышит, что творится вокруг. Я как-то разбила дорогую китайскую фарфоровую вазу прямо под его дверь — и он не

вышел и не наказал меня, как обычно. И если я увижу, что он действительно без чувств, как в глубоком сне, завтра я проведу тебя к нему.

— Это не опасно для тебя? — заволновался Вайд.

— Но нам же нужно узнать правду о Портале? — вопросом на вопрос ответила Дайана, и от этого «нам» у Вайда почему-то защемило сердце. — Завтра я скажу Юшале, что кончился мед, на котором я готовлю целебную мазь для нашего господина. Правда, для этого сегодня мне придется съесть весь наш запас. — И Дайана прыснула в ладонь, как девчонка. — Тогда Юшале и Шеки придется идти покупать мед, иначе хозяин будет недоволен. Думаю, они изрядно потрудятся, прежде чем найдут его в голодающем городе... Когда они уйдут, приходи сюда, и мы решим, что делать дальше.

Глаза Дайаны оживленно блеснули, щеки разругались — ей явно нравилось быть заговорщицей. Вайд обрадовался, что девушка с такой готовностью поделилась с ним его заботы. «Любое дело кажется по плечу, когда ты не один», — подумалось Вайду. О таком могучем союзнике, как Лабиринт, он почему-то не вспомнил.

Последние лучи солнца еще скользили по конькам крыш, а внизу уже сгущались зябкие сумерки, напоминая о том, что людям пора подумать об убежище на ночь. Простившись с Дайаной, Вайд перебрался через стену и направился к дому, где Тао, наверно, уже метался по комнате от скуки и нетерпения. Уходя, Вайд запер дверь на тяжелый замок с цепью. Сделано это было для того, чтобы уберечь свои запасы от воров, и для безопасности Тао, любопытство и непоседливость которого могли вовлечь маленького демона в любые неприятности.

Шагая по узенькому переулку, выходившему на его улицу, Вайд заметил пятерых подозрительных субъектов. Опытный глаз кордавского уличного мальчишки сразу распознал в них представителей местной преступной братии. Бандиты стояли к нему спиной и, вытянув шеи, выглядывали из-за угла крайнего дома на улицу, явно кого-то подкарауливая. Вайд посочувствовал человеку, не угодившему

этим парням, и замедлил шаг, размышляя, не лучше ли вернуться и поискать другой путь к своему дому, чтобы не быть втянутым в намечавшуюся драку. Он уже совсем было решил проявить благоразумие, как вдруг один из парней обернулся и уставился прямо на Вайда.

— Ничего, ребята. — Вайд поднял руку в примиряющем жесте. — Вы тут разбирайтесь, я вам мешать не буду...

— Это же он! — воскликнул парень и недвусмысленно вытащил из-за пояса длинный широкий нож. Остальные четверо тоже обернулись, и в одном из них Вайд узнал одноглазого торговца мясом. Тут Вайд сообразил, что не угодивший этим парням человек — он сам.

«Будь это Кордава — я бы просто удрал. Но тарантийских улочек и тупиков я не знаю. И я должен вернуться за Тао...» — подумал он, оценивая обстановку, в то время как мужчины приближались к нему, сжимая в руках тускло поблескивающие клинки.

— Поделись золотишком, приятель, — хрипло пробормотал крепыш с саблей. — Неужели ты не хочешь помочь голодающим сиротам?

Его сосед справа захохотал, разинув щербатый рот, остальные пристально смотрели на Вайда.

Вайд знал: даже если он отдаст им все, что у него есть, они не задумываясь убьют его — бандиты не ведают жалости ни к товарищам, ни к своим жертвам. Оставалось одно — сопротивляться. Несмотря на свой весьма опасный род занятий, Вайд не находил удовольствия в сражениях, свисте клинков и реках крови, но ради спасения своей жизни он готов был драться до конца.

— Ну что, приятель, разойдемся по-хорошему? — ласково начал крепыш и, захрипев, осел на землю, ощупывая дрожащими пальцами рукоятку метательного ножа, торчавшую из его груди. Его щербатый напарник вскрикнул и яростно выругался — точно такой же нож вонзился в его левое плечо. Остальные накинулись на Вайда, не дав ему времени воспользоваться другими метательными ножами.

Схватив саблю, которую умирающий бандит уронил на землю, и вытащив из-за пояса кинжал, Вайд прижался

спиной к шершавой каменной стене и поручил свою душу Митре. Он не слишком хорошо владел оружием, но, на его счастье, противники тоже больше привыкли иметь дело с толстыми купцами и худосочными ювелирами. Вайд отбил выпад одноглазого и пнул в пах сжимавшего короткий меч бородача с болтающейся в ухе серьгой. Бородач согнулся, свесив длинные свалывшиеся патлы едва не до земли. Сабля одноглазого распорол рукав замшевой куртки Вайда, зато на бедре нападавшего начало расплываться кровавое пятно. Однако бандиты не отступали. Раненый Вайдом щербатый мужик, наскоро перетянув чем-то руку, тоже вступил в драку с недвусмысленным намерением отомстить обидчику за пролитую кровь.

Кинжал в левой руке Вайда звякнул, ударившись о лезвие меча щербатого, и, сверкнув серебристой рыбкой, отлетел к стене противоположного дома. Вайд судорожно замахал саблём. Каким-то чудом ему удалось полоснуть по руке хищно оскалившегося парня с ножом. Но круг бандитов сужался, клинки свистели, казалось, прямо перед лицом Вайда, и ухмылка щербатого грозила заслонить собой весь мир. Вайд отбивался с отчаянием утопающего.

— Эй, вчетвером на одного — не многовато ли? Возьмите тогда и меня в компанию!

Вслед за этим бравым заявлением невесть откуда взявшийся за спинами бандитов человек в алом плаще выписал в воздухе мечом замысловатую фигуру. Вырутавшись, одноглазый яростно кинулся на решившего помешать им солдата — и покатился на землю, разрубленный чуть не пополам сильным ударом незнакомца. Вайд воспрял духом, и сабля в его руке заиграла весьма грозно, не причинив, впрочем, никому особого вреда. Бородач с серьгой попытался одолеть нового противника с помощью какого-то замысловатого выпада, но солдат, презрительно усмехнувшись, без труда вышиб у того меч и небрежно ткнул бородача клинком в грудь. Бандит скорчился у стены, и серьга в его ухе печально закачалась. Парня с ножом спаситель Вайда просто смахнул мечом. Щербатый, поняв, что настала пора подумать о спасении своей жизни, шустро отпрыгнул

в сторону и проворно кинулся бежать по проулку. Солдат презрительно засвистел ему вслед.

Зачем-то сжимая уже ненужную саблю, Вайд вытер мокрый лоб и посмотрел на вступившего за него человека. Это был молоденький юноша — возрастом не старше двадцати лет, — но рост и телосложение выдавали в нем сильного и выносливого бойца. Он был едва не на голову выше самого Вайда, а мускулы солдата не могла скрыть даже форменная куртка. Юноша с интересом смотрел на Вайда живыми светло-серыми глазами и слегка улыбался. Казалось, драка нисколько не утомила и не взволновала его, тогда как Вайд чувствовал себя хуже выжатого лимона.

— Чем ты не угодил этим славным ребятам? — поинтересовался юноша, вытирая лезвие меча об одежду убитого им бородача с серьгой. Вайд успел заметить на клинке странное клеймо в виде дракона.

— Не знаю, — честно пожал плечами Вайд. — Может, в Тарантии так принято встречать приезжих?

— Ладно, я не любитель лезть в чужие дела. — Молодой человек убрал меч в ножны и протянул руку: — Ларго, офицер Черных Драконов, личной стражи Его Величества короля Аквилонии. — Сказано это было не без хвастовства, но с оттенком понятной горечи — какая уж тут личная королевская гвардия, когда неизвестно, что будет со страной завтра?

Вайд назвал и пожал руку юноше, невольно признав про себя, что после столь громкого титула его собственное имя звучит очень скромно. Он предпочел умолчать о подлинном характере своих занятий, назвавшись приезжим торговцем из Кордавы. Конечно, Зингара далеко от Аквилонии, но кто знает, как относятся представители здешней власти к лихим корсарам с Западного океана... Осторожность еще никому не вредила.

— Не знаю, как благодарить тебя, друг Ларго... — Вайд действительно не знал, как можно отблагодарить за спасение жизни. Не деньги же ему советовать...

— Вот и не благодари, — посоветовал Ларго и пояснил: — Я в городе был, сапоги хотел купить, а то мои

прохудились уже.— И в подтверждение своих слов он продемонстрировал дырки на своей обуви.— Да только все лавки закрыты, не найти никого... Я уж обратно во дворец собрался, иду — а тут тебя убивают.— Вайд невольно поморщился от столь точного определения.— Я и решил — помогу человеку, мне не сложно...

Вайд вынужден был признать, что Ларго действительно не составило труда справиться с нападавшими, и ощутил привычный укол зависти, как происходило всегда, когда он встречал таких умелых воинов.

— Ну, я пойду, а то стемнеет скоро, демоны всякие вылезут, чтоб их...— И Ларго повернулся, чтобы продолжить прерванный путь. Но Вайд удержал его:

— Ты можешь не успеть дойти до дворца, солнце почти село. Давай-ка оставайся на ночь у меня. Здесь, может, не так уютно, как в королевских покоях, но почти так же безопасно, и поесть-выпить найдется.

Ларго не стал отказываться, и оба зашагали к жилищу Вайда.

Глава девятая

Дайана принесла в спальню хозяина ужин — бобовую кашу с кусочками мяса, лепешки и немного вина — и привычно опустилась на маленькую скамеечку у двери, ожидая, когда можно будет убрать посуду.

Бен-Аззарат сильно изменился за последние месяцы. Из дородного, благообразного и степенного пожилого господина, уверенно глядящего на собеседника любого ранга, он превратился в нервного, исхудавшего старика, лицо которого избороздили глубокие морщины, а глаза сухо и лихорадочно блестели. Теперь Дайана понимала, что это — не следствие скудной и однообразной пищи. Таинственная магия, которой Бен-Аззарат отдавал теперь все свое время, выпила его силы и отняла многие годы жизни.

Хозяин Дайаны молча ел, уставившись перед собой невидящим взглядом. Рука, державшая серебряную ложку, мелко подрагивала. Кусочки бобов застревали в неопрятной бороде мага, но он и не подумал утереться салфеткой. Девушка пожалела старика, но, вспомнив рассказы Вайда о том, во что превратилась столица Аквилонии благодаря демонам, Дайана нахмурилась и отвела глаза.

Когда хозяин поел, девушка подала ему фаянсовую чашу с теплой водой и полотенце. Омыв руки, Бен-Аззарат с трудом встал из-за стола и направился в свой кабинет.

— Мне... нужно работать,— сказал он старческим дребезжащим голосом, не глядя на девушку.— Скажи Юшале, чтоб никого ко мне не пускал. Даже Зарину.

Зарина — его старшая и любимая жена — осталась в Асгалуне, но в последнее время Бен-Аззарат плохо понимал, где находится и кто его окружает. Частенько он звал Дайану именами других жен и наложниц, приказывал Юшале привести старшего сына, умершего два года назад, или осведомлялся о здоровье асгалунского правителя. Юшала лишь озабоченно качал головой, с собачьей тоской глядя на господина, а Шеки предпочитал вообще не показываться ему на глаза, отсыпаясь в своем закутке внизу или играя сам с собой в кости.

Дверь за Бен-Аззаратом закрылась, а Дайана стояла посреди спальни, напряженно размышляя. Что если подождать немного и войти в кабинет хозяина? Вряд ли он заметит ее во время колдовства. К чему откладывать то, что все равно необходимо сделать? Представив, как обрадуется новостям Вайд, девушка улыбнулась и, прикоснувшись к аметистовой подвеске, висящей на ее груди, решительно кивнула сама себе для поддержания духа.

Убрав посуду, Дайана на цыпочках подошла к запретной двери и прислушалась. Там было тихо. Девушка опустилась на колени и припала глазом к замочной скважине. Но в кабинете было слишком темно, и она увидела лишь отсвет горящей свечи на противоположной от двери стене. Дайана встала, сделала глубокий вдох, как перед погружением в холодную воду, и осторожно толкнула дверь. Та отворилась, даже не скрипнув.

Дайана перевела дух, бесшумно ступая, вошла в кабинет хозяина и притворила за собой дверь. Вставленная в простой медный подсвечник свечка едва рассеивала темноту. Бен-Аззарат лежал на узком ложе, глаза его были закрыты. Маг тяжело дышал. Рядом с ложем дымились глиняная плошка с благовониями, от которых у Дайаны закружилась голова. На столике тускло поблескивало большое серебряное зеркало. Рядом лежал шар из голубого дымчатого стекла, который Дайана прежде не раз видела в руках хозяина. В середине шара тлел яркий белый огонек. На большом столе у окна громоздились сосуды, реторты и колбы, используемые магом в алхимических опытах. Даже

в полутьме было видно, что они покрыты толстым слоем пыли — видимо, Бен-Аззарат давно к ним не прикасался. Дайана начала приходить к мысли, что Вайд прав и что ее хозяин забросил привычные занятия, всецело отдавшись общению с чем-то могучим и злым.

Внимание Дайаны привлекла вещица, которую Бен-Аззарат сжимал в руке. Девушка подошла поближе и наклонилась, чтобы получше рассмотреть ее. Это оказался огромный перстень, используемый для совершения ритуалов. Он был сделан из незнакомого Дайане металла и сейчас светился, словно раскаленный, хотя ожогов на руке Бен-Аззарата девушка не заметила. На большом черном камне перстня было вырезано изображение черного змея, и хотя это была всего лишь гемма, Дайане стало страшно. Перстень покрывали знаки, смысл которых девушке был неизвестен.

Бен-Аззарат шевельнулся, и Дайана испуганно отпрянула. Лицо мага было мокрым от пота, на лбу вздулись жилы, рот судорожно приоткрылся, словно шепит тащил непосильную ношу. Перстень в его руке светился как уголь, и змей на камне казался почти живым. Зеркало на столике посветлело, в глубине его начали свиваться клубы тумана, на них заиграли багровые сполохи, и внезапно туман рассеялся, явив изображение огромных черных ворот. Вокруг полыхали языки пламени, а вход в ворота был словно заткан голубоватыми молниями. Казалось, ворота надвигаются на девушку, готовясь поглотить ее, а за ними скрывается все самое страшное, что только может присниться в кошмарном сне. Дайана с трудом подавила готовый вырваться крик и выбежала из комнаты.

Ночью девушка спала очень плохо. Как только она закрывала глаза, зловещее сооружение снова представало перед ней, пугая и притягивая неведомой силой. Рано утром, усталая и невыспавшаяся, Дайана побрела на кухню, где Юшала, кряхтя, разжигал очаг. Девушка замесила муку, чтобы испечь хлеб, как вдруг наверху хлопнула дверь и раздался визгливый крик хозяина:

— Где эта ведьма, заberi ее Нергал?!

Юшала испуганно взглянул на Дайану, и даже Шеки высунул из своего закутка встрепанную после сна голову. По лестнице зашлепали старческие шаги — и Бен-Аззарат с перекошенным от злобы лицом ворвался в кухню.

— Что ты делала в моей комнате, дрянь, мерзавка? — закричал маг, брызгая слюной. — Зачем ты входила? Отвечай, змея! — И он схватил Дайану за руку, больно сжав ей запястье.

— Я хотела прибраться, господин. — Голос Дайаны невольно дрогнул — она никогда не видела хозяина в такой ярости. — Мы живем здесь уже больше двух месяцев, а в твоём кабинете даже пыль ни разу не вытирали...

— Лжешь, девка! — Голос мага сорвался на визг. — Я всем запретил входить ко мне! И ты вовсе не собиралась вытирать пыль — ты подглядывала и вынюхивала, тварь! А вы думали, Бен-Аззарат такой глупец, что не оставит в комнате своих глаз? — Маг захихикал, как безумный. — Я все видел! Мой шар показал мне, как ты вошла и что делала... Кто подучил тебя, ведьма?! — снова завизжал шемит. — Что им нужно? Я выбью из тебя правду, потаскуха! — И маг толкнул девушку с силой, которую трудно было заподозрить в его изможденном теле. Дайана не удержалась на ногах и упала, больно ударившись о чугунный котел. — Стерегите эту дочь гиены! — крикнул он Юшале и, не глядя больше на своих слуг, ссутулился и, тяжело ступая, ушел наверх.

* * *

Когда Вайд открыл перед Ларго дверь своего убежища, первое, что он увидел, — разъяренные глаза Тао.

— Ты зачем меня тут запер? — завыл маленький демон, яростно хлеща себя хвостом-метелочкой по бокам. — Куда-то ушел, меня с собой не взял — и сразу попал в беду, так? Я же всегда знаю, когда ты в опасности! Я чуть рог себе не расколол, пытаясь выбраться отсюда тебе на помощь!

Вайд оглядел измочаленные доски и глубокие царапины на входной двери и сочувственно покачал головой.

— Клянусь бородой Митры — говорящая собака! — в восторге воскликнул Ларго, не замеченный Тао в пылу праведного гнева. Маленький демон попятился, смущенно облизнулся и виновато взглянул на своего друга.

— Это... Это вовсе не собака, — поспешил объяснить Вайд. — Я привез его из путешествия по джунглям Дарфара. Симпатичный зверек, не правда ли? — И Вайд улыбнулся в ответ на сердитый взгляд «симпатичного зверька». Ларго, который в жизни не покидал пределов Аквилонии и смутно представлял себе, где находится этот самый Дарфар, с готовностью поверил, что далекие джунгли и впрямь кишат говорящими животными, и по достоинству оценил истинный облик Тао. Неравнодушный к вниманию маленький демон отнесся к Ларго благосклонно, и вскоре они вели себя как старые приятели.

Новый знакомый Вайда оказался веселым и свойским парнем. С юношеским пылом он мог говорить о чем угодно. К полуночи Вайд знал нехитрую биографию Ларго, казарменный распорядок гвардейцев, чем кормили солдат раньше и как плохо стало теперь, последние скудные дворцовые сплетни и особенности характера офицера Эсканобы. О себе Вайд рассказал немного, объяснив, что приехал в Тарантию по торговым делам еще в спокойные времена, а теперь не может выбраться из города. Ларго не стал интересоваться подробностями — видимо, он не лгал, сказав, что не любит совать нос в чужие дела.

Узнав, что юноша был вместе с королевским отрядом в Руазеле, Вайд принялся расспрашивать его — и увидел совсем другого Ларго, миглом утратившего веселость и беззаботность. Зрелище страшной гибели товарищей глубоко врезалось в память Ларго, нередко возвращаясь в кошмарных снах, и жизнерадостная болтовня воина была лишь попыткой отвлечься от воспоминаний и от уныния, царившего сейчас в королевском дворце. Даже чин офицера Черных Драконов, полученный им после Руазеля, не доставил Ларго радости. Юноша тяжело переживал вину оставшегося в живых перед солдатами, не вернувшимися с битвы. Гвардейцы, которые не были в Руазеле, молча давали

понять, что не верят, будто он уцелел лишь благодаря везению и умению владеть оружием. Прямо его не обвиняли ни в чем, но Ларго как-то вдруг остался в полном одиночестве, даже прежние приятели сторонились его. И теперь, со всей тоской своей мальчишеской души, Ларго стремился к спасенному им человеку, надеясь обрести друга.

От Руазеля разговор постепенно перешел к королевскому дворцу. Ларго поведал, что Конан действительно забросил государственные дела и уединился в своих покоях. Одни говорят, что он пьет, другие — что король болен, кто-то даже утверждает, что Конан давно покинул дворец и бежал из страны. Однако Ларго, неся во дворце дежурство, на днях мельком видел аквилонского правителя.

— Никуда он не сбежал, не такой человек, — говорил Ларго, словно был знаком с королем не один десяток лет. — И вряд ли он болен. Скорее, он... он похож на льва, запертого в клетке с полчищами крыс. — Юноша наморщил лоб, пытаясь объяснить свою мысль: — Ну, понимаешь, лев может сразиться с другим львом или с тигром, но что делать с крысами — он не знает. Он их давит — а лезут все новые. — Ларго слегка смущенно взглянул на Вайда. — Надо знать нашего короля, чтоб понять, о чем я говорю. Просто вокруг все так плохо, и все против него — и горожане, и бароны. Даже дворцовые слуги разбежались, а кто остался — напештывают всякие гадости. Кругом предательство и трусость, наш король остался совсем один, один только Просперо верен ему, да Паллантис с Драконами. Все точно позабыли, как расцвела Аквилония под рукой Конана, вспоминают лишь убийство Нумедидеса да воют по старым временам. — Ларго сокрушенно вздохнул. — Я бы тоже не знал, что делать, если б понял, что все мои заслуги люди тут же вычеркнут из памяти, стоит делам пойти чуть хуже. Бросил бы все и подался куда-нибудь с глаз долой от этих неблагодарных подданных, ну их к Нергалу. И пусть сами с демонами разбираются!

Вайд понимающе кивал и думал, что Ларго, похоже, верно понял причины бездействия короля Конана. Киммерийцу нужна реальная, хорошо видимая опасность, с которой можно сразиться. Если ее нет, вся ловкость, сила и хитрость

Конана — ни к чему. А думать и делать выводы, чтобы отыскать причину опасности, северянин всегда предоставлял кому-нибудь другому.

«Похоже, настал черед Крысенка помочь своему капитану», — подумал Вайд и понял, что рад этому.

Свеча, пристроенная в горлышке пустой бутылки, почти догорела, мутно-зеленое стекло было залито густыми наплывами воска. Гость Вайда сладко спал на хозяйской перине, Тао притулился рядом, согревая спину нового друга. Вайд бросил рассеянный взгляд на лицо Ларго и в который раз за сегодняшнюю ночь поймал себя на мысли, что он уже где-то видел эти прямые резкие черты, упрямо сжатые губы и темные широкие брови. Юноша говорил, что его мать родом из Шема... Но ни в одной полуденной стране не рождаются такие богатыри со светлыми глазами.

Вайд прикинул, что рассвет уже наступил, и, не в силах более выносить сырость и затхлую темень подвала, выбрался наружу. Сквозь щели в досках в комнату просачивался утренний свет. Вайд с ненавистью думал о тех, кто загнал людей в холодные подвалы и лишил их возможности без страха встречать восход солнца. Не думая об опасности, он снял тяжелый засов с двери и уселся на пороге. Свежий прохладный воздух наполнил легкие, чистая утренняя лазурь разлилась над головой. Напротив, затеняя собой всю улицу, грозной громадой возвышался дом шемитского мага.

— Ничего, недолго тебе осталось, — погрозил дому кулаком Вайд. — Скоро мы разберемся и с тобой, и с твоими демонами!

Вайд вспомнил о Дайане — и по сердцу пробежала сладкая волна. Отчаянно захотелось, чтобы сейчас она сидела рядом, глядела на рассветное небо и улыбалась мягко и светло, как умеет лишь она. И необязательно при этом сжимать ее руку, обнимать ее за талию или целовать в губы — просто пусть будет рядом.

Вздымает ветер серую волну,
В разрывах туч мелькает бирюза.
Лишь на такое море я взгляну —
Мне вспоминаются твои глаза,

Твоих волос мерцающий узор,
Перед которым отступает тьма...
В твоих глазах прочел я приговор,
Которого не знаешь ты сама.

Вайд не заметил, как произнес это. Откуда он знает эти стихи? Может, это одна из песен Вьяны? Или Вайд сам сочинил их, впервые в жизни срифмовав слова не для увеселения хохочущих моряков, а по велению души?

Из-за крыши дома шемита брызнули первые лучи солнца, щедро залив кипящим золотом улицу и сделав краски яркими и праздничными. Тень мрачного дома съежилась, потемнела и боязливо поползла к обителицу мага, уступая дорогу новому дню.

* * *

— Эй, лентяи, завтрак готов! — Вайд постучал ногой по крышке подвала.

Оттуда показалась лохматая голова Ларго. Юноша вылез, потянулся и поинтересовался, словно Вайд был его личным поваром:

— А что у нас на завтрак?

— Каша из чечевицы и гадкие лепешки, — мрачно сообщил Тао, выбираясь вслед за Ларго. — Другого и ждать нечего.

— Если не хочешь — поищи по подвалам своих маленьких серых друзей, — невозмутимо посоветовал Вайд, помешивая кипящее на очаге варево, и вздохнул, обращаясь к Ларго: — Совсем я его разбаловал...

Неприхотливый, как всякий солдат, Ларго без колебаний взялся за свою порцию каши и невозмутимо жевал безвкусную, как тряпка, лепешку. Вайд храбро глотал свое кулинарное творение, в глубине души проклиная человека, первым посадившего чечевицу.

— Спасибо, друг Вайд, — серьезно сказал Ларго, отставив в сторону досуха вытертую тарелку. — А теперь мне...

Торопливый негромкий стук в дверь прервал его. Молодые люди переглянулись, и Ларго недвусмысленно потянул из ножен свой меч. Жестом велел напрягшемуся Тао оставаться на месте, Вайд подошел к двери и, стараясь, чтобы

его голос звучал так, словно здесь прячется отряд вооруженных до зубов солдат, спросил:

— Кто там и что надо?

— Это я, Дайана, — донеслось снаружи. — Открой скорее, а то они заметят!

Вайд торопливо сдвинул засов, и девушка, задышавшая то ли от страха, то ли от быстрого бега, вошла в дом.

— Я убежала от Бен-Аззарата, — без предисловий сказала Дайана и устало прислонилась к стене.

Удивленный донельзя Вайд глядел на девушку. Совсем недавно он страстно мечтал о ней — но, когда его мечты превратились в реальность, он растерялся. Слишком уж быстро все это произошло...

— Ты... не рад мне? — дрогнувшим голосом спросила Дайана. Сердце Вайда тут же наполнилось покаянной нежностью, он притянул к себе девушку и обнял ее.

— Конечно, рад, — ласково прошептал Вайд. — Просто я думаю, что нам теперь делать.

— Я была в комнате Бен-Аззарата, — подняв голову и глядя на Вайда, сбивчиво заговорила Дайана. — Я видела черные ворота в зеркале — они такие страшные... И еще у него есть перстень с черным змеем, который светится, когда мой хозяин... то есть Бен-Аззарат занимается колдовством. Он узнал, что я приходила, — ему показал это голубой шар. Бен-Аззарат так разозлился!.. А я знаю, где ты живешь, — видела в окно, как ты отпирал эту дверь вчера. Бен-Аззарат так ругался, что я решила бежать...

Вайд крепко прижал девушку к груди, и она замолчала, слегка дрожа и судорожно вцепившись в его куртку.

— Не бойся, — шептал Вайд, глядя ей по волосам. — Этот колдун больше ничего тебе не сделает. Я с ним справлюсь, вот увидишь...

В дверях показалась смущенная физиономия Ларго.

— Ну... я пойду, пожалуй, — нерешительно проговорил юноша.

— Постой, Ларго. — Вайд посмотрел на молодого гвардейца и, немного подумав, решительно сказал: — Мне необходимо увидеться с королем. Ты мне можешь помочь?..

Через полчаса Вайд, Ларго и Дайана шли к дворцу аквилонского правителя. Ларго обиженно выговаривал Вайду:

— Я что, похож на предателя или шпиона? Мог бы и вчера все рассказать — и про мага, и про Портал. Да чтоб демонов этих извести, я и в другой мир не побоюсь отправиться!.. — И под конец юноша внезапно выпалил: — Да будь я капитаном корсарского корабля — ни за что не стал бы выдавать себя за какого-то торговца!

— Дайана, как же тебе удалось сбежать? — спросил Вайд у девушки.

— Бен-Аззарат велел стеречь меня, и Юшала запер меня в кладовке, — заговорила Дайана. — А Шеки пришел со мной поболтать... Он на самом деле совсем не злой и простодушный, как котенок. Я попросила его выпустить меня, чтобы приготовить им обед, — никто же больше не умеет. Шеки и выпустил. А у меня был ключ от той двери, что во дворик выходит. Я ее открыла, вытащила из кухни скамейку, приставила к стене, взобралась — и сбежала. — Дайана вздохнула: — Я через какой-то переулок шла, а там, видно, ночью демоны каких-то несчастных поймали. Они там лежат, растерзанные, и столько крови... — Девушка прижалась к плечу своего спутника. Вайд и Ларго переглянулись и предпочли не сообщать, что «несчастных» в пищу демонам уготовили они собственноручно.

У дворцовых ворот друзья с удивлением обнаружили скопление горожан. Толпа была небольшая, но настроенная весьма грозно. Люди колотили в ворота палками, бросали камни и что-то кричали. Малочисленные стражники равнодушно взирали вниз с дворцовой стены.

— Пусть выйдет король! — орали собравшиеся. — Пусть расскажет, как он сражается с демонами! Пусть накормит наших детей! Иначе мы сами войдем к нему и призовем к ответу!

Среди бунтующих тарантийцев Вайд заметил уже знакомого ему человека с посохом, называвшего себя потомком Эпимитриуса. Человек подзадоривал народ, время от времени выкрикивая что-нибудь о залитом слезами сердце великого старца и занявших чужой трон варварах. Стоявшие

рядом восторженно подхватывали его слова, и на ворота обрушивался настоящий град камней.

Ларго озабоченно посмотрел на Вайда.

— Тут мы во дворец не пройдем, — сказал юноша, кивнув на бунтующих граждан Аквилонии. — Правда, есть другие ворота. Они ведут на хозяйственный двор и к конюшням, но я даже не знаю, найдется ли в этой неразберихе кто-нибудь из стражи, чтоб открыть нам вход...

Вайд на мгновение задумался.

— Знаешь что, дружище Ларго, снимай-ка ты свой гвардейский плащ и надень мой. — Вайд снял свой скромный серый плащ и протянул его юноше. — А то форма офицера может тебе сильно навредить... — И, предупреждая протесты Ларго, Вайд строго добавил: — У нас важное дело, некогда нам с лавочниками сражаться. Считай это военной хитростью.

Вайд махнул рукой своим ничего не понимающим спутникам, и они смешались с бурлящей толпой. Памятуя о недавно возникшей нелюбви горожан к домашним животным, Тао предусмотрительно юркнул в какую-то дыру.

Протолкавшись в центр толпы, Вайд откашлялся и что было мочи заорал:

— Призовем к ответу короля-варвара! Не будем молча терпеть зверства демонов! Доколе будем мы огорчать святого Эпимитриуса, чье сердце уже утонуло в слезах?! Долой!.. К ответу!

Кто-то подхватил его энергичные выкрики. Почувствовав, что завоевал внимание части толпы, Вайд набрал побольше воздуха и завопил:

— Мы, простые люди, голодаем — но есть в Тарантии и те, кто ни в чем себе не отказывают! Не позволим морить голодом нас и наших детей! Пусть богатеи поделятся тем, что имеют, — так завещал великий старец!

Вайд не знал, завещал ли что-нибудь подобное Эпимитриус, но люди с восторгом подхватили новый клич:

— Хватит им обжираться, когда у нас нет ни крошки!

— Пусть узнают, каково простым людям!

— Давно пора пошарить в их кладовых!

— Я вчера на коленях молила купца Демиса, чтоб он одолжил немного муки, — надрывалась какая-то женщина. — А он велел слугам гнать меня!

— Отберем у жирного Демиса то, что он нажил на наших бедах! — вдохновенно закричал Вайд. Поняв наконец замысел друга, Ларго перешел прямо к сути и оглушительно рывкнул:

— У Демиса в подвалах хлеб и вино!

Это было последней каплей, и толпа, грозно потрясая палками, двинулась вслед за женщиной, ведущей их к дому купца Демиса. Растерянный потомок Эпимитриуса простирает руки к уходящим, пытается напомнить им о злокозненном короле и о необходимости положить конец несправедному царствованию, — но люди, разгоряченные надеждой на дармовую еду и выпивку, не обращали на пророка внимания. Вскоре на площади перед дворцовыми воротами остались лишь Вайд со спутниками и одинокий потомок.

— Сердце Эпимитриуса облилось слезами... — жалобно сказал он и, тяжело опираясь на посох, скрылся в переулке.

— Теперь путь свободен. — Вайд сделал приглашающий жест и свистом поздравил Тао. — Остается только посочувствовать купцу Демису.

Вайд потер саднящее от крика горло и приосанился, поймав на себе восхищенный взгляд Дайаны.

Стражники узнали Ларго, вновь набросившего свой алый плащ, и приоткрыли ворота ровно настолько, чтобы в них мог протиснуться человек средней комплекции. Как только Ларго со спутниками оказались внутри, ворота тут же захлопнулись, и загремела тяжелая железная цепь, замыкающая массивный засов.

— Сидим, точно в осаде, — пожаловался один из стражников Вайду. — Этот пророк чуть не каждый день людей собирает и подбивает против короля — а мы и сделать ничего не можем. Мало нас осталось, только и думаешь, как бы уцелеть...

У входа во дворец двое стражников играли в кости. Увидев офицера, они лениво вытянулись, но едва Ларго, Вайд и Дайана прошли мимо, вновь послышался стук костей.

— Да, дисциплина у вас не очень... — признал Вайд. Ларго сокрушенно кивнул. Вайду всегда казалось, что в королевских дворцах повсюду должны гореть светильники, шествовать разряженные вельможи и сноваť озабоченные слуги. Во всяком случае, именно так обстояли дела во дворце старого Фердруго, правителя Зингары, в том единственном дворце, где ему доводилось частенько бывать. Здесь же было темно и тихо. Шаги Вайда и его спутников гулко разносились под каменными сводами. Казалось, дворец необитаем.

Поднявшись по лестнице и немного попетляв по неосвещенным коридорам, Ларго вывел Вайда и Дайану к покоям короля. Они охранялись — несколько Черных Драконов замерли на своих постах. Паллантид даже сейчас сурово карал за невыполнение приказов, и королевские гвардейцы оставались единственным надежным отрядом. Ларго подошел к офицеру караула.

— Как там дела, Тагмор? — спросил юноша, кивнув в сторону королевских покоев.

— Да как обычно, — пожал плечами офицер. — Сегодня вообще не выходил. Был Просперо с докладом — недавно ушел.

— У нас срочное дело к королю, — деловито сказал Ларго. — Пропустишь, Тагмор?

— Указаний насчет вас мне никто не давал. — Тагмор оглядел спутников Ларго и усмехнулся. — Впрочем, какие сейчас указания? Идите — только выгонит вас король в шею, и дело с концом.

— Не выгонит, — сказал Вайд с уверенностью, которой отнюдь не чувствовал. В конце концов, прошло почти семь лет, Конан мог давно позабыть о его существовании...

Пройдя немного по коридору, на этот раз освещенному чадающими факелами — масло для светильников давно кончилось, — Ларго со спутниками оказались перед небольшой, но тяжелой дверью, ведущей в покои короля.

— Он там, Райгарх? — тихо спросил Ларго у одного из стоявших рядом с дверью гвардейцев. Тот кивнул, но порогу юноше преградил.

— Тагмор нас пропустил...— начал было Ларго, но гвардеец прервал его:

— Господин офицер, дежурящие у королевских покоев подчиняются только Паллантиду. Мы не можем позволить вам войти без его приказа.

— У нас очень важное дело. От него зависит судьба страны! — не отступал Ларго, хотя и понимал, что гвардеец прав.

— Насчет страны — не нам решать, а за нарушение приказа мне Паллантид таких плетей пропишет! — парировал гвардеец.

— Король знает меня. Позвольте войти хотя бы мне — и вы сами в этом убедитесь! — вступил в разговор Вайд.

— А если ты заговорщик и хочешь убить короля? — сказал Райгарх и покачал головой. — Нет, я пропущу вас только с разрешения Паллантида или если король вас вызовет.

— Я сдам вам все свое оружие! — теряя терпение, воскликнул Вайд.

— Сдавай, — согласился Райгарх. — Только мы тебя все равно не пропустим.

— Послушай хоть ты, Хенус...— обратился было Ларго к другому гвардейцу, но тут из-за королевской двери раздался такой знакомый Вайду и совсем не изменившийся за прошедшие годы голос:

— Что у вас там происходит, разрази вас Кром?!

Вайд невольно вновь почувствовал себя Крысенком, нескладным юнгой пиратского карака «Вестрел», и заорал:

— Капитан, это я, Вайд... Крысенок!

Дверь распахнулась, тяжело ударив в стену. На пороге стоял король Конан.

Глава десятая

Надо же — Крысенок! Если б не увидел собственными глазами — ни за что не поверил бы! — Конан хлопнул Вайда по плечу. Вайд польщенно улыбнулся и взглянул на своих спутников. Ларго чинно восседал на покрытой ковром скамье и смаковал принесенное по требованию Конана вино. Дайана тихо пристроилась рядом, обняв за шею Тао.

— Вот бессмертное племя! Оставляешь его в джунглях, чтобы он попался тебе под ноги в столице твоего собственного королевства десять лет спустя! — И, развалившись в мягком кресле, Конан залпом осушил тяжелую золотую чашу с вином: — За тебя, маленький проходимец!

Вайд вглядывался в знакомые черты киммерийца и находил в них следы, оставленные временем. Резкие морщины на лбу и у крыльев носа, в волосах пробивается седина, погрузневшая и слегка ссутулившаяся фигура... Да и глаза короля, хоть и оживленные встречей со старым знакомым, показались Вайду не такими яркими и грозными, как глаза капитана «Вестрела», чей пронзительный взгляд не мог выдержать ни один матрос команды.

— Так, говоришь, ты теперь капитан корсарского карака? — Конан с любопытством оглядел своего бывшего юнгу. — И старина Сигурд плавает с тобой?

— Плавает, — подтвердил Вайд. — Он собирался штурмом брать Тарантию, чтобы повидаться с тобой. Еле его отговорил...

— Узнаю старого волка! — захохотал король. — Видно, прошедшие годы не укротили нашего Сигурда... и не прибавили ему ума!.. А другие парни с «Вестрела»?

— Асторга со мной, — начал перечислять Вайд, — Туас и Поттику тоже, Орнета год назад смыло за борт, Ленге, говорят, спился и умер, Ковдор — ни за что не поверишь! — открыл кондитерскую лавку близ Морского рынка, Зала умудрился рассориться с законом и теперь за убийство протирает скамью на королевских галерах... Каждого прибило к какому-нибудь берегу, капитан... или теперь тебя надо называть «Ваше Величество»?

— Называй как хочешь, — хмуро махнул рукой Конан. — Какое уж тут «Величество», когда Сет знает что вокруг творится! — И король угрюмо посмотрел на Вайда. — Те, кто плавал со мной на «Вестреле», всегда сражались до конца, а не бежали, поджав хвост, и не лаяли на меня потом из своих замков, как этот дворянский сброд! А бунт на корабле я подавлял с помощью пары зуботычин — ну, в крайнем случае, вздерну кого на рее. А тут мне говорят: «Нельзя воевать с собственным народом». Какой это, к Нергалу, народ — сборище трусливых шакалов, готовых лизать пятки сильному и тявкать, чуть что не так. Да пусть они с демонами сожрут друг друга, разрази их Кром! — И Конан так грохнул кулаком по дубовой столешнице, что чаши подпрыгнули и жалобно звякнули. Ларго углубился в созерцание своих сапог, а Дайана уткнулась в шелковистую шерстку Тао. Вайд вздохнул:

— А я думал, что мои новости заинтересуют тебя. Но раз ты решил оставить горожан и демонов на произвол судьбы — выпьем еще, и я пойду, пожалуй... Мне еще домой добираться, а при нынешних порядках на это уйдет месяц-другой...

— Я тебе поиздеваюсь, недоносок! — зарычал Конан совсем как прежде. — Что ты там вынюхал?

— Конан, я ведь не зря ушел тогда от вас и вернулся в Дарфар, — серьезно сказал Вайд. — Три года я сидел один в Лабиринте — и кое-чему за это время научился. Лабиринт — не просто пещеры, набитые сокровищами, как вы

все думали. Он — древнее существо, мудрое и загадочное, и он избрал меня своим Хозяином. Помнишь, я говорил тебе, что когда-нибудь стану магом? С помощью Лабиринта я и вправду способен на многое. Именно Лабиринт почувствовал странные изменения, что происходят здесь. Вот я и поехал в Аквилонию, чтоб во всем разобраться...

Сдвинув брови, Конан слушал объяснения своего бывшего юнга. Повторенное уже в третий раз, повествование Вайда приобрело несомненную художественную ценность, но аквилонский король не имел ни малейшего намерения им восхищаться.

— Значит, эти твари лезут сюда из твоего Портала? — нетерпеливо перебил Вайда киммериец. — И ты думаешь, он находится в Руазельском лесу... Может, ты настолько умен, что скажешь, чья это работа?

— Точно не знаю, однако... Тебе имя «Бен-Аззарат» ни о чем не говорит?

Конан задумался, потом произнес:

— Кажется, еще до всей этой заварушки с демонами был у меня какой-то шемитский колдун, на службу просился... Не он ли?

— Он самый, — подтвердил Вайд и плеснул себе еще вина, равного которому он не пил со времени отъезда из Кордавы. — По-видимому, его просьба о приеме на службу — лишь предлог. На самом деле он явился в Аквилонию, чтобы изрядно попортить кровь местным жителям. Дайана, его бывшая наложница, говорит, что ее хозяин ездил в Руазель, а затем из леса полезла всякая нечисть. В магическом зеркале шемита видны какие-то черные ворота — думаю, так выглядит в нашем мире Портал. И потом, у Бен-Аззарата есть ритуальный перстень со Змеем...

— Знак Сета? — вскинул брови Конан. — Тогда этот старый шемит — птица посерьезней, чем мне показалось.

— Бен-Аззарат использует силу Темного бога. На это способны лишь очень могущественные маги... — покачал головой Вайд. — Одно мне неясно: почему, обладая такой властью, Бен-Аззарат довольствовался положением заурядного придворного алхимика и прорицателя в Асгалуне? И

почему вдруг сорвался с насиженного места и на старости лет поехал в Аквилонию открывать этот самый Портал? — Вайд недоуменно пожал плечами. — Видно, плохой я еще маг, если не могу понять своего собрата по ремеслу.

— Дай мне только добраться до твоего собрата, — зловеще процедил Конан. — Я уж у него за все спрошу — и за Руазель, и за Белезу, и за разоренную столицу...

Конан оттолкнул столик, опрокинув чаши с недопитым вином, и встал. Его голубые глаза горели огнем, обещавшим врагу неминуемую гибель. Ларго невольно вскочил со скамьи и с нелепой радостной улыбкой вытянулся в струнку, видя перед собой прежнего могучего аквилонского короля.

— Эй, там! — крикнул Конан в сторону двери.

Протирая заспанные глаза, на зов явился испуганный оруженосец.

— Живо беги в конюшню, седлай трех лошадей и выводи к главному дворцовому входу! — приказал король и обернулся к Вайду и Ларго: — Поедем втроем. Этот колдун мой, и никакая сила Сета не защитит его от гнева Конана!

Потрясенные появлением своего короля, да еще верхом, стражники живо распахнули дворцовые ворота — и топот шести пар копыт нарушил унылую тишину города.

...У дома шемита все трое соскочили с коней.

— Открывайте, именем короля! — закричал Ларго, грохоча медной дверной ручкой.

Прорезанное в двери зарешеченное окошечко приоткрылось, и в него глянули испуганные старческие глаза.

— Хозяин болен, открывать никому не велено! — донеслось из окошечка, и оно захлопнулось с громким стуком.

— Открывай, отродье демона! — зарычал Конан, ударив в дверь эфесом своего меча. На дереве осталась глубокая вмятина.

— Там есть другой выход! — крикнул Вайд. Ларго остался сторожить главный вход, а Конан и Вайд вновь вскочили на коней и, проехав по переулку, где до сих пор валялись останки незадачливых грабителей, оказались пе-

ред огораживающей дворик мага стеной. Конан первый преодолел ее, и когда Вайд очутился около знакомой поленицы, киммериец уже выбил зеленую дверь и с обнаженным мечом ворвался в дом. Вайд последовал за ним.

На кухне никого не было. Выскочив к лестнице, Конан натолкнулся на телохранителя Бен-Аззарата, который сжимал в руках меч, не уступающий размером королевскому. Не тратя времени на раздумья, киммериец бросился в атаку. Вайд вытащил метательный нож — но куда там! Фехтуя, король и телохранитель непрерывно менялись местами, как кружащиеся в вихре листья, и Вайд не был уверен, что попадет в того, кого нужно. Но Конану и не требовалась помощь. Быть может, в Шадизаре Шеки и был известным бойцом, но за время своих странствий Конан сражался со многими известными бойцами, чьи кости теперь гнили глубоко в земле. Со звоном сшибались тяжелые мечи, летели со стен деревянные полки, падали скамьи, а тем временем снаружи Ларго, лишенный возможности поучаствовать в драке, отчаянно барабанил в дверь. Укрывшись на кухне, Вайд наблюдал за битвой двух гигантов, каждый из которых мог скрутить его одной рукой, и утешался мыслью, что природа, не дав ему избытка силы, наградила острым умом, что зачастую гораздо важнее.

Подхватив с пола большой глиняный кувшин, Шеки метнул его в противника — но кувшин разлетелся на осколки, встретившись с мечом Конана. Переняв тактику соперника, Конан швырнул в Шеки табуретку — но могучий телохранитель отбил ее локтем и даже не поморщился. В результате перемещений Конан оказался прижатым к лестнице, ведущей на второй этаж. Перехватив покрепче рукоять меча, Шеки замахнулся и с радостной ухмылкой обрушил сталь на, как он думал, голову обреченного врага — но меч, взвизгнув, пролетел над ловко увернувшимся киммерийцем и глубоко вошел в прочное дерево, из которого добрый плотник смастерил перекрытия лестницы этого дома. Отбросив меч, Конан прыгнул на Шеки, схватил того за горло, и противники со страшным грохотом пова-

лились на пол. Король быстро вскочил на ноги, а Шеки остался лежать, закатив глаза.

Мигом взлетев на второй этаж, Конан ворвался в спальню и ногой вышиб дверь запертого кабинета шемита. Вбежавший за ним Вайд увидел в полутьме комнаты двух стариков. Бен-Аззарат сидел на кушетке, держась за сердце и тяжело дыша. Рядом, сжимая трясущейся рукой небольшой кинжал, стоял Юшала. Кабинет заполнял тяжелый дух больного тела, перебивающий даже запах благовоний.

— Ты, шемитская собака, — зарычал Конан, — настало время заплатить за твое колдовство!

Неожиданно Юшала хрипло вскрикнул и неумело замахнулся кинжалом. Король, не глядя, толкнул слугу, и тот полетел в угол, повалив столик с колбами и ретортами на роскошный туранский ковер. Вайд невольно отвел глаза.

— Я... знаю тебя, — слышался слабый дребезжащий голос Бен-Аззарата. — Ты — король этой страны. Этой обреченной страны...

— Что ты мелешь, змеинное отродье? — Конан шагнул еще ближе. — Мы уничтожим и тебя, и твой Портал!

— Я... сделал все, как надо, — продолжал бормотать маг, глядя перед собой и словно не слыша киммерийца. — Я помог открыть Портал... Я удерживал его открытым каждую ночь... Теперь он стоит прочно и открывается сам, выпуская в ночь создания иных миров... — Бен-Аззарат хрипло засмеялся и закаплялся.

— Он или обезумел, или притворяется! Прихвостень Сета! Разрубить ему череп — и дело с концом! — Конан поднял меч, но Вайд вцепился в его руку и удержал готовую упасть на голову шемита сталь.

— Пусть говорит! — шепнул молодой человек киммерийцу.

— Я отдал свой долг... — Маг повернул голову и уставился в тусклое серебряное зеркало. Вайд тоже посмотрел туда — но увидел лишь клубы серого тумана, крутящиеся на поверхности серебра. — Уничтожить Портал... — Маг снова засмеялся, трясая худым телом. — Он выпил мою жизнь. Сам Сет на его стороне! — Пустые глаза Бен-Аззарата вдруг

остановились на Вайде. — Мальчишка сильней, чем кажется. За ним древняя сила... — пробормотал шемит и вздрогнул. — Но он никому не позволит нарушить его замыслы! Никому! Сам Сет!.. Вы... — Маг вскочил на ноги, вытянув руки в сторону оторопевших Вайда и Конана, и, захрипев, повалился на пол. Какое-то время его сморщенные пальцы скребли пол, он пару раз содрогнулся — и затих. Конан наклонился над Бен-Аззаратом.

— Мертв, — с досадой сказал король, ткнув мага рукоятью меча. — А перед смертью наболтал всякой чуши... Жаль, ты остановил меня — я бы с удовольствием разрубил эту тварь пополам!

Ничего не ответив, Вайд поднял с пола перстень, выкатившийся из ладони мага. Это о нем говорила Дайана. Вайду были знакомы письмена на его поверхности — стигийские руны, которые он не раз встречал в древних манускриптах, посвященных тайному колдовству во имя Сета.

— Может статься, то, что говорил Бен-Аззарат — вовсе не чушь, — задумчиво протянул Вайд, разглядывая перстень. — Кто не позволит нарушить свои замыслы? Сет? Портал?..

Но Конана мало интересовали отвлеченные рассуждения его бывшего юнги. Враг был мертв, впереди ждали другие дела.

— Поехали во дворец, — кивнул король Вайду. — Там разберемся, что делать дальше.

Спустившись, Конан открыл входную дверь — и Ларго, огорченный тем, что справились без него, вошел в дом.

— Ну, что? — поинтересовался юноша, вопросительно глядя на Конана и Вайда.

— Сдох, собака, — махнул рукой киммериец и, считая вопрос исчерпанным, покинул жилище мага. Ларго, взглядом знатока окинув разрушения, оставленные на первом этаже Конаном, завистливо вздохнул и отправился вслед за королем. Вайд собрался было последовать их примеру, как вдруг услышал стон. Оглянувшись, он увидел, что Шеки, которого Вайд считал мертвым, приподнялся с пола и смотрит на него.

— Эй, господин, что с моим хозяином? — морщась от боли и потирая ушибленную голову, спросил телохранитель.

— Умер, — коротко ответил Вайд.

— А что же мне делать? — растерянно спросил Шеки.

— Позаботиться о себе самому, — посоветовал Вайд и взялся за ручку двери, намереваясь присоединиться к ждущим его спутникам. Но Шеки вновь остановил его.

— Э-э, нет, — решительно сказал телохранитель и начал подниматься с пола. — Вы моего хозяина убили — значит, все его имущество принадлежит вам. А я — тоже его имущество. И заботиться обо мне должны вы! — И Шеки торжествующе посмотрел на Вайда.

— Да не убивали мы твоего хозяина, он сам умер... — попытался было объяснить Вайд, но Шеки не хотел слушать. Выдернув из дубовой балки свой меч, он как ни в чем не бывало пристроил его за спину и деловито спросил:

— Куда едем, господин?

— Да поезжай куда хочешь! — потеряв терпение, воскликнул Вайд и вышел из дома. Конан и Ларго уже были в седлах, их кони нетерпеливо били копытами. Вайд подошел к своей лошади и, заметив удивленные взгляды киммерийца и Ларго, оглянулся. За его спиной, точно символ неотвратимости, маячил Шеки.

— Я придержу тебе стремя, господин, — сообщил Шеки, обнажив белоснежные зубы в лучезарной улыбке.

— Он хочет, чтобы мы взяли его с собой! — с отчаянием сказал Вайд, обращаясь к Конану.

— Пускай едет, нам-то что, — пожал плечами король. — Воин он неплохой, пригодится...

Шеки с триумфом взглянул на Вайда и, не дожидаясь приказа, взгромоздился на лошадь позади молодого человека. Животное тяжело всхрапнуло и присело на задние ноги, не слишком обрадовавшись дополнительной ноше.

* * *

Во дворец они вернулись уже под вечер. Вайд увидел, что дворцовые покои совсем не так пустынные, как показывалось

ему вначале. Слух о том, что король нарушил свое добровольное заточение и вновь деятелен и энергичен, как прежде, взбудоражил слуг, и они моментально вспомнили о своих обязанностях. Повсюду горели факелы или свечи, гвардейцы у дверей стояли с непроницаемо-суровыми лицами, и никто бы даже подумать не смог, что они знают о существовании игры в кости. Едва Конан со спутниками вошли во дворец, как к королю подошел незнакомый Вайд — молодой черноволосый мужчина, гордая осанка и властное лицо которого выдавали в нем аристократа.

— Просперо Пуантенский, — шепнул другу Ларго, украдкой кивнув на собеседника Конана.

Король и Просперо о чем-то оживленно заговорили. Пуантенец взял киммерийца под руку, настойчиво увлекая за собой. Вступив на парадную дворцовую лестницу, Конан обернулся и посмотрел на Вайда со спутниками.

— Послушай, офицер... э-э...

— Ларго, Ваше Величество, — учтиво напомнил юноша, недоумевая, как можно забыть такое простое имя.

— Да, Ларго. Проследи за тем, чтобы моего друга Вайда как следует устроили во дворце и накормили. — Конан кивнул своему бывшему юнге и развел руками: — Придется Порталу подождать до завтра. Столько государственных дел навалилось. Я-то в последнее время слегка их подзабыл... А завтра встретимся, и ты расскажешь, что делать с этим самым Порталом. — И король удалился в сопровождении пуантенца.

Дайана и Тао терпеливо ждали Вайда в казарме. Узнав о смерти своего господина, девушка вздохнула.

— Он не сделал мне ничего плохого. Он даже заботился обо мне... Жаль, что он умер в страхе и одиночестве. — И, склонив голову, Дайана прошептала на незнакомом Вайд — языке что-то вроде молитвы.

Присутствие Шеки не удивило девушку. Вайд надеялся, что шадизарец пойдет за королем или просто исчезнет. Но, куда бы Вайд ни посмотрел, его взгляд неизменно наталкивался на улыбку телохранителя, следующего за ним тенью. Для Шеки мир делился на людей сильных, вроде него самого,

юного Ларго или могучего Конана, и людей более слабых, но наделенных мудростью и разнообразными способностями, как его бывший хозяин-маг или Вайд. По мнению шадизарца, сила призвана защищать неспособный постоять за себя ум, и Шеки честно отработывал свое предназначение, даже не интересуясь, нуждается ли новый хозяин в его услугах.

Действуя от имени короля, Ларго не только нашел Вайду и Дайане небольшую уютную комнату рядом с королевскими покоем, но и раздобыл съестное.

— Похлебка сегодня даже с мясом! — с гордостью сообщил Ларго, демонстрируя плавающий в миске кусочек хряща.

Дайана почти не притронулась к еде, зато Шеки умял внушительную порцию с видом человека, честно заработавшего свою пищу.

В эту ночь Ларго был назначен в караул, и, простившись с друзьями, ушел, пообещав навеститься завтра. Шеки, обладающий полезной способностью спать всегда и в любом месте, попытался было устроиться на ночлег на единственном в комнате диване, но Вайд недвусмысленно указал ему на дверь. Шеки вздохнул и поплелся к выходу. Какое-то время из коридора доносилось его обиженное сопение, но вскоре оно сменилось мощным храпом. Уставшая за день Дайана свернулась на софе, Тао с блаженным видом улегся в ее ногах.

Вайд, получивший наконец возможность спокойно подумать, сел в широкое кресло, придвинул поближе принесенную Ларго свечу и достал перстень Бен-Аззарата.

Молодой человек мог оценить искусную резьбу по камню, выполненную точной и бесстрастной, словно нечеловеческой, рукой. Свивающийся в бесчисленные кольца змей злобно глядел на Вайда, будто зная, кто виновен в смерти владельца перстня. Вайд сразу почувствовал мрачную темную силу, исходящую от этого талисмана.

— Из каких подземелий Стигии вынес Бен-Аззарат это кольцо? — задумчиво пробормотал молодой человек. — И чем заплатил за право владеть им? О каком долге он говорил?

Вайд перевернул перстень, стараясь разобрать и перевести письмена, выбитые на металле, известном посвященным как Небесное Железо. Постепенно древние стигийские руны сложились в слова: «Змею посвящена эта вещь. Частица Его да пребудет с тобой. Правь Его именем». Вайд знал — подобная ритуальная надпись означала, что кольцо является ключом, открывающим доступ к неистощимой магической мощи Темного бога. Необходимо было лишь узнать, как пользоваться этим талисманом.

— Имея такую игрушку, можно многого достичь...

Вайд повертел в руках перстень, прикидывая возможности, открывающиеся перед ее обладателем, но он твердо знал, что сам ни за что не решится связываться с грозной и злобной силой. Цена за это может оказаться слишком высокой. Безумие и смерть шемитского мага — жуткий пример того, чем может обернуться общение с Сетом.

— Вайд, — внезапно раздалось в голове молодого человека. — Вайд, ты слышишь меня?

— Лабиринт! Ты очень кстати, — Вайд не скрывал своей радости. — Я почти у цели! Я разыскал человека, открывшего Портал!

— Я никак не мог услышать тебя. Где ты был?

— В Тарантии, где же еще. — удивился Вайд. — Наблюдал за одним шемитским магом. Он...

— Как его имя? — нетерпеливо перебил Лабиринт.

— Бен-Аззарат. Ты его знаешь? — поинтересовался Вайд.

— Нет. — Казалось, Лабиринт разочарован. — Мне известны имена лишь сильнейших магов вашего мира. Об этом человеке я никогда не слышал. Где он сейчас?

— Мертв, — смущенно ответил Вайд. — Но перед смертью признался, что Портал открыл именно он. Я нашел у него ритуальный перстень с посвящением Змею.

— Значит, именно этот смертный мешал мне найти тебя. Но, если бы он был так могуществен, он бы слышал обо мне, а я — о нем. Владеющие Силой движутся одними путями. — Лабиринт вновь обрел свойственную ему велеречивость.

— Может, он недавно получил этот талисман, — предположил Вайд.

— Чтобы завладеть таким перстнем, нужно обладать огромной силой и знаниями. Простой человек или слабый маг никогда не сможет сделать это.

— Теперь это уже неважно, — пожал плечами Вайд. — Бен-Аззарат отправился к Нергалу, и мы уже ничего от него не узнаем. Но я выяснил, где находится Портал, — в лесу неподалеку от Тарантии. Остается сообразить, как его закрыть.

— Чтобы закрыть Портал, необходимо его разрушить, и тогда разорвутся связи между смежными сферами. Но будь осторожен, Вайд, — если ты совершишь ошибку, сила Портала захватит тебя, и ты окажешься в мире, из которого не сможешь найти выход...

— Но как разорвать эту связь? Объясни мне, Лабиринт! — воскликнул Вайд, но ответа не последовало. Через узкое, забранное витой решеткой окошко Вайд увидел, что совсем стемнело и наступила ночь. Значит, Портал открылся, выплескивая в этот мир темную силу, и Лабиринт вновь перестал слышать своего Хозяина. Вайд выругался, досадуя, что так и не узнал самого важного.

— Что-то случилось? — проснувшись, спросила Дайана.

— Нет. — Вайд потер лоб. — Просто я прикидываю, как же все-таки закрыть этот самый Портал...

— Ты будешь закрывать его сейчас? — удивилась девушка.

— Чтобы его закрыть, я должен его увидеть, — пояснил Вайд. — А для этого нужно ехать в Руазель.

— И... когда ты уезжаешь?

— Медлить нельзя, — серьезно ответил Вайд. — Завтра все объясню Конану и отправлюсь.

— Один?

— Может быть, Ларго не откажется сопровождать меня. — Вайд втайне очень рассчитывал на помощь бесстрашного офицера Черных Драконов.

— А я? — тихо сказала Дайана. — Ты не возьмешь меня с собой?

— Но... зачем? — растерялся Вайд. — Ты ничем не сможешь помочь мне. К тому же там очень опасно.

— Я смогу помочь тем, что буду рядом, — твердо проговорила девушка, подошла к Вайду, опустилась на ковер рядом с креслом и прижалась к его коленям. — Я хочу быть с тобой, когда тебе грозит опасность. Я хочу делить с тобой все трудности и невзгоды. С той минуты, как я увидела тебя в нашем доме и ты, озираясь по сторонам, что-то врал о голодающей семье, — с того мгновения я поняла, что буду рядом с тобой и никто не сможет этому помешать.

Никто никогда не говорил Вайду таких слов, и никто не смотрел на него такими глазами. Женщины, которых он знал раньше, приходили, когда он нуждался в них, и равнодушно уходили, когда он терял к ним интерес. То, о чем пела в балладах Вьяна и слагали стихи бродячие поэты, на самом деле было им незнакомо. Золото — та единственная ценность, которую признавали эти женщины. Вайд полагал, что так происходит везде, — и ошибся.

Портал, магическое кольцо, сферы, демоны — все это тут же показалось Вайду пустяковым по сравнению с этим чудом — женщина только что призналась ему в любви. И она не знает, что в Кордаве Вайд — уважаемый капитан карака, что он богат и у него много верных друзей. Она носит подаренную им аметистовую безделушку, словно это — бесценное алмазное ожерелье. Все, что пережила эта девушка, не убило в ней способности бескорыстно и преданно любить.

...Если бы Лабиринт попытался сейчас связаться со своим Хозяином, он не получил бы ответа. И причина крылась вовсе не в кознях зловредных магов, возмущениях сфер, влиянии звезд или открывшемся Портале. Лабиринт, такой мудрый и могущественный, знал много таинственного и неведомого, но это знание не помогло бы ему понять Вайда. Потому что Лабиринт не знал того, что рано или поздно узнает каждый человек, — что такое любовь мужчины и женщины.

...Голова Дайаны покоилась на плече Вайда, ее теплое дыхание касалось его шеи. Вайд лежал, глядя в потолок, и

Глава первая

думал о том, как изменится теперь его жизнь. Будущее казалось ему прекрасным, и он с радостью отдался захлестнувшему его счастью. Поэтому он не сразу обратил внимание на шум в коридоре. Кто-то бежал, тяжело бухая сапогами и громко крича. Вайд осторожно вытащил руку из-под головы девушки, приподнялся на локте и прислушался.

— Тревога! — кричали в коридоре. — Проснитесь, тревога! Гонец от границы... Война! Вражеское войско движется на Тарантию!

Вайд взглянул на Дайану. Она улыбалась во сне.

Конан стоял на опоясывающей Тарантию стене и хмуро смотрел на равнину, где спешно готовилось к штурму явившееся так не вовремя вражеское войско. Суетились внизу солдаты, разбирая крестьянские дома и подтаскивая бревна как можно ближе к городской стене, возле которой мастера наскоро сооружали примитивные тараны и осадные лестницы. Пылали подожженные сараи. Ветер, пропитанный таким знакомым запахом войны, гнал на город тяжелые клубы дыма.

Нападающих было не так много — тысячи две. Отряд, который прибыл со стороны немедийской границы, направился прямо к аквилонской столице, не задерживаясь у других городов. Судя по всему, командующий этой маленькой армией замахнулся сразу на главную цитадель страны. В обычное время вражеское войско остановили бы у приграничного города Сартена, всегда служившего надежным щитом Аквилонии. Но сейчас, когда в стране царили разброд и хаос, а бароны выжидали, укрывшись за надежными стенами своих замков, чтобы присоединиться к победителю, столица империи была как никогда уязвима, и надеяться тарантийцы могли лишь на самих себя.

С первыми лучами утреннего солнца по городу промчались королевские вестники, которые сообщали жителям о нападении и скликали ополчение на стены Тарантии. Выбравшиеся из своих ночных укрытий люди толпились на улицах, обсуждая плохую новость. Одни говорили, что

лучше подождать — авось и без них справятся, другие прямо заявляли, что согласны покориться новому правителю, который наверняка обуздает демонов скорее, чем нынешний король.

Но большинство, по здравому размышлению, решило, что от чужого войска ничего, кроме неприятностей, ждать не следует, а свой король всегда лучше иноземного, и, повздыхав, отправилось по домам, где причитавшие, как положено, жены чистили мужнино вооружение и готовили нехитрую снедь для защитников отечества.

Вскоре на тарантийских стенах собрались те, кто готов был оборонять свой город. Кроме простых жителей здесь находились и солдаты королевского войска — те, что еще не разбежались в наступившие смутные времена. Офицеров и просто опытных рядовых назначали командовать ополченцами, которых сосредоточили в местах предполагаемого штурма. Больше всего защитников собралось у главных городских ворот, куда, скорее всего, противник намеревался направить основной удар.

Король Конан с самого утра не покидал городские стены, следя за подготовкой к обороне. По его приказу всех мужчин королевского дворца — от Черных Драконов до последнего поваренка — послали на защиту города. Несколько особо осторожных за попытку увильнуть от высокой чести пасть за родину вздернули на скорую руку на дворцовых воротах, что существенно укрепило дисциплину в войсках и подняло моральный дух тарантийцев. Те, кто еще недавно громогласно поносил аквилонского правителя, сейчас, глядя на собранного и решительного Конана, одетого в доспехи и вооруженного знаменитым огромным мечом, помалкивали и старались побыстрее выполнить его приказы.

Вайд, чьи планы насчет Портала отодвигались на неопределенное время, сопровождал Конана, болезненно чувствуя свою ненужность. Он хорошо знал цену своему воинскому мастерству, а его таланты стратега здесь явно не требовались. Ларго с утра умчался к своим Драконам, и Вайд не представлял, где теперь находится его друг. Сейчас Конан в сопровождении Просперо обходил стены, проверяя готовность сво-

их войск, и Вайд плелся за ними, рассчитывая отыскать Ларго и примкнуть к его отряду. Шеки, невозмутимый, как скала, шел рядом, и защитники города провожали шадизарца взглядами, полными уважения. Тао после долгих уговоров нехотя признал, что собаке — а тем более демону — на городских стенах делать совершенно нечего, и согласился остаться с Дайаной во дворце ждать возвращения хозяина. Чуть больше времени понадобилось на то, чтобы отговорить решительно настроенную Дайану от мысли отправиться вместе со всеми на стены. Девушка не успокоилась, пока не надумала помогать женщинам из челяди королевского дворца, разрывавшим роскошные занавеси и скатерти на длинные ленты для перевязки раненых, которым наверняка суждено появиться в недалеком будущем.

...Вот над одним из уцелевших домов предместья, где расположился командующий армией врага, взвилось и затрепетало на ветру знамя. Конан прищурился, пытаясь разглядеть его.

— Просперо, ты не видишь, что намалевано на этой дурацкой тряпке? — проворчал король.

— Нет, Ваше Величество, — с досадой ответил тот, не расставшийся со своей привычкой к щегольству и даже сейчас облаченный в богато украшенный панцирь.

— Я могу разглядеть, Ваше Величество. — Вайд напрягся. — Их знамя — желто-синее, в центре птица какая-то, орел, что ли...

— Странно, — пробормотал Конан. — Я думал, это немедийцы, а их флаг — дракон на желтом фоне.

— Конечно, немедийцы! Я их узнаю с любого расстояния, — уверенно сказал Просперо. — К тому же они пришли от границы. Видимо, нападают не под королевским стягом. Может, какой-нибудь немедийский барончик прослышал о том, что у нас творится, и хочет выслужиться перед Нимедом?

— Ну и Сет с ними обоими, — буркнул киммериец. — Какая разница, с кем драться? Надо победить.

Король со спутниками последовали дальше. Внизу кипела бурная деятельность, но и защитники города не сиде-

ли сложа руки. В огромных чанах булькала смола, распространяя вокруг омерзительную вонь, способную свести с ума и нападающих, и обороняющихся. Кое-где плавил свинец, и оттуда неслись волны тяжелого жара. Женщины и дети собирали камни и складывали их в кучи рядом с деревянными катапультами.

Мужчины таскали тяжелые мешки с песком, которые позже полетят на головы неприятеля. Из королевских оружейных шли подводы с оружием. Они не успевали даже остановиться, как ополченцы разбирали копы и арбалеты. Тарантийцы постарше солидно проверяли полученное оружие, молодежь, не задумываясь ни на миг, уже начала пристрелку, и кое-где вспыхнули ожесточенные споры: юнцы торопились доказать собственную меткость. Лишь о демонах никто не говорил. Казалось, тарантийцы перед лицом новой опасности мгновенно позабыли о беде, изводившей город уже третий месяц.

Завидев короля, защитники города начинали работать еще энергичней, а офицеры, вытянувшись в струнку, преданно смотрели в лицо правителя, ожидая вопросов или приказаний.

— Установите здесь катапульту, — бросал Конан, и все кидались перетаскивать катапульту с соседнего участка стены.

— Усиьте этот отряд!

И нескольких растерянных ополченцев споро перегоняли на указанное место.

— Ваше Величество, у нас не хватает стрел!

И по приказу Конана один из его сопровождающих бросался в оружейную с требованием доставить стрелы, а если стрел не хватит, использовать самих оружейников в качестве метательных снарядов.

— Ваше Величество, надо бы подбодрить людей, — подсказал наконец Просперо, украдкой кивая на усердно трудившихся защитников. — Скажите что-нибудь, поднимите боевой дух...

— Сам знаю, — отмахнулся король и, подумав, заговорил во весь голос: — Жители Тарантии, немедийские соба-

ки снова хотят нажиться на наших бедах. Но мы покажем врагу, что даже в трудные времена один аквилонец стоит пяти немедийцев. Мы не позволим...

Возникший в рядах слушателей шум прервал начатую речь, и под ноги Конану буквально выкатился странный человек, бережно державший в руках небольшой бочонок, словно мать младенца. Ему было лет под пятьдесят, седые волосы торчали во все стороны, лицо перекашивал ужасный шрам от давнего ожога, а на левой руке не хватало двух пальцев. Горящие полубезумным блеском красные слезящиеся глаза взирали на короля. Увернувшись от королевского стражника, человек встал на одно колено перед Конаном и быстро заговорил:

— Ваше Величество, скажите им, что они тупоголовые бараны и не понимают всей ценности моего открытия!.. Они не хотят воспользоваться им! Прикажите, Ваше Величество, чтобы мне разрешили испытать мое изобретение! Во время штурма они сами будут просить у меня помощи!

Наконец стражнику удалось схватить незнакомца за плечо. Он собрался было втолкнуть человека обратно в толпу, но Конан остановил стражника повелительным жестом.

— Объясни-ка толком, кто такие «они» и что ты там изобрел, — потребовал король.

— Я, мастер Энгус, создал вещество, названное мною «гремучий песок», — гордо объявил человек и одернул прожженную в нескольких местах рубаху. — Много лет я усовершенствовал изобретение и теперь хочу применить его при защите города от иноземцев. Я уверен, что гремучий песок окажется куда действенней, чем всякая там смола или масло. А они, то есть офицер Ройстан и этот наглый мальчишка — не знаю, как его зовут, — говорят, что я свихнулся от своих опытов, и не позволяют мне испытать мой песок перед штурмом... — Энгус протянул Конану бочонок, словно величайшую драгоценность.

— Ваше Величество, поручите этого безумца кому-нибудь, и пойдем дальше, — посоветовал Просперо, но Конан с интересом посмотрел на мастера и спросил:

— Что это за гремучий песок такой?

— Разрешите, я докажу вам, Ваше Величество, что я вовсе не безумец, — вежливо ответил Энгус, метнув острый взгляд на графа Пуантенского.

Конан милостиво кивнул, и мастер, поднявшись с колена, подошел к установленной неподалеку катапульте. Обслуживающий ее паренек с ужасом уставился на Энгуса.

— Опустит-ка мне эту штуку, мальчик, — обратился мастер к юноше.

Тот вопросительно взглянул на приблизившихся короля со спутниками. Конан кивнул, и паренек начал усердно тянуть веревку, которая опускала ковш катапульты.

— До тех добросишь? — поинтересовался мастер у юноши, указывая на группу немедийцев, беспечно расположившихся недалеко от стен города.

Паренек прищурился, прикинув расстояние, и важно ответил:

— Ежели ветер не переменится — добросим.

Энгус аккуратно уложил свою драгоценную ношу. Окружающие заметили, что из прорезанного в бочонке отверстия торчит промасленная тряпка, скрученная жгутом. Мастер огляделся, подошел к чану с кипящей смолой и, выхватив из костра головню, приставил ее к тряпке. Пропитанная маслом ткань послушно занялась, по ней побежали легкие язычки пламени. Подождав, пока огонек разгорится, Энгус скомандовал:

— Давай, мальчик!

Паренек отпустил стопорный рычаг, ковш описал в воздухе широкую дугу, и бочонок, оставляя за собой дымный шлейф, устремился к цели. Немного не долетев до немедийцев, которые, задрав головы, с интересом следили за происходящим, бочонок внезапно вспыхнул и с сильным грохотом разлетелся на куски. Трое немедийцев, стоявших ближе всего, повалились на землю, остальных засыпало горящими щепками. По толпе защитников столицы пронесся восхищенно-испуганный гул. Энгус гордо взглянул на короля.

— Так действует мой гремучий песок, — пояснил мастер. — Соприкасаясь с огнем, он вспыхивает, как сухое дере-

во при ударе молнии, и разрывает предмет, в котором находится, а также зажигает все, что способно гореть. Он может поджечь их тараны гораздо лучше зажигательных стрел.

— И много у тебя этого песка? — поинтересовался Конан.

— Я изготовил пока двенадцать таких бочонков, — с искренним сожалением вздохнул Энгус и задумчиво добавил: — Но со временем...

— Времени у нас нет, — отрезал король. — Неси то, что приготовил. После штурма, если останешься жив, приходи во дворец за наградой.

Вайд задумчиво смотрел вниз, где истошно орали немедийцы, пытаясь сбить пламя. Один из упавших сумел встать на колени и теперь замер, стиснув руками голову, двое остальных не шевелились.

— А ты не пробовал, мастер Энгус, класть в бочонки вместе с твоим песком какие-нибудь предметы — гвозди там или камни? — наконец полюбопытствовал Вайд.

— Зачем? — удивился мастер. — Они же не горят.

— Щепки от твоего бочонка вон как далеко разлетелись, — ткнул пальцем Вайд. — Если бы в бочонке лежали, к примеру, камни, а при взрыве вокруг стояло много народу, половина лбов оказалась бы пробита, это уж точно. Нам при abordage очень пригодилось бы... — И Вайд, мечтательно закатив глаза, даже причмокнул от удовольствия.

— Я об этом не думал... — растерянно проговорил мастер и задумчиво потер шрам на лице.

— Клянусь Кромом, неплохая идея! — одобрил Конан. — Ступай-ка ты с этим Энгусом, и помозгуйте вместе насчет вашего песка, чтобы толк был.

Отдав приказание, Конан отправился дальше вдоль стены, а Вайд остался со странным маленьким человечком, совершенно не представляя, что теперь делать.

— Очень рад, молодой человек, встретить единомышленника, — кивнул Вaidu Энгус. — Пойдем, ты поможешь мне перетащить мои бочонки и набить их чем-нибудь...

И пожилой мастер потрусил к спуску со стены. Вайд, тяжело вздохнув, потащился следом. Шеки, терпеливо дожидавшийся окончания разговора, затопал за ними.

* * *

Штурм начался около полудня. Немедийцы даже не стали отдыхать после быстрого перехода, не желая терять время и опасаясь, что к аквилонскому королю подоспеет подкрепление извне. В доме командующего войском звонко запела сигнальная труба, возвещавшая о начале военных действий, ей откликнулись другие — и солдаты, подхватив осадные лестницы, с ревом ринулись в атаку. К главным тарантийским воротам пополз таран. Лошадей, тащивших его, прикрывали щиты. Заработали несколько катапульти, которые успели построить немедийцы, забрасывая за стены города сосуды с зажигательной смесью.

Для защитников города настало жаркое время. Укрывшись за зубцами стен, тарантийские лучники посылали тучи стрел в нападающих. Скрипели катапульти, бросая тяжелые камни в неприятеля. Длинные лестницы, которые немедийцы приставляли к стене, обороняющиеся сбрасывали с помощью специальных захватов с длинным и прочным древком. Особенно удачным считалось сбросить лестницу, когда по ней уже карабкались несколько врагов, чьи крики ласкали слух ловкого защитника. По каменным желобам на головы немедийских солдат лились расплавленный свинец и смола, а то и просто кипяток. Вместе с тяжелыми мешками с песком вниз летели набитые мелкими камушками крынки и горшки, чугунные чаны и сковороды — это женщины вносили свою лепту в оборону города. Подростки ловко тушили возникавшие то тут, то там пожары и собирали стрелы, в изобилии усыпавшие пространство внутри стен.

Вскоре послышались гулкие тяжелые удары — это вступил в дело таран противника. Висящее на железных цепях массивное бревно, раскачиваемое солдатами, упорно било в ворота Тарантии. Деревянные щиты, за которыми укрывались немедийцы, и само бревно были густо усыпаны зажи-

гательными стрелами, но предусмотрительно пропитанное водой дерево никак не желало загораться. Тарантийские лучники выискивали малейшую дырочку в щитах, чтобы достать врагов, но на место убитого тут же вставал новый солдат, и зловенций грохот, сопровождаемый жалобным скрипом петель ворот, не смолкал.

Энгус, Вайд и Шеки, с чьим присутствием молодой человек уже примирился, находились на участке стены, расположенном совсем близко от главных городских ворот. Дюжина небольших деревянных бочонков с гремучим песком, покрытая мокрой дерюгой, которая защищала от зажигательной смеси, представляла собой весь их боевой запас. Накануне Вайд разыскал ближайшую кузницу и, используя Шеки в качестве главного аргумента, забрал оттуда все мелкие железки, какие только смог найти — гвозди, сапожные иглы и шила, ножницы, лезвия для кухонных ножей, заготовки для хирургических инструментов, ключи — и, гремя этим скарбом, явился на стены, куда мастер уже перевез изготовленное им вещество. Укрывшись под стенами, Энгус и его помощники торопливо набивали бочонки железом, засыпали туда гремучий песок и, вставив смоченные в масле или смоле тряпки, наглухо закрывали. Штурм уже начался, когда они наконец закончили работу.

Сунув бочонок в ковш катапульти, которую обслуживал знакомый уже паренек, Вайд поджег фитиль и, махнув юноше рукой, высунулся из-за зубца стены, наблюдая за полетом усовершенствованного оружия. Свистнувшая мимо уха стрела недвусмысленно напомнила ему об осторожности, и Вайд пригнулся, пропустив миг взрыва. Когда он вновь взглянул вниз, то увидел столб дыма, а вокруг — множество немедийцев. Большинству из них не суждено было встретить завтрашний день, а те, кто еще пытался отползти в сторону, вряд ли могли вернуться в строй. Нанесенный врагу урон был явно значительней, чем в прошлый раз.

— Кажется, сработало! — удовлетворенно кивнул Вайд и, за неимением лучшего, пожал руку Шеки.

Вскоре стрелять из катапульти стало бессмысленно: нападающие в основном сосредоточились под стенами и на

осадных лестницах. Кое-где немедийцы уже прорвались на стены, и там завязывались ожесточенные рукопашные схватки. Вайд и Энгус старались не трогать попусту драгоценные бочонки, бросая их только в большие скопления врагов. Шеки энергично спихивал лестницы и скидывал вниз самые тяжелые мешки с песком, которые мог поднять не всякий мужчина.

«А ведь ему нет никакого дела ни до Тарантии, ни до немедийцев», — подумалось Вайду, и он в который раз удивился способности некоторых людей самоотверженно бросаться в драку, нисколько не интересуясь ее причиной.

— Что там так грохочет, молодой человек? — спросил Энгус, вытирая пот с лица и размазывая по нему грязь и копоть.

— Тараном бьют в ворота, — коротко пояснил Вайд, прикидывая, куда бы швырнуть смертоносный снаряд.

— У нас осталось только пять бочонков. — Энгус обвел взглядом свой арсенал. — Но я думаю, у ворот они нужнее. Возьмите с тем юношей, — мастер ткнул рукой в только что скинувшего со стены трех немедийцев Шеки, — четыре, а мне уж оставьте один — на всякий случай.

Подхватив бочонки, Вайд и Шеки бросились к главным воротам, одна из створок которых держалась только, как говорили в Тарантии, на благословении Митры. Таран работал вовсю. Оглядевшись, Вайд заметил, что какая-то светлая голова догадалась развернуть катапульту так, чтобы она была по прикрывающим таран щитам. В паре мест щиты уже были проломлены тяжелыми камнями, но немедийцы, чувствуя, что цель близка, не обращали на это внимания. Мгновение подумав, Вайд поднял с земли обрывок веревки и связал вместе два бочонка, решив таким образом усилить удар. Проследив, чтобы промасленные тряпки, торчавшие из обоих бочонков, были одной длины, Вайд положил бочонки в ковш, поджег тряпки и, помедлив немного, отпустил рычаг. Расчет оказался точен: бочонки врезались ровно в пролом в досках и разорвались с оглушительным грохотом, почти полностью разворотив щиты и сильно перекосив раму тарана, отчего бревно бессильно

ткнулось в землю, звеня провисшими цепями. Уже подсохшие доски, не выдержав такого жара, загорелись, а из-под обломков щита послышались стоны раненых, обожженных и оглушенных врагов.

Защитники города восторженно заревели, а Вайд получил в награду несколько увесистых ударов по спине и плечам. Пользуясь передышкой, тарантийские мастера бросились укреплять поврежденные ворота. Под руководством Вайда Шеки окончательно деморализовал противника, бросив свои бочонки в скопления немедийцев, которые пытались погасить охватившее таран пламя.

— Жаль, что этого гремучего песка так мало, — вздохнул Вайд. — С ним было бы гораздо проще. Да, Шеки?

— Тебе виднее, господин. По мне так лучше по старинке, с мечом, — откликнулся brave телохранитель.

— Вот благодаря подобным тебе любителям «по старинке» мы и живем в таком нецивилизованном мире, — назидательно заметил Вайд.

Ничего не поняв, Шеки на всякий случай согласно кивнул.

Несмотря на воодушевившую всех победу у ворот, защитникам приходилось все тяжелее. Население столицы значительно поредело за последнее время, и даже сравнительно небольшая армия врага представляла для них серьезную угрозу. К тому же немедийцы были сытые и крепкие, а тарантийцы — голодные и истощенные. Горожане и солдаты сражались как могли, отстаивая родной город, но силы их были на исходе.

Вайд и Шеки вернулись на свой прежний участок стены, где мастер Энгус, не расставшийся еще с последним бочонком гремучего песка, руководил мальчишками, которые поддерживали огонь под чанами со смолой. Вайд встал к блоку, регулирующему наклон чана, заменив убитого шальной вражеской стрелой ополченца. Кошмарная вонь, дым и жар от раскаленных чанов поглотили его. Кашляя и задыхаясь, Вайд по команде тянул за веревку, и из чана по желобу, выведенному за стену, начинала течь кипящая смола. Иногда до Вайда доносились вопли обожженных

врагов — значит, его труд не пропал даром. То справа, то слева Вайд слышал бодрый голос мастера, приказывавшего своему воинству подбросить еще дров или поискать по ближайшим домам, не осталось ли там мебели.

Звон клинков заставил Вайда выпустить свою веревку и оглянуться. Одну из лестниц не успели скинуть, и по ней на стену взобрались несколько немедийцев. Расположившись полукругом, они защищали подходы к лестнице, по которой теперь лезли их товарищи. Выхватив из ножен саблю, позаимствованную еще в печально знакомом переулке, Вайд кинулся в атаку. Его противником оказался крепкий коренастый мужчина, уже немолодой и, судя по всему, бывалый солдат. Палаш немедийца стремительно обрушился на саблю Вайда, заставив того проявить чудеса изворотливости. Вайду казалось, что у его врага не одна, а по меньшей мере три руки, и в каждой — по жаждущему его крови клинку. Но Вайд упорно не хотел проливать свою кровь и каждый раз умудрялся отбить палаш немедийца, отчего его сабля радостно взвизгивала. Обмениваясь ударами, солдат и Вайд кружили около лестницы. Скорее всего, умелый немедиец все же добрался бы до Вайда, но удача сегодня была на стороне молодого кордавеца. Попавшийся под ноги солдата камень, не донесенный кем-то до катапульты, решил исход поединка. Оступившись, немедиец неловко взмахнул рукой с зажатым в ней палашом — и Вайд, воспользовавшись мгновением, всадил саблю в незащищенную грудь противника.

Осмотревшись, кордавец увидел Шеки, который сражался сразу с двумя немедийскими солдатами, и от души пожалел их обоих. А вот знакомому пареньку, обслуживавшему катапульту, приходилось туго. Здоровенный верзила, поигрывая мечом, наступал на него, и в глазах юноши уже отражались Серые Равнины. Не тратя времени на соблюдение рыцарских правил, Вайд подскочил и ударил верзилу саблей в спину. Побледнев и судорожно сглатывая, паренек устоялся на луже крови, расплывающуюся рядом с упавшим врагом. Вайд подтолкнул юношу:

— Некогда тут вздыхать, а то убьют ненароком.

— Прости, господин... — Паренек поднял на Вайда потемневшие от страха глаза. — Я... Я просто...

— Ничего, бывает, — великодушно потрепал его по плечу Вайд. — Когда я впервые увидел мертвеца, разваленного мечом, меня стошнило.

В это время кто-то из горожан, прорвавшись к лестнице, толкнул ее вниз, и карабкавшиеся по ней немедийцы дружно завопили. Но порадоваться этому тарантийцы не успели: пока шла схватка, противник смог укрепить еще две лестницы, и теперь по ним взбирались рвущиеся в ближний бой солдаты. Вайд только сейчас осознал, как немного защитников осталось на стенах.

Вайд бросился к своему чану, собираясь залить кипящей смолой толпившихся под стеной врагов, но, потянув за веревку блока, обнаружил, что чан пуст. Печально поскрипывала катапульта: камни для нее давно кончились. Кто-то скинул вниз мешок с песком и оповестил:

— Последний!

Мальчишки мастера Энгуса, державшие охапки щепок и куски разломанной мебели, растерянно топтались около опустевших резервуаров для жидкого свинца.

— Бегите по домам! — махнул им рукой Энгус. Ребята что-то возмущенно заговорили, но мастер строго прикрикнул: — Живо, а то офицер поддаст вам ножнами пониже спины!.. Не хватало, чтоб они путались под ногами во время рукопашной, — не глядя на Вайда, пробормотал Энгус.

Вскоре на этом участке стены закипела схватка. Немедийцы напирали, стараясь расшить брешь в обороне. Тарантийцы яростно сопротивлялись, забыв о голоде и усталости. Перед Вайдом мелькнул мастер Энгус, неловко размахивавший алебардой, спасенный им юнец с коротким мечом, бешено орудовавший своим двуручником Шеки, другие тарантийцы, с которыми молодой кордавец успел сродниться за время изнурительного штурма. Сам Вайд оказался прижатым к самой внешней стене, и вокруг него стягивалось кольцо врагов, тогда как защитники постепенно отступали к домам. Понимая, что дело плохо, Вайд ру-

бил саблей направо и налево, пытаюсь унести как можно больше жизней, нисколько при этом не опасаясь за свою. О ней думать было просто некогда.

И потому Вайд не почувствовал ни ужаса, ни отчаяния, когда за спинами нападавших на него немедийцев увидел мастера Энгуса, с перекошенным от натуги лицом кидавшего во врага последний бочонок с гремучим песком, за которым стлался тоненький шлейф серого дыма. Бочонок упал и покатился как раз под ноги толпившихся на стене врагов, которые окружили Вайда. Грохот, обрушившийся на него, не походил ни на какие мыслимые звуки. Волна жара опалила лицо, что-то сильно толкнуло в грудь, земля под ногами сошла с ума и встала на дыбы. Падая, Вайд еще успел подумать: «И это все?..», прежде чем темнота приняла его в свои объятия.

* * *

Принц Ольтен стоял на пороге выбранного им дома и, нетерпеливо покусывая травинку, смотрел на штурмовавших тарантийские стены немедийских наемников.

— Неужели они до сих пор не могут взять измученный беспорядками голодный город? — с досадой сморщился Ольтен, ударив кулаком по притолоке.

— Не волнуйтесь, мой принц. — Сухопарый высокий мужчина, стоявший рядом, улыбнулся тонкими бескровными губами. — Тарантия держится из последних сил. Говорят, у них уже вышли смола, зажигательная жидкость и даже камни для катапульт...

— Камней можно и новых набрать, дорогой Эльбек, — слегка раздраженно заметил Ольтен.

— Но даже для этого нужны силы, дорогой принц, — по-прежнему спокойно ответил Эльбек. — А силы защитников города иссякли. Второй атаки им не выдержать. Я и генерал Гельзен предлагаем отозвать наших солдат со стен, а с утра единым ударом взять Тарантию.

— Но если город едва держится, почему бы не захватить его прямо сейчас? — воскликнул молодой принц, стиснув рукоять висевшего на поясе меча.

— Наши люди устали, мой принц, — вступил в разговор толстый военный, шнуровка на панцире которого, казалось, едва не лопалась под напором могучих телес. — Эта беготня от границы к городу, потом штурм... Парни, почитай, сейчас едва на ногах держатся. Если дать им отдохнуть ночь да поесть как следует, завтра мы разнесем эту Тарантию по камешку, клянусь подмышками Митры!

Ольтен едва заметно поморщился.

— Я еще в Бельверусе предупреждал, генерал Гельзен, что в нашу задачу не входит разнести аквилонскую столицу, — строго сказал юноша. — Так что, когда мы войдем в город, придержите своих вояк. Я намерен обещать горожанам, что их имуществу и жизням ничто не угрожает. И не только дать в этом слово, но и сдержать его!

Генерал наклонил голову, но по его лицу было ясно: он полностью уверен, что подобные обещания невыполнимы.

— Что слышно о возможном подкреплении для короля Конана? — отрывисто спросил Ольтен.

— Разведчики вернулись, мой принц, — сообщил Эльбек. — На окрестных дорогах все чисто. Аквилонские бароны совсем не спешат выказать верность своему сюзерену. А граф Троцери, известный своей преданностью королю, не успеет до завтра привести войска из Пуантена, даже если и захочет.

— Значит, вы предлагаете продолжить штурм завтра? — Ольтен вновь поглядел на высившийся в отдалении город.

— Да, мой принц, — коротко сказал Эльбек и поджал тонкие губы.

— Конечно, принц! — с воодушевлением подхватил генерал Гельзен. — За ночь эти бездельники успеют новый таран построить — я уж их заставлю. Клянусь сосками Иштар, их ворота держатся на птичьих слезах! Завтра город будет нашим!

— Хорошо. Трубите отбой, — решительно приказал Ольтен, бросил последний взгляд на тарантийские стены и скрылся в доме.

Глава вторая

Усталый, покрытый пылью и потом Ларго брел вдоль тарантийской стены. Затопившие город серые сумерки возвещали конец этого тяжелого для столицы дня. Первый штурм был отбит, но все прекрасно понимали: завтра немедийцы попытаются довершить начатое. И, как мрачно подумал Ларго, им это вполне может удасться. Сейчас на стенах почти никого не осталось. Наступающая ночь властно напомнила о демонах, притаившихся в ожидании добычи, и люди спешили отыскать себе укрытие. Многие остались в расположенных близ городской стены домах, чтобы завтра вернуться на свои места, кто-то ушел домой, чтобы побыть рядом с семьей. Когда бой затих, на стены поднялись женщины, которые искали среди убитых и раненых своих домочадцев. То тут, то там слышались горестные вздохи и безутешные рыдания. Застывшие в молитвенных позах жрецы Митры в ритуальных одеяниях, повернувшись в сторону заходящего солнца, просили у Светозарного милости для душ погибших сегодня тарантийцев.

Во время штурма Ларго вместе со своими Драконами находился под непосредственным командованием Конана, защищая участок стены возле городских ворот. Один раз он даже мельком видел Вайда вместе с Шеки, но подойти к ним не было возможности. Теперь Ларго проверял состояние стен и защитных сооружений, чтобы потом доложить Паллантиду.

Внезапно внимание юноши привлек мужчина в сером плаще, прижавшийся к стене и почти невидимый в сумерках. Притаившись за катапультой, Ларго увидел, как человек, оглядевшись, достал из мешка длинную прочную веревку и обвязал ею зубец стены. Подергав за нее и убедившись, что привязано на совесть, незнакомец перебрался через стену и бесшумно исчез. Лишь натянувшаяся веревка указывала, что внизу кто-то есть. Решив, что пора вмешаться, Ларго подскочил к стене и свесился вниз.

— Эй! — негромко окликнул он. — Лезь обратно, а то веревку перережу.

Мужчина, успевший спуститься совсем ненамного, замер, подняв голову вверх.

— Давай, давай, — подбодрил его Ларго. — Тут высоко, еще сломаешь что-нибудь...

Незнакомец, покоровшись обстоятельствам, вздохнул и медленно полез обратно. Когда он перевалился через стену, Ларго обыскал его, отобрал небольшой меч, нож и увесистый кошель с золотом и скрутил ему руки его же веревкой. Лицо перебежчика показалось юноше знакомым.

— Где-то я тебя видел, шпион поганый!... — задумчиво протянул Ларго, глядя на мужчину. Тот молчал, не выказывая большого желания объясняться с кем бы то ни было. — А, вспомнил! — воскликнул Ларго и зло рассмеялся. — Потомок Эпимитриуса! Сердце обливается слезами! А ну, пошел вперед, мразь немедийская! — И Ларго ткнул мерзавца ножами в спину.

Ставка короля Конана расположилась на ночь в добротном каменном складе, где раньше какой-то купец держал скот, предназначенный для продажи на ярмарке или отправки по реке в другие города. Слуги прибрались там, как могли, но тяжелый запах хлева так и не выветрился. Впрочем, после изнурительного дня никого это не волновало. Черные Драконы спали вповалку прямо на полу, укрывшись плащами. В углу лежали раненые, за которыми ухаживал королевский лекарь и помогавшие ему женщины из дворцовой челяди. Ларго, подталкивая перед собой связан-

ного перебежчика, прошел в конец склада, где за дощатым столом, освещенным толстой восковой свечой, сидели Конан, Просперо и Паллантин с перевязанной наспех головой. Ларго застыл на месте, не решаясь прервать их разговор.

— Может, стоит с самого раннего утра, когда уберутся эти демоны, — Просперо зло и бессильно выругался, — выпустить верховой отряд, чтобы уничтожить командующего немедийцев и разгромить лагерь, пока они не проснулись?

— Верховой отряд? — с горечью отозвался Паллантин. — Когда ты в последний раз был в конюшнях, Просперо? Там лошадей — не больше трех десятков. Все это время их воровали, продавали, а то и просто ели. Нет, выйти из города нам не с чем, будем драться на стенах.

— За ночь они наверняка сделают новый таран, — буркнул Конан и сжал в кулак могучую руку. — Наши ворота не выдержат еще одного натиска.

— Мастера укрепили их как могли... — покачал головой Просперо.

— Этого недостаточно, — хмуро ответил король. — А времени у нас нет... Посланы ли гонцы к Троцero и в Шамар?

— Да, четверо, — откликнулся Просперо. — Но никто не поручится, что они пробрались мимо вражеского войска.

— Как там на смоловарне? — обратился король к Паллантиду.

— Люди будут работать всю ночь. В кузницу я тоже послал помощников, куют наконечники для стрел. Сделают, сколько успеют...

Тут Конан заметил мывшегося поодаль Ларго и кивнул ему. Юноша вступил в круг света, подтащив поближе судорожно моргавшего пленника.

— Вот, поймал перебежчика, Ваше Величество, — объяснил Ларго. — Пытался перелезть через стену. Раньше выдавал себя за потомка Эпимитриуса.

— Наслышаны, — хмыкнул Просперо и повернулся к Конану. — Немедийская работа. Просто не могут не сунуть свой нос в дела соседей...

— Я... Я веду свой род от великого Эпимитриуса, — внезапно раздался охрипший голос связанного человека. —

Он говорит со мной в моих снах, наставляя на путь истинный. Демоны — наказание божье, и ты, о могучий король, призван уберечь страну от напастей, если будешь слушаться святого старца...

— Раньше ты говорил совсем другое, немедийский прихвостень, — едко заметил Ларго, едва удерживаясь от желания как следует врезать по этой елейной физиономии.

— Я лишь передаю то, что сообщает мне мой великий предок, — смиренно возразил человек и склонил голову.

— Даже если ты и есть потомок Эпимитриуса, благочестивый старец будет мне лишь благодарен за то, что я избавлю его от подобного родственника, — рявкнул Конан и приказал: — Повесьте этого потомка где-нибудь побыстрее, пока совсем не стемнело.

Перебежчик, мгновенно растерявший все свое смирение, истошно завопил и повалился на колени, но солдаты схватили его под руки и выволокли наружу.

— Нужно было посадить его в Железную Башню, мой король. — В голосе Просперо прозвучала досада. — Потом, допросив его, мы смогли бы раскрыть немало немедийских шпионов при твоём дворе...

— Тут моим солдатам еды не хватает, а мы еще должны кормить этого трусливого шакала и заботиться, чтобы он не сбежал, — махнул рукой Конан. — Казнить всегда проще. Мертвые не кусаются.

Просперо вздохнул, понимая, что варварскую натуру его сюзерена переделать невозможно. Конан, не обратив на это внимания, одобрительно взглянул на молодого гвардейца:

— За бдительность выношу тебе благодарность, офицер... Э-э...

— Ларго, Ваше Величество, — подсказал юноша, смирившись с тем, что король никогда не запомнит его имя.

— Да, Ларго, — закончил Конан. — Жаль, наградить тебя сейчас нечем... Да ладно, это успеется. Если завтра отобьемся. — Конан снова помрачнел, озабоченно сдвинув брови.

Доложив Паллантиду о своих наблюдениях, Ларго направился было к гвардейцам, чтобы отдохнуть перед пред-

стоящим завтра боем, и неожиданно наткнулся на взгляд знакомых выпученных глаз, гордо взиравших на юношу.

— Чепозус! — обрадовался Ларго, узнав brave пехотного офицера, с которым проделал печальный путь из Руазеля. — Я рад, что ты жив! Ты на каком участке стены?

— Рядом с Мокрой Башней, у самого Хорота, — ответил Чепозус. — Сегодня там было жарко... А ты где?

— У ворот, рядом с королем, — не без гордости сообщил Ларго.

— А, значит, ты видел, как уничтожили этот таран, который чуть не разнес ворота? — оживился пехотинец. — И знаешь, кто это сделал?

Ларго отрицательно помотал головой.

— Я, — скромно сказал Чепозус и, не дожидаясь выражений восторга, продолжил: — Я как раз пришел с донесением для графа Просперо. Вижу — ворота еле держатся, дело плохо. Тогда я под общий шум спустился со стены прямо к немедийцам, по их же осадной лестнице. А с собой у меня был сосуд с зажигательной смесью...

Тут Ларго окликнул один из Черных Драконов, и юноша, дружески хлопнув собеседника по плечу, отошел.

— Славный парень, — пробормотал Чепозус и повернулся к сидевшему рядом солдату, который баюкал перевязанную руку. — Мы с ним вместе в Руазеле были, когда там... А я тебе, Риний, рассказывал, как я спас нашего короля от руазельских демонов?

Риний тяжело вздохнул и с мученическим видом взглянул на свою раненую руку.

* * *

Очнувшись, Вайд открыл глаза и едва удержался от стоны. В его голове, казалось, бушевал океанский шторм, причиняя ему ужасную боль, в ушах гудело, и все вокруг было каким-то зыбким и нереальным. Неожиданно откуда-то из темноты выплыло лицо мастера Энгуса и сочувственно посмотрело на Вайда. Губы мастера зашевелились, но из-за гула в ушах Вайд не разобрал ни слова.

— Я что-то плохо слышу, мастер Энгус!

Вайду казалось, что он произнес это твердо и даже с оттенком самоиронии, но на самом деле его собеседник с трудом разобрал тихое невнятное бормотание. Мастер склонился к самому уху Вайда и громко спросил:

— Как ты себя чувствуешь, юноша?

— Погано, — честно признался Вайд, — словно мне по голове лупят большим молотом, — и, не выдержав, все-таки застонал.

— Ничего, могло быть и хуже. Мы вообще подумали, что ты мертв, — жизнерадостно сообщил Энгус. — Тебя спас твой друг, Шеки. Очень благородный юноша! Раскидал оставшихся в живых после моего бочонка немедийцев и вынес тебя оттуда. — Мастер замаялся и, еще ниже склонившись над Вайдом, смущенно проговорил: — Ты не сердись, что я бросил этот бочонок рядом с тобой? Мне казалось, другого выхода нет...

— Пустяки, — пробормотал Вайд, хотя отнюдь так не думал.

Мастер Энгус облегченно улыбнулся.

— Вот и хорошо. Я очень рад, что все обошлось... Говоришь, голова болит и плохо слышишь? — заботливо поинтересовался мастер. — Это пройдет, поверь мне. Однажды во время опыта мой песок вспыхнул и разорвался рядом со мной... Я тоже мучился головной болью и глухотой. Думал, на всю жизнь, но через несколько дней прошло. А вот шрам на лице от ожога остался. Хорошо, что мне не двадцать лет и женщины меня уже не волнуют... По крайней мере, не так сильно, как когда-то, — поправился Энгус с улыбкой.

— Штурм еще идет? — встрепнулся вдруг Вайд. — Где это мы?

— Сейчас ночь. Штурм закончился еще вечером. — Мастер невольно вздохнул. — Немедийцы отправились отдыхать, а мы — зализывать раны. Ума не приложу, что будет завтра... Сейчас мы находимся в храме Митры. Он совсем неподалеку от городской стены, и многие укрылись здесь на ночь... Хочешь посмотреть? — Энгус, полуобняв Вайда за плечи, приподнял его так, чтобы кордавец смог разглядеть окружающую их обстановку.

Помещение храма представляло собой довольно большой прямоугольный зал без окон. В дальнем конце, почти неразличимая в ночном полумраке, высилась каменная статуя Подателя Жизни. У ее ног был сооружен алтарь для ритуальных жертвоприношений. Стены и пол покрывала цветная мозаика, но у Вайда сейчас не было настроения ее рассматривать. Массивные бронзовые светильники, полускрытые в нишах, сейчас не горели, курильницы для благовоний были пусты, украшающие храм цветы давно засохли. На тяжелых каменных резных скамьях и прямо на полу сидели и лежали защитники города, в большинстве своем раненные.

По-видимому, храм превратили в военный госпиталь. Между ранеными ходили жрецы, по мере сил облегчая страдания своих пациентов. Увидев, что Вайд очнулся, один из жрецов принес ему чашу с водой и мисочку с жидкой похлебкой. Вайд жадно выпил горьковатую на вкус воду, к которой явно был примешан какой-то травяной отвар, и, поддерживаемый мастером Энгусом, начал хлебать неизвестно из чего сваренную мучнистую кашу, с тоской вспоминая о чечевике, что осталась в подвале его пристанища.

Неподалеку Вайд обнаружил Шеки. Телохранитель спал, приоткрыв рот. Сквозь грохот в ушах до Вайда донеслись какие-то странные звуки, которые он в конце концов опознал как храп своего спасителя. Представив, как они должны звучать на самом деле, Вайд содрогнулся. Расправившись со скромным ужином, он с облегчением снова улегся и спросил мастера:

— Как демоны — еще не нападали?

— Один пытался пробиться через дверь, да кто-то пристрелил его из арбалета, — сообщил Энгус. — А так все спокойно. Странно как-то... — Мастер покачал головой. — Словно даже эти злобные твари почувствовали, что людям и без них-то не сладко.

Вайд не склонен был подозревать в демонах подобную чувствительность, но спорить сейчас просто-напросто не мог. Он подумал о том, что завтра, наверно, немедийцы возьмут

Тарантию. А ему необходимо закрыть Портал. Но как он выберется из города? И что будет с оставшимися во дворце Дайаной и Тао?.. Закрыв глаза, Вайд погрузился в тяжелый сон.

Проснувшись, он почувствовал себя лучше. То ли помог отвар жрецов, то ли молодой организм был не склонен поддаваться слабости, но голова болела уже меньше, а шторм перешел в послештормовую зыбь. Вайд с радостью убедился, что способен сносно слышать.

Вокруг него шевелились, просыпаясь, люди. Многие места пустовали: видимо, кто мог, уже ушли на стены. Мастер Энгус, сидя на скамье, бодро хлебал из плошки давешнюю кашу.

— Похоже, я проснулся прямо к завтраку? — поинтересовался Вайд.

— Господин хочет есть, значит, поправился! — Шеки ухмыльнулся Вайду и протянул ему такую же плошку.

Вскоре, пошатываясь от головокружения, которое неожиданно накатывалось волнами, Вайд вместе со спутниками покинул храм и направился к городской стене. Мастер неодобрительно посмотрел на его нетвердую походку, но ничего не сказал. Шеки просто обхватил Вайда за плечи и поддерживал до тех пор, пока молодой человек не смог идти сам. Вайд вдруг почувствовал, что начинает проникаться к могучему шадизарцу горячей симпатией.

Подойдя к месту вчерашнего боя, он с недоумением увидел, что защитники города, вместо того чтобы готовиться к ожидавшейся атаке немедийцев, толпятся на стене и смотрят на равнину. На лицах людей явно читались растерянность и недоверие. С трудом пробившись сквозь ряды возбужденных тарантийцев, Вайд взглянул вниз и увидел лагерь неприятеля. Вернее, то, что от него осталось.

Черные круги кострищ точно указывали место, где ночевало вражеское войско. Но сейчас там никого не было, если не считать видимых даже с высокой стены окровавленных растерзанных трупов людей и лошадей. Несколько палаток валялось на земле, словно там совсем недавно

прошел ураган. Поодаль высился недостроенный таран. Над побоищем с хриплыми криками кружило воронье.

— Великий Митра, что здесь произошло? — потрясенно пробормотал мастер Энгус.

— Либо святой Эпимитриус пришел на помощь своей стране, либо это демоны, — ответил Вайд, сильно сомневаясь в возможности первого.

Другие тарантийцы склонны были с ним согласиться: такие трупы им уже не раз приходилось видеть. В толпе все чаще зазвучало слово «демоны». Вайд с Шеки и спешащим за ними мастером Энгусом направились к главным воротам. Там тоже собралась толпа, напряженно чему-то внимавшая. В центре ее один из стражников, который ночевал в надвратной башне, докладывал королю Конану о том, что случилось на равнине.

— Мы, Ваше Величество, в башне-то заперлись, сидим, как обычно, и вдруг слышим шум снаружи, словно... Ну, стая гусей низко летит, — оживленно рассказывал стражник, обращаясь не столько к королю, сколько к многочисленным слушателям. — Мы в окно выглянули — а там демоны эти крылатые! Целые полчища перелетают через городскую стену и прямоком на равнину! Всеблагая Иштар, думаю, сколько же этих тварей в Тарантии околачивается! Мы, Ваше Величество, сначала не поняли, что происходит, а потом уж один из нас догадался: они же на немедийский лагерь двинули!

Зверье-то голодное, тощими да осторожными горожанами не больно наешься, — рассудительно заметил стражник. — Что там у них творилось — и рассказать страшно! Вопли и до нас долетали. Немедийцы — не то, что мы, они к демонам непривычные, вот и ударились в панику. Им бы обороняться, а они только удирать могли. Некоторые даже до наших ворот добежали и умоляли впустить, да мы ж не дураки, ночью-то на улицу вылезать. А уж как пошли эти огромные чудовища, которые в панцирях, мы сразу поняли: конец вражьей армии! — Стражник произнес это с такой гордостью, словно уничтожение немедийских солдат — целиком его заслуга.

Конан кивнул словоохотливому стражнику и на мгновение задумался, потирая лоб ладонью. Потом король поднял голову и обвел взглядом молчаливо ожидающую толпу горожан и солдат.

— Мы славно сражались вчера, — просто сказал Конан. — И, кто бы ни помог нам, боги или демоны, ясно одно — сегодня мы победили!

Именно таких слов и ожидали измученные и потерявшие было надежду люди. Дружный радостный вопль разнесся над толпой. Тарантийцы обнимались, бросали вверх шапки, лупили друг друга по спинам, внезапно освободившись от терзавшего их страха и вновь обретая надежду. Ликование ширилось, захватывая все новые ряды собравшихся у стен жителей столицы.

Неподалеку от короля Вайд увидел Ларго. Молодые люди обнялись, искренне радуясь встрече.

— Никогда бы не подумал, что демоны могут творить благие дела! — восторженно вскричал Ларго. — Клянусь грудью Ашторет, я готов пожать им лапу или ногу — что у них там имеется!

Вайд покачал головой, но не стал напоминать радостно хохотавшему другу, что следующей ночью те же демоны снова выйдут на охоту, но уже на тарантийцев.

— Странно, что мы раньше не подумали о возможности такого исхода, — пробормотал мастер Энгус. — Если демоны разгромили королевский отряд в Руазеле, им ничто не мешало проделать то же самое с немедийцами. Наверно, из-за всего, что на нас свалилось за последнее время, мы совсем разучились соображать.

Раздав приказания похоронить погибших врагов и попытаться отыскать тех, кто остался в живых, если, конечно, кто сумел уцелеть, Конан со свитой вскочили на коней и умчались во дворец. Ларго, Вайду и Шеки лошадей не полагалось, и они отправились пешком через ликующий город. Давно уже улицы Тарантии не видели такого скопления народа. Соскучившиеся по хорошим вестям и радостным переживаниям люди всей душой упивались победой. Вокруг раздавались счастливые возгласы и смех, прямо на улице затевали

танцы, быстро настраивая нехитрые музыкальные инструменты. Кто-то уже горланил разухабистую песенку:

А мы с демоном вдвоем
Немедийцев бить идем.
Моя сабля, его зубы —
Вместе мы не пропадем!

Во дворце тоже было по-праздничному суетливо и шумно. Навстречу Вайду выбежала Дайана и молча прижалась к его груди, пряча слезы. Тао выражал свою радость огромными прыжками, походя при этом на большого игривого щенка. Сердце Вайда наполнилось теплотой и нежностью: о нем беспокоились, его ждали, он кому-то нужен. Это было новое и совсем особенное для него чувство.

В отведенной ему комнате Вайд с наслаждением вымылся, надел чистую одежду и растянулся на мягкой постели. Теплые и удивительно ласковые пальцы Дайаны, осторожно гладившие его голову, изгоняли мучительную боль, и молодой человек чувствовал себя совершенно счастливым. Но насладиться этим мирным счастьем ему не дали: неожиданно ворвавшийся Ларго стащил друга с постели и, захлебываясь от восторга, путаясь в словах, объяснил, что начинается пир и им непременно надо там быть.

— Это будет солдатский пир, без женщин, — смущенно добавил Ларго, и Дайана, усмехнувшись, опустила в кресло и преувеличенно ласково начала почесывать мордочку Тао.

Конан не поскупился, опустошив для участников обороны дворцовые кладовые и королевский винный погреб. Вино похуже вывезли в город — к общему восторгу неизбалованных тарантийцев, которые тут же бросились опорожнять бочки с дармовым королевским угощением. В одном из больших залов дворца установили стол, специально для офицеров и особо отличившихся во время осады рядовых. Остальные солдаты пировали в казарменных столовых.

Сидевший во главе стола Конан увидел Ларго и Вайда и приветливо кивнул им. Поодаль Вайд с удивлением

приметил скромно примостившегося на скамье между военными мастера Энгуса. Видимо, мастер не забыл слов короля о награде и пришел во дворец за обещанным. Но Ларго потащил Вайда в другой конец стола, где веселились рядовые и младшие офицеры.

— А где Шеки? — поинтересовался Вайд у своего друга, только сейчас вспомнив о своем спасителе.

— Спит в казарме, — ответил Ларго и пожал плечами. — Я ему говорил, чтобы он шел к ребятам праздновать, и знаешь, что сказал мне этот доблестный воин? Он, оказывается, не пьет вина! — На подвижном лице юноши изобразилась вся бездна недоумения, в которое повергли его слова Шеки.

— Может быть, это лишь означает, что он пьет что-нибудь более крепкое, — предположил Вайд и неожиданно почувствовал, что ему не хватает этого не то слуги, не то приятеля.

Еда на столе была не по-королевски скромной, хотя придворные повара старались вовсю, чтобы придать изысканный вкус блюдам, изготовленным преимущественно из злаков и мяса неизвестного происхождения. Но изголодавшиеся солдаты, давно не наедавшиеся досыта, были рады любой пище. Лишь когда все блюда и тарелки на столе опустели, пирующие, стараясь в присутствии короля подавить сытую отрывку, наконец-то вспомнили, ради чего собрались.

Началось веселье. Разливались по чашам вино и эль, провозглашались тосты, вначале высокопарные и велеречивые, потом — все проще и скромнее. Расположившиеся на галерее придворные музыканты наигрывали разнообразные мелодии, которые звучали все печальнее по мере того, как со столов исчезала еда и у музыкантов таяла надежда поживиться чем-нибудь после пира, как в старые времена.

Вскоре осоловевшие от съеденного и выпитого солдаты и младшие офицеры, среди которых находились Вайд и Ларго, завели песню, заглушив при этом грустных музыкантов.

Давай наполним кружки, брат,
Наполним элем кружки.
Давай напьемся в эту ночь
На дружеской пирушке.

Ведь ты солдат, и я солдат,
И Смерть нас не забудет.
В поход нас завтра кликнут, брат,
А дальше — будь что будет!

Похоже, эта незамысловатая песня была своеобразным гимном аквилонских солдат. По крайней мере, ее знали практически все, и сейчас с увлечением подхватывали простой мотив.

Забудем мы с тобою, брат,
О чем не забывают:
Об алых каплях, что с клинка
Холодного стекают,

О стылом ветре, о дожде
И о песках зыбучих,
О том, как воет ураган,
Срываясь с горной кручи.

О мокрой палубе галер,
Нехоженных дорогах,
О том, как ждет старушка мать
У отчего порога.

Вайд с удивлением понял, что грубовато-сентиментальные слова песни, призванной выжимать слезу из подвыпивших вояк, тронули его до глубины души. Он смотрел на панибратски обнявших друг друга за плечи офицеров и рядовых, поющих с вдохновенными лицами, и чувствовал непонятную горечь оттого, что никогда не будет способен ощутить того единения, что охватило сейчас этих людей.

Их призвание — идти строем по широкому пути, повинаясь сильной руке, дорога же Вайда узка и извилиста и суждена лишь ему одному. Его победы никто не оценит, а в неудачах помощи ждать неоткуда... Вайд почувствовал, как в носу у него защипало от благородного чувства жалости к самому себе.

Налей еще мне эля, брат,
Подпой мне эту песню,
Красотку крепче обними —
Недолго быть вам вместе.

Последние слова потонули в восторженном реве. Вайд взглянул на короля. Конан сидел, постукивая в такт песне по столу золотым кубком, однако лицо у него было отсутствующим. «Он же не спал две ночи», — подумалось молодому человеку. Вайд поднялся, не отвлекая Ларго, смаковавшего ухваченный им маковый пирожок, и подошел к Конану. Тот поднял глаза на своего бывшего юнгу и махнул рукой, чтобы кордавцу освободили место в начале стола.

— Это вы с тем обожженным мастером разнесли немедийский таран? — спросил киммериец.

— Мы, — подтвердил Вайд. — А что, хочешь меня наградить?

— Тебя-то за что? — проворчал Конан. — Песок не ты придумал.

— Но именно я догадался бросить бочонок на таран, — с похвальной скромностью ответил Вайд и вздохнул: — Ты, капитан, никогда не старался оценить по достоинству мой ум.

— Было бы над чем стараться, — беззлобно буркнул Конан. — К тому же аквилонская казна сейчас истощена.

— Вот-вот, — кивнул Вайд. — Знакомая песня. Стараешься, стараешься, а потом выясняется, что денег нет и не было...

Их беседу прервал подошедший к королю Просперо.

— Только что прибыл гонец от графа Троцера, — сообщил он. — Говорит, что выехал из Пуантена пять дней назад. Старина Троцера, услышав о наших бедах, собрал войско и идет в Тарантию, чтобы помочь навести порядок. — Просперо довольно улыбнулся. — Пуантенцы умеют хранить верность, Ваше Величество!

— Если б все бароны были такими, как Троцера! — воскликнул Конан, сжав в руке кубок.

— Тогда они не были бы баронами, мой друг, — фамильярно заметил Просперо. — Что передать гонцу?

— Пусть отправляется к Троцери и сообщит о нападении немедийцев. Они могут повторить попытку, — сказал король. — И еще — необходимо, чтобы по пути к нам граф собирал продовольствие для столицы. Если крестьяне не отдадут добровольно — отобрать силой! Голод для города опасней, чем демоны.

— Я понял, мой король, — склонил голову Просперо. — Думаю, с приходом Троцери беспорядки в Тарантии прекратятся и можно будет наладить подвоз хлеба из других провинций, пока крестьяне не вернутся в свои дома. А там, глядишь, и с демонами справимся!

Просперо вышел, а Конан вновь о чем-то задумался.

Вайд кашлянул, привлекая внимание короля.

— Я, собственно, подошел попрощаться, Конан, — сообщил Вайд и усмехнулся: — Спасибо за гостеприимство и предоставленную возможность поучаствовать в обороне города. Незабываемые впечатления... Больше я на сушу — ни ногой! По сравнению с этим наши морские вылазки выглядят тихими и безобидными забавами.

— Прощаться? — озадаченно повторил киммериец. — Куда это ты собрался, Крысенок?

— Как куда? — в свою очередь удивился Вайд. — Закрывать Портал, конечно. Завтра с утра и отправлюсь, если удастся увести с твоей конюшни хоть пару лошадей. Кстати, у меня есть к тебе одна просьба. Если... Ну, если я не вернусь, позаботься о...

— Подожди, — прервал его Конан. — Ты опять за свое — один против всех?

— А что, кто-то в здравом уме согласится сопровождать меня в этот ваш Руазель? — В голосе Вайда невольно прозвучал сарказм.

— В одиночку ты погибнешь, не добравшись даже до опушки, — непререкаемым тоном заявил киммериец. — Мы соберем небольшой отряд — скажем, человек девять — и выедем завтра или через день на рассвете, чтобы засветло добраться до места. А там уж ты сам сообразишь, что делать.

— Мы? — Вайд поднял брови. — Не имеешь ли ты в виду, что...

— Имею, — отрезал Конан. — Аквилония, если ты еще не забыл, — мое королевство, и все, что здесь происходит, меня касается. Я намерен поехать с тобой и во всем разобраться.

— Ты мог бы больше доверять своему Крысенку, мой король, — пробормотал Вайд и опустил глаза, чтобы скрыть мелькнувшую в них радость.

Глава третья

Несмотря на желание Вайда отправиться в Руазель и покончить с Порталом как можно скорее, отъезд пришлось отложить на три дня. Это произошло из-за того, что у короля оказалось даже больше дел, чем он сам мог представить. Разоренная демонами и осадой Тарантия требовала внимания. Необходимо было подтянуть дисциплину в войсках, наладить охрану порядка городской стражей, позаботиться о запасах на случай повторного нападения. Зашевелились укрывшиеся в провинциях бароны, которые прознали о победе над армией немедийцев и об ожидающейся поддержке графа Троцера, и забеспокоились теперь, не рано ли они решили, что король-варвар неизбежно потерпит крах.

Вайд эти дни тоже не сидел без дела. С утра до ночи пропадал он в мастерской Энгуса, который по особому королевскому заказу спешно изготавливал гремучий песок для отряда, отправлявшегося в Руазельский лес. Идея использовать изобретение мастера в борьбе с демонами пришла, как ни странно, в голову Ларго. Рассудив, что против сильных, но не слишком сообразительных тварей это оружие будет куда действенней, чем мечи, Ларго предложил захватить с собой бочонки с гремучим песком на случай, если чудовища нападут. И теперь под руководством мастера Энгуса Вайд вместе с освобожденным на это время от службы Ларго и еще тридцатью солдатами раскладывал для просушки на солнце селитру и разминал комочки

желтоватого рассыпчатого вещества, которое мастер именовал серой. Сам Энгус тщательно взвешивал подготовленные помощниками компоненты, которые потом осторожно и аккуратно смешивали в определенных пропорциях тощие хмурые подмастерья.

Кто будет составлять отряд, Вайд узнал накануне отъезда. Конан не считал необходимым посоветоваться со своим бывшим юнгой, а просто выбрал людей, которым доверял сам. Кроме киммерийца и Вайда в Руазель должны были поехать Ларго, Шеки, Чепозус, мастер Энгус, а также трое Черных Гвардейцев, одним из которых, к глубочайшему, но тщательно скрываемому неудовольствию Ларго, оказался его вечный мучитель — офицер Эсканоба.

Пожилой мастер долго убеждал короля, что его присутствие в отряде совершенно необходимо, поскольку лишь он знает все особенности изобретенного им вещества. Задача остальных заключалась в том, чтобы защищать Вайда от всевозможных опасностей, которые могут встретиться по дороге или в лесу, чтобы целым и невредимым доставить его к Порталу. Знающий о поездке принц Просперо предлагал дожидаться прихода войска Троцера и отправиться в Руазель едва ли не целой армией, но Вайд заявил, что времени и так потеряно много и ждать они никого не могут.

Дайана пыталась воздействовать на Вайда и лаской, и слезами, но молодой человек был непреклонен — она останется в королевском дворце до его приезда.

— Ну пойми, — с несчастным видом убеждал Вайд девушку, — если ты будешь в нашем отряде, я не смогу думать ни о чем другом, кроме твоей безопасности. Много ли от меня будет пользы тогда? Я ведь еще даже не знаю, как справиться с этим Порталом! Мне будет гораздо легче, если я буду уверен, что тебе ничто не угрожает.

Тао вначале довольно спокойно согласился остаться вместе с Дайаной, чтобы оберегать ее. Но в ночь перед отъездом маленький демон, ночевавший последнее время вместе с Шеки в караулке у королевских покоев, заявился в комнату Вайда и как ни в чем не бывало сообщил, что

завтра отправляется с ними в этот... Как его... В общем, в лес, и пусть для него прихватят еды, желательно сырого мяса. Вайд чуть было не швырнул в своего своенравного спутника увесистым алебастровым кувшином с водой для умывания, стоявшим на столике у кровати, но Тао предусмотрительно выскочил за дверь: чтобы предугадать действия его старшего друга, вовсе не надо было быть провидцем. Вайд вздохнул и подумал, что, когда тебя любят, это, конечно, замечательно, но порой так хлопотно...

Наконец ранним утром четвертого дня после победы над немедийцами девять всадников, две нагруженные бочонками лошади и черная большая собака тихо покинули Тарантию, следуя хорошо знакомой Ларго, Конану и Чепозусу дорогой. Им нужно было как можно скорее добраться до места, чтобы засветло пройти опасный лес, поэтому ехали молча, торопя коней и не тратя силы на разговоры. В серой утренней дымке разоренные окрестности столицы выглядели печально и пустынно, так что по сторонам смотреть тоже не хотелось. Вайд размышлял о своей задаче и восстанавливал в памяти обрывки знаний, почерпнутых им из древних манускриптов. За пазухой у него лежал перстень шемитского мага, захваченный на всякий случай. Ларго прикидывал, как лучше всего организовать оборону против демонов, если отряду придется задержаться в Руазеле до ночи. Лицо Конана было непроницаемо. Аквилонский правитель далеко не в первый раз за свою жизнь участвовал в рискованном деле, и ни одна черточка его сурового лица не выдавала беспокойства или опасений. Шеки с серьезным видом глядел вдаль, и в его черных глазах не отражалось и тени мысли. Черные Драконы, с небрежной грацией держась в седлах, скакали близ короля, изредка негромко перебрасываясь короткими фразами. Мастер Энгус с напряженным лицом осваивал новую для него науку верховой езды, то и дело сползая с седла на бок удивленно косившейся на него лошади. Позади всех с величественным видом трясся в седле Чепозус, ведя в поводу лошадей, которые несли бочонки с гремучим песком. Даже легкомысленный Тао, понимая серьезность происходящего, споро

трусил впереди отряда, держась подальше от коней, которым внушал панический ужас. Вайд знал, что маленький демон, не испытывая ни малейшей усталости, может бежать наравне с лошадкой хоть целый день.

Именно благодаря Тао их поход не закончился печально еще до прибытия в Руазель. Отряд подъезжал к полуразрушенной пустой деревеньке, очередной на этой мрачной дороге, и проголодавшийся демон припустил вперед, собираясь проверить, не осталось ли там чего съестного: кошки или забытой людьми впопыхах курицы. Спустя несколько мгновений все увидели, как лохматый зверек большими прыжками несется обратно, низко опустив голову, а за ним по дороге бежит человек, вскидывая на ходу арбалет. Заметив отряд, человек резко развернулся и, что-то крича, бросился к домам. По знаку Конана все придержали коней.

— Там люди! — крикнул, подбегая, Тао. — С оружием! Их много!

Лошади всхрапнули и попятились от разгоряченного маленького демона, а не знакомые с Тао гвардейцы с ужасом усталились на заговорившую вдруг собаку.

— Откуда здесь люди? — недоуменно спросил Вайд. — Я думал, все крестьяне давно удрали.

— У крестьян вряд ли есть арбалеты, — сказал Конан. — Сдается мне, мы напоролись на остатки немедийской армии... Сколько там человек, малыш? — обратился король к Тао.

— Много... Больше, чем нас, — неуверенно ответил маленький демон и смущенно облизнулся.

— Он не умеет считать, — пояснил Вайд, с невольной улыбкой глядя на съездившегося друга.

— Обходной дороги я не вижу, — пробормотал Конан, оглядывая окрестности. — Придется прорываться здесь. Не думаю, что их там очень много: прошло уже три дня, а демоны свое дело знают... — добавил король с мрачной усмешкой.

Окружив мастера Энгуса и лошадей с бочонками плотным кольцом, отряд галопом понесся к деревне. Мимо них

свистнули две стрелы, не причинив никому вреда. Когда всадники миновали первый дом, прямо перед ними из прилегающего к соседнему дому палисадника на дорогу высыпали люди. Они были в легко узнаваемой форме немедийских солдат, грязной и донельзя оборванной. С обнаженными мечами солдаты кинулись на аквилонцев, хватая за уздечки взвившихся на дыбы лошадей. Врагов набралось всего десятка два, они были усталы и истощены, а потому серьезной стычки не получилось.

Вайд без труда зарубил повисшего на поводе его лошади солдата. Конан, Ларго, Шеки, Чепозус и гвардейцы непрерывно размахивали мечами, не давая немедийцам приблизиться к ерзающему в растерянности на лошади мастеру Энгусу и бочонкам с гремучим песком. Вайд видел, как одного из Черных Драконов враги все же стащили с седла, и его предсмертный хрип слился с радостным криком немедийца, немедленно вскочившего на лошадь аквилонца. Но Конан, заставив своего коня сделать немыслимый прыжок, подскочил к ретивому солдату, взмахнул мечом — и разрубленный едва ли не пополам немедиец рухнул с только что обретенного скакуна. Вскоре все было кончено. На дороге остались лежать убитые и раненые немедийцы, и ее пыль смешалась с пролитой кровью. Отряд потерял одного человека, остальные даже не получили ни одной царапины.

— Им нужны были лошади, — предположил Ларго, оглядывая место схватки. — Поэтому солдаты и напали на нас. Они, наверно, только и мечтали о том, как бы побыстрее удрать в свою Немедию...

На дорогу выбрался Тао и, брезгливо поджимая лапы, подошел к людям.

— Там в доме человек, — сообщил маленький демон. — Он раненый и без оружия. — Немного подумав, Тао добавил: — Он меня погладил...

Конан и Вайд соскочили с коней и в сопровождении Тао осторожно вошли в крестьянский дом, один из немногих уцелевших в этой деревеньке. Внутри валялись несколько драных солдатских плащей, меч с клеймом нумалийских оружейников и некое подобие носилок, сделанных из двух

жердей с привязанным к ним знакомым знаменем — черный орел на желто-синем фоне.

— Он там. — Тао подошел к открытому спуску в неглубокий подпол.

Конан ступил на шаткую лесенку первым, Вайд последовал за ним. Быстро привыкнув к царившему в подполе полумраку, Вайд и Конан разглядели сооруженное из сена и тряпок ложе, с которого на них молча смотрел человек. Глаза его настороженно поблескивали в полутьме. Тао бесстрашно подошел к лежавшему немедийцу, и тот провел рукой по шелковистой шерстке маленького демона, как бы прося у него защиты.

— Кто ты? — коротко и требовательно спросил Конан, не двигаясь с места.

— Я принц Ольтен Немедийский. — Раненый отвечал с привычным, но сейчас несколько неуместным достоинством.

— Ясно, что не Вендийский, — пробурчал Конан и нахмурился, что-то припоминая. — Ты один из сыновей короля Нимеда?

— Да, младший... — Человек вздохнул.

— Ты был в напавшей на Тарантию армии? — продолжал расспрашивать Конан.

— Я командовал ею. — Теперь в голосе говорившего прозвучала горечь.

— Понадеялся на легкую победу, немедийский щенок? — презрительно скривился варвар. — Хороший будет урок для твоего папаша и остальных его отпрысков!

— Мы взяли бы ваш город, — тихо, но твердо ответил принц. — Если бы не тот ужас, что погубил наш лагерь ночью, Тарантия была бы нашей. Нас одолели не аквилонцы, а те твари, что вы зовете демонами. С ними невозможно сражаться, их нельзя победить... — Ольтен бессильно опустился на ложе и закрыл глаза.

— Это мы еще посмотрим, — отрезал Конан. — А кто вас победил — дело десятое. Пусть немедийцы считают, что аквилонцам помогают даже демоны. Нам это на руку. — Король Аквилонии усмехнулся. — Я бы с удовольствием вернул тебя твоему папаше за приличный выкуп, принц,

или бесплатно прислал бы ему твою голову, но сейчас нам предстоит важное дело. Если ты еще будешь жив, когда мы поедем обратно, я заберу тебя, и во дворце мы сможем по всем правилам этикета обсудить условия полной капитуляции твоей армии. — Конан едко рассмеялся.

— Ты командующий аквилонской армией? — спросил принц.

— Я король Конан. — И киммериец, сочтя разговор оконченным, выбрался наверх из подпола.

Вместо того чтобы последовать за Конаном, Вайд подошел поближе к раненому немедийцу. Принц оказался совсем юным, едва ли старше Ларго. Ольтен спокойно и без всякого страха посмотрел на молодого кордавца:

— Не мог бы ты сообщить мне, что с моими людьми?

— Они напали на нас, и мы их уничтожили, — просто ответил Вайд.

— Их разум совсем помутился от голода и страха, — пробормотал принц. — Впрочем, они все равно оставили бы меня здесь. Я слышал, как Гунтер предлагал это остальным. Удивляюсь, почему они тащили меня все эти дни, а не бросили раньше... — Ольтен приподнялся на локте: — Может, ты окажешь мне последнюю услугу и дашь какой-нибудь нож или кинжал, чтобы я смог умереть достойно и без мучений?

В редкие минуты благодушия, когда Акма, покойная матушка Вайда, вспоминала о существовании своего единственного дитяти и о том, что его надо воспитывать, она трепала своего отпрыска могучей рукой по нестриженным волосам и назидательно говорила: «Мальчик мой, ты не настолько богат и силен, чтобы позволить себе быть добрым. Запомни: доброта тебя погубит». Но сын, похоже, плохо воспринял науку своей мудрой родительницы. И теперь, глядя на молодого, одинокого и измученного болью человека, Вайд ощутил, что не может просто взять и бросить его здесь на верную и, может быть, страшную смерть, даже если этот человек — командующий неприятельской армией.

Принц негромко кашлянул и вновь заговорил:

— Я надеюсь, что моя просьба о кинжале будет...

— Да подожди ты со своим кинжалом! — в сердцах воскликнул Вайд. — Успеешь еще достойно умереть. Давай-ка лучше держись за меня... Вот так... Сейчас выберемся наверх, а там посмотрим...

Вайд легко вытащил исхудавшего от четырехдневного голода принца из подпола, усадил на скамью и размотал грязную повязку на его ноге. Рваная рана, пересекавшая ногу юноши от колена до щиколотки, выглядела жутко, но нагноения не было, и Вайд облегченно вздохнул.

— Ничего страшного, уже подживает. Сейчас перевяжу тебя как следует и поедем, — сообщил он и, подняв с пола желто-синее полотнище, начал резать плотную материю на полосы, годные для повязки.

— Прошу тебя... Это же наше знамя! — заволновался было принц, но под выразительным взглядом молодого кордавца смутился и опустил голову.

— С демоном схватился? — как бы между прочим поинтересовался Вайд, начав бинтовать ногу юноши.

Ольтен кивнул:

— В ту ужасную ночь, когда я потерял свою армию... Великий Митра, что творилось в нашем лагере тогда! — Принца передернуло от кошмарных воспоминаний. — Эти твари кинулись на нас со всех сторон! Их были целые полчища, и они ничего не боялись: ни огня, ни наших мечей. Мои солдаты в панике метались по лагерю, стараясь укрыться от них, а на запах крови собирались все новые демоны, и они были голодны... — Ольтен блестящими от пережитого ужаса глазами посмотрел на Вайда. — Как вы живете с этим столько времени? Как вы смогли сохранить рассудок?!

— Человек привыкает ко всему, — философски заметил Вайд, покрепче затягивая повязку.

— Люди, терзаемые таким кошмаром и все же сумевшие отбить неприятеля, заслуживают уважения, — искренно произнес Ольтен. — Нас воспитывали с мыслью, что аквилонцы — народ, недостойный даже близко стоять с немедийцами, но я убедился, что это далеко не так...

Вайд невольно подивился прямодушию юноши, которым редко отличаются придворные особы, и спросил:

— Как же тебе тогда удалось спастись?

— Не знаю...— Ольтен тяжело вздохнул и покачал головой.— Мои оруженосцы и личная гвардия разбежались или погибли. А я отбивался от этих тварей, куда-то бежал, снова отбивался, и вокруг были хаос и смерть...— Принц провел рукой по лицу.— Потом демон, похожий на бесшерстного волка, порвал мне ногу своими ужасными клыками. Я убил его, но бежать уже не мог. Я полз, пока хватало сил, затем потерял сознание. Один из солдат узнал меня и притащил в какой-то полуразрушенный дом, где он и еще несколько человек укрылись до наступления утра. Нам пришлось просидеть в этом доме еще сутки, прячась от тарантийских разъездов. В следующую ночь какой-то демон вновь напал на нас и убил моего спасителя. Наутро мы решили уходить отсюда, один из солдат вызвался провести нас через горы из Аквилонии в Немедию известной ему дорогой. С наступлением темноты мы, наученные горьким опытом, прятались в подвалы крестьянских домов, а днем шли, пытаясь по пути отыскать еду. Мои солдаты были совсем истощены, многие ранены, и я не удивился, когда услышал разговоры о том, что мешаю им и меня надо оставить...— Принц горько усмехнулся.— После того как мое честолюбие привело к бессмысленной бойне, в которой погибли мои соотечественники, это было бы справедливым возмездием.

Вайд сочувственно кивнул, а про себя подумал, что с такой порядочностью юному принцу явно не суждено стать яркой звездой на политическом небосклоне Немедии.

Заканчивая перевязку, Вайд услышал шаги на крыльце, хлопнула дверь, и появившийся в доме Ларго громко окликнул:

— Чего ты там возишься, Вайд? Мы ждем тебя!

— Сейчас, я уже закончил,— невозмутимо отозвался Вайд, завязывая последний узел на повязке, выглядевшей слегка странно из-за бахромы, которую он не стал спарывать со знамени.

Увидев, чем занят его друг, Ларго недоуменно поднял брови:

— На что тебе сдался этот немедиец? У нас важное дело впереди, а ты даром время тратишь! — В голосе юного гвардейца прозвучало искреннее негодование.

Ольтен молча переводил взгляд с Вайда на Ларго, ожидая, чем закончится их разговор, от которого зависела его судьба.

— Когда тебя ранят и кто-то будет перевязывать тебя, я посмотрю, назовешь ли ты это занятие пустой тратой времени,— слегка раздраженно буркнул Вайд и обратился к принцу: — Верхом ехать сможешь?

Принц кивнул, понимая, что это скорее не вопрос, а приказание, и, если он хочет остаться в живых, придется ехать верхом, пусть даже привязав себя к седлу веревкой.

— Ты что, хочешь взять его с собой?! — Казалось, выше поднять брови уже невозможно, но Ларго все-таки ухитрился сделать это.— Зачем?

Вайд и сам не знал ответа на этот вопрос, поэтому разозлился и отрезал:

— Портал закрываю я, и мне лучше знать, что и зачем надо делать!

Если бы Вайд мог хотя бы предположить, что почти в точности повторил фразу, которую любой солдат слышит от своего командира по десять раз на дню, он бы удивился и, возможно, ему даже стало бы стыдно. Но на Ларго привычная формула подействовала, как приказ на любого вымуштрованного военного: он кивнул, подошел к принцу, ни слова ни говоря, взвалил Ольтена на плечо и двинулся вон из дома. Незнакомый с армейской дисциплиной — команда его корабля порой отличалась просто ужасающей вольностью в поведении, имея самые смутные представления о порядке,— и потому слегка оторопевший от такого послушания Вайд вышел следом.

Спутники Вайда, уже сидевшие в седлах, с недоумением воззрились на Ларго, который тащил на плече пленника. Бросив красноречивый взгляд на идущего за ним друга, как бы намекая, чья это идея, Ларго подошел к лошади погибшего в схватке гвардейца и усадил на нее раненого принца. Тот с благодарностью взглянул на юношу, но, на-

толкнувшись в ответ на враждебный взгляд светлых глаз, горопливо наклонился, подтягивая подпругу.

— Крысенок, ты что, не в себе? — осведомился Конан, и его черный жеребец согласно фыркнул. — Ты хочешь защитить его с нами в Руазель? Если у тебя своих забот мало, так я могу добавить.

— Настоящий маг, капитан Конан, то есть Ваше Величество, должен внимательно смотреть по сторонам и использовать все, что судьбе угодно будет послать ему... — заговорил Вайд, но киммериец махнул рукой, давая понять, что ему это не интересно.

— Вот сам и будешь отвечать за этого щенка. Вздумает нам помешать — шею ему сверну, так и знай!

Конан дал знак остальным трогаться в путь. Была у северянина одна хорошая черта: он предоставлял каждому сходить с ума как ему хочется, лишь бы это не мешало самому Конану. Ежели Крысенку пришла охота таскать за собой увечных да больных — его дело. Главное, чтобы Портал был закрыт как можно скорее.

Другие члены отряда ни о чем не спросили Вайда, целиком полагаясь на решение короля. Лишь пожилой мастер погладил шею своей лошади и тихо произнес:

— Пока в мире живет доброта, есть надежда на спасение...

Дальше ехали осторожно, опасаясь наткнуться на других уцелевших немедийских солдат. Тао в качестве разведчика бежал впереди, донельзя гордый своей задачей. Но вплоть до самого леса отряду не встретилось больше ни одной живой души. Вайд держался рядом с принцем, для которого эта поездка оказалась нелегкой, заслоняя его от недоброжелательных взглядов аквилонцев... Мастер Энгус передал Ольтену немного вяленого мяса и воды из припасов отряда, и юноша, поблагодарив мастера в изысканных выражениях, жадно набросился на еду, стараясь, впрочем, не забывать о приличиях. По дороге Вайд рассказал принцу о демонах и о том, зачем они едут в Руазель. Молодой кордавец решил, что вреда от этого не будет, а так принц хоть узнает, что его ждет в самом ближайшем будущем.

Услышав, что они едут как раз туда, откуда появляются демоны, Ольтен сильно побледнел, но ничего не сказал.

С Хорота уже потянуло вечерней прохладой, когда отряд вступил под сень руазельских деревьев. В лесу стояла невероятная тишина. Ни одна птица не подавала голос, и от этого Руазель казался безжизненным, таившим в себе скрытую угрозу. Словно что-то чуждое и враждебное пристально следило за людьми сквозь ветви деревьев, и сам воздух был здесь тяжелым и будто застывшим, пропитанным неведомой опасностью.

Люди, съезжившись в седлах, нервно оглядывались, словно ожидая немедленного нападения, и даже лошади испуганно всхрапывали, ощущая общую тревогу. Вайд буквально задыхался от гнета враждебной силы, отголоски которой почувствовал тогда, у дома шемитского мага. У Тао на загривке поднялась дыбом шерсть, а белоснежный рог во лбу посерел, как будто на него упала огромная тень.

Конан поднял руку, приказывая остановиться, и взглянул на Вайда.

— Говори, что надо делать, — потребовал король, уверенный, что Вайд уже во всем разобрался и готов действовать.

— Надо найти... Его, — пробормотал Вайд, почему-то не решаясь назвать вслух цель их поездки. — Он где-то рядом.

— Разбивайтесь по двое и прочесывайте лес, — приказал Конан остальным. — Кто первым найдет Портал, пусть зовет всех.

— Ваше Величество, — появившись, обратился к королю Эсканоба, — а что искать-то? Как этот Портал выглядит?

— Темный камень, — с трудом проговорил Вайд, глядя куда-то вдаль. — Он нависает над нами, заслоняя солнце. Он открывает вход во тьму, смыкаясь над нашими головами...

— Ворота, — пояснил Конан. — Огромные черные ворота. Не пропустишь, Эсканоба.

Все спешили и стреножили боязливо косившихся лошадей, оставив их на маленькой открытой поляне вме-

сте с Ольтеном. Конан, взяв с собой Ларго, первым решительно шагнул в сторону с дороги, казавшейся последним оплотом относительной безопасности, и они исчезли в зарослях. Эсканоба и его подчиненный, гвардеец Тандиль, повинуясь приказу, бесстрашно двинулись в полутьму леса. Чепозус и мастер Энгус, кряхтевший и хромавший после верховой езды, отправились в другом направлении, где было посветлее. Помедлив, Вайд в сопровождении Шеки медленно пошел по едва заметной тропинке, отходившей от дороги. Тао бесшумно крался в траве сбоку, словно выслеживая добычу.

Пройдя немного, Вайд понял, что выбрал верное направление. Всей кожей он чувствовал приближение чего-то темного и грозного. Даже Шеки недоуменно вертел головой, ощущая непонятное ему самому беспокойство. Тропинка кончилась, но Вайд упрямо шел вперед, зная, что близок к цели. Поэтому он совсем не удивился, когда деревья неожиданно расступились и взорам двух людей открылся Портал.

На изумрудно-зеленой траве, словно выросшие из земли, возвышались огромные ворота, как будто высеченные из глыбы черного базальта. С первого же взгляда становилось ясно, что это — не творение человеческих рук. Каменные ворота посреди тихой лесной поляны выглядели одновременно нелепыми и пугающими. Вокруг Вайд заметил глубокие следы в земле, которые уже начала затягивать молодая трава, и поломанные кусты. Все это говорило о том, что здесь побывали крупные звери. Молодой человек вспомнил рассказы о бронированных чудовищах и покачал головой.

Вайд подошел к Порталу и прикоснулся рукой к гладкой поверхности ворот. Она оказалась ледяной несмотря на жаркое летнее солнце, весь день ласкавшее ворота своими лучами. Вещество, из которого был сделан Портал, не походило ни на одно из известных Вайду. Ощувив покалывание в ладони, он быстро отдернул руку.

— Шеки, иди, зови остальных, — бросил Вайд через плечо своему спутнику. — Скажи, что мы нашли... Его.

— Здесь опасно, господин. Может, уйдем вместе? — встревоженно спросил шадизарец, отступая подальше от мрачного сооружения.

— Со мной ничего не случится, — раздраженно ответил Вайд. — Иди же!

Шеки шумно вздохнул, и вскоре Вайд услышал громкий треск веток — это бравый телохранитель продирался через руазельский лес. Затем все стихло, и Вайд остался один на один с выросшим посреди обычного леса созданием сильной и злобной воли, которое ему предстояло разрушить во что бы то ни стало.

Глава четвертая

Вайд не знал, как долго он простоял в оцепенении, глядя на вздымавшийся над ним Портал. Его привел в себя Тао, встревоженно ткнувшийся холодным влажным носом в бессильно опущенную руку друга.

— Давай делай что там надо, и пошли отсюда, — попросил маленький демон, прижимаясь к ногам Вайда и нервно дергая хвостом. — Мне здесь не нравится.

— Мне тоже, — вздохнул Вайд.

Он еще раз оглядел массивное сооружение. Нет, без помощи Лабиринта точно не справиться. Однажды, пользуясь туманными указаниями, почерпнутыми из древней рукописи, он из чистого любопытства попытался проникнуть в незримый мир духов, и это едва не стоило ему жизни. А Портал открывал выход в совершенно чуждые здешнему миры, и тут наверняка крылась неизмеримо большая опасность. Вайд отошел подальше от Темных ворот и позвал:

— Лабиринт...

Все предыдущие дни он надеялся, что Лабиринт обязательно разыщет своего Хозяина и вразумительно растолкует ему, как справиться с Порталом. Но странное божество мыслило иными категориями, нежели человек, и время, как и пространство, не слишком занимали Лабиринт. У него были какие-то свои думы и цели, неведомые Вайду, и предугадать, как именно поведет себя Лабиринт и когда сочтет необходимым вмешаться, было невозможно.

— Лабиринт!

Вайд собрался было окликнуть Лабиринт в третий раз — и замер. На поляне, близ Портала, начал дрожать воздух, искажая очертания растущих позади деревьев, словно там разложили огромный невидимый костер. Потом воздух в этом месте потемнел и стал напоминать странный вихрь, кружившийся на одном месте. По траве побежали волны, как от сильного ветра. Тао взвизгнул и прижался к земле, выставив вперед свой рог. Вайд почувствовал пронизывающий холод, который забирался под куртку, как во время лютых зимних штормов. А смерч все кружил, чернея и распухая на глазах. Вайд уже начал понимать, что происходит, но вмешаться не мог.

Неожиданно стремительно вращавшийся круговорот застыл на месте и опал вниз, как поднятая ветром придорожная пыль. Из очерченного им круга на поляну выступил человек, кутавшийся в белую мантию. Он был уже немолод, высок ростом и худощав, узкие губы кривились в недоброй усмешке, а темные как ночь глаза напоминали две бездонные пропасти. Он повернул голову и тяжелым взглядом уставился на стоявшего у края поляны Вайда.

— Я узнал тебя, щенок, — после недолгого молчания сказал человек. — Однажды ты уже попался на моем пути и помешал мне. Я никогда не забываю такого.

— Тот-Амон, — пробормотал Вайд. — Только этого еще не доставало... Я мог бы догадаться и раньше. Что тебе понадобилось здесь, слугитель Сета?

Маг сухо рассмеялся, но глаза его оставались по-прежнему холодными.

— Это я хотел бы узнать у тебя, мальчик, — проговорил он почти ласково. — Уж не решился ли ты вновь встать у меня поперек дороги? Мое терпение не безгранично, дружок...

— Мое тоже. — Вайд начал приходить в себя и даже небрежно прислонился к стволу дерева, показывая, что нисколько не боится грозного стигийского мага, справедливо считавшегося одним из самых могучих в землях, которые лежали между Западным океаном и морем Вилайет. — Значит, это ты открыл Портал, поставив под угрозу

существование не только Аквилонии, но и всего нашего мира в угоду твоим замыслам?

Тот-Амон поморщился.

— Еще не хватало, чтобы какой-то недоучка взывал к моей совести.— В голосе мага звучала насмешка.— Твоя драгоценная Аквилония — лишь звено в той цепи, что я кую согласно моим планам и планам моего повелителя. Тебе не дано даже представить суть и величие цели, к которой я стремлюсь...

— Я даже не буду тратить на это время.— Вайд постарался придать своему голосу побольше уверенности, которой вовсе не ощущал.— Я лишь постараюсь, чтобы ваши планы не осуществились.

Тот-Амон громко расхохотался и взмахнул рукой. В лучах предзакатного солнца блеснула золотая змея с рубиновыми глазами, тремя кольцами обхватившая его запястье.

— Твоя наглость равна твоей глупости, мальчик.— В голосе мага прозвучало нечто похожее на жалость.— Неужели ты считаешь, что давным-давно, в молодости, я отдал все, что у меня было, прошел через непредставимые смертными опасности и муки и принял руку Хозяина Ночи лишь для того, чтобы какой-то нахальный щенок через много лет смог разрушить мои замыслы? — Маг смерил Вайда взглядом, полным презрения.— Ты не опасен для нас, как бы тебе этого ни хотелось.

— Зачем же ты тогда на всех парусах примчался из своей Стигии, как только этот ничтожный щенок появился близ Портала? — невинно поинтересовался Вайд.— Он же совсем не опасен, разве что лужу напрудит...

— Будем считать, что мне внезапно захотелось поведаться со старым знакомым,— в тон Вайду отозвался маг, но в глазах его сверкнула молния.— Как соперник ты для меня неинтересен.

— Ты несколько торопишься с выводами, почтенный Тот-Амон,— любезно сказал Вайд.— Все-таки я смог разыскать Портал. И еще одна новость для тебя: благодаря мне Бен-Аззарат выбыл из игры.

— Бен-Аззарат? — презрительно переспросил маг.— Ты правда надеялся, что это огорчит меня? Он был лишь выдрессированной собакой, которая приносила брошенную палку своему господину, но никогда не задумывалась, зачем это нужно. Когда я встретился с ним много лет назад, Бен-Аззарат был просто Заратом, предсказывавшим будущее в грязных тавернах пьяной солдатне. Именно я дал ему ту силу, что позволила этому ничтожеству подняться до некоторых высот. Я уже тогда знал, что шемит пригодится мне позже, и, когда пришло время, использовал его. Он сделал то, что от него требовалось, и теперь его судьба не волнует меня. Он мертв? — Тот-Амон пренебрежительно скривил тонкие губы.— Это даже к лучшему. Все, что построено на крови, стоит крепче...

Теперь Вайд начинал понимать все, что тревожило его раньше: почему на склоне лет маг неожиданно отправился в Аквилонию открывать Портал, откуда у него такие возможности и о ком говорил шемит перед смертью. Бен-Аззарат лишь отдавал свой старый долг Тот-Амону, с которым заключил соглашение в далекой молодости, уже тогда предрекая себе преждевременную смерть.

— Этого следовало ожидать,— сказал Вайд, слегка досадуя, что сообщение не взволновало Тот-Амона.— Для магов, подобных тебе, человеческие жизни не дороже песчинок на дороге. Но на этот раз, как мне кажется, ты зашел слишком далеко. Не знаю, зачем ты открыл Портал и выпустил в наш мир демонов, разве что хотел таким образом отомстить Конану и нанести вред Аквилонии...

— Отомстить Конану? — Маг поднял тонкие брови.— Я давно достиг тех высот, где само слово «мечь» не имеет никакого смысла. Это игрушки для простых смертных. Нам, открывшим иные миры и пути, ведомы другие страсти, недоступные таким, как ты.

Вайду показалось, что в холодном голосе стигийца прозвучал оттенок хвастовства. А Тот-Амон, неожиданно вдохновясь, продолжил:

— Что какие-то короли и страны по сравнению с замыслами моими и моего господина? Для нас целые миры —

только части хитроумной головоломки, которую мы в силах разрешить. Скоро сами слова «Аквилония», «Стигия», «Немедия» станут лишь отзвуками забытых снов. Мир переменится настолько, что люди будут бродить, как потерянные, не понимая, живы они или уже умерли. И тогда я буду обладать властью, о которой мечтал так давно. Я смогу стать наместником моего господина в созданном мною мире! — Маг говорил со страстью, его бледные щеки окрасились слабым румянцем, тонкие желтоватые пальцы сжимались и разжимались.

«Ишь, куда замахнулся!» — подумал Вайд и подивился, как такое тощее тело вмещает в себя столь неумеренное тщеславие.

— Ты не догадываешься, зачем я открыл Портал? — Стигиец ласково погладил черную поверхность, словно не чувствуя исходившего от нее ледяного холода. — Впрочем, куда тебе, молокосос... Может, поучить тебя? — Маг улыбнулся неожиданно пришедшей ему в голову мысли. — За небольшую плату я готов ненадолго стать твоим наставником и поведать нечто такое, что могло бы тебе пригодиться.

Вайд озадаченно промолчал, не зная, как воспринимать услышанное. Но Тот-Амон и не нуждался в его ответе. Маг даже не смотрел на собеседника, обращаясь в своей гордыне лишь к самому себе.

— Ты уже понял, что эти величественные ворота — лишь воплощение сложного магического процесса, начатого Бен-Аззаротом под моим руководством? — Тот-Амон небрежно перекинул через плечо белую мантию, и Вайд увидел вышитую на ней черная змея, расправившая капюшон. — Для подмастерья это уже много. Да, я открыл для созданий иных пространств, которых несведущие люди зовут демонами — а истинные демоны, могу тебе сказать, гораздо опаснее наших маленьких зверушек, — выход в наш мир и разместил Портал близ аквилонской столицы не случайно. Тот хаос, что охватил город и принес столько огорчений нашему общему другу Конану, лишь часть моего плана. Точнее, его отправная точка. — Маг самодовольно взглянул на Вайда. — В Тарантии находится кое-что очень меня ин-

тересующее. Но получить это я смогу, лишь нарушив обычное течение жизни в городе. Сами горожане меня не волнуют, мне важно ослабить жрецов, чье засилье в Аквилонии так мне мешает. Если сказать больше — мой удар направлен против жрецов главного святилища Митры...

У Вайда в ушах звенело от бесконечных «мой», «мне», «меня», которые стигиец упорно подчеркивал, а маг упивался внезапно представившейся ему возможностью хоть кого-то поразить тонкостью и величием своих замыслов.

— Тебе известно, где расположено главное святилище Митры? — поинтересовался Тот-Амон. — Впрочем, об этом так или иначе осведомлены все. В самом сердце столицы, под королевским дворцом, в скале вырублены катакомбы, куда охраняющие святилище жрецы пускают далеко не всякого, кто желает поклониться Подателю Жизни. — Имя Светлого Бога прозвучало в устах стигийца как название какого-то на редкость мерзкого насекомого. — Кое-кто даже знает, почему этот храм Митры расположен в столь странном месте. Там покоится гроб с телом Эпимитриуса, надежно спрятанный от людских глаз. настолько надежно, что сами жрецы позабыли, в каком именно месте подземных катакомб он находится. — Маг презрительно рассмеялся. — Эти глупцы не ведают, каким богатством обладают. Они уверены, что легенды об основателе Аквилонии — сказки для простолудин, не содержащие и крупицы истины. Выполняя положенные ритуалы, посвященные Эпимитриусу, они даже не задумываются об их подлинном смысле. Слепцы!

Маг поднял руку и быстро начертил что-то в воздухе. Там, где он проводил ладонью, оставался контур, горевший бледным голубоватым огнем. Вайд узнал знак, обозначавший имя Эпимитриуса и встречавшийся в Тарантии повсюду.

— Они помещают этот символ как украшение на застежки ожерелий и на дверные замки для защиты от воров! — Тот-Амон заговорил резко и отрывисто. — Они не догадываются, что в действительности он значит, иначе никогда не осмелились бы вывести его! Лишь я смог проникнуть в его тайну. Теперь я знаю, какие магические сокровища таит в себе гробница вашего старца! А недавно

я смог узнать, где она находится. И я не остановлюсь перед тем, чтобы стереть с лица земли Тарантию, раз мне необходимо добраться до нее! Только так я смогу обрести то, что станет ключом к моим будущим победам...— Стигийский маг замер, словно его взорам уже открылось ожидающее его впереди безмерное величие.

— Спасибо за урок, Тот-Амон,— подал наконец голос Вайд.— Все это чрезвычайно интересно, но к нашему делу не относится. Честно говоря, мне все равно, какие цели ты преследовал, открыв Портал. Он достаточно попортил нам кровь, а потому настала пора избавиться от него и восстановить равновесие, нарушенное тобой.

— Нельзя перебивать наставника, мальчик,— холодно сказал маг, пронзив Вайда взглядом бездонных глаз.— К тому же мы еще не договорились о плате за урок. Я обещал, что она будет невысока. Всего лишь твоя жизнь. Согласись, это действительно немного.— Тот-Амон улыбнулся с деланным дружелюбием.

По спине Вайда пополз противный холодок. Но то ли знания и умения, полученные от Лабиринта, то ли надежда на его помощь, то ли просто гордость мешали ему дать волю своему страху. Да и пренебрежительность Тот-Амона показалась Вайду чересчур наигранной и оттого не такой опасной.

— О, я вижу, ты прихватил с собой из Дарфара мое создание.— Взгляд стигийца неожиданно обратился на напряженно выгнувшего спину Тао, который жался к ногам своего друга.— Что ж, когда не способен что-либо сделать сам, не грех воспользоваться трудом более сведущего... Ты помнишь своего господина, Тень?

Ничего не отвечая, Тао мелко дрожал, прижав уши и со смесью страха и ненависти глядя на человека, который сотворил его когда-то с единственной целью — узнать, что находится внутри Лабиринта, куда сам Тот-Амон войти был не в силах. Тао проник в гробницу и, выполнив то, что было нужно его хозяину, был брошен магом на произвол судьбы и скитался по подземельям, пока не встретился с Вайдом.

— Я вижу, ты помнишь,— протянул Тот-Амон.— Когда-то ты был послушен, Тень. Иди же к своему создателю, он зовет тебя.

Шерсть маленького демона встала дыбом, янтарные глаза стали темно-желтыми и заблестели, пасть приоткрылась, обнажая белоснежные клыки. Он припал на передние лапы и издал какой-то странный звук, напоминающий смесь протяжного мяуканья и рычания.

— Ну же! — повелительно сказал маг и хлопнул себя ладонью по ноге, словно подзывая пса.

Рычание Тао перешло в жалобное поскуливание, и маленький демон медленно пополз на животе к Тот-Амону. Его задние лапы волочились по земле, словно перебитые, розовый язык свесился из пасти. Вайду показалось, что Тао сейчас сольется с мрачной тенью Портала, огромным пятном лежавшей на траве, и снова станет тем, чем был, — бесплотным призраком. Молодой кордавец стиснул кулаки.

— Тао,— негромко позвал Вайд.— Тао, вернись! Он давно не имеет над тобой власти. Приди в себя, малыш!

Голова маленького демона с трудом повернулась, желтые глаза жалобно взглянули на своего спутника. Вайд ободряюще улыбнулся и кивнул Тао. Тот неожиданно рывком вскочил на все четыре лапы, как кошка, и, издав торжествующий вой, одним прыжком преодолел отделяющее его от стигийца расстояние, с наслаждением вцепился зубами в край белой мантии мага и резко мотнул головой. Треск рвущейся материи заглушил проклятие, сорвавшееся с губ Тот-Амона, который мигом лишился прежнего высокогомерия. Маг взмахнул рукой, с его ладони сорвался небольшой огненный шарик, нацеленный в маленького демона, но Тао уже благоразумно отбежал к Вайду и спрятался за его ногами, унеся с собой боевой трофей — большой кусок белой ткани. Огненный шарик бессильно зашипел и погас в траве, а Тот-Амон, передернув плечами, сбросил порванную мантию.

— Видишь, Тот-Амон, все не так просто.— Вайд не скрывал довольной улыбки, поглаживая все еще дрожавшего от пережитого страха и возбуждения Тао.— Ты не замечаешь,

что все вокруг изменяется, и не всегда так, как хочется тебе. Даже твоя Тень больше не подвластна тебе. А я уже далеко не тот мальчишка, которого ты встретил семь лет назад на стигийском побережье. Но я пока еще Хозяин Лабиринта, а об этом ты, кажется, забыл.

— Так это Лабиринт послал тебя сюда? — Тот-Амон отбросил свое притворство, теперь в его голосе звучала неприкрытая ярость. — Ты жалкий глупец! Лабиринт лишь использует тебя в своей игре против меня! Его не волнует твоя жизнь, ты лишь его орудие, а вовсе не Хозяин! — Маг злобно оскалился. — Ты думаешь, напугал меня, напомнив о Лабиринте? Сейчас у меня достаточно сил, чтобы сразиться с ним. Но сперва я разделюсь с тобой, сопляк!

Тот-Амон поднял вверх обе руки, словно зывал к богам, и между его ладонями заплесал серый вихрь. Сперва он был маленьким и совсем нестрашным, но потом начал расти, наливаясь чернотой и скрытой угрозой, которую остро почувствовал Вайд. Вот смерч поднялся выше головы мага, достиг вершины Портала — и тогда Тот-Амон резко сжал открытые ладони и нараспев произнес что-то на стигийском языке. Вихрь вытянул свою воронку, и Вайд увидел, как на конце ее выросла огромная пасть. Она широко разверзлась, показав черное бездонное нутро. Смерч дрогнул и поплыл к Вайду, повинаясь движениям мага, его гибкий хвост изогнулся, как у змеи, готовящейся к нападению.

Кордавец неожиданно ощутил, как страх покидает его, уступая место спокойствию и сосредоточенности. Не обращая внимания на заматавшегося Тао, он в свою очередь поднял руки, чувствуя силу, растекающуюся в них от плеч до кончиков пальцев. Потом он нахмурился, стараясь вывести эту силу наружу и воплотить ее в нечто зримое. Наконец в его ладонях оказался туманный сгусток. Закусив от напряжения губу, Вайд начал мысленно вытягивать его, придавая определенную форму — и вскоре уже держал в руках огромный меч, превосходящий по размерам знаменитый двуручник Конана, но созданный отнюдь не из стали.

Пасть вихря была уже совсем рядом, Вайд чувствовал исходящий из нее ледяной холод. Смерч плотоядно дрожал, нависая над головой своей жертвы. Вайд глубоко вздохнул, вскинул свое невесомое оружие — и лезвие мягко отсекло голову вихря, пройдя сквозь него, как горячий нож через масло. Из места среза вверх ударила струя красноватого дыма, обезглавленный противник мягко упал на землю, как сброшенная со скалы веревка, и растаял, словно дурной сон. Кордавец перевел дух и опустил руки, в которых уже не было меча, исчезнувшего так же бесследно, как и сраженный им враг. Вся схватка происходила в полной тишине, и лишь крупные капли пота на лбу Вайда выдавали, чего ему стоила эта победа.

— Ты кое-чему научился, щенок, — пробормотал Тот-Амон, и глаза его сверкнули. — Что ж, попробуй вот это...

Мир вокруг Вайда вдруг поблек, теряя краски и словно отдаляясь. В лицо молодому человеку повеяло жаром, как от раскаленной печи. Оглядевшись, Вайд увидел, что исчез Руазельский лес, исчезла поляна с Порталом и стоявший рядом маг, куда-то делось дерево с прячущимся за ним Тао. Теперь вокруг расстилалась пустыня с багровым, словно подсыхающая лужа крови, песком. Небо, казалось, отражало странный цвет земли, переливаясь буро-красными оттенками. Солнца не было, но удушающая жара навалилась на мгновенно взмокшего Вайда. Он растерянно сделал пару шагов, увязая по щиколотку в песке, и тут земля задрожала и начала на глазах оседать. В образовавшиеся разломы со зловещим шорохом посыпался кровавый песок, утягивая с собой Вайда, как поток воды в реке. Он испуганно отпрыгнул и бросился назад, но почва, словно ожидая этого, осела и позади него. Едва остановившись на краю нового, быстро расширяющегося разлома, Вайд затравленно обернулся. Всюду мертвый песок осыпался в неведомо откуда возникавшие бездонные пропасти, и участок твердой поверхности, на которой стоял кордавец, становился все меньше. Поднявшаяся красная пыль клубилась вокруг, не давая дышать и забиваясь в глаза.

— Вайд!

— Лабиринт! — обрадованно завопил Вайд и огляделся.

В нескольких шагах от него возник столб желтого света, показавшийся таким домашним в этой кровавой пустыне. Поняв, что это — его спасение, и не думая больше ни о чем, Вайд отчаянным усилием перепрыгнул через очередной разлом и вбежал в световой круг. В то же мгновение он почувствовал, как его тянет куда-то вверх, прочь от опаленной жаром земли. Словно в перевернутом водовороте, его несло ввысь все быстрее и быстрее, все кружилось, в ушах нарастал какой-то гул. Вайд зажмурился и почувствовал, что падает. Он и в самом деле упал, больно врезавшись во что-то локтем.

Открыв глаза, кордавец увидел, что лежит на знакомой поляне. Все так же неизбежно высится Портал, рядом с ним, стиснув кулаки, стоит помрачневший Тот-Амон, а Тао, счастливо вздыхая, лижет шершавым языком щеку своего друга. То, обо что стукнулся Вайд, оказалось заурядным пеньком.

— Будь ты проклят, Лабиринт! — Стигийский маг в бесильной ярости ударил кулаком по черной поверхности ворот. — Мальчишка бы не выбрался оттуда... Зачем ты вылез из своих пещер?!

— Ты не смеешь трогать Вайда, — холодно прозвучало в ответ. — Лучше убирайся с нашей дороги. Ты слишком много на себя берешь, маг Тот-Амон, прислужник Змея.

— Я возьму на себя еще больше, Забытый, — прошипел стигиец и вскинул голову. — Я уничтожу вас обоих!

Вайд вскочил на ноги, готовясь к новой схватке. И вовремя. Тот-Амон скрестил руки на груди, и вокруг него полыхнуло пламя. Мгновение спустя на том месте, где только что стоял человек, изгибался огромный змей, раздувший капюшон и разинувший пасть, из которой брызгали во все стороны крупные капли яда. Там, куда они попадали, трава жухла и чернела. Змей яростно затанцевал на хвосте, его плоская треугольная голова взвилась высоко в небо. По сравнению с этим чудовищем даже Портал выглядел не более чем детской безобидной игрушкой.

— Сейчас Тот-Амон открыт силе Сета. — Голос Лабиринта звучал, как всегда, спокойно, тогда как его Хозяин невольно начал пятиться назад. — Он принял воплощение своего Повелителя, и могущество его огромно. Но мы попытаемся...

— Что мне делать? — быстро спросил Вайд, не отводя глаз от плоской морды змея, метавшегося где-то высоко над его головой.

— Создай петлю... Скользящую петлю, как у охотников на змей. Когда он бросится, затяни ее на его шею и откинь как можно дальше. Помни: моя мощь в тебе...

Вайд протянул вперед ладони и стиснул зубы, собирая всю имевшуюся у него силу. Ему показалось, что все вокруг съежилось, уменьшилось, и в целом мире остались только Тот-Амон и Хозяин Лабиринта, замершие перед последним сражением. Вайд медленно провел руками, очерчивая контуры петли и вкладывая в нее всю доступную ему энергию. Над поляной в воздухе повисло синее мерцание, постепенно разгоравшееся все ярче и принимавшее необходимое Хозяину Лабиринта форму. Рубиновые глаза змея зловеще блеснули, и он молниеносно бросился на противника с немыслимой высоты своего роста. Вайд сделал неумовимое движение — и синий огонь сомкнулся вокруг шеи чудовища. Змей яростно рванулся и судорожно забил огромным хвостом, как тростинки, ломая деревья, но петля лишь туже затягивалась, не давая змею добраться до стоявшего неподвижно Вайда.

— Молодец, Вайд... — Кажется, Лабиринт впервые похвалил своего Хозяина, но тому было некогда оценить это. — Теперь держи его. Я нанесу последний удар...

Будто огромная раскаленная стрела пронзила мозг Вайда. Перед глазами задрожало алое марево, руки и ноги словно налились свинцом и стали чужими. Вайд открыл рот, собираясь закричать, и обнаружил, что не может выдать ни звука... Кажется, Лабиринт еще что-то говорил ему, но Вайд уже ничего не чувствовал и не воспринимал. Его словно разрывали пополам две противоборствующие силы, мощь которых не могло вместить хрупкое человеческое

тело. Две враждебные воли хлестали друг друга, пытались уничтожить, и Вайд оказался в эпицентре их сражения, словно щепка, попавшая в водопад. Он захлебывался в мутных волнах взаимной ненависти мага и божества, последним усилием пытаясь удержать петлю на шее беснующегося змея.

Как во сне, он увидел, что на поляну выбегает Конан, на ходу вытаскивая из-за плеча двуручник. За ним топились Ларго и Шеки. Его друзья явно собирались напасть на чудовище, для которого их мечи казались не страшнее иголок. Вайд ощущал, что еще немного — и он задохнется, не выдержав напряжения схватки. Неимоверная боль снова пронзила его... И неожиданно все кончилось. Взметнувшийся ввысь столб огня поглотил огромного змея, и меч подоспевшего Конана рубанул пустое пространство.

Внутри Вайда словно что-то лопнуло, освобождая его от непомерной тяжести. Вернулись звуки и запахи, Вайд ощутил, как дрожат его руки и ослабли ноги. Бессильно опустившись на траву, он наблюдал, как Конан, Ларго и Шеки озадаченно смотрят на то место, где только что извивалось безумное чудовище, о котором теперь напоминали лишь сломанные деревья да вырванные с корнем кусты. К товарищам приближались ничего не понимающие Эсканоба и Тандиль, сжимаемая в руках уже ненужное оружие. Задышавшийся от быстрого бега мастер Энгус, держась за бок, плелся к Вайду. Вокруг него возбужденно прыгал Тао, пытаясь что-то сказать, но от волнения все время путая слова. Лишь Чепозус, который вел лошадей с сидящим на одной из них мертвенно-бледным Ольтеном, был невозмутим, как Портал. Глядя на него, можно было подумать, что все происшедшее он самолично спланировал от начала до конца.

Конан сунул меч в ножны и широкими шагами подошел к Вайду.

— Что здесь произошло, Крысенок? — отрывисто спросил король.

— Мы слегка поссорились с Тот-Амоном, — слабым голосом ответил Вайд, снизу вверх глядя на киммерийца.

Остальные члены отряда тоже сгрудились вокруг него, и Вайд вынужден был подняться на еще не слишком послушные ноги.

— Тот-Амон? — поднял брови Конан. — Не ожидал... Похоже, рядом с любой пакостью можно отыскать его следы. Это он послал громадную змею, которая чуть не сожрала тебя?

— Это еще кто кого, — слегка обиделся Вайд, но быстро взял себя в руки и рассказал Конану и его спутникам обо всем, что случилось около Портала.

— Значит, Тот-Амон хотел обчистить гробницу? — пробормотал король. — Обычно это плохо кончается. Знаю по своему опыту... Так вы с Лабиринтом уничтожили этого стигийского колдуна?

Конан, как всегда, сразу перешел к наиболее интересовавшему его вопросу. Вайд понял, что сам факт его успешной борьбы с могучим магом здесь никого не восхищает, и вздохнул.

— Не думаю, — отозвался он и взглянул на разочарованного Конана. — Похоже, его выбросило обратно в Стигию, или где он там прячется. Но это надолго отобьет у него охоту лезть сюда! — Вайд подумал немного и тихо добавил: — По крайней мере, на ближайшие несколько дней.

— Ладно, тогда займемся Порталом. — Конан энергично огляделся. — Внушительное сооружение... Тебе понадобится наша помощь, Крысенок?

— Что мне требуется, так это пара спокойных дней без постоянной беготни... И поговорить с Лабиринтом, — честно признался Вайд. — Но у меня такое ощущение, что с ним что-то случилось. А может, со мной...

Вайд сосредоточился и позвал Лабиринт, но вместо ответа почувствовал пустоту, какой он не испытывал с того далекого дня, когда стал его Хозяином. Без особой надежды Вайд попытался еще несколько раз, но даже не смог ощутить далекого присутствия Лабиринта. Вайд так привык к своей незримой связи с магическим созданием, что теперь ему стало не по себе, точно он потерял нечто очень важное.

Его спутники, похоже, поняли: возникли непредвиденные осложнения, что-то пошло не так. Вайд окинул их долгим, внимательным взглядом, и в настороженных глазах прочитал один и тот же немой вопрос. Кордавец начал было лихорадочно придумывать, что бы такое им ответить, но внезапно понял, что не должен скрывать от своих товарищей правду, как бы это ни отразилось на нем самом.

— Я не могу услышать Лабиринт, — пробормотал Вайд и с отчаянием выпалил самое главное: — А без него я совершенно не представляю, как мне закрыть Портал!..

Глава пятая

Что-о?! — зарычал Конан, наступая на своего бывшего юнгу. — Ты притащил нас в самое логово демонов и теперь говоришь, будто не знаешь, что делать? Клянись Кромом, я сейчас закрою этот Портал твоей башкой, недоносок!

Вайду показалось, что король собирается ударить его, но он не сделал и попытки защититься. Остальные мрачно молчали, испытывая, по-видимому, сходные с киммерийцем чувства. Вайд приготовился к худшему, но тут, к его удивлению, решительно выступил вперед мастер Энгус, выпрямившись во весь свой маленький рост и заслонив молодого кордавца от бушующего Конана.

— Не стоит быть столь скорым на расправу, Ваше Величество, — вежливо и спокойно заметил мастер. — Вайд сделал все, что в его силах. Без него мы вообще не доискались бы причины наших бедствий. Лучше нам успокоиться и вместе подумать, что предпринять...

Конан несколько раз открыл и закрыл рот, но в конце концов только сплюнул и резко отвернулся, пытаясь остудить свой гнев. Вайд удивился, какие потрясающие перемены произошли в характере его капитана. В былые времена киммериец сначала хорошенько врезал бы Вайду за то, что не справился со своим делом, потом Энгусу, чтоб не донимал советами, затем кому-нибудь близстоящему — просто так, для острастки, а уж после успокоился и начал искать нужное решение.

— Я думаю, задача ясна,— как ни в чем не бывало продолжил пожилой мастер, даже не представлявший, какой опасности только что избежал.— Необходимо закрыть это сооружение, называемое Порталом... Так, Вайд?

— Да,— кивнул молодой человек.— Закрывать... Или уничтожить. Так говорил Лабиринт.

— Уничтожить? — Ларго озадаченно взглянул на массивные черные ворота.— Таковую-то громадину?

— Может, тараном его? — предложил Эсканоба, которому, как всякому военному, было свойственно особо утонченное мышление.

— У нас тарана нет, господин офицер,— бодро напомнил Тандиль, и тут в его круглых глазах отразился ужас: зная своего командира, он решил, что именно его-то сейчас и пошлют строить этот самый таран.

— Подпилить дерево так, чтобы оно рухнуло на Портал,— робко сказал Ольтен, ни на кого не глядя.

— Деревья растут слишком далеко,— возразил Ларго, в свою очередь стараясь не смотреть на недавнего врага.

Вайд хотел было сказать им, что разрушить Портал отнюдь не означает просто раскатать по камешку эти ворота, что Лабиринт подразумевал под уничтожением Портала совсем другое, но, подумав, промолчал и только пожал плечами. Откуда он знает, что именно Лабиринт имел в виду? И что он сам сможет предложить?

— Погодите,— медленно проговорил мастер Энгус.— Таран... Я тут подумал... Тогда ведь получилось! Конечно, понадобится много, весь запас... Но попробовать можно, правда? — спросил Энгус, обводя взглядом своих товарищей.

Ларго смущенно кашлянул, остальные недоуменно смотрели на пожилого мастера.

— Мой песок! — торжествующе пояснил Энгус.— Гремучий песок. Он ведь не только поджигает, он вполне способен разрушать. Конечно, эти ворота выглядят основательными, но они ведь не каменные, так, Вайд?

— Да,— неохотно согласился молодой кордавец.— Я не знаю, что это за материал, но явно не камень.

— Да никакого песка не хватит, чтобы эти ворота рухнули,— засомневался Ларго.

— Может быть, достаточно лишь повредить их? Магия — штука тонкая, насколько я понимаю.— Энгус с надеждой посмотрел на Вайда, и тот кивнул.

— Но мы брали песок, чтобы защищаться от демонов,— нерешительно напомнил Ларго.

— Если будет необходимо, справимся с демонами и так. На то мы и солдаты, офицер Ларго,— строго сказал Эсканоба, и юноша по привычке съежился и замолк.

Не принимавший доселе участия в обсуждении Конан решил, что выход найден, и настало самое время отдавать приказы.

— Мастер Энгус, Вайд и... Э-э... Ларго — займитесь гремучим песком и Порталом. А мы пока разберемся с обездом.— И киммериец пробурчал словно про себя: — А то столько часов в седле нежравши-то...

Принц Ольтен невольно поморщился, но, спохватившись, быстро отвернулся от вспыльчивого аквилонского короля.

Перетаскивая вместе с Ларго и присоединившимся к ним Шеки бочонки с песком к Порталу и помогая мастеру Энгусу разместить их у черных ворот, Вайд не мог отделаться от ощущения, что в их затее что-то не так. Конечно, повредив магический предмет, можно тем самым лишить его части, а то и почти всех сверхъестественных свойств... Но каковы при этом будут последствия? Именно это и беспокоило хмуро молчавшего Вайда. Но иного выхода, кроме как воспользоваться идеей Энгуса, он не видел.

Мастер Энгус и Вайд с помощниками работали очень быстро, с тревогой поглядывая на постепенно темнеющее небо. Вскоре все было закончено. Быстро перекусив, все собрались около Портала, и даже Ольтен, опираясь на вырезанную для него Чепозусом палку, стоял рядом. Связки бочонков были аккуратно разложены вокруг одной из опор ворот. Из отверстий в бочонках торчали пропитанные маслом веревки, свитые на конце в единый жгут — это придумал Ларго, чтобы не бегать и не зажигать каждый бочонок в отдельности.

— Все готово, Ваше Величество, — торжественно провозгласил мастер Энгус.

Все невольно взглянули на короля, словно ожидая от него речи, как на параде.

— Чего уж там, — буркнул Конан. — Поджигайте, а то поздно совсем.

Тандиль принес головню из разведенного на краю поляны костра, и мастер прижал ее к веревочному жгуту. Когда по веревкам поползло пламя, люди, знающие уже, с чем имеют дело, отбежали в лес и укрылись, кто где мог. Вайд плюхнулся в какую-то ложбинку и с досадой выругался: ему в сапог потекла холодная болотная вода. Неподалеку слышалась ругань Эсканобы: судя по всему, он угодил в муравейник. За широкой сосной величаво полулежал Чепозус, вдумчиво жуя лепешку. Расположившийся рядом Тао умильно глядел на него, часто облизываясь. В кустах тревожно ржали лошади, которых удерживали Тандиль, Ларго и Шеки. Высунувшийся из-за кочки Ольтен с любопытством глядел на поляну, желая увидеть действие нового оружия противника вблизи.

Судя по тому, как основательно промокли его ноги, Вайд решил, что времени прошло достаточно, однако возле Портала все было по-прежнему спокойно. Бочонки в целости лежали на своих местах и загораться, похоже, не собирались. Спутники Вайда, которым в головы пришла одна и та же мысль, начали выглядывать из своих укрытий, кое-кто даже поднялся на ноги. Раздалось недоуменное восклицание мастера Энгуса, заглушенное крепким выражением Конана. Вайд тоже начал было выбираться из своей ложбинки, чтобы посмотреть, в чем там дело, как мимо него пронесся Ларго, явно направляясь к Порталу.

— Стой! — невольно вскрикнул Вайд, но юноша даже не обернулся.

Быстро подбежав к бочонкам, он на мгновение наклонился над ними и, обернувшись к лесу, крикнул:

— Веревка погасла, чтоб ее!..

Выхватив из потухающего уже костра новую головню, Ларго вновь поджег веревки.

— Что он там копается? — нетерпеливо пробормотал Вайд, глядя на неподвижно замершего у Портала друга.

Но Ларго, словно забыв об опасности, подождал, пока разгорающееся пламя подберется поближе к бочонкам, и лишь тогда бросился в лес и упал рядом с Вайдом.

— Портал, кажется, открываться начал, — сообщил Ларго. — Там шум какой-то, вспышки внутри и холодно ужасно... Ты что, места посуше выбрать не мог?!

Вайд уже хотел что-то ответить, но тут сильнейший грохот сотряс окрестности.

Вайд невольно уронил лицо в траву, ощущая, как заби-лась в голове давешняя боль. Словно штормовой порыв ветра пронесся над ним, чем-то присыпав спину. Земля дрогнула, и он судорожно вцепился в траву. Казалось, все вокруг шатается и разваливается на части, а ветер почему-то крепчал, надсадно завывая прямо в уши. Вайд понял: что-то пошло не так, гремучий песок не мог вызвать таких последствий. Он приподнял голову: вокруг была крошечная тьма, разрываемая на мгновение синими зарницами. Вайд попробовал позвать кого-нибудь, но бешеный ветер заталкивал слова обратно в горло, мешая даже дышать. Снова послышался грохот, будто земля вот-вот разлетится на куски, зарницы замелькали в сумасшедшем темпе, ветер выл и хохотал, стараясь унести с собой лежавшего ничком человека.

«Если мы закрыли Портал, то все не зря. Жаль, что мы об этом так и не узнаем...» — пронеслось в голове Вайда, прежде чем ветер оторвал его от земли и швырнул в бездну.

* * *

Когда Вайд открыл глаза, первое, что он увидел, — это небо. Оно не было лазоревым, как ранним утром, или синим, как в ясный полдень, или белесым, как при жаре. Небо казалось вылинявшим, как старая тряпка. Ни единое облачко не украшало эту унылую пустоту над головой.

Вторым, что увидел Вайд, оказался Чепозус. Он сидел рядом, стряхивая пыль с одежды, и в его выпученных гла-

зах читалось неподдельное изумление. Знай Вайд доблестного пехотинца получше, это, несомненно, поразило бы его гораздо больше, чем знакомое небо.

Вайд сел, и с него посыпался белый песок, так много, словно кто-то нарочно пытался засыпать кордавца. Оглядевшись, Вайд негромко присвистнул, не в силах понять, что это — дурной сон или взбесившаяся явь. Почти ровный круг очерчивал место, где находились люди. Внутри круга остались трава, деревья и груды каких-то оплывших черных валунов. Многие деревья были поломаны, а те, что поменьше, вырваны с корнем. Вздогнув от холода, пробежавшего по спине, он понял, что валуны — обломки Портала. За кругом до самого горизонта простиралась голая и плоская, как стол, пустыня с таким белым песком, что он слепил глаза.

К радостному удивлению Вайда, его товарищи были живы и, похоже, невредимы, что после всего происшедшего казалось почти чудом. Рядом яростно чесался Тао, пытаясь вытряхнуть из шерсти песок. Шеки сидел, потирая лоб и озираясь вокруг, Ларго помогал подняться бледному мастеру Энгусу, принц Ольтен, прихрамывая, ходил туда-обратно, глядя вдаль остекленевшими глазами. Тандиль с горестным видом смотрел на бьющуюся в агонии лошадь, которую придавил рухнувший ствол. Эсканоба вытащил меч, молча перерезал ей горло и снял притороченный к седлу зачехленный арбалет.

Конан стоял на краю круга и мрачно глядел по сторонам.

— Что, во имя Крома, с нами произошло? — спросил король, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Может, мы просто умерли, а это — царство Нергала, Ваше Величество? — предположил Эсканоба.

— Может, ты и похож на мертвеца, но я-то уж точно нет, — отрезал Конан.

— Это не Аквилония, — покачал головой Тандиль. — Таких мест у нас нет... Ваше Величество, — торопливо добавил гвардеец, вспомнив о субординации.

Конан только махнул рукой, давая понять, что сейчас ему это совершенно безразлично.

— Немного похоже на туранские пустыни, — неуверенно произнес Шеки. — Только там песок вовсе не белый.

— Нас явно куда-то занесло, — подал голос Вайд. — Может, это и вправду Туран, а, может — Стигия. Я бы не удивился. Но главное — Портал мы все-таки разрушили! — Последняя фраза прозвучала далеко не так радостно, как хотелось бы Вайду.

— Ну и ветерок был! Я уж решил, нам конец! — жизнерадостно воскликнул Ларго и огляделся. — Все наши вещи унесло... Так я и думал.

— Лошади, которых я держал, вывалились и умчались, как только грохнули бочонки, — виновато пробормотал Тандиль. — А я упал на землю и молился Митре, чтобы меня не унесло ураганом... Неужели это все из-за Портала?

— Магия... Это тебе не мечом на плацу махать, — глубокомысленно заявил Ларго. — Могло вообще пол-Аквилонии разнести... Да, Вайд?

— Наверное, — неохотно согласился Вайд.

— Значит, мы находимся Нергал знает где, лошадей у нас нет, воды и пищи тоже, — подвел неутешительный итог Конан. — Ну, удружил ты нам, Крысенек.

Вайд хотел было напомнить, что уничтожить Портал с помощью гремучего песка — не его идея, но лишь пожал плечами. Не все ли теперь равно, почему они оказались здесь...

— Но, как бы там ни было, попробуем отсюда выбраться, — сказал Конан и обвел взглядом свой отряд. Затем прищурился и посмотрел на маленькое алое солнце, висевшее в зените. — Если мы в Туране, нам следует идти в сторону восхода: там больше городов и чаще встречаются оазисы. В конце концов, мы можем просто упереться в Вилайет, а на побережье всегда кто-нибудь околачивается...

— Посмотрите-ка, что там, Ваше Величество? — вдруг подал голос Чепозус, показывая рукой вдаль.

Все невольно обратили взоры туда, куда указывал пехотинец, и почти у самого горизонта, среди белого мерцания, разглядели темное пятно, единственное на всей дос-

тупной глазу равнине, по форме напоминающее какие-то строения.

— Может, это город? — с надеждой сказал мастер Энгус. Он выглядел усталым и бледным: в его возрасте подобные встряски пережить было непросто.

— Если это стигийский город, то вряд ли нас примут любезно, — задумчиво проговорил Конан. — Но другого выхода нет. Нам нужны вода и пища, и, если они там есть, мы их раздобудем.

Если они хотели выжить и спастись, надо было идти вперед, но Вайд неохотно покидал знакомый уголок, вырванный вместе с ними из привычных мест. Он заметил, что и другие с тоской оглядываются на высившиеся посреди голой пустыни зеленые деревья, пока туманная дымка не скрыла их из глаз. Вайд подумал, что оборвалась последняя ниточка, связывавшая отряд с их миром, и то, что ожидает путников впереди, не обещает ничего хорошего.

Тусклое красноватое солнце медленно ползло по плоскому небу, удлиняя тени бредущих по песку людей. Хотя ландшафт напоминал пустыню, жары не чувствовалось. Ни малейшее дуновение ветра не касалось путников. Воздух казался каким-то затхлым, словно поблизости находилось пересыхающее болото. Чем дальше продвигался отряд, тем меньше окружающее нравилось Вайду. Ему случалось бывать в разных местностях, но ни одна из них не вызвала у него такого непреодолимого отвращения. Пожалуй, Вайд предпочел бы оказаться в дарфарских джунглях, Пиктских Пустошах или во льдах Асгарда, но только не в этой безжизненной выцветшей пустыне, бесконечной, как отчаяние.

Спутники Вайда тоже заметно приуныли. Тандиль и Эсканоба вели под руки задыхающегося мастера Энгуса. Временами он пытался подшучивать над собственной слабостью и возрастом, но мокрое от пота лицо и бледность говорили о том, что пожилому мастеру приходится туго. Сильно хромающий Ольтен опирался на плечо Шеки и тоже выглядел неважно. Ларго молча шел рядом с Вайдом и выглядел повзрослевшим лет на пять. Хмурая складка

прорезала его чистый юношеский лоб. Сейчас он еще больше напоминал Вайду кого-то, с кем молодой кордавец был знаком, но никак не мог вспомнить, кого именно. Король Конан уверенно шагал впереди своего отряда, и меч подпрыгивал у него на спине. За киммерийцем семенил Чепозус, своей невозмутимостью напоминавший верблюда. Тао плелся позади всех, вывалив на сторону язык и явно страдая от жажды.

Темное пятно приближалось, хоть и очень медленно, на взгляд Вайда. Теперь можно было разглядеть, что это крепость, неизвестно кем и с какой целью выстроенная там, где, похоже, не ступала нога человека. Она была небольшой, и вряд ли за ее стенами мог уместиться целый город или, хотя бы селение. Скорее всего, это был пограничный форпост какой-нибудь страны. Каждое мгновение Вайд ожидал, что ворота укрепления распахнутся, и навстречу путникам выедет отряд, чтобы поинтересоваться, что за вооруженные чужаки бродят тут. Краем глаза он заметил, что Конан проверил, хорошо ли выходит из ножен его меч, и то же самое сделали гвардейцы и Чепозус, а Эсканоба передвинул поближе висевший на спине арбалет. Отряд подходил все ближе и ближе, а в крепости по-прежнему никто не подавал никаких признаков жизни.

Подойдя совсем близко, Вайд понял, в чем дело. Открытые настежь ворота и отсутствие следов на белом песке ясно говорили: крепость заброшена ее обитателями, и произошло это достаточно давно. Ни единого звука не донеслось со двора, но Конан, повинаясь давней привычке быть осторожным, остановил свой отряд неподалеку от крепостной стены, не позволив никому войти внутрь.

Вайду крепость не нравилась — это он понял с первого взгляда. Сложенные из простого серого камня стены с узкими бойницами, деревянные потрескавшиеся ворота, краска с которых давно облезла, — казалось, ничего необычного, но молодой кордавец испытывал смутное беспокойство и явно не желал входить туда. Прижав уши, Тао взглянул на своего друга, и Вайд увидел в глазах маленького демона страх.

— Думаю, не стоит соваться туда всем сразу, — сказал Конан, оглядывая странное укрепление. — Не знаю почему, но все это не внушает мне доверия... Пойдем-ка, Крысенок, посмотрим, что там к чему. — И, кивнув Вайду, киммериец первым вошел в ворота.

Внутри царило полное запустение. Видимо, жители покинули крепость много лет назад, и об их былом присутствии здесь уже ничего не напоминало. Пространство внутри стен, когда-то вымощенное каменными плитами, теперь занес всепроникающий белый песок. Посреди двора выросло засохшее дерево. Вайд потрогал его ствол и поразился: на ощупь он казался каменным. Рядом с деревом лежал большой черный камень, покрытый полустершейся резьбой.

В камне была аккуратно пробита дыра, от которой отходил желоб, тянувшийся через весь двор. Вайд догадался, что здесь был родник, откуда брали воду защитники крепости. Сейчас из камня по водостоку стекала лишь тонкая и мутная струйка жидкости, пахнувшая плесенью. Поблизости Вайд заметил множество мелких следов: оказывается, крепость все же населяли живые существа, хотя они вряд ли превосходили размером крысу.

— Здесь действительно никого нет, — облегченно вздохнул Конан и расправил плечи. — Обычная заброшенная крепость. Давай взглянем, что там внутри, и можно звать остальных.

Толстая каменная дверь, закрывавшая вход в обветшалое здание, была намертво заклинена. Как ни старался могучий король пролезть в оставленную щель, он не смог. Пыхтя и отдуваясь, Конан выразительно развел руками и отошел от двери, уступая место Вайду. Кордавец, чья худоба еще в детстве служила поводом для многих и не всегда приличных прозвищ, на которые щедрый уличные мальчишки, протиснувшись между стеной и дверью, сорвав при этом с куртки одну из нашитых на ней металлических блях и оцарапав руку.

Он оказался в большом полутемном зале, куда свет проникал лишь через маленькие круглые окошки, распо-

ложенные высоко наверху. Но даже здесь пол был покрыт ровным слоем песка, нанесенного снаружи. Сам зал показался Вайду каким-то странным, и лишь спустя некоторое время он смог понять, почему: все контуры помещения были смазаны, словно неизвестные архитекторы испытывали жгучую неприязнь к прямым линиям и острым углам. Пол невероятным образом плавно переходил в стены, те, в свою очередь, в высокий потолок, едва различимый во мраке. Вайду почудилось, что потолок покрыт росписью, но разглядеть ее в темноте он не сумел. На полу, почти целиком занесенные песком, валялись остатки деревянной утвари, изгрызенные новыми обитателями крепости до неузнаваемости. Вайд потыкал в них носком сапога и отказался от мысли разгадать былое предназначение этих обломков.

В дальнем конце зала виднелись несколько проходов, явно ведущих во внутренние помещения. Вайд двинулся туда, рассчитывая увидеть лестницу, и замер в недоумении. Один из проходов вел в темный туннель, и Вайд мгновенно понял, что там ему делать нечего. Другие проходы вели на верхние этажи, но никаких лестниц там и в помине не было. Каждый проход кончался круглым колодцем, стенки которого вздымались вертикально вверх, а посреди колодцев торчали шесты, сделанные из гладко отполированного черного камня. Догадаться, что это такое, было несложно: таинственные защитники крепости поднимались по ним наверх, точно обезьяны по лианам. Но зачем все это было нужно, когда лестницей пользоваться гораздо удобнее, молодому человеку было невдомек.

Вайд ухватился за шест руками и, вспомнив, как когда-то поднимался на мачту, полез на второй этаж. Он сам не знал, зачем затрачивает столько усилий, осматривая пустую крепость, но любопытство и шевелившиеся в глубине души опасения толкали его вперед. Выбравшись из колодца, Вайд с трудом перевел дух и с отвращением посмотрел на свои дрожащие от напряжения руки. Впрочем, последние недели он голодал, а от этого мускулы не становятся крепче.

Неширокий коридор, больше смахивавший на крысиный тоннель, вел куда-то вдаль, похоже, опоясывая всю крепость. С одной стороны в нем были прорублены бойницы, с другой находились небольшие кельи, служившие, видимо, жилыми помещениями. Вайд заглянул в одну из них и с изумлением обнаружил, что стены и потолок в ней расписаны. Хотя краски потускнели и во многих местах стерлись, не приходилось сомневаться, что неведомый художник был незаурядным мастером.

— Так кто тут жил: простые солдаты или ценители искусства? — спросил сам у себя Вайд и сам себе ответил, пожав плечами.

Он долго разглядывал роспись так и этак, пытаясь хоть по ней определить, куда же они попали. Но какие-то мифические животные и орнаменты из цветов и извивающихся змей ни о чем ему не говорили. В соседней келье Вайду попалось на глаза изображение людей, по-видимому, местных жителей, но оно почти не сохранилось, и молодой человек сумел лишь понять, что жители этой страны смуглы и черноволосы. Но то же самое можно было сказать едва ли не о половине народностей, населявших омываемый Западным океаном континент.

Пройдя немного по коридору, Вайд внезапно зажмурился от ударившего по глазам дневного света. Здесь в стене коридора был сделан полукруглый проем, выходящий на каменную площадку на уровне второго этажа. Кордавец выбрался наружу и увидел все ту же пустыню, нисколько не изменившуюся за то время, пока он находился внутри. За стеной замерли в ожидании его товарищи. Внизу, во дворе, стоял Конан. Вайд окликнул его, помахал рукой и повернулся, собираясь войти обратно, как вдруг невольно отпрянул, едва не свалившись с площадки. Проем, через который он выбрался, оказался огромной змеиной пастью, высеченной из камня с уже знакомым Вайду мастерством. Глаза змеи слепо смотрели вдаль — похоже, раньше в глазницы было что-то вставлено, чтобы придать им впечатление живых. Длинные клыки по бокам пасти, которые изнутри Вайд принял за колонны, и сейчас были гладкими и

белыми, как настоящие. За головой змеи неизвестный камнерез наметил раздутый капюшон.

— Топнит меня уже от этих змей! — раздался со двора недовольный голос Конана. — То твой полоумный Тот-Амон в виде гада ползал, сюда попали — и здесь они! Я уже готов согласиться на кхитайского дракона, если ничего другого нам не предложат.

— Это наводит на мысль, что нас занесло в Стигию, — ответил Вайд. — Только стигийцы так любят этих тварей.

— Уж конечно, — пробурчал король. — Если сыщется на свете какое-нибудь премерзкое местечко, нас обязательно закинет именно туда!.. Ну что, внутри ничего стоящего внимания нет?

— Все тихо и пусто. Зови наших, капитан, — крикнул Вайд и отправился обратно.

Когда он выбрался из крепости, его спутники уже были во дворе. Вайд едва успел оттолкнуть мастера Энгуса, который собирался напиться из источника.

— Может, вода отравлена, — пояснил он в ответ на недоуменный взгляд пожилого мастера. — Пусть сперва Тао разберется.

Маленький демон обладал врожденной способностью отличать плохую пищу и воду от хорошей. Подойдя к черному камню, Тао понюхал воду, осторожно лизнул ее и, удовлетворенно фыркнув, начал пить из маленького ручейка, текущего вниз по желобу. Энгус мгновенно жадно приник к воде рядом с Тао. Другие тоже подошли напиться. Дурной запах и затхлый привкус мутноватой жидкости никого не смущал.

— Вода у нас теперь есть. А вот как насчет еды?.. — проговорил Конан, почесав в затылке.

— Может, попытаемся поймать одну из тварей, что живет здесь? — предложил Ларго, также заметивший цепочки следов на песке. — Они все равно вылезут, когда придет время водопоя.

— Судя по следам, это крысы или ящерицы. — Тандиль поворошил сапогом песок. — Сколько же их придется наловить, чтобы накормить нас всех!

— Ящерицы или крысы? — в ужасе повторил Ольтен. — Неужели нам придется... — Он судорожно сглотнул.

— Лично тебе мы торжественно предоставим право не есть их и скончаться от голода, многоуважаемый принц, — с сарказмом заметил Ларго. Ольтен виновато взглянул на молодого гвардейца, и тот, смутившись, буркнул: — Здесь тебе не дворец в Немедии, придется есть, что найдем. А то вы, королевские особы, что дети...

— Темнеет, Ваше Величество. — К Конану подошел Эсканоба, торопливо утирая мокрые после питья губы. — Я тут подумал, а вдруг в этих местах тоже демоны водятся?..

Все замерли, ибо никому такая мысль не приходила раньше в голову. Их положение и так достаточно плачевно. Вот только демонов им еще и не хватало!

— Здесь не должно быть демонов, им же питаться нечем, — резонно заметил Вайд. — Они — не мы, крысами наестся не могут.

— Но я все равно предпочел бы ночевать в крепости, Ваше Величество, — пробормотал Эсканоба в пространство.

Благодаря совместным усилиям Конана, Ларго, Шеки и Эсканобы каменную дверь удалось сдвинуть ровно настолько, чтобы в нее мог протиснуться самый крупный из отряда — король Конан. Правда, при этом ему пришлось расстаться с металлическим нагрудником, а куртка на могучей груди киммерийца пару раз злое еще затрещала. Остальные пробрались внутрь без особых затруднений.

Снаружи быстро темнело, видневшееся в узких окнах небо приобретало синий оттенок. Вайд даже заметил зеленоватую, словно старая медная монета, звезду, повисшую за окном. Навалившаяся на людей усталость заглушила даже чувство голода. «Мы ведь были в пути два дня подряд: день в Аквилонии, день здесь, — подумалось Вайду. — Но куда же в таком случае делась ночь между ними?» Ответа на этот вопрос он найти не смог.

Спутники Вайда, измученные и голодные, устраивались на ночлег. Мастер Энгус, укутанный плащом, лежал на спине, закрыв глаза и тяжело дыша. Было непонятно, спит он или потерял сознание. Вайд с тоской осознал, что пожилой мастер

может не выдержать тяжелого пути через пустыню, и понял вдруг, как успел привязаться к мудрому и неунывающему маленькому человечку. Принц Ольтен сгрел песок в кучу, сделав что-то наподобие ложа, и свернулся на нем, осторожно поглаживая большую ногу. Глядя на его измученное лицо, белеющее в полутьме зала, Вайд подумал, что, может быть, лучше было оставить юношу в деревне, дав ему кинжал, чем продлевать его мучения на несколько бесполезных дней. Ларго, завернувшись в плащ, уже спал между Тао и Шеки. Конан сидел, прислонившись спиной к стене, и Вайд не мог разглядеть, спит король или бодрствует. У его ног мерно сопел Тандиль, положив рядом обнаженный меч.

Чепозус, чья напыщенность блекла на глазах, приткнулся рядом. Эсканоба, назначенный Конаном в дозор, маячил у двери. Следующим должен был дежурить Вайд. Вздохнув, молодой человек завернулся в свой уже потертый плащ, подложил под голову ладонь и закрыл глаза. Перед ними тут же замелькали зарницы, совсем как тогда, когда разрушался Портал. Волнами накатывался мерный гул, напоминавший далекий шум моря. Вайд уже засыпал, когда громкий голос заставил его быстро поднять голову.

— Этого не может быть, но там две луны! — почти кричал офицер Эсканоба. — Я вышел во двор, смотрю на небо — а их две! И звезды — они все расположены не так! Я не смог найти ни одного знакомого созвездия!

Все зашевелились, на Эсканобу уставились ничего не понимающие спросонья товарищи. Вайд поднялся, подошел к двери и высунул голову наружу. Один взгляд опытного моряка сказал ему, что это небо не имеет ничего общего с привычным глазу небом над странами Западного океана. Две луны — одна багровая, другая почти белая — торжественно висели в испещренной незнакомыми звездами черноте. Вайд почувствовал, что ему стало трудно дышать, по коже прошел озноб. Он вспомнил, о чем предупреждал его Лабиринт, когда говорил с ним накануне поездки в Руазель. Вайд повернулся к своим спутникам. Рядом уже стоял Конан, сверху вниз глядя на бывшего юнгу «Вестре-

ла». В его глазах Вайд прочел невысказанный остальными вопрос.

— Это не Стигия,— с трудом проговорил Вайд.— Мы закрыли Портал, но при этом нас самих забросило сюда. В другую сферу. В совершенно другой мир.

— И как же отсюда выбраться? — спокойно спросил киммериец.

— Отсюда нельзя выбраться,— почти шепотом ответил Вайд и отвернулся.

Глава шестая

Ворочаясь на жестких плитах пола, Вайд с трудом дождался утра, но оно не принесло добрых вестей. Свет чужого алого солнца не радовал глаз, небо было по-прежнему безоблачным и тусклым, белесая пустыня тоскливо простиралась во все стороны до самого горизонта. Преодолевая ломоту во всем теле, Вайд добрался до источника и с отвращением попил гнилой воды. Голод начал потихоньку напоминать о себе, живот подвело, ухудшая и без того мрачное настроение.

Его спутники выглядели порядком приунывшими. У них была целая ночь на то, чтобы обдумать сказанное вчера Вайдом, и теперь возникло множество важных вопросов, на которые никто из них не мог сейчас дать ответ. Весь ли этот мир представляет собой белую пустыню? Есть ли тут растения и животные? Какие существа живут в этом мире, и как они отнесутся к чужакам? Или здешние обитатели давно исчезли с лица земли, и людям придется в одиночестве скитаться по негостеприимным пустошам?.. Но самое главное — ни один из спутников Вайда так полностью и не смог поверить в то, что им суждено до конца дней находиться в этом незнакомом мире, распростившись с надеждой вернуться домой. Лишь подсознательная вера в то, что этого не может быть, помогала маленькому отряду продолжать борьбу за жизнь.

Вайд вытащил кожаную флягу, которую приторочил на пояс еще в Тарантии (и помрачнел еще больше, подумав о

ждавшей его во дворце Дайане), набрал воды и отнес мастеру Энгусу. Мастер выглядел так, словно прошедшая ночь состарила его лет на десять. Одышка Энгуса, глубокие морщины на лице, черные круги под глазами, а главное — смертельная тоска в них, как у тяжелораненого животного, заставили сердце Вайда болезненно сжаться. Мастер напился из поданной молодым человеком фляги и грустно посмотрел на него.

— Моя-то жизнь уже позади, — сказал Энгус, положив худую, со вздутыми венами руку на ладонь Вайда, — а вот за вас душа болит... Как же вы проживете в этих местах, совсем одни? Вы ведь только начинаете жизненный путь, у вас было столько надежд... Как несправедливо то, что случилось с нами!

Вайд попытался найти слова утешения для пожилого мастера, но лишь молча пожал его слабую руку.

— Я вот что думаю, — продолжил Энгус с некоторым трудом. — Если нас забросило в тот самый мир, из которого приходили в Тарантию демоны, то выжить здесь просто невозможно...

— Если бы мы попали в тот самый мир, то, насколько я успел узнать повадки демонов, наши дочиста обглоданные кости уже сушились бы на солнышке, — отозвался Вайд. — Нет, это совсем иное место... Впрочем, неизвестно, какой из этих миров лучше, — тоскливо заключил он.

Подняв голову, молодой кордавец с некоторым удивлением увидел, как Шеки поит из своей фляги принца Ольтена. При дневном свете немедиец выглядел гораздо лучше, чем вчера. Подойдя к юноше, Вайд осторожно размотал повязку и увидел, что рана заживает: молодой организм успешно справлялся с недугом. Перевязав Ольтена снова и буркнув что-то невразумительное в ответ на его благодарные слова, Вайд собрался вернуться к мастеру, но тут возбужденный голос Ларго, донесшийся со двора, привлек его внимание. Молодой гвардеец явно обнаружил что-то необычное и теперь звал посмотреть остальных.

Выйдя во двор, Вайд увидел, что его товарищи сгруппировались у полуоткрытых ворот, глядя на пустыню. Подойдя,

Вайд аккуратно отодвинул в сторону открывшего рот Тандила и взглянул туда, куда указывал Ларго.

По пустыне неторопливо двигалось животное. Оно было невероятно огромным. Рядом с ним носорог — самый большой зверь из когда-либо виденных Вайдом — выглядел не крупнее, чем кролик около лошади. По виду существо напоминало чудовищного родича ящерицы. Массивное тело покоилось на толстых кривых ногах, огромный хвост волочился позади. Длинная, как у змеи, шея поддерживала треугольную голову с маленькими глазками, но зато внушительной пастью. Чешуйчатую грязно-бурую шкуру животного покрывали многочисленные наросты и складки. Если бы чудовище легло, подогнув ноги и опустив голову, издали его вполне можно было принять за обычный холм.

— Великий Митра, что же это за мир, рождающий подобное? — пробормотал вышедший следом принц Ольтен, с ужасом уставившись на диковинного зверя.

— Если он захочет прогуляться через крепость, вряд ли от нее что-нибудь останется, — заметил Ларго. — И с такой длинной и гибкой шеей ему нетрудно будет переловить всех нас...

— Я бы на твоём месте помолчал, гвардеец Ларго! — слегка нервозно оборвал юношу Эсканоба.

Несколько мгновений Ларго добросовестно выполнял этот приказ, но потом не выдержал:

— Чем же этот змееящер питается в голой пустыне? Не случайными же путниками вроде нас. — Молодой гвардеец вопросительно взглянул на Вайда, словно тот прекрасно знал и мир, в который они попали, и его обитателей.

Внезапно чудовище остановилось и завертело головой, будто выискивая что-то. Все невольно отпрянули назад, точно надеясь спрятаться за старыми воротами от монстра, которому крепостная стена едва доходила до спины. Но зверь, не обращая никакого внимания на заброшенную постройку, начал с удивительным для такой громадины проворством разгребать песок передними лапами. Сделав несколько движений, змееящер повернулся к этому месту спиной и издал пронзительный, похожий на птичий, крик.

— Кажется, это не он, а она,— пробормотал Вайд, неплохо знакомый с повадками животных после трехлетнего пребывания в джунглях.

Из-под приподнятого хвоста змеящера точно в вырытую яму одно за другим вывалились несколько белесых яиц. Треугольная голова самки медленно повернулась назад, и она с некоторым недоумением обозрела собственное произведение. С помощью задних лап чудовищный зверь небрежно забросал кладку песком и, выполнив свой материнский долг, равнодушно пополз в ту сторону, откуда недавно появился.

— Теперь понятно,— проговорил Вайд, чувствуя большое облегчение оттого, что гигантское животное удалилось.— Они приходят сюда откладывать яйца, а живут там, где есть пища. Значит, неподалеку есть более плодородные и гостеприимные места.

— Ну, это смотря чем они питаются,— осторожно заметил Ольтен.— Я бы не поручился за гостеприимство мест, населенных подобными животными...

Через приоткрытую каменную дверь, кряхтя, выбрался Конан и подошел к собравшимся у ворот спутникам.

— Я был наверху, обошел по коридору крепость,— сообщил киммериец.— С другой ее стороны есть смотровая площадка. С нее я разглядел у самого горизонта что-то темное, похожее на горы. Оттуда и явилась эта тварь.— Конан махнул рукой в сторону уползающего змеящера.— Горы — наше спасение, там должна быть вода. А то я видеть больше не могу этот мертвый песок! — Король выразительно сплюнул.

— В горы так в горы. Не все ли равно, куда идти в этом чужом мире, Ваше Величество,— с тоской проговорил Эсканоба.

— Ну, ты раньше времени нас не хорони,— буркнул Конан.— Если человек силен и не дурак, он выберется из любой заварушки, клянусь Кромом! По крайней мере, я раньше всегда выбирался,— пожав плечами, добавил киммериец.

Остальные члены отряда в это время продолжали задумчиво смотреть на место кладки чудовищного змеящера.

— Интересно, а съедобны ли его... ее яйца? — выразил общую мысль Шеки, потирая руки.

— Давайте сходим туда, и я проверю! — немедленно встрял Тао, всегда оживлявшийся при разговорах о еде.

— Неплохая мысль, малыш.— Конан одобрительно почесал Тао за ухом.

Сгрудившиеся у ворот голодные путники кинулись было к месту кладки, но король окриком остановил их.

— Со мной пойдут Шеки, Эсканоба и... И ты.— Конан ткнул пальцем в Ларго.— Остальным сидеть в крепости и дожидаться нас. Нечего всем вместе по неизвестной земле шляться, не дома!

Проследив взглядом за удалявшейся четверкой, впереди которой, облизываясь на ходу, бежал Тао, Вайд отправился обратно в зал. Рядом с лежащим мастером он обнаружил Чепозуса, который рассказывал Энгусу очередную нескончаемую повесть о собственных подвигах, стараясь на свой манер развлечь больного. Вайд на всякий случай попытался вызвать Лабиринт, но с тем же успехом он мог бы наладить беседу с самкой змеящера.

Вскоре снаружи слышались возбужденные голоса. Вайд решил, что вернулись охотники за яйцами, но в дверь просунулся сияющий Тандиль, который держал что-то непонятное в вытянутой руке.

— Пока командование в пустыне еду добывает, мы тут тоже без дела не сидим! — В круглых глазах молодого гвардейца светилась гордость.— Смотрите, что я поймал!

Тандиль притащил странное животное размером с кошку. Его беловатый мех был весь в песке, передние лапы с плоскими широкими когтями напоминали кротовьи, морда с маленькими заплывшими глазками и острозубой пастью вовсе не выглядела привлекательной.

— Они под землей живут,— сообщил Тандиль.— А эта вылезла к источнику, тут-то я ее и схватил. Еще укусить меня успела, прежде чем я пристукнул ее, Сетово отродье! — Гвардеец продемонстрировал маленькие точки от острых зубов на ладони с таким видом, словно это было боевое ранение.

— Существо любопытное, хотя и не очень аппетитное на вид, — вежливо пробормотал мастер Энгус.

— Ничего! Сейчас наберем дров, разведем костерок, поджарим эту зверюшку, и ты, уважаемый Энгус, мигом уплетешь свою долю! — Тандиль бережно уложил добычу на чей-то плащ и, набрав охапку валявшихся в зале деревянных обломков, вышел во двор.

Вайд потерянно побродил по залу, надеясь увидеть что-нибудь интересное, затем подошел ко входу в темный тоннель и даже сделал несколько шагов вглубь, но двигаться дальше в полной тьме не решился. Тут ему попала на глаза тушка пойманного Тандилем животного и, наклонившись, он осмотрел зверька. В приоткрытой в предсмертной судороге пасти выделялись передние зубы, длинные и слегка загнутые назад, как у змеи. Ощувив смутное беспокойство, Вайд лезвием своего метательного ножа потрогал основание верхних зубов животного. На светлом металле задрожала темно-золотая капля. Кордавец похолодел от пронзившей его догадки.

Во дворе крепости что-то громко обсуждали, и Вайд различил звучный голос Конана. Выскочив наружу в поисках Тандиля, он увидел вернувшихся короля со спутниками.

— Разрази Кром всех местных тварей и эту громадину в первую очередь! — в сердцах восклицал киммериец. — Эти проклятые яйца затвердели настолько, что, как я ни колотил по ним мечом, ни одно даже не потрескалось! — Конан с явным усилием швырнул на песок белесое яйцо размером с голову ребенка, покрытое чешуйками и засохшей слизью с прилипшими к ней песчинками. — Вот, можете сами попробовать!

Принц Ольтен наклонился и постучал кулаком по чешуйчатой поверхности.

— Словно камень, — подтвердил юноша с оттенком разочарования и провел пальцем по длинным и глубоким царапинам, оставленным на боку яйца мечом Конана. Тао горестно вздохнул.

Вайд огляделся и увидел Тандиля, сидевшего на песке около крепостной стены. Рядом возвышались сложенные

для костра обломки, от них вился робкий белый дымок. Сам гвардеец с удивлением разглядывал укушенную руку.

— Посмотри, как распухло, — недоуменно сказал Тандиль, протягивая Вайду вспухшую и побагровевшую ладонь. — И голова почему-то кружится... От голода, что ли?

Вайду не раз приходилось видеть укушенных ядовитыми змеями людей. Взглянув на руку молодого гвардейца, он понял, что уже поздно принимать какие-то меры. Видимо, яд пойманного Тандилем зверька действовал очень быстро. Но все-таки Вайд вытащил кинжал и, прокалив его в слабом пламени костерка, одним движением рассек ладонь вскрикнувшего от боли и изумления гвардейца. Из раны хлынула кровь вперемешку с чем-то темно-желтым.

— В зале на полу лежит мертвый зверек, — бросил через плечо Вайд подошедшим товарищам. — Не трогайте его ни в коем случае! Тао, проверь, ядовито ли мясо. Только осторожно! Пожалуй, яд этого животного страшнее, чем у плюющейся кобры.

Глаза Тандиля округлились от ужаса.

— Так, значит... Значит, я... — заикаясь, начал он.

— Не знаю, — хмуро ответил Вайд.

Конан мрачно выругался, а Ларго сочувственно стиснул плечо пострадавшего соратника.

Слабеющего на глазах Тандиля уложили неподалеку от мастера Энгуса и накрыли всеми плащами, какие только сумели найти: его трясло от сильного озноба. Понюхав мясо зверька, Тао сморщился и решительно заявил:

— Это есть нельзя!

Тушку осторожно выкинули за крепостную стену. Тандиль стонал и беспрестанно просил воды. Опухоль на руке расплзалась буквально на глазах, вскоре начался жар. Ольтен сидел рядом с гвардейцем и с виноватым видом смачивал его пылающий лоб водой из фляги, не зная, как еще можно помочь Тандилю. Остальные тоже находились в зале, не решаясь, как прежде, запросто выходить во двор, где водятся столь опасные твари.

Конан подошел к Вайду и опустился на пол рядом с ним.

— Надо уходить отсюда, — негромко сказал король. — Здесь мы перемрем от голода или от укусов этих бестий... Сколько еще, по-твоему, он протянет?

— Точно не знаю, этот яд действует так быстро, — неохотно отозвался Вайд. — Может быть, до вечера.

— Значит, мы не сможем выйти раньше завтрашнего утра, — пробормотал Конан. — Это плохо. Мы рискуем ослабеть от голода и не добраться до гор.

— А как долго идти туда? — спросил Вайд просто для того, чтобы что-то сказать.

— Думаю, дня три, — пожал плечами киммериец. — В пустынях расстояния обманчивы. Кажется, вот они, горы, совсем рядом, но ты идешь, идешь, а они словно дразнят тебя и никак не хотят приближаться.

— Мастер Энкус болен, он не сможет выдержать такой путь, — неожиданно проговорил Вайд, взглянув на задремавшего мастера, чьи морщины сейчас выступали еще резче, а лицо приняло страдальческое выражение.

Ничего не ответив на это, Конан молча встал и отошел от своего бывшего юнга.

Не в силах больше слышать стоны Тандиля, Вайд вышел во двор крепости. Солнце перевалило за середину небосклона и неторопливо следовало предначертанным ему путем. Поднявшийся ветерок бросал на выщербленные плиты двора пригоршни белого песка, выдувая из камней заброшенной крепости, словно из детской пищалки, одну тоскливую ноту. Вайд уселся у крепостных ворот, прижавшись спиной к нагретому камню стены и бесцельно пересыпая песок из одной руки в другую. Вскоре он почувствовал под своей ладонью шелковистую шерстку маленького демона.

— Вот и съездили мы с тобой в Аквилонию, желтоглазый бродяга, — мрачно произнес Вайд, потрепав друга по загривку. — Кому теперь достанется мой «Непоседа»? Не станет же Сигурд драться с Оливенсой за капитанство! Хотя мои сорвиголовы наверняка решат, что я умер, и могут потребовать соблюдения традиций Берегового Братства...

Вайд вспомнил, как ему самому пришлось сражаться с собственным штурманом-кофийцем, осмелившимся при

поддержке части команды претендовать на звание капитана. Хвала Митре, наглость этого человека во много раз превышала его воинское мастерство. После этого случая Вайд долго не доверял своему новому штурману Оливенсе, взятому на борт карака в славном городе Карташене.

Неожиданно кордавец понял, что улыбается, вспоминая оставшихся в Зингаре друзей, и на сердце у него стало еще тяжелее. Тао вздохнул и потерся мордочкой о колено друга.

— Есть хочу, — печально сказал маленький демон. — Вайд, давай... Ой, смотри, что это?

Вайд поднял голову и увидел, как неподалеку от места недавней кладки змееящера в воздух взвился небольшой фонтанчик песка. На поверхности образовалась быстро расширяющаяся воронка, из которой неожиданно показалась чешуйчатая лапа с когтями. Мгновение спустя на свет вылезла вторая лапа, а за ней и плоская голова. Видимо, здесь находилась кладка другого чудовища, более ранняя, и теперь настало время детенышам вылупиться на свет. Вскоре новорожденный змееящер, как две капли воды похожий на свою родительницу, только во много раз меньше, с любопытством оглядывал новый для него мир. Рядом хлопотал песок, выпуская на свет другого детеныша.

— Сиди здесь! — приказал Вайд маленькому демону и опрометью бросился в крепость, по дороге споткнувшись о валявшееся во дворе яйцо и едва не вывихнув ногу.

Вскоре Конан, Шеки, Ларго и Чепозус с обнаженными мечами и вскидывавший на ходу арбалет Эсканоба мчались по пустыне к вылупляющимся маленьким змееящерам.

— Осторожней! — кричал опережавшим его спутникам Вайд. — Может, они тоже ядовиты!

Поспевший первым Конан поднял свой огромный меч и одним ударом отсек голову только что вылезшему из ямки детенышу. На песок хлынула желтая полупрозрачная жидкость, но тело животного продолжало ползти еще несколько мгновений, пока не уткнулось в сапоги Конана. Стрела из арбалета Эсканобы вонзилась в шею другого змееящера, и подоспевший Ларго добил извивающегося детеныша. Шеки бестрепетно зарубил доверчиво ползущего

к нему маленького змеешера с прилипшей к носу оболочкой яйца. Вторая стрела Эсканобы вошла точно в глаз следующего звереныша. Вайд увидел, как наклонился Чепозус, собираясь всадить свой короткий широкий меч в бок спокойно глядевшего на него новорожденного змеешера, но неожиданно выпрямился и вложил оружие в ножны.

— Ползи, глупый, — произнес Чепозус, легонько подтолкнув ногой замершего детеныша. Поймав понимающий взгляд Вайда, пехотинец смутился и буркнул: — Нам бы этих съесть как-нибудь...

— Если мы встретимся с ним, надеюсь, он вспомнит твою доброту и оплатит нам тем же, — усмехнулся Вайд.

Из песка все продолжали вылезать вылупившиеся детеныши, но охотничий азарт людей прошел, и новорожденные, общим числом не меньше двух десятков, спокойно поползли к синющим вдали горам. Где-то среди них был и малыш, которого пожалел Чепозус.

Убитые детеныши оказались размером с крупного волкодава. Их шкурка, нежная на ощупь и слегка просвечивавшая, была пока лишена наростов. В разрезах ран виднелось розоватое мясо. Тао понюхал туши животных, осторожно лизнул кровь и повернулся к напряженно ожидавшим его решения людям.

— Ну, как бы вам сказать... — начал маленький демон, весело поблескивая янтарными глазами. — Конечно, это не седло барашка и не ножка индейки... И даже не мягкая крольчатинка, я уж не говорю о молочном поросенке, но..

Потерявший терпение Конан схватил Тао за шкирку и, приподняв над землей, хорошенько встряхнул.

— ...Но есть это можно, — прохрипел Тао слегка придушенный и мягко шлепнулся на песок, растопырив лапы.

Чтобы не тащить лишнюю тяжесть, охотники отрубили головы и лапы своей добыче прямо здесь. Пришлось еще подождать, пока стечет желтоватая кровь, прежде чем можно было возвращаться. Конан, Ларго, Шеки и Эсканоба торжественно тащили за хвосты трофеи, а Вайд и Чепозус скромно шли следом. Настроение у всех было приподнятое. Теперь им не грозит немедленная голодная смерть, они

смогут добраться до гор, и, может быть, там их ожидает какая-нибудь надежда. По крайней мере, Вайд очень хотелось думать именно так.

Войдя во двор крепости, Ларго тут же бросился раздувать остатки костерка. Остальные с веселым оживлением принялись разделывать туши, вырезая тонкие, способные проявиться над несильным огнем куски мяса. Тао крутился около людей, вытаскивая из груды требухи то, что казалось ему наиболее съедобным. Его глаза от сытости и удовольствия стали зеленоватыми.

Подняв голову, Вайд заметил, что у приоткрытой каменной двери стоит Ольтен, нерешительно глядя на своих спутников. Молодой кордавец подумал, что принц хочет помочь им, но не осмеливается, зная нелюбовь к себе некоторых членов отряда. Вайд весело махнул юноше рукой.

— Иди к нам, Ольтен! — улыбаясь, крикнул он. — Поможешь Ларго с костром. Чем быстрее мы управимся, тем раньше устроим пир!

— Знаете, Тандиль умер, — негромко сказал принц, и в наступившей тишине все услышали, как ветер продолжает выдувать из старых камней противную, как окружающий мир, ноту.

* * *

Эсканоба и Ларго, действуя мечами, вдвоем выкопали могилу своему товарищу. Завернутое в форменный плащ тело молодого гвардейца бережно опустили в нее, положив умершему на грудь его меч с клеймом Дракона. Похоронные обряды, проводимые жрецами Митры, обычно бывали долгими и торжественными, сопровождалась молитвами и песнопениями. Но солдаты, видевшие смерть слишком часто, чтобы уделять ей много времени, создали свой обряд, простой и короткий, вершимый, по обычаю, командиром или оставшимися в живых соратниками. Все члены отряда, даже больной мастер Энкус, собрались во дворе крепости проводить своего товарища в последний путь. Эсканоба вышел вперед, встав у самого края открытой могилы, и заговорил:

— Я не знаю, какие боги правят этим миром. Но, раз здесь существует смерть, значит, Нергал услышит голос тех, кто когда-нибудь тоже придет на его равнины. Мы обращаемся к тебе, Владыка Смерти. Прими под свою руку человека по имени Тандиль, над которым теперь не властны ни Митра, ни Иштар, ни другие боги или демоны. Позволь ему войти на Серые Равнины и слиться с другими тенями, чтобы обрести покой. Мы, остающиеся, приносим тебе жертву, надеясь на твою милость к уходящему.

При этих словах Ларго кинул в костер несколько ломтей мяса змеящера, которые зашипели на углях, распространив вокруг запах горелой плоти.

За самый дальний незримый порог,
В Равнины, где вечный покой,
Уходит умерший, чей путь пролег
Невидимой глазу тропой.

Закончил свои он земные пути
В известный Нергалу срок.
А мы остаемся, чтоб дальше идти
Под гнетом своих тревог.

Знающие слова Ларго и Чепозус вторили Эсканобе, остальные молчали, глядя перед собой. С последним словом то ли короткой песни, то ли молитвы Эсканоба и Ларго вонзили обнаженные мечи глубоко в песок, завершая обряд. Могилу засыпали, сверху Ларго установил камень, выпавший когда-то из кладки крепостной стены.

«Тандилю суждено даже после смерти лежать в земле чужого мира», — подумалось Вайду, и он содрогнулся от мысли, что, может быть, и всем им уготована та же участь. Почему-то возможность умереть в своем мире казалась ему сейчас едва ли не наградой.

На следующее утро отряд покинул заброшенную крепость, где осталась могила их товарища, и двинулся к далеким горам. Конан, Ларго, Эсканоба и Шеки несли запасы вяленого мяса змеящера, которыми им предстояло питаться до тех пор, пока они не доберутся до более плодородных мест. У каждого на поясе висела кожаная походная фляга,

полная теплой, полупротухшей воды, набранной в засыхающем источнике. Воду приходилось расходовать с большой осторожностью, поскольку фляжки не могли вместить много влаги, а пополнить их содержимое было негде. Вайд и Чепозус вели мастера Энгуса, перед выходом бодро утверждавшего, что он готов шагать хоть целый день, а теперь обессиленно висевшего на руках своих спутников. Ольтен еще опирался на плечо Шеки, но было видно, что идет он гораздо легче и уверенней, чем раньше.

После устроенного в полдень привала мастер Энгус не смог подняться на ноги. Набравшись мужества, он просил оставить его здесь и не тратить силы на беспомощного больного, но Конан досадливым жестом оборвал начатую мастером речь. Из плащей кое-как соорудили подобие носилок, которые потащили Шеки и Ларго, отдав свой груз Чепозусу и Вайду.

Тоскливая ночевка посреди голой пустыни, когда даже не из чего развести костер, — и отряд вновь двинулся дальше. Временами им встречались следы детенышей змеящера, идущие в том же направлении. Цель их пути заметно приблизилась, уже можно было оценить высоту гор и расстояние до них. Конан прикинул, что они достигнут предгорий через пару дней. Оставалось лишь надеяться, что эти горы — не бесплодные скалы, и там найдутся вода и растительность.

Во время второй ночевки умер мастер Энгус. Он ни на что не жаловался, ни о чем не просил, и сидевший рядом с Энгусом Вайд даже не сразу заметил, что больной уже перестал дышать. Видимо, переход в другой мир, который легко выдержали его более молодые спутники, оказался для старика роковым.

Наутро Вайд сам выкопал могилу своему умершему другу. Слушая, как Эсканоба произносит слова похоронного ритуала, Вайд с горечью думал, что, если бы он не посвятил Энгуса в тайну Руазеля, сейчас неунывающий мастер был бы жив и проводил опыты со своим гремучим песком, секрет которого унес с собой на Серые Равнины. Вайду казалось, что каждая смерть в отряде тяжким грузом

ложится на его душу, обвиняя неудачливого мага в том, что он не справился со своей задачей и обрек товарищей на мучения и гибель. Если бы сейчас кордавцу встретился открывший Портал Тот-Амон, он задушил бы стигийца голыми руками, испытывая при этом несказанное удовольствие.

В пустыне не нашлось даже камня, чтобы отметить место последнего пристанища Энгуса. Тогда Вайд вытащил из ножен саблю и воткнул ее в песок над могилой мастера. Конан неодобрительно взглянул на него и покачал головой, но ничего не сказал.

Еще день пути, долгий и безрадостный. Воды во флягах оставалось совсем немного, и людей начала одолевать жажда. Жесткое копченое мясо змеящера уже не лезло в горло. Ночью, дежуря, Вайд заметил вдалеке какие-то огоньки, но решил, что ему померещилось.

На четвертый день пути рассыпавшийся отряд нога за ногу брел вслед за своим командиром, когда Конан неожиданно остановился, напряженно глядя вдаль. Вайд оторвал взгляд от истершихся носков своих сапог и поднял голову. К ним приближались какие-то черные точки. Вайд моргнул — точки не исчезли, а, наоборот, все увеличивались в размерах.

— Может, это змеящеры? — хрипло выговорил Ольтен первые за день слова.

— Змеящеры большие, мы бы их уже ясно различили, — пробормотал Ларго, слизывая кровь с потрескавшихся губ.

Сошурившись, Вайд вглядывался в даль, пока глаза не заслезились. Сомнений быть не могло: он рассмотрел, кто к ним приближается.

— Это не змеящеры, — проговорил Вайд, с трудом воячая распухшим от жажды языком. — Это какие-то всадники. И они нас заметили.

Мягким движением Конан вытащил из-за плеча меч и сделал шаг вперед.

Глава седьмая

Теперь приближающихся всадников могли отчетливо разглядеть все члены отряда. Высокие смуглые люди восседали на странных животных, совершенно не похожих на привычных глазу лошадей или верблюдов. Четвероногие, мягко ступающие по песку широкими лапами и лишенные шерсти звери обладали вытянутым телом светло-желтого цвета и головой, отдаленно смахивающей на удлиненную морду зубра. Не приближаясь к путникам, незнакомцы начали окружать маленький отряд.

Когда всадники развернулись боком к Конану и его спутникам, те с ужасом увидели, что ниже бедер, где у обычных людей растут ноги, у этих существ был толстый змеиный хвост, крепко опоясывающий тело скакуна и удерживающий всадников верхом.

— Змееногие! — выдохнул Вайд, даже не успев удивиться.

— Они давно исчезли с лица земли, — растерянно сказал Ольтен.

— Да их вообще никогда не существовало! Это просто сказки! — воскликнул Ларго.

— Значит, нам придется сражаться со сказками, — подытожил Конан, принимая боевую стойку.

Примеру Конана последовали остальные, обнажив оружие и встав спиной друг к другу. Эсканоба вскинул арбалет, а Вайд взял в каждую руку по метательному ножу.

— А, может быть, эти... существа не хотят причинить нам зла? — предположил Ольтен, сжимая врученный ему Шеки широкий кинжал.

Словно в ответ на его слова один из змееногих снял с пояса веревку с каким-то маленьким предметом на конце и, раскрутив ее над головой, метнул в сторону людей. Веревка аккуратно обила плечи Чепозуса, который недоуменно моргнул выпученными глазами.

— Рубите аркан! — крикнул Конан, бросаясь к Чепозусу, но всадник оказался проворнее и, гортанным звуком заставив животное двигаться, поволок упавшего Чепозуса за собой.

Свистнула еще одна взлетевшая веревка, но на этот раз более опытный в подобных сражениях Шеки умело увернулся. Эсканоба потянул за спусковой крючок арбалета, и короткий болт вонзился в грудь одного из змееногих. Тот удивленно опустил голову, пытаясь рассмотреть рану, но тут из его рта хлынула кровь, хвост обмяк, и змееногий повалился на песок. Спутники убитого встревоженно зашумели, но резкий выкрик одного из них, видимо командира, вывел остальных из состояния растерянности.

В воздух взвились сразу несколько арканов, и опутанный ими Эсканоба беспомощно рухнул ничком, выронив при этом арбалет. Вайд успел перерубить одну из веревок, но внезапно вокруг его пояса тоже захлестнулся аркан. Мгновение спустя змееногий уже тащил его за собой, и Вайд едва успевал лишь отплевываться от забивавшего рот песка. Следом, горестно подвывая, бежал Тао.

Когда скакун змееногого наконец остановился и Вайд, лежа на животе, смог обернуться назад, свободными оставались лишь Конан и Шеки, остальные находились в том же плачевном состоянии, как и он сам. Поднятая лапами скачущих животных белая пыль мешала рассмотреть подробности схватки, но по доносившимся оттуда выкрикам можно было понять, что Конан сумел нанести змееногим больший ущерб, чем все его спутники вместе взятые.

Однако врагов оказалось слишком много даже для могучего киммерийца. Вайд увидел, как один из всадников рас-

крутил над головой некое подобие пращи, и Конан, оглушенный попавшим ему в голову камнем, упал. Вскоре его судьбу разделил и храбрый шадизарец.

По команде предводителя змееногие спешили и первым делом как следует связали своих пленников, особенно тщательно обмотав веревками бесчувственного Конана. Передвигались они, опираясь на концы своих сильных хвостов и напоминая тем самым готовящуюся к нападению кобру. Однако их плавные движения были не лишены некой своеобразной грации. Вайд заметил, что враги подбирали их оружие и долго рассматривали, осторожно пробуя на ощупь лезвия мечей и недоуменно переговариваясь. Сами путники не вызвали у них такого удивления, хотя, по мнению Вайда, появление в этой стране существ на двух ногах заслуживало несколько большего внимания. Затем связанных людей небрежно бросили поперек спин животных, и отряд вместе с пленниками двинулся к горам.

Лежа на спине неторопливо бегущего зверя и время от времени ощущая спазмы в животе от отвратительной тряски и неудобной позы, Вайд все же умудрился рассмотреть окружающую местность. Пустыня постепенно перешла в холмистые предгорья, вокруг начали появляться трава, сухая и желтая, и неизвестный Вайду кустарник, усыпанный крупными колючками. Он очень надеялся, что змееногому не придет в голову швырнуть пленника в эти кусты. Воздух казался уже не таким сухим, в лицо кордавцу пахло далеким сладковатым ароматом цветущих трав.

Когда Вайду начало казаться, что он прямо сейчас скончается на спине этой проклятушей твари, за очередным холмом обнаружилась цель их путешествия — селение змееногих. Около двух десятков потрепанных шатров стояло посреди истоптанного круга травы, кое-где курились белые дымки и слышались приглушенные голоса обитателей деревни. Проехав мимо задумчиво жующего траву стада желтых скакунов и обменявшись парой фраз со змееногим, который пас их, отряд подъехал к шатрам.

Пленников бесцеремонно сбросили на землю. По безрадостным лицам своих товарищей Вайд понял, что они

страдают не меньше, чем он. Ужасно ломило тело, ныли затекшие руки и ноги, от тряски кружилась голова и хотелось пить. Вокруг начали собираться жители селения, с удивившим Вайда тупым любопытством рассматривая привезенную добычу. Один из присутствующих зачем-то потыкал в Ларго палкой и разочарованно отодвинулся. Змееногие негромко переговаривались, не выказывая, впрочем, особого изумления. Вайд даже подумал, что в этом мире где-то существуют и обычные люди, встречавшиеся здешним жителям.

— Вот неприветливый народ, никакой тебе торжественной встречи! — пробормотал Ларго, пытаясь распрямить затекшие руки.

— Для сказки они неплохо сохранились. Живая такая сказочка получается, только неизвестно, с каким концом, — отозвался Вайд.

— Помнится, мой учитель рассказывал, что, по стигийским легендам, змееногие обитали в своей стране Валузии, но исчезли около двух тысяч лет назад, в эпоху Ахерона, — сообщил принц Ольтен вовсе не подходящим к случаю светским тоном.

— Лучше бы твой учитель сказал, как с ними сражаться. Больше пользы для нас было бы, — ядовито проговорил Ларго.

— Я как-то не заметил, чтобы во время боя со змееногими, офицер Ларго, ты проявил особую прыть, — подал голос Эсканоба.

Скрученный по рукам и ногам Конан злым взглядом осматривал толпившихся вокруг врагов. Его отношение к происходившему не вызывало сомнений.

Неожиданно круг любопытствующих разомкнулся, и к пленникам приблизились несколько пожилых змееногих, как показалось Вайду, — старейшин этого поселка. Один из них — седой как лунь и морщинистый старик — наклонился над Чепозусом. Тот ответил ему взглядом, в котором светилось достоинство и готовность героически погибнуть. Старик выпрямился и что-то властно приказал остальным. Тотчас же несколько молодых змееногих принялись обыс-

кивать пленников, не развязывая, впрочем, им руки и ноги. Конан попытался лягнуть подошедшего к нему противника, но тот, ловко изогнувшись на хвосте, увернулся, к большой досаде киммерийца.

Отобранные вещи — кольца, монеты, ножи, фляги, кремни и прочую мелочь — вручили старейшинам. Металлические изделия вызвали у них большой интерес, почти все остальное тотчас полетело на землю. Неожиданно седой старик заволновался и показал своим спутникам что-то лежавшее у него на ладони. Те склонились, рассматривая находку, один из них, судя по интонации, задал какой-то вопрос. Тут же двое молодых змееногих подняли Вайда на ноги и подтащили к старейшинам. В их руках Вайд увидел массивный черный перстень со змеем, захваченный им в доме Бен-Аззарата, про который кордавец давно позабыл. Старик протянул вещь Вайду и, глядя ему в глаза, что-то произнес на своем шипящем языке.

— Да, это мое кольцо, — вятно ответил Вайд, догадавшись о смысле вопроса.

Старик сдвинул брови, пытаясь понять сказанное. Потом махнул рукой, и стоявший рядом с Вайдом парень вытащил из-за пояса широкий кремневый нож.

«И почему всегда я первый?» — обреченно подумалось Вайду.

Но змееногий, вместо того чтобы вонзить нож ему в горло, как с тоской ожидал Вайд, начал разрезать веревки, стягивавшие его запястья. Его товарищ занялся путами на ногах, и вскоре Вайд со стоном наслаждения опустился на траву, растирая затекшие конечности. Подняв голову, он увидел, что старик протягивает ему кольцо, а на морщинистом лице застыло подобие виноватой улыбки. Пожав плечами, Вайд взял у него перстень и вежливо улыбнулся в ответ. Старейшина что-то громко сказал своим соплеменникам, и толпа облегченно загудела.

Вайд надеялся, что сейчас развяжут и его спутников, но змееногие не проявили к ним того же почтения. Их поволокли куда-то на край деревни и втолкнули в высокий загон, явно предназначенный для скота. Потом разрезали

веревки, стягивающие их руки, а ноги привязали к вбитым в землю колышкам, укоротив веревку так, чтобы люди не могли дотянуться друг до друга. Около загона оставили охранника, вооруженного длинным копьём с каменным наконечником, которым он иногда лениво тыкал в кого-нибудь из пленников.

Еще немного поглазев на добычу, жители деревни разползлись по своим делам. Старейшина поклонился Вайду и что-то сказал ему, сопровождая свои слова множественными, но совершенно непонятными жестами. Вайд важно склонил голову, и старейшина удалился, оставив его сидеть на траве. Несколько мгновений спустя Вайд услышал сзади осторожный шорох и, обернувшись, увидел ползущего на брюхе Тао, который раньше, видимо, прятался где-то за пределами деревни.

— Как хорошо, что ты жив! — робко сказал маленький демон, умильно помахивая хвостиком и несколько виновато глядя на своего друга.

— А я думал, ты геройски погибнешь, защищая меня от врагов, — саркастически заметил Вайд.

— Зачем? — удивленно спросил Тао. — Тебе бы это все равно не помогло...

— У этого зверя нет никакого понятия о самопожертвовании, — вздохнул Вайд и ласково потрепал по шее зажмурившегося от удовольствия глаза маленького демона.

* * *

Перстень умершего шемитского мага странным образом внушил жителям селения почтительное и едва ли не благоговейное отношение к Вайду. В то время как его спутники сидели в своем загоне, лишённые всякой свободы и стреноженные, словно лошади, Вайду предоставили для жилья небольшой шатер, сделанный, как и остальные шатры в деревне, из гладких шкур каких-то животных. Трижды в день перед входом в жилище Вайда появлялись две деревянные мисочки: одна — с мясом и сладковатыми вареными злаками, другая — с желтой густой жидкостью, оказавшейся молоком скакунов змееногих. На вкус оно

было столь отвратительно, что Вайд тайком отдавал его Тао, способному в случае необходимости съесть что угодно, а сам пил воду из расположенного на краю селения источника. Вайд вместе с Тао мог свободно передвигаться по всей деревне и заходить в любой шатер, и никто не препятствовал ему, наоборот, змееногие кланялись Вайду и что-то довольно бормотали на своем языке, а женщины подносили младенцев, чтобы он коснулся их. Однажды Вайд подошел к стаду скакунов, каждое мгновение ожидая, что его остановят и попросят вернуться в деревню, но никто не мешал ему, а пастух, угодливо изогнувшись, подвел Вайду одно из оседланных животных, решив, что их гость хочет покататься верхом. Объехав на необычном скакуне несколько раз вокруг селения, Вайд признал, что мягкий шаг зверя и широкая спина делают верховую езду на нем гораздо удобнее, чем на лошади.

А вот к сидевшим в загоне товарищам Вайда не подпускали. Когда он попробовал подойти к ним, охранник вежливо, но твердо преградил ему путь. Поразмыслив, Вайд решил пока не портить отношений с жителями селения, и спокойно отошел, провожаемый недоуменными и сердитыми взглядами пленников. В ту же ночь Вайд послал к друзьям Тао, который бесшумно пробрался в загон и смог поговорить с людьми, не привлекая внимания сонного охранника. От маленького демона Вайд узнал, что его спутников сносно кормят, местные жители относятся к ним равнодушно, и лишь дети порой здорово досаждают пленникам, кидаясь в них грязью и камнями.

Конан требовал, чтобы Вайд помог им бежать немедленно, но молодой кордавец благоразумно решил сначала разузнать как можно больше о мире, в который они попали, и о населяющих его существах.

Из тех отрывочных сведений, которые Вайд слышал от Лабиринта или читал в старинных рукописях, следовало, что змееногие были древней и могущественной расой, населявшей землю, где ныне располагалась Стигия, и таинственным образом исчезнувшей в стародавние времена, когда боги еще вмешивались в земные дела. Лабиринт утверждал,

что змееногие — создания Сета, который вынужден был куда-то увести свой народ, не выдержавший нашествия воинственных людских племен. Сам Лабиринт недолюбливал их: когда-то они пытались поселиться в его подземельях, и Лабиринту пришлось оторваться от возвышенного созерцания, чтобы прогнать докучливых гостей. Впрочем, даже он не отрицал, что змееногие обладали более развитой культурой, чем люди. Здесь же Вайд видел совсем иное. Эти грязные, завернутые в засаленные обрывки кожи существа никак не напоминали потомков древнего народа. Если бы не змеиный хвост на том месте, где у обычных людей росли ноги, Вайд бы поклялся, что взявшее их в плен племя — обычные зуагиры-кочевники, каких немало бродит по пустынным краям стран моря Вилайет. Мужчины этого селения пасли скакунов и охотились, женщины обрабатывали жалкие наделы, засеянные чахлыми злаками.

Наблюдая за повседневной жизнью деревни, Вайд пришел к выводу, что знания и умения этих существ крайне скудны. Они даже не знали металлов, обходясь деревянными и каменными инструментами. Но больше всего поразила Вайда тупая покорность и какое-то безразличие ко всему, свойственные жителям селения. Их гнев, любопытство или восторг — все угасало очень быстро, словно залитые водой угли. Вайд не раз мог убедиться, что местные жители не обладали даже обычной сообразительностью, заученно повторяя привычные действия в любой ситуации, и полностью терялись, встречая что-то новое. Смуглые лица змееногих, наделенные правильными и тонкими чертами, совершенно портило выражение отстраненного равнодушия, казалось, навеки застывшее на них.

Однажды Вайд, бродя по деревне и с привычной небрежностью кивая в ответ на почтительные поклоны жителей, заметил морщинистую старуху, которая внимательно рассматривала его. Вся она была увешана какими-то побрякушками и амулетами, даже хвост оплетала нить костяных бус, и опиралась на затейливо вырезанный посох с фигуркой змееносца на конце. Вайд догадался, что это местная знахарка-колдунья, и, заинтересованный, подошел к женщи-

не. Та, метнув на него взгляд, гораздо более живой, чем у многих ее соплеменников, поманила молодого кордавеца за собой. Вайд вместе с сопровождавшим его повсюду Тао вошел в шатер колдуньи, где две чумазы женщины, толкующие в ступе какие-то корешки, со страхом и любопытством уставились на гостей. Старуха шикнула на них, и женщины мигом выползли наружу, обдав Вайда вонью невымытых тел.

Старуха задернула полог и раздула едва теплящийся костер, слегка разогнавший душный полумрак ее жилища. Вайд огляделся, но не увидел ничего особенного. Связки пахучих трав, побеленные временем черепа неведомых ему животных, деревянные и костяные амулеты, обрывки кожи с какими-то примитивными рисунками — обычный набор любого уважающего себя знахаря. Тем временем колдунья, разбросав ворох старых шкур, открыла взгляду Вайда деревянный ящик, напоминающий сундук. Что-то напевно прошептав, женщина раскрыла его, потом бережно извлекла какую-то вещь и положила на колени Вайду.

Это был свиток когда-то прекрасно обработанной кожи, потемневший и загрубевший от времени, с вытравленными на нем письменами. Изумленный Вайд, который даже не предполагал, что здешнему народу известна письменность, взгляделся в ровно выведенные на коже значки и узнал некоторые из них: они встречались в стигийских древних текстах. Видимо, этим языком пользовались вообще в незапамятные времена. Но руна, изображающая Сета — стилизованная змея, — была такой же, как и на перстне Вайда. Молодой кордавец, который теперь носил кольцо шемита на шнурке, висевшем на шее, снял его и поднес к глазам, сверяя знаки. Старуха заговорила что-то и ткнула узловатым пальцем сперва в текст, потом, благоговейно, в надпись на перстне. Она тоже уловила сходство.

Пока Вайд рассматривал свиток, колдунья повернулась к своему ящичку и с явным трудом достала оттуда массивную вещь, оказавшуюся куском каменного барельефа. Вайд разглядывал изображение схватки людей и змееногих и поражался искусству, с каким были выточе-

ны фигуры и орнамент. Теперь стало ясно, откуда жители племени знают о передвигающихся на двух ногах существах. Как в легендах людей жила память о змееногих, также и змееногие помнили что-то о своих давнишних противниках. Теперь Вайд не сомневался, что жители этого селения — потомки тех самых созданий, когда-то населявших древнюю Валузию. Но каким образом попали они в этот мир и почему влачили столь жалкое существование, оставалось загадкой.

А старуха все продолжала раскладывать перед Вайдом свидетельства былой славы ее народа. Истертые золотые монеты с чьим-то профилем, статуэтка, что изображала двух танцующих девушек, изящно свившихся стройными хвостами, железный нож с обломанной поперек костяной рукояткой, помятое серебряное зеркало в затейливой оправе, небольшая исцарапанная флейта с клапанами в виде головок змей, еще какие-то красивые безделушки, назначение которых Вайд не всегда мог определить.

Особенно удивила кордавца резная, но порядком подточенная жучками деревянная рама с натянутыми поперек нее железными струнами и надетыми на них разноцветными, гладко обточенными каменными фигурками, причем каждый ряд состоял из одинаковых фигурок. Сначала Вайд решил, что это какой-то музыкальный инструмент, потом — детская игрушка, но на резьбе, покрывающей раму, был изображен взрослый змееногий в затейливом головном уборе, который держал эту странную вещь и свиток. Вайд пожал плечами, не в силах разгадать былого предназначения предмета забытой цивилизации.

Напоследок знахарка достала запаянный черный сосуд из гладкого тяжелого вещества, не похожего ни на металл, ни на камень. Взяв его в руки, Вайд немедленно ощутил, как наливается тяжестью висящий на шее перстень. Гемма на перстне начала светиться хорошо видимым в полутьме шатра зеленоватым светом. Старуха восхищенно вскрикнула и повалилась ничком, подогнув хвост. Тао, дотоле спокойно лежавший рядом, вскочил и попятился, вздыбив на загривке шерсть. Ладони Вайда все сильнее чувствовали

тепло, которое начало струиться сквозь стенки сосуда. Неожиданно ощущение силы захлестнуло Вайда, как во время схватки с Тот-Амоном.

«Лабиринт!» — мысленно позвал Вайд с внезапной надеждой.

Никто не откликнулся, но Вайд уже не чувствовал той вселенской пустоты, что так испугала его, когда он попробовал вызвать магическое создание впервые после сражения у Портала. Казалось, Лабиринт где-то рядом, но что-то мешает ему услышать своего Хозяина. Стиснув в руках уже горячий сосуд, Вайд собрал кипевшую в нем силу и швырнул ее сквозь миры вместе с зовом:

«Лабиринт!»

Но тут словно огромное чешуйчатое змеиное тело промелькнуло мимо, окатив Вайда ледяным холодом — и его сила бесследно растворилась, подобно пару на морозе. Перестала светиться гемма на кольце, черный сосуд быстро остывал в его руках. Вайд открыл глаза, увидел вопросительно глядевшего на него Тао и подобострастное лицо старухи и осторожно опустил сосуд на землю. Теперь он знал, что нужно делать, чтобы выбраться из мира змееногих.

Знахарка склонилась перед Вайдом и что-то пробормотала, показав на свиток и сосуд, на Вайда, а затем ткнув себя в грудь. Молодой кордавец понял, что старуха просит научить ее тому, что знает он сам. Видимо, благодаря перстню в племени его приняли за чародея и посланца Сета, в которого змееногие, как и стигийцы, по-прежнему верили. Вайд небрежно развел руками и поднял одно плечо, сам толком не зная, что он этим хочет сказать. Но женщина, весьма довольная ответом могучего колдуна, вновь поклонилась и принялась убирать свои сокровища обратно в ящик.

Она явилась в шатер к Вайду этим же вечером, ведя за собой молодую женщину. Вайд попытался с помощью знаков и немногих выученных им слов объяснить, что сегодня великий чародей не в настроении обучать кого бы то ни было, но старуха покачала головой, давая понять, что при-

шла не за этим. Вытолкнув вперед девушку, знахарка картинным жестом сорвала с нее жалкие одежды, словно торговец на невольничьем рынке, продающий дочь иноземного царя.

Если бы Вайд умел лучше говорить на языке змееногих, он объяснил бы старухе, что смотреть здесь совершенно не на что, но, не зная подходящих выражений, вынужден был лишь вежливо улыбнуться и развести руками. Скабрезно улыбаясь, женщина смотрела на Вайда, точно ожидая, что посланец Сета прямо сейчас набросится на приведенный ею цветок наслаждений. Девушка, истолковав нерешительность чародея по-своему, подползла ближе к Вайду и обвила его шею тощими руками, царапнув при этом кожу ладонями, которые покрывали желтые застарелые мозоли. На ее правом плече багровел большой синяк, плоскую грудь покрывала татуировка, засаленные черные волосы свисали почти до пояса, а тело было грязным и пахло так, словно его обладательница жила в конюшне. Будто выполняя заданную работу, девушка, лицо которой не выражало ничего, кроме тупого равнодушия, потянулась потрескавшимися губами к губам Вайда.

Молодой кордавец, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, вывернулся из объятий змееногой и энергично замотал головой, давая понять, что не испытывает должного влечения к немойтой худой красавице. Старуха в ответ забормотала что-то успокаивающее и вышла, уцепившись за тощую ягодицу.

Эту ночь Вайд провел отвратительно, периодически пресекая попытки отвратительно вонявшей соблазнительницы пробраться к нему в постель, сопровождаемые мерзким хихиканьем безжалостного Тао. В конце концов Вайд решил, что у маленького демона совершенно извращенное чувство юмора.

В один из вечеров, воспользовавшись непонятным оценением охранника, не замечавшего, казалось, ничего вокруг, Вайду удалось подобраться к загону, где уже десятый день томились его товарищи. Молодой кордавец не сразу различил, кто есть кто, глядя на их грязные обросшие лица,

совершенно не похожие на безбородые лица жителей селения. Впрочем, Конана не узнать было невозможно.

— Ты чем там занимаешься, недоносок? — тихо зарычал киммериец, испепеляя своего бывшего юнгу гневным взглядом. — Собираешься сгноить нас здесь, да?

— Ну, гною вас тут не я, — вежливо ответил Вайд, вполне понимая чувства Конана. — Проще всего сбежать неизвестно куда и зачем и снова попасть в плен или умереть от голода. Раз уж здешнее племя отнеслось к нам неплохо, я решил воспользоваться этим и разузнать как можно больше об этой стране...

— Неплохо племя отнеслось не к нам, а к тебе, сопляк, — буркнул Конан, осознав, впрочем, разумность доводов Вайда. — И если ты сейчас скажешь, что за эти дни ничего стоящего не узнал, клянусь Кромом, я дотянусь до тебя и сверну твою тощую шею!

— Кое-что узнал, — спокойно ответил Вайд. — Например, как нам вернуться обратно в свой мир.

Как ни тихо говорил Вайд, его слова слышали все. Озаренные внезапной надеждой глаза пленников обратились на молодого кордавца. Вайд некстати вспомнил, как уже обещал однажды закрыть Портал, и подумал, что, если и на этот раз не оправдает доверия своих спутников, лучше бы человеку по имени Вайд вообще не рождаться на свет.

— Местная знахарка показала мне древний талисман, — торопливо стал объяснять Вайд, искоса поглядывая в сторону дремлющего охранника. — Он так сильно заряжен магической энергией, что почти помог мне услышать Лабиринт... — Увидев на лицах друзей разочарование, Вайд быстро продолжил: — Я расспросил старейшин, и, если я правильно понял, здесь есть целые города змееногих, с дворцами и храмами. Главное — с храмами!

Охранник сонно зашевелился, копьё в его руке качнулось.

— Этот народ некогда владел магией такой мощи, какая нам и не снилась... — Вайд понизил голос до шепота, что заставило остальных напряженно вытянуть шеи, чтобы

услышать его. — В их храмах, я уверен, накопилось достаточно магической силы, чтобы я смог докричаться до Лабиринта, и тогда мы вместе вытащим вас отсюда!

Тут охранник поднялся, опираясь на хвост и тупо глядя на Вайда. Потом, словно что-то вспомнив, подполз к нему и начал осторожно оттеснять молодого кордавца от загона с пленниками.

— Послезавтра ночью! — успел сказать Вайд и увидел, как голубые глаза Конана понимающе блеснули в ответ.

Глава восьмая

Пользуясь свободой и несообразительностью змееногих, Вайд начал активно готовиться к намеченному побегу. Но судьба, как случается чаще, чем хотелось бы людям, распорядилась иначе.

Утром одиннадцатого дня пребывания пленников у змееногих в селение примчался гонец. Одежда его отличалась добротностью, а взгляд был гордым и гораздо более осмысленным, так что с первого взгляда становилось ясно: он не из этих мест. Гонец осмотрел сидевших в загоне людей, потом ему издалека показали Вайда. После этого часть мужчин селения куда-то уехала вместе с вновь прибывшим и вернулась только под вечер, привезя с собой длинные тонкие жерди, нарезанные из какого-то дерева. Жерди были на удивление прочными и гибкими. Ничего не подозревавший Вайд с интересом наблюдал, как несколько пожилых змееногих сосредоточенно трудятся над одной из примитивных повозок с деревянными колесами, на которой жители деревни перевозили с места на место свой жалкий скарб. И только когда молодой кордавец увидел, как над бортами повозки выросла большая прочная клетка, сделанная из скрепленных между собой жердей, он понял, что с побегом опоздал.

В эту ночь Вайд даже не позволили выйти из шатра: гонец распорядился, чтобы к нему приставили охрану. Видимо, приехавший змееногий осмелился поставить под сомнение божественный статус Вайда. В загон к товари-

щам его, правда, тоже не отправили, и это вселяло надежду на то, что побег еще все-таки можно устроить. Убаюканный этой мыслью, Вайд крепко заснул и последнюю ночь в этом селении проспал спокойно и без сновидений.

Наутро пленников со связанными руками погрузили на повозку, где им пришлось лежать вплотную друг к другу, подогнув ноги. Сопровождаемая отрядом из дюжины змееногих повозка, запряженная тремя скакунами, двинулась через степь к горам. Жители селения провожали ее равнодушными взглядами. Казалось, никого из них не интересовало, откуда появились незнакомцы и куда их теперь увозят. Свою часть работы они выполнили, сообщив о странных гостях куда следует и продержав их живыми до приезда кого следует, и теперь судьба пленников их больше не занимала.

Вайд верхом на скакуне ехал в середине отряда, лишенный возможности даже управлять животным по своей воле. Но Сет не должен был гневаться: руки и ноги его посланцу не связали, и перстень по-прежнему находился при нем. Выезжая из селения, Вайд краем глаза заметил старую знахарку и девушку, побывавшую в его шатре. Полукоткрыв рот, девушка тупо смотрела на него, потом неожиданно подняла с земли какую-то щепку и с силой швырнула ее в молодого кордавца. Видимо, она решила, что Вайд уезжает лишь потому, что явно не хочет насладиться ее прелестями, и уязвленная девичья гордость требовала отмщения. Вайд вздохнул, подумав, что женщина всегда останется женщиной, какое бы странное тело ни дали ей боги.

Под руководством приезжего отряд продвигался споро, останавливаясь лишь для короткого дневного привала и ночевки. После дня пути заросшие травой холмы кончились, и путники приблизились к подножию гор. Окружавшие отряд голые скалы, на которых кое-где росли искривленные ветром деревья, нагоняли не меньшее уныние, чем белая пустыня. Вскоре Вайд с удивлением заметил, что они движутся по дороге, когда-то умело вырубленной в камне, а теперь давно заброшенной и осыпающейся. Расспросив молодого и отличавшегося некоторой живостью лица змееногого, который ехал

справа, кордавец узнал, что следуют они в большое селение, расположенное за горами, где живут вожди, которые общаются лично с Великим Змеем. Поразмыслив, Вайд решил, что в его планы встреча с верными слугами Сета не входит, и бежать надо сейчас, пока они в дороге.

На второй день отряд поднялся почти до самого перевала, через который шла ведущая в город змееногих дорога. Горы оказались невысокими, покрытыми редкой чахлой растительностью. Похоже, кроме насекомых, ящериц и змей, повсюду гревшихся на теплых от солнца камнях, здесь никого не водилось. Вайду вообще начало казаться, что в этом мире живут лишь родственники рептилий, пусть и отдаленные.

«Самый подходящий мир для старого любителя кобр и его умственно отсталых приверженцев», — мрачно подумал Вайд, который порядком озлобился за последнее время и потерял всякое почтение даже к богам. Голодный Тао, безуспешно пытавшийся поймать хоть одну юркую ящерицу, словно поняв мысль своего друга, шумно вздохнул.

Вечером змееногие разбили лагерь в самом, с точки зрения Вайда, неподходящем месте — на голом, продуваемом всеми ветрами каменистом плато, где едва набралось дров для одного жалкого костерка. Пленников ненадолго выпустили из клетки размять ноги, после чего снова загнали в их тесную дорожную темницу. В грязной порванной одежде и с обросшими загоревшими лицами товарищи Вайда меньше всего походили сейчас на королевский отряд. Принц Ольтен скромно притулился в углу клетки, намечающаяся борода и спутанные русые волосы придавали ему вид святого отшельника, каких Вайду когда-то довелось видеть в Аргосе. Чепозус с многозначительным видом поедал припрятанный ранее кусок вяленого мяса, и, когда он наклонял голову, заходящее солнце проблескивало на его аккуратной круглой лысине. Эсканоба утратил всю свою офицерскую холеность и выглядел весьма жалко. Что же касается Конана, Ларго и Шеки, то они напоминали галерных каторжников, причем осужденных за особо тяжкие преступления.

Пужинав, Вайд попытался было вздремнуть, но обжигающе холодный ветер, пробиравший, казалось, до самых костей, быстро пригнал его обратно к костру. Среди змееногих, сидевших возле огня, Вайд заметил необычное оживление. Знакомый Вайду молодой змееногий, которого звали, кажется, Санкх, повернулся к кордавцу и начал что-то рассказывать ему, то и дело смеясь и глядя мимо собеседника странно блестящими расширенными глазами. Из малопонятных объяснений следовало, что сегодня у змееногих какой-то праздник, связанный не то с багровой, не то с белой луной. Затем Санкх достал из кожаного мешочка, который бережно сжимал в руке, нечто напоминающее кусок смолы и протянул Вайду. Тот вежливо взял угощение и недоуменно повертел его в руках. Санкх засмеялся и, кинув в рот такой же кусок, начал с наслаждением жевать. Остальные делали то же самое.

Вайд осторожно понюхал странное лакомство. Запах показался ему знакомым: так пахли благовония, используемые некоторыми магами при определенных ритуалах для освобождения души от оков тела. Однажды Вайд попробовал последовать их примеру, надышавшись привезенным из Зембабве порошком, чьи составляющие хранились в строгом секрете тамошними черными колдунами. Полдня ничем не омраченный дух Вайда парил на недостижимых высотах, запросто общаясь с призраками давно умерших героев и хлопая по плечу древних богов. Очнулся он к вечеру, сотрясаемый ознобом, с ужасной головной болью, вдобавок крепко связанный по рукам и ногам. Рядом сидели испуганная матушка Лусена и расстроенный Сигурд, который уже смирился с мыслью, что его капитан внезапно впал в буйное помешательство и командовать «Непоседой» теперь придется ему. Коллекция фарфоровых кхитайских статуэток, столь любимая Вайдом и обошедшаяся ему в кругленькую сумму, была безжалостно разбита и, как подозревал Вайд, сделал это он сам. С тех пор Вайд дал себе слово никогда не использовать в магических опытах столь сильно действующие вещества. В этом решении его укрепила встреча с некогда могучим колдуном из Куша,

которого подобные снадобья превратили полубезумного калеку.

Незаметно выбросив опасное угощение, Вайд вгляделся в сидевших у костра змееногих. Благовонная смола уже начала действовать. Лица стали совершенно бессмысленными, с отвисших губ стекала слюна, руки подергивались. Некоторые громко хохотали неизвестно над чем, один змееногий безутешно рыдал, уткнувшись в хвост соседа, кто-то упал навзничь, уставив в звездное небо горящий восторгом взгляд. Вайд брезгливо отодвинулся от Санкха, который упорно пытался поцеловать ему сапог. Происходящее напоминало бы обычную пьянку матросов в кордавском кабаке, если бы не страшные последствия этого пиришества. Того, кто, не рассчитав свои силы, перебрал вина, ожидало всегонавсего похмелье, пусть иногда и очень тяжелое. А вот для тех, кто предпочитал обманчивое и коварное зелье, раскинули свои сети безумие и смерть.

«Если здешние жители предпочитают развлекаться так, неудивительно, что они выродились в обыкновенных дикарей. Страшно подумать: древнюю мудрую расу сокрушила какая-то травка», — мелькнуло в голове Вайда, и он с некоторым сожалением вздохнул.

Дотянувшись-таки до сапога Вайда, Санкх с чувством облизал его и бессильно ткнулся лицом в вытянутые руки. Мгновение Вайд смотрел на него и тут его неожиданно осенило. Не тратя времени на дальнейшие размышления, он вскочил на ноги и, стараясь не слишком шуметь, двинулся к виднеющейся в темноте клетке с пленниками. За ним крался Тао, который сразу понял, что сейчас что-то произойдет. Рядом с клеткой никого из змееногих не оказалось. Еще днем Вайд заметил, что единственным запором на двери клетки служила толстая веревка, завязанная хитрым узлом.

— Готовьтесь к побегу, я сейчас... — быстро сказал Вайд, оглядываясь в поисках чего-нибудь острого, чем можно было бы перерезать веревку.

— Сподобился наконец-то, — пробормотал Конан и одним движением сбросил путы, которые умудрился как-то ослабить еще в дороге.

Схватив валявшийся в стороне от костра топорик, Вайд с силой рубанул по веревке. Гибкие волокна отбросили тупое каменное лезвие назад, и Вайд едва не покалечил собственную ногу.

— Дай сюда! — зарычал Конан, просовывая руку между жердями и выхватывая оружие из рук своего бывшего юнга. — Даже этого не умеет, маг недоделанный!

Вайд, привыкший к горячему темпераменту киммерийца, пропустил его слова мимо ушей. Оттеснив товарищей в дальний конец клетки, Конан встал на колени у дверцы и, умело замахиваясь, несколькими ударами перерубил веревку. Затем Конан передал топор Вайду и одним прыжком выскочил из клетки. Он жаждал действовать.

— Где оружие? — отрывисто спросил Конан, обшаривая взглядом стоянку.

— Не знаю, — растерянно отозвался Вайд, на всякий случай отодвигаясь подальше от варвара.

Но сейчас киммерийцу некогда было наказывать своего нерадивого юнга, не сумевшего толком подготовить их побег.

— Забирайте лошадей и припасы, — скомандовал Конан своим спутникам. — И поживее там!

Затем варвар бросился к костру. Почувствовав что-то неладное, змееногие зашевелились, пытались приподняться и взглянуть, что происходит, но зелье оказалось намного сильнее рассудка. Киммериец, быстро схватив брошенное кем-то копье, проткнул так ничего и не успевшего понять Санкха, который лишь глядел на него с дурацкой ухмылкой.

Пока Вайд торопливо разрезал путы на запястьях Ларго, а остальные со связанными руками неловко выбирались из клетки, Конан успел прикончить еще одного змееногого, который, шатаясь и бессмысленно смеясь, пытался всадить киммерийцу копье между лопаток. Внезапно из темноты к костру выскочил командир отряда, который, как неожиданно вспомнил Вайд, не участвовал в ритуале, а значит, и не употреблял зелья. В его руках тускло блеснуло длинное обнаженное лезвие, сделанное отнюдь не из кремня. Что-то зло выкрикивая, змееногий принялся колотить своих под-

чиненных плоской стороной меча куда попало, пытаясь привести их в чувство, и это ему в какой-то степени удалось. Теперь на Конана напали сразу трое, вооруженные топорами и копьями. Вдобавок ко всем неприятностям наконечник небрежно сделанного копья, которое держал киммериец, отвалился, и король был вынужден отбиваться древком, не имея возможности нанести змееногим серьезный урон.

— Тао, беги к Конану! — приказал Вайд, не отрываясь от своего занятия.

Маленький демон, поняв, что от него требуется, в несколько прыжков оказался в центре схватки. Рыча, Тао кинулся на плечи первого попавшегося врага и вцепился ему в горло. Сейчас добродушный маленький демон был грозен, как разъяренная пантера.

Наконец веревки свалились с рук Ларго, и гвардеец, проклиная затекшие ноги, заковылял к скакунам. Подгоняемый нетерпеливыми возгласами Эсканобы, который уже видел себя рядом с Конаном в кругу врагов, Вайд принялся за путы Ольтена. Неожиданный крик принца заставил его поднять голову. Командир змееногих, заметивший Ларго, не теряя времени, с мечом наперевес бросился за безоружным гвардейцем. Бегущий человек вообще-то мог двигаться быстрее опирающегося на хвост местного жителя, но не после того, как неподвижно просидел в загоне почти тринадцать дней. Еще не осознав, что он делает, Вайд поднял топор, с силой швырнул его в торопливо ползущего змееногого, но промахнулся, лишь слегка задев руку противника.

— Ларго, сзади! — закричал Ольтен, видимо, надеясь, что юноша сможет хотя бы вернуться.

Ларго повернул голову и инстинктивно схватился за пояс, на котором давно не было меча. Командир змееногих уже поднял оружие, но медлил с ударом, похоже, надеясь взять человека живым.

Издав невнятное ругательство, Эсканоба со связанными руками сорвался с места и побежал за змееногим. Не останавливаясь, офицер просто налетел на противника всем

телом, повалив того на землю и упав сверху. Вылетевший из рук змееного меч зазвенел по камням.

— Давай, Ларго! — прохрипел Эсканоба, пытаясь подняться с извивавшегося на земле врага.

Юноша кинулся было к мечу, но змееногий, извернувшись, с силой ударил Ларго своим мощным хвостом подобно гигантской рыбине, выброшенной на сушу. Юный гвардеец, несмотря на немалый вес, отлетел в сторону и тяжело рухнул навзничь, ударившись головой о камень. Змееногий быстро дотянулся до своего меча и, приподнявшись, всадил его по самую рукоятку в грудь стоявшего на коленях Эсканобы.

Бешено сверкнув глазами, Ольтен рванул руки в разные стороны, и надрезанные Вайдом веревки просто лопнули. Прихрамывая, принц побежал к скакунам, на ходу поднимая брошенный Вайдом топор. Кордавец бросился к костру, надеясь найти там какое-нибудь оружие и освободить от пут Шеки и Чепозуса. Конан продолжал отвлекать на себя внимание змееногих, которые, нетвердо держась на хвостах, пытались всем скопом напасть на киммерийца, мешая друг другу. Тао метался между ними, стараясь укунить или ударить рогом, но змееногие, размахивая оружием, не подпускали маленького демона к себе, а кидаться на наконецники копий Тао отнюдь не собирался.

Пока Вайд торопливо рылся в разбросанных у костра пожитках, один из змееногих, разум которого оказался не до конца затуманенным, заметил его и, бесшумно подобравшись сзади, умело заломил кордавцу руки. Вайд, не издавая ни звука, попробовал вырваться, но змееногий был явно сильнее. Тогда он лягнул противника в то место, где у человека находится колено, однако на змееногого это не произвело впечатления. Со всей возможной в этом случае почтительностью он приставил к горлу посланца Сета лезвие кремневого ножа, и Вайду ничего не оставалось, как признать поражение.

В той стороне, где стояли животные змееногих, послышался звон лезвий: принц Ольтен напал на предводителя отряда, пытаясь выбить у того меч с помощью кремневого

топора. Но змееногий, отразив атаку, применил тот же прием, что и с Ларго: мягко опрокинулся на землю и сбил принца с ног ударом хвоста. Пока немедиец и полуголушенный Ларго поднимались на ноги, командир отряда успел добраться до скакунов. К их седлам было прикреплено главное оружие змееногих, с которым они обращались с большим искусством, — арканы. Первая же веревка обвила плечи Ольтена, вторая стянула ноги Ларго. Пока подоспевшие подчиненные связывали пленников, командир накиннул аркан и на Конана, тем самым полностью лишив людей последней надежды.

Кусая губы, Вайд смотрел, как его товарищей заталкивают обратно в клетку. Туда же водворили связанного Тао, который прекратил сопротивляться, как только увидел, что его друг попал в плен. Самому Вайду связали руки, и командир отряда хотел было отправить его к остальным, но змееногие испуганно загалдели, тыча пальцами в небо и в молодого кордавца. Видимо, они боялись, что Сет разгневется, если обидят его посланца. Приезжий попытался было убедить их, но в конце концов, осознав тщетность своих усилий, с досадой махнул рукой и оставил Вайда у костра.

Стычка с людьми унесла жизни четверых змееногих: одного загрыз Тао, остальные были на счету киммерийца. Из девяти покинувших больше полумесяца назад Тарантию людей в живых осталось лишь пятеро, не считая немедийского принца. Трупы змееногих их соплеменники завалили камнями, устроив что-то вроде общей могилы, над которой один из них произнес протяжную молитву, повторенную всеми остальными. Тело Эсканобы просто сбросили с края плато вниз, на камни.

— За самый дальний незримый порог, в равнины, где вечный покой, уходит умерший, чей путь пролег невидимой глазу тропой... — негромко произнес Вайд, отдавая последнюю дань погибшему товарищу.

Обернувшись к пленникам, он встретился глазами с Ларго, чьи губы шевелились: он шептал те же слова. На лбу юноши запеклась кровь, но Вайда удивило не это. При

свете наступившего утра он ясно увидел две блестящие дорожки, пересекавшие щеки молодого гвардейца.

* * *

Отряд находился в пути еще четыре дня. Преодолев перевал, змееногие с пленниками спустились на бескрайние равнины, покрытые бесшумно колыхавшейся от ветра травой. Пару раз вдалеке возникали дымки от костров здешних жителей, как-то отряд повстречал пасущееся стадо скакунов светло-зеленого окраса, а в остальном же степь казалась безжизненной, словно в начале времен. По дороге один из охранников Байда поймал арканом какое-то животное, напоминавшее очень крупного варана, что вызвало заметную радость среди змееногих. На привале змееногие с восторгом поедали свежее и, по-видимому, вкусное мясо добытого зверя, пленники же довольствовались обычной порцией сухого вяленого мяса, к которому уже испытывали вполне понятное отвращение.

На второй день езды по равнине отряд выбрался на дорогу, сначала едва заметную из-за покрывавшей ее травы, но постепенно она становилась все шире и наезженней. Иногда вдоль дороги встречались полуразрушенные каменные изваяния, такие же древние и забытые, как и сама культура и знания змееногих. На ночевку отряд остановился поблизости от такой скульптуры, напомнившей людям статуи королей и полководцев, которые украшали дворцы и города их мира. Отбитые руки и голова изваяния валялись неподалеку, но искусство древних камнерезов можно было оценить и по обломкам. Змееногие же отнеслись к статуе совершенно равнодушно. Один из них под одобрительные смешки остальных попытался было отколоть часть венца, который украшал голову изваяния, но, так ничего и не добившись, с досадой плюнул в каменное лицо и отвернулся.

Город вырос перед путниками совершенно неожиданно. Не было ни окружавших его деревень, ни привычных предместий — просто вдалеке блеснула вдруг узкая лента реки, на берегу которой темнели какие-то строения. Это и ока-

залась цель их пути — столица страны змееногих, называемая ими Сува.

Кроме везущего пленников отряда к Суве приближались от силы пара повозок да несколько одиночных всадников. Привыкшие к кипучей жизни вокруг городов их стран, где около въездных ворот с утра до ночи царит оживленная сутолока, люди с недоумением взирали на почти пустую дорогу, что вела к столице здешних обитателей.

Сам город высился на холме и издали выглядел величественным. Большие здания, сложенные из белого, розового и желтого камня, размытыми очертаниями и отсутствием углов напоминали заброшенную крепость в пустыне. Улицы здесь были вымощены разноцветными плитами, на перекрестках высились статуи, а стены домов украшали роспись и барельефы. Но общее запустение, свойственное этому миру, коснулось и столицы. Между плитами мостовой пробивалась трава, нередко скульптуры были разбиты, роспись почти совсем поблекла, витые колонны и фасады зданий пересекали глубокие трещины, при одном взгляде на которые хотелось отойти подальше, чтобы не оказаться погребенным под тяжелыми каменными глыбами.

На улицах было совсем немного жителей, что особенно бросалось в глаза в таком большом городе. Похоже, немалая часть строений была просто заброшена и постепенно ветшала. Среди горожан часто попадались такие же оборванные и грязные существа, как и сопровождавшие пленников степные варвары, но иногда встречались на удивление чисто и изысканно, хотя и причудливо, одетые змееногие, заметно отличавшиеся от своих ничтожных соплеменников. Жители Сувы провожали любопытными взглядами повозку с людьми, порой слышались возбужденные восклицания, какой-то мальчишка кинул в пленников камнем, но особого ажиотажа люди не вызвали. Байд, который ехал верхом со связанными руками, представил, какой переполох случился бы в Кордаве или Тарантии, если бы туда доставили плененных змееногих, и в очередной раз подивился равнодушному спокойствию местных жителей.

Петляющие улицы вывели отряд на большую площадь в самом сердце Сувы. Посреди площади высилась огромная статуя Змея. Вайд даже не мог себе представить, как можно сотворить подобное. Гигантские кольца чудовищного каменного тела образовывали нечто вроде пирамиды, а голова с традиционно раздутым капюшоном уходила высоко в небо. Можно было только подивиться умению местных архитекторов, некогда воздвигнувших это немыслимое сооружение во славу своего бога. В центре самого нижнего кольца Вайд заметил чернеющее полукружье входа.

Выехав на площадь, кочевники торопливо соскочили со своих животных и рухнули в пыль, протянув руки к статуе. Но Вайд еще раньше понял, что это храм Сета, по внезапному ощущению холодной силы, на миг затопившему его. То, что искал молодой кордавец, находилось именно здесь. Или оно не существовало вовсе.

Командир змееногих, привычно поклонившись в сторону каменного Змея и сказав что-то замершим на мостовой подчиненным, скрылся в здании, которое стояло напротив храма. Это здание было довольно большим, но казалось легким и изящным; нежный розовый цвет его стен и прекрасные статуи по бокам в сочетании с роскошью отделки наводили на мысль, что это жилище местного правителя. Вскоре гонец вернулся в сопровождении других змееногих, вооруженных такими же, как у него, мечами. Стражники, презрительно оттолкнув заробевших кочевников, открыли дверцу клетки и бесцеремонно вытащили оттуда пленников. Их куда-то повели, но Вайд не успел рассмотреть, куда именно. К нему подошел один из стражников, разрезал веревки на руках и почтительно, но твердо потянул за собой. Вайд пару раз оглянулся, однако его товарищей уже не было видно. Тао, как только ему развязали лапы, кинулся к Вайду и прижался к его ногам, ощерив клыки и угрожающе наклонив рог. Теперь маленький демон плелся за своим другом, совершенно не представлявшим, что ждет их впереди.

Поплутав по коридорам розового здания, стражник привел Вайда и Тао в небольшую круглую комнату, кото-

рая выглядела даже уютной благодаря драпирующим стены и устилающим пол мягким кожаным покрывалам. Посреди комнаты находилось низкое ложе с небрежно набросанными на нем подушками, рядом стоял каменный столик со светильником, от которого приятно пахло чем-то вроде розового масла. Стражник сделал приглашающий жест, как бы показывая, что все здесь принадлежит Вайду, и тут же вышел, захлопнув дверь. Вайд не слышал скрежета ключа в замке, но, когда попытался толкнуть дверь, за которой скрылся змееногий, то убедился, что она надежно заперта.

В глубокой нише Вайд с восторгом увидел выложенный плиткой небольшой бассейн, наполненный чистой прозрачной водой. Сбросив грязную вонючую одежду, он, испытывая невыразимое наслаждение, погрузился туда, резко обрывав попытки Тао присоединиться к нему. На постели обнаружили приготовленные для гостя одежды, сотканые из тонкой материи, похожей на шелк. К сожалению, штанов там, по вполне понятным причинам, не было, и Вайду пришлось удовольствоваться чем-то вроде набедренной повязки и роскошным халатом. На столике рядом со светильником находился поднос с удивительно пахнущими вареными злаками и какими-то фруктами, а также узкий прозрачный сосуд, в котором плескалось нечто напоминающее вино. Истосковавшийся по свежей пище Вайд съел все до последнего кусочка, запив слегка сладковатым вином.

После ванны и обеда кордавец почувствовал себя на редкость посвежевшим и отдохнувшим. Если б не тревога за товарищей, он был бы почти счастлив. Но Вайд хорошо понимал, что положение их очень опасно. Сейчас змееногие верят, что он посланец Сета или кто-то в этом роде. Но что, если они потребуют доказательств? Сможет ли Вайд убедить их настолько, что змееногие, побоявшись гнева Великого Змея, отпустят его друзей, не причинив им вреда?

Вайд тяжело вздохнул и с завистью посмотрел на безмятежно дрыхнувшего на предназначенном для гостя ложе маленького демона.

Глава девятая

Вайд не знал, как долго он находился в одиночестве в этой комнате, больше напоминавшей место любовных усад какого-нибудь туранского шейха, чем жилище пленника. Нетерпение охватывало молодого кордавца все сильнее. Он предпочел бы открытый бой тоскливому и казавшемуся бесконечным ожиданию неизвестно чего. Наконец, когда Вайд в очередной раз измерил шагами ширину комнаты — их оказалось, как и раньше, ровно семь с половиной, — нежившийся на подушках Тао поднял голову, и его янтарные глаза настороженно блеснули.

— Сюда кто-то идет, — заявил маленький демон и мягко соскочил на укрытый кожами пол.

Это оказался стражник, который почтительно поклонился Вайду и пригласил следовать за собой. На Тао это приглашение не распространялось, но он столь выразительно оскалится, что стражник решил не перечить желанию гостя взять с собой необычного любимца. Они снова шли по извилистым коридорам — Вайд сразу запутался в их расположении — и в конце концов, пройдя через арочный проход, закрытый свисающими плотными занавесями, очутились в довольно длинном овальном зале. Установленные вдоль стен светильники позволяли разглядеть низкий потолок, покрытые росписью стены, устланный кожами пол и свешивающиеся откуда-то сверху гирлянды сильно пахнущих цветов. Посреди зала на резных креслах с высокими спинками восседали двое змееногих — мужчина и женщина.

Смутное худощавое лицо мужчины с тонким прямым носом, черными полукружьями бровей и четко очерченными губами было проникнуто царственной мудростью и спокойной уверенностью. Так, должно быть, выглядели лица правителей могучих империй древности. При взгляде на его спутницу Вайд внезапно почувствовал, как по его телу прошла горячая волна. Эта женщина была столь прекрасна, что Вайд на несколько долгих мгновений позабыл обо всем, даже о Дайане.

— Приветствуем тебя, чужестранец! — звучным голосом обратилась к Вайду женщина. Неотрывно глядевший на нее Вайд даже не сразу сообразил, что она говорит не на местном языке, а на стигийском, распространенном на побережье Западного океана и хорошо знакомом купцам и морякам. — Мы надеемся, что ты успел отдохнуть в нашем дворце и не откажешься побеседовать с его хозяевами.

— Благодарю за гостеприимство, — сказал Вайд и откашлялся.

Он еще не знал, что ему предстоит — светский разговор или допрос, но утонченные лица его собеседников внушали молодому кордавцу безотчетную симпатию, особенно после долгого общения с их вырождающимися соплеменниками.

Женщина жестом предложила Вайду сесть в стоящее напротив них кресло. Тао тут же устроился рядом, недоверчиво поглядывая на змееногих. Скользнув по маленькому демону быстрым взглядом, женщина вновь заговорила:

— Мое имя Одемиш, а это мой муж Ароаб. — Женщина узкой рукой с тонкими пальцами указала на сидевшего рядом мужчину. Тот величественно наклонил голову.

Одемиш вопросительно взглянула на Вайда, ожидая, когда гость представится.

— Я Вайд, — слегка торопливо, словно извиняясь, произнес молодой человек и почувствовал себя полным дураком. — Я из Кордавы, что в Зингаре... — Вайд несколько растерянно посмотрел на собеседницу, не зная, как объяснить ей, где это находится.

— Зингара — это страна на берегу Западного океана, — кивнула женщина. — Мы слышали о ней. Говорят, люди там храбры и полны мудрости, — учтиво добавила она.

Теперь Вайд совсем перестал что-либо понимать. Неужели он ошибся, и это совсем не чужой мир, а их собственный? Быть может, они попали в далекое прошлое? Но неужели тогда на небе их мира было две луны?!

— Но искусство вашего народа нигде не знает себе равных, правительница, — попытался в тон ей ответить Вайд, мучительно соображая, как бы ему вывести правду о том, где же они находятся.

— Я не правительница, — покачала головой Одемиш. — Скажем так, мы хранители древних законов и традиций нашего несчастного народа.

— Наш гость удивлен, откуда мы знаем его родину, — заговорил мужчина, слегка улыбнувшись. — Вечный Повелитель, который привел нас в этот мир в незапамятные времена, когда для нашего многострадального народа не осталось места в собственной стране, позволил некоторым избранным порой возвращаться в покинутые нами края. Мы довольно неплохо знаем страну Стигию, где еще сохранилась память о нас, и кое-что слышали о народах, заселивших Южное побережье.

— Случается, что путники из вашего мира попадают к нам, и мы многое узнаем из их рассказов, — добавила Одемиш.

Наконец все встало на свои места. Вечный Повелитель — явно Сет — открыл змееногим дорогу в этот мир две тысячи лет назад, чтобы уберечь от нашествия людских племен. Бог спас своих детей от смерти, но не смог защитить от вырождения народ, оказавшийся в сытой безопасности и благополучии. Впрочем, сейчас Вайда мало интересовала история змееногих. Его занимала одна мысль: как бы поскорее оказаться дома вместе со своими товарищами.

— Мне и моим спутникам также посчастливилось попасть к вам, — стараясь говорить непринужденно, начал Вайд. — Произошло это, правда, по чистой случайности, но я несколько не жалею о том. Я посвятил свою жизнь Сету

и изучению магии. — К Вайду постепенно приходило вдохновение, как случалось всегда, когда он начинал врать. — Этот перстень я получил от величайшего мага нашего мира, Тот-Амона, как символ моих заслуг перед Черным Кольцом. Это общество магов, служащих Змею...

Вайд протянул змееногим кольцо Бен-Аззарата. Рассмотрев его, женщина и мужчина обменялись быстрыми взглядами, но Вайд не сумел уловить их смысл.

— Мы слышали о Тот-Амоне и его Черном Кольце, — кивнула Одемиш. — Он действительно могущественный маг, и награда, полученная из его рук, значит очень многое.

— Я догадывался о возможности путешествий между мирами, — Вайд совсем освоился и даже позволил себе небрежно положить ногу на ногу, но, увидев свое голое колено, смутился и торопливо запахнул халат. — Всякий маг приобретает истинные знания лишь путем опыта. Я решил подвергнуть себя такой опасности и проверить, можно ли попасть в другой мир посредством магии. И мне это действительно удалось! — Вайд изобразил приличествующий случаю восторг. — Поначалу, оказавшись в безжизненной белой пустыне, я сильно упал духом, решив, что обрек нас на гибель. Но сейчас, повстречав столь любезных хозяев, которые так снисходительны к неожиданным гостям, я понимаю, что не зря отважился на подобное.

— Позволено ли мне будет задать вопрос, досточтимый Вайд, — взмахнув длинными ресницами, заговорила Одемиш. — Кто эти люди, что были с тобой? Они не похожи на магов...

— Это мои охранники, — равнодушно бросил Вайд, втайне гордясь собственной находчивостью. — Я не знал, какие опасности могут поджидать меня в незнакомом мире, и взял с собой людей, хорошо владеющих оружием. Мы, маги, которым доступны высшие сферы, не столь искусны в обращении с игрушками смертных. — Вайд неожиданно для себя заметил, что начал выражаться в снисходительной манере Тот-Амона, и решил, что стоит вести себя поскромнее.

— Пусть гость простит мне мое любопытство, — произнес Ароаб, склонив голову. — Что за животное лежит у твоих ног? Я не встречал таких в вашем мире.

— Это существо создал я сам,— гордо выпрямившись, ответил Вайд, не обращая внимания на яростный блеск в глазах Тао.— Оно повсюду сопровождает меня. Такой, знаете ли, забавный зверек! — Вайд незаметно наступил на лапу маленького демона, чтобы тот не вздумал возражать.

Мужчина наклонился к уху женщины и что-то шепнул ей. Едва заметно кивнув, Одемиш ослепительно улыбнулась Вайду, у которого от этой улыбки гулко забилося сердце.

— Существа нашего мира, увы, не столь изысканны, как твой спутник,— проговорила женщина и взмахнула рукой.

Из широкого рукава ее белого одеяния выскользнула небольшая змейка и шлепнулась под ноги Вайду. Тао мгновенно отпрыгнул в сторону, оценивая опасность.

Вайд сразу узнал эту безобидную тварь, в изобилии водившуюся во всех странах Южного побережья. Из-за пятен песочного цвета на шкурке змею называли желтоспинкой, но среди стигийцев было распространено и другое ее название — Сетов Гнев. Раньше Вайд не задумывался, почему эта даже не ядовитая змейка носит столь грозное имя. Сейчас, глядя на извивающуюся у его ног тварь, он сразу понял, что это испытание, призванное подтвердить правоту его рассказа. Поскольку поклонение Змею означало и любовь ко всем его воплощениям, хозяева, видимо, решили проверить отношение Вайда к этому живому атрибуту их бога. Усмехнувшись про себя, Вайд, который после трех лет, проведенных в джунглях, мог взять в руки даже скорпиона, поднял желтоспинку и погладил пальцем ее маленькую треугольную головку.

— Свойственные этим созданиям строгость и отсутствие излишеств делают их подлинным произведением искусства.

Пожалуй, это был самый заумный и фальшивый комплимент в жизни Вайда, вдобавок обращенный к столь ничтожному существу. Тао презрительно фыркнул.

Женщина на мгновение прикрыла свои миндалевидные черные глаза, мужчина остался неподвижен. Вайд отпустил змейку, и она мягко соскользнула по халату на пол.

— Благодарим тебя за поучительную беседу, чужестранец,— бесстрастно произнес Ароаб.— Нам нечасто случается разговаривать со столь учтивым и образованным собеседником. Стоит признать, что большинство существ на двух ногах грубы и непочтительны.

Эти слова заставили Вайда вспомнить о Конане, и он решил, что настало самое время попросить за своих друзей.

— Могу ли я обратиться с просьбой к моим уважаемым хозяевам? — сказал Вайд, невольно подражая вежливой манере змееногих.— Мои спутники, конечно, не столь образованы и учтивы, как должно, но я бы не хотел, чтобы с ними плохо обращались. Если они вновь поступят в мое распоряжение, я обещаю, что они будут вести себя подобающим образом.

— Скоро ты увидишься с ними,— с непонятной холодной улыбкой ответил Ароаб.

Обрадованный обещанием, Вайд осмелился перейти к главной просьбе:

— Простите мою дерзость, благородные Ароаб и Одемиш, но позволено ли будет мне осмотреть храм Сета, что напротив вашего дворца? Как любой маг, я не устаю искать знаний и, думаю, в этом величественном сооружении смогу найти ответы на многие вопросы...

— Завтра ты побываешь внутри храма, чужестранец,— заговорила Одемиш, и Вайд с удивлением услышал в ее звучном голосе оттенок злорадства.— Ты и твои спутники. Вы удостоитесь чести увидеть великий храм Змея изнутри, прежде чем вас принесут в жертву Вечному Повелителю.

Ошеломленный Вайд растерянно заморгал, не зная, как воспринимать слова Одемиш. Пока до него доходило, что это не местная шутка, женщина снова заговорила, на этот раз без тени былой любезности:

— Мой муж уже поблагодарил тебя за поучительную беседу, Вайд из Зингары. Она лишь подтвердила слова Вечного Повелителя о том, что мы не должны доверять двуногим. Люди по природе своей лживы, коварны и жестоки. Я не знаю, зачем ты прибыл в наш мир и как

заполучил кольцо Змея, но ты не тот, за кого пытался выдать себя. По счастью, ты сам разрушил сеть собственной лжи.— Женщина неприязненно взглянула на Вайда, и он поразился, как такое красивое лицо может исказить гримаса отвращения.— Ты решил, что эта змейка — атрибут Сета. А между тем она символ предательства и двурушничества. Среди созданий Повелителя лишь она одна осмелилась пойти против своего господина, за что была проклята и лишена ядовитых зубов. Эту легенду знает любой служака при храме Змея, даже в вашей Стигии. Если бы ты действительно принадлежал к Посвященным, ты поступил бы так.— С этими словами Одемиш подняла с пола змейку и хладнокровно переломила ей хребет, брезгливо отбросив останки.

Вайд едва не застонал, поняв всю бездну своей глупости и самонадеянности. Желтоспинка — Сетов Гнев... О боги, почему же он сам не догадался?! Споткнуться на подобной мелочи было просто позорно...

Этими мыслями и затопившим его чувством отвращения к самому себе Вайд продолжал терзаться, пока стражники-змееногие тащили его по коридорам, уводящим куда-то вниз, открывали бесчисленное количество дверей, пока наконец не втолкнули в мрачную, сырую темницу, где уже находились его товарищи и куда за своим другом влетел и маленький демон.

— А-а, наш маг пожаловал! — нелюбезно заметил Конан, приподнимаясь с голого каменного пола.— Что, поссо-рился со своими хвостатыми друзьями, начав ухлестывать на пирушке за женой главного змееногого?

— А ты неплохо выглядишь в халате и сапогах,— поддержал короля Ларго.— Думаю, жена змееногого была в восторге.

— Я хлопочу изо всех сил, чтобы их выпустили отсюда — и никакой благодарности! — вздохнул Вайд, ежась от холодной сырости подземелья.

— А мы вот о тебе совсем не хлопотали, а ты все равно здесь,— хмыкнул Конан уже более дружелюбно, наслаждаясь нелепым видом своего бывшего юнга.

— Тебе удалось что-нибудь узнать, Вайд? — встревоженно спросил Ольтен.— Что они собираются с нами делать?

— Они собираются принести нас в жертву Сету в своем храме,— мрачно ответил Вайд, поплотнее заворачиваясь в халат.

Ларго и Ольтен переглянулись, Чепозус нахмурился, а Шеки в растерянности приоткрыл рот.

— Хорошей новости я от тебя и не ожидал, Крысенок,— заметил Конан.— Ты просто ходячий символ неудачи.

«Завтра,— подумал Вайд.— Завтра все решится. Быть может, ты ошибаешься, капитан, и Крысенок наконец принесет вам удачу».

* * *

Змееногие начали церемонию жертвоприношения, когда зашло солнце и на небе показалась первая из лун. Площадь перед храмом была полна народу, но в сам храм пускали лишь избранных. Вайда и его товарищей провели через молчаливую толпу, терпеливо ожидающую начала действия, и через высокий полукруглый проход они вошли в величественное сооружение. Пройдя мимо огромных каменных животных с телом льва и головой змеи, словно охранявших вход, пленники очутились в лабиринте, который уходил куда-то в глубь храма. Здесь их ждали жрецы в длинных хламидах и высоких головных уборах. Золотые маски, закрывающие их лица, бесстрастно блестели в свете факелов. Стражники, сопровождавшие пленников, с поклоном удалились, и людей окружили служители Змея, которые повели их дальше через лабиринт. Горящие кое-где светильники выхватывали из темноты то искаженное нечеловеческой мукой женское лицо, то свившихся в брачном танце змей, то пожирающих ребенка гигантских ящериц, то цветок с лепестками из человеческих внутренностей... Подобные статуи встречались почти на каждом повороте извилистого коридора.

Пройдя лабиринт, пленники и жрецы начали подниматься по бесконечно длинной витой лестнице с узкими истертыми ступенями. Казалось, что они доберутся прямоком до луны, но лестница вывела их в огромный зал, рас-

положенный, как понял Вайд, в голове гигантской каменной кобры. В дальней части зала, через открытую пасть чудовища было видно темнеющее на глазах небо, на котором уже проблескивали первые звезды, и белый диск поднимавшейся над городом луны. Площадь внизу, усеянная, словно звездами, далекими огоньками факелов, казалась отражением неба.

Пленников привязали к каменным столбам, расположенным полукругом в центре зала, а Тао, сочтя его безобидным созданием, жрецы просто посадили на веревку, точно обыкновенную собаку. Вайд увидел замерших вдоль стен зрителей, которые, судя по тонким чертам и богатой одежде, принадлежали к местной знати. Молодой кордавец встретился взглядом с Одемиш, державшей в руках яркий цветок, и содрогнулся увидев на прекрасном лице выражение холодной жестокости.

Жрецы в масках расположились за столбами с привязанными к ним жертвами, и обряд начался. Где-то неторопливо и гулко заухал барабан, точно сердце призрачного великана. Стоявший у каменного алтаря служитель Сета, на груди которого на толстой цепочке покачивался знак Змея, а головной убор был гораздо выше, чем у остальных, простер руки к белой луне и начал что-то говорить нараспев. Ему вторило таинственно-заунывное пение жрецов. Мелодия казалась такой же древней, как поднимающееся в небо ночное светило. По знаку верховного жреца один из служителей подошел к Чепозусу и вытащил из складок хламиды узкий бронзовый нож. Глаза пехотинца выпучились еще больше, но жрец, обнажив Чепозусу грудь, сделал лишь неглубокий надрез напротив сердца. Собрав стекающие алые капли в прозрачный сосуд, служитель с поклоном вручил его жрецу со знаком Змея. Тот поставил чашу в специальное углубление в центре алтаря и насыпал вокруг мелкий блестящий порошок.

Пение жрецов стало громче, в нем зазвучало что-то вроде призыва. Барабан застучал чаще и тревожнее. Верховный жрец звучно произнес заклинание — и порошок на алтаре вспыхнул бледно-золотистым пламенем. Прозрач-

ная чаша, каким-то чудом оставаясь неповрежденной, стояла посреди огня, а ее содержимое сияло рубиновым светом, который разгорался все ярче и ярче. По стенам храма забегали багровые отсветы, маски жрецов напоминали облитые кровью лица.

Внезапно в отверстии каменной пасти показался краешек второй луны, словно отражающий свет чаши. Пение жрецов взвилось вверх, стук барабана слился в непрерывную дробь — и хрустальная чаша с кровью разлетелась на мельчайшие осколки, поглощенные золотистым пламенем. Спустя мгновение откуда-то с неба, где всходила зловеющая багровая луна, упал белый столб света. Пронизав все пространство полутемного зала, луч уперся в установленное за алтарем огромное серебряное зеркало, дотоле скрывавшееся в темноте. По гладкой поверхности побежали радужные волны, будто в чан с жидкой ртутью бросили камень. В зеркале начали проступать контуры темной фигуры, по очертаниям напоминающей человеческую. Пение жрецов оборвалось, и лишь барабан продолжал грохотать в полной тишине, сковавшей храм.

Вайд находился в напряжении с самого начала церемонии. Он всей кожей впитывал магическую силу, которой был полон каждый камень этого величественного и жуткого храма. Когда зазвучало пение жрецов, Вайд почувствовал, как эта сила сосредоточивается в нем, нарастая подобно штормовому ветру. Его сердце стучало в такт барабану, он ничего не замечал вокруг, целиком отдавшись своим ощущениям. Возникший из ниоткуда белый луч ударил, казалось, прямо в грудь Вайда. Сразу пришло понимание, что это — ставшая зримой нить, проходящая через все миры и связывающая их воедино. Следуя ей, перемещаются из мира в мир боги и Владеющие Силой, и где-то на своем пути она извечно пронизывает и Лабиринт. И на этот раз он обязательно должен услышать своего Хозяина.

— Лабиринт!

Нить задрожала от безмолвного крика, прорвавшегося сквозь оболочку миров. Сейчас Вайд точно знал, что Лабиринт слышит его. Он ждал. Но тут бурлящая поверхность

зеркала выгнулась подобно гигантскому пузырю и лопнула, выпустив из себя человека. Змееногие как один повалились на пол, и даже верховный жрец покорно склонился перед пришедшим.

На Вайда взглянули холодные, равнодушные глаза, которые видели зарождение и гибель сотен миров и доподлинно знали, что такое Бесконечность. Для обладателя таких глаз живые существа — не более, чем гонимые ветром тленные листья или прах под ногами. Гладкое юношеское лицо, не пересеченное ни единой морщиной, не могло ввести в заблуждение насчет возраста пришедшего. В его руках не было оружия, но лишь безумец осмелился бы преградить ему дорогу.

— Хозяин Ночи... — выдохнул Вайд, не в силах отвести глаз под холодным взглядом бога.

Его товарищи застыли, охваченные внезапным оцепенением, и каждому казалось, что Сет смотрит именно на него. Лишь один человек в храме не был зачарован глазами всемогущего бога. Одним движением страхнув перегрызенные Тао за время церемонии веревки (об этом пленники договорились еще накануне, не рискуя полагаться лишь на магию Вайда), Конан отпрыгнул от столба и огляделся в поисках подходящего оружия. Философия варвара была проста: любую опасность нужно встречать с мечом в руках, причем личность противника никогда не имела для него особого значения.

Выхватив у одного из жрецов увесистый светильник, Конан метнул его в сторону алтаря. Не долетев до Сета, лампа попала в замершего в молитвенном экстазе верховного жреца. Масло из светильника мгновенно пропитало тонкую хламиду, которая вспыхнула, точно факел. С диким воплем змееногий ринулся в толпу оторопевших зрителей, ничего не видя на своем пути.

— Вайд! Где ты? Я не мог разыскать тебя после схватки с Тот-Амоном!

— Лабиринт, мы в мире змееногих! — Вайд мгновенно пришел в себя, услышав знакомый и долгожданный голос. — Я разрушил Портал, и нас закинуло...

— Я знаю. — Лабиринт не стал выслушивать объяснения своего Хозяина. — Ты не можешь выбраться?

— Да! — заорал Вайд, удивляясь несообразительности магического создания.

— Там, где ты сейчас находишься, открыт проход, я чувствую это.

Лабиринт, как всегда, говорил спокойно и неторопливо, в то время как вокруг его Хозяина в панике метались змееногие, Конан сражался с жрецами, используя в качестве оружия золотой ритуальный посох, Тао перегрызал связывающие людей веревки, в спешке оставляя следы своих острых зубов у них на ладонях, а бог замер возле алтаря, со скучающим видом наблюдая за воцарившейся вокруг суматохой.

— Где проход? — в отчаянии спросил Вайд, судорожно оглядываясь. — Как он выглядит?

— Там должен быть луч... — начал было объяснять Лабиринт, но Вайд уже понял, что он имеет в виду. Перед его мысленным взором отчетливо встала картина: столб белого света ударяет в странное зеркало. Проход, несомненно, находился там.

Вайд почувствовал, как ослабли перекушенные Тао веревки, и бросился к зеркалу, попутно сбив с ног, то есть с хвоста, торопливо ползущую мимо Одемиш и непочтительно перескочив через извивающуюся на полу змееногую красавицу. Конан и Шеки сдерживали натиск жрецов, давая возможность остальным присоединиться к Вайду.

Стоявший дотоле неподвижно Сет внезапно выпрямился, и в его бесстрастных глазах зажегся недобрый огонек, точно он увидел старого врага. Не обращая никакого внимания на людей и змееногих, он сделал шаг вперед и взглянул на багровый диск луны созданного им мира.

— Давно я не слышал твоего голоса, Забытый, — зазвучало в голове у Вайда, заставив его споткнуться. Эти слова не принадлежали Лабиринту, и Вайд на мгновение почувствовал, что сходит с ума. А Сет продолжал: — Ты послал согладатаев в мой мир, Забытый? Это было ошибкой с твоей стороны.

— Я никого не посылал, Избравший Тьму, — послышался спокойный ответ Лабиринта. — В отличие от твоих созданий люди обладают свободой выбора.

— И именно это постоянно заставляет их вмешиваться в дела, недоступные их разумению. — Презрительная усмешка искривила губы Сета. — Впрочем, ты бы не решился прийти сюда сам, Забытый. Однажды ты уже заплатил за подобную дерзость. Ты ведь не забыл?

— Да, ты силен, Избравший Тьму. — В тоне Лабиринта не было и намека на волнение. — Но, как и твои прислужники, ты всегда недооценивал своих противников.

Спустя мгновение мутная поверхность зеркала засветилась, изнутри брызнул сноп ярко-желтых лучей. Зеркало снова вздулось, выпуская наружу новое действующее лицо. Магическое создание, которое Вайд привык воспринимать, как затерянные в джунглях древние подземелья, предстало перед своим Хозяином в человеческом облике.

«И что же он раньше ко мне в таком виде не приходил? Посидели бы, выпили, как нормальные люди...» — отстраненно подумал Вайд, глядя на высокую человеческую фигуру в ореоле света, которая направлялась к замершему на месте Хозяину Ночи.

Взгляды Высших Существ встретились, и словно молния ударила между ними. Дрожь сотрясла величественный храм, снаружи донеслись вопли испуганных горожан. Миг спустя на месте, где стояли противники, взвились два языка пламени — алый и золотой. Повинуясь яростному порыву, они столкнулись в смертельном единоборстве, давая выход копившейся тысячелетиями ненависти. Зрелище было ужасным и красивым одновременно. В храме стало светло, как днем, стены дрожали все сильнее, покрываясь извилистыми глубокими трещинами. Вокруг сражавшихся градом сыпались огромные камни, заваливая не успевших скрыться змееногих.

В общей суматохе Вайд и его спутники собрались у зеркала. Последним к ним присоединился тяжело дышавший Конан.

— Ну что, Крысенок? — спросил киммериец, сжимая в руках окровавленный посох. — Если ты сейчас не откроешь проход, нас тут просто завалит.

— Проход здесь. — Вайд торопливо ткнул в зеркало, на котором играли багрово-золотые сполохи.

— Нам что, лезть прямо туда?.. — озадаченно начал Ольтен, но Конан, не сказав больше ни слова, нагнул голову и бросился вперед, прямо в похожую на чуть колыхавшуюся воду поверхность. Зеркало упруго прогнулось и киммерийца отбросило назад, словно он с разбегу ударился о натянутое полотно. Крепко выругавшись, Конан вскочил на ноги и выразительно посмотрел на Вайда.

— Здесь, говоришь? — зарычал киммериец. — А может, ты опять промахнулся на пару лиг?

Проход был в зеркале — Вайд ясно чувствовал это. Однако, свободный для бога, он почему-то не мог так же легко пропустить обыкновенных смертных. Перед ними находилась так долго разыскиваемая дверь в их мир, но им позабыли дать от нее ключ.

Тем временем в своем яростном танце алое пламя взмывало все выше, наливаясь угрожающей мглой, тогда как блеск золотого огня становился слабее. Поднявшись к самому своду храма, Сет в решающем усилии обрушился на истощенного схваткой противника подобно медведю, ломающему хребет своей жертве. В бушующем алом пламени на миг обрисовалась корчившаяся в муках человеческая фигура и исчезла, поглощенная враждебной силой.

На Вайда обрушилась такая боль, какую ему не доводилось испытывать за всю его жизнь. Свет померк у него перед глазами, и Вайд рухнул в неожиданно разверзшуюся под ногами бездонную пропасть. Когда спустя несколько мгновений он пришел в себя, судорожно хватая ртом горячий воздух, Щеки крепко держал его за плечи, не давая упасть, а остальные встревоженно смотрели на молодого кордавца.

— Лабиринт! — позвал Вайд и понял, что тот никогда уже не ответится.

Словно воочию, бывший Хозяин Лабиринта увидел, как оседают подземелья в дарфарских джунглях, навсегда погребая собранные там бесценные сокровища, как с грохотом рушатся окружавшие вход скалы и как рассыпаются в прах древние бронзовые ворота, множество веков хранившие покой Лабиринта...

Будто впитав силу поверженного противника, алый огонь вспыхнул еще ярче. Вайд с тревогой посмотрел на зеркало, надеясь на чудо, но полированная поверхность по-прежнему оставалась гладкой, отражая бушующее в центре храма пламя.

— Ну, Вайд, что же ты? — В резком голосе Конана звучало нетерпение. — Если не можешь открыть вход, надо убираться из храма, пока не поздно.

Словно в ответ на слова киммерийца часть нависающей над площадью каменной змеиной головы с ужасным треском обвалилась вниз, ознаменовав начало конца древнего сооружения змееногих.

— Так просто не войти... — с трудом произнес Вайд, стиснув ладонями гудящую голову. — Нужна жертва... Лишь кровь откроет дорогу... Иначе мы погибнем здесь...

Конан нахмурился, стараясь разобраться в невнятном бормотании бывшего юнги, Ольтен и Чепозус в растерянности устали на Вайда, а Шеки просто терпеливо ждал прямых указаний. Лишь в глазах Ларго блеснула догадка. Быстро оглянувшись, юный гвардеец увидел приближающийся к людям алый огненный смерч.

— Я понял тебя, Вайд. — Ларго обежал взглядом своих товарищей и ободряюще улыбнулся им. Потом повернулся к яростному пламени и просто сказал: — Я иду.

— Стой, Ларго! — в отчаянии крикнул Вайд, совсем как тогда, у Портала, но, как и в тот раз, юноша даже не обернулся.

Запрокинув голову, Ларго вбежал в пламя, мгновенно сомкнувшееся за его спиной. Вайд зачем-то рванулся вслед за своим другом, но сильные руки Конана и Шеки удержали его.

В то же мгновение по тусклой поверхности зеркала заходили волны, и с нее исчезло отражение огня, сменив-

шись тьмой, прорезаемой багровыми сполохами. Теперь в открывшийся проход первым прыгнул Ольтен, и зеркало приняло его, поглотив, словно омут. За ним в черной поверхности исчезли остальные.

Оглянувшись напоследок, Вайд увидел, как рушится храм Сета, погребая под обломками змееногих, и среди этого хаоса вьется огненный вихрь, забравший его друга.

— Когда-нибудь твой мир опустеет, Змей, и ты тоже станешь Забытым, а потом погибнешь от рук нового бога, — негромко произнес Вайд свое пророчество, и вихрь, дрогнув, остановился перед ним.

Не торопясь, Вайд повернулся к нему спиной и спокойно шагнул в бездну.

* * *

Несильный летний дождь мерно шуршал в зеленой листве. Под высоким раскидистым буком чадил костерок, ветер относил к мокрой дороге белые клубы едкого дыма. На Руазельский лес опускался сумрачный и дождливый вечер, постепенно стирая контуры окружающих предметов.

Шеки дремал, привалившись спиной к отсыревшему стволу дерева. Уставший не меньше него Тао свернулся у шадизарца в ногах, уткнувшись носом в задние лапы, и тяжело вздыхал во сне. Остальные сидели вокруг костерка, с наслаждением вдыхая влажный и свежий лесной воздух.

— Совсем как в то утро, когда демоны наш отряд разгромили, — нехотая произнес Чепозус, протягивая к костру руки.

— Нашел что вспомнить, — буркнул Конан. — И без того тошно.

Ольтен откашлялся и, не глядя на короля, произнес:

— Раз мы вернулись в Аквилонию, значит, я должен считать себя твоим пленником, король Конан?

— Да пошел ты... — вяло махнул рукой киммериец. — Катись обратно в свою Немедию. И передавай там горячий привет своему папаше.

Вайд хмуро смотрел на шипевшие в мокрых ветках язычки пламени, думая о том, что теперь даже огонь в

уютном домашнем очаге будет напоминать ему алый смерч и человека, бестрепетно вошедшего туда, чтобы сделать то, на что не отважился сам Вайд.

— Послушай, Крысенок... — добродушно обратился Конан к своему бывшему юнге.

— Никогда не называй меня больше Крысенком, Конан! — с неожиданной яростью огрызнулся Вайд.

Конан хотел было что-то сказать, но лишь молча пожал плечами.

— А тот, второй, что обратился в золотое пламя, это Лабиринт? — спросил Ольтен, слегка виновато глядя на Вайда.

Кордавец молча кивнул.

— И чего они подрались? — как бы про себя заметил Конан. — Вот говорят: варвары драчливы, а чем боги лучше?

— А чем боги вообще лучше людей? — философски отозвался Чепозус, и по его непроницаемому лицу было совершенно непонятно, были ли эти слова плодом глубоких раздумий славного офицера или он ляпнул это просто так.

— А этот... Э-э... Ларго... Откуда он родом? — обращаясь почему-то к Вайду, спросил Конан. — Надо бы его родным сообщить... Жаль, отличный был парень, я его давно приметил. Один такой стоит целого отряда местных остолопов.

— У него не было семьи, — по-прежнему глядя в огонь, глухо сказал Вайд. — Он говорил, что его мать — танцовщица из Шема, звали ее, кажется, Мюриэль, но она давно умерла. А об отце он ничего не знал.

Конан задумался, потом неожиданно произнес:

— Знавал я когда-то одну танцовщицу из Шема, лет двадцать назад... И звали ее как-то похоже... Славная была девчонка, мы с ней вместе в Кешане тамошних жрецов дурили... — Киммериец чуть улыбнулся, вспоминая былые приключения.

Вайд внимательно посмотрел на него и неожиданно понял, кого напоминал ему Ларго все это время. Но это больше не имело никакого значения.

Безмолвный лес успокаивающе шелестел мокрыми листьями, покорно окунаясь в вечернюю прохладу. Вайд прислонился к стволу рядом с Шеки и утомленно прикрыл глаза. Впереди их ждало возвращение домой, встречи с друзьями и недругами, новые заботы и тревоги. Но сейчас думать об этом не хотелось. Хотелось лишь сидеть вот так, слушая бесконечный шорох дождевых капель, и ощущать, как уходят из сердца усталость и боль, уступая место уверенности в том, что принесенная жертва никогда не бывает напрасной.

Глава десятая

Во имя Митры, где же, наконец, Его Величество? В Аквилонии все снова шло своим чередом. После закрытия Портала новые демоны в Тарантии больше не появлялись, а те, что не исчезли, стали какими-то вялыми. Имеющие уже немалый опыт борьбы с демонами жители столицы при поддержке солдат графа Троцери довольно быстро уничтожили тех тварей, что еще уцелели, а заодно и обнаглевших во время безвластия грабителей и разбойников, и город наконец-то вздохнул свободно. Не без усилий, но порядок в Тарантии был восстановлен. Вернулись в свои дома крестьяне столичных предместий, чтобы заняться нелегким делом — кормить порядком отощавших за последнее время горожан.

Прослышав об исчезновении короля Конана, таинственно сгинувшего в Руазеле, забеспокоились аквилонские бароны, собравшиеся уже было затеять очередную свару за трон Аквилонии. Но Просперо при поддержке Троцери и Публио твердой рукой удерживал правление, не теряя надежды на возвращение законного короля. И он действительно вернулся, к радости одних и досаде других. Тут же потянулись в столицу бароны — уверять короля в своей непреходящей верности. Из Бельверуса прибыл гонец с заверениями дружбы от короля Нимеда и извинениями за вылазку, устроенную его непокорным младшим сыном. Воспрянувшие было пикты опять затаились в своих Пустошах, не слишком тревожа границу страны. В общем, жизнь в

Аквилонии текла, как и прежде, словно и не было никаких Бен-Аззарата, Тот-Амона и Портала.

— Так где же, наконец, король Конан?!

Служащий канцелярии Его Величества Короля Аквилонии Люций уже пару раз обошел дворец в поисках короля. Заглянул он и в казармы, побывал на плацу и в конюшнях, зашел во внутренние покои — здесь никогда заранее не знаешь, где можно столкнуться с Его Величеством. Тихо помянув Сета, Нергала и демонов, Люций вошел в очередную комнату и тут же склонился в учтивом поклоне. Ему навстречу поднялась новая фаворитка Конана — юная Виньела, кажется, из Заморы. Тихая и покорная девушка чем-то пленила сердце немолодого короля, но всем было понятно, что она никогда не займет места погибшей Белезы.

— Ты, наверно, ищешь Его Величество? — сразу спросила девушка. — Он там с графом Просперо. Сейчас они придут. Садись и подожди.

Люций опустил на софу, а Виньела уселась в кресло, чинно сложив маленькие ладошки на коленях и молча глядя куда-то вдаль своими загадочными разноцветными глазами.

Вскоре за дверью послышался звучный баритон Конана, изредка прерываемый негромким голосом Просперо, и Люций одновременно с Виньелой вскочили со своих мест, чтобы приветствовать аквилонского правителя.

— Здравствуй, моя девочка! — Конан мимоходом погладил Виньелу по черноволосой головке, и та с молчаливым обожанием взглянула на своего повелителя. — Прости, что давно не заходил к тебе: в этом дворце даже пообедать спокойно не дадут, обязательно у кого-нибудь найдется спешное дело ко мне.

— Ничего, я все понимаю, — торопливо сказала девушка, прижавшись на мгновение щекой к сильной руке киммерийца. — Я могу ждать сколько угодно. Даже просто видеть тебя — огромное счастье для бедной Виньелы...

Конан усмехнулся и ласково поцеловал девушку в лоб. Потом резко повернул голову и увидел тактично отводившего глаза Люция.

— А, нашему дородному государственному мужу опять не терпится взять меня в оборот,— проговорил король.— Что он хочет на этот раз?

— Канцлер Публио просит Его Величество сообщить, когда он сможет обсудить с канцлером вопрос о дополнительных податях с купцов и ремесленников,— со всей возможной учтивостью начал Люций.— К тому же канцлер имеет двенадцать различных прошений к королю от дворян, которые уже давно ожидают ответа. Еще канцлер хотел бы почтительнейше напомнить Его Величеству, что пора принять окончательное решение о необходимости строительства нового форта на пиктской границе, а также...

— Ладно, ладно,— поднял руки Конан.— Все уже поняли, что только наш многоуважаемый канцлер занимается делом, а мы только даром хлеб едим... Передай своему начальнику — пусть сейчас и приходит, что тут тянуть.

— Подожди, Конан! — воскликнул Просперо, удерживая короля за локоть.— Ты еще не дослушал до конца мою новую идею! Это гораздо важнее, чем прошения каких-то дворян, о которых тебе зудит этот толстяк. Представь, Конан, если нашу панцирную пехоту построить в каре, а в центр поставить боссонских лучников, то они окажутся под защитой пехотинцев и смогут...— Тут он перебил сам себя: — Хотя я лучше тебе на плацу покажу, так удобнее. Главное — это правильно обучить солдат! А еще боссонцев можно посадить на лошадей позади кавалеристов, как это делают варвары, и тогда...

— Забери вас Нергал с вашими делами и идеями,— недовольно пробурчал Конан.— Может, попросить Тот-Амона открыть здесь еще парочку Порталов? Глядишь, забросит опять в страну змееногих или еще куда. Там хоть отдохну по-человечески от всей этой тягомотины...— И тяжелый вздох сотряс могучую грудь киммерийца.

* * *

После дежурства гвардейцы личной стражи Его Величества короля Аквилонии Ядрин и Смелидес зашли в дворцовую караулку поболтать с собравшимися там, как обычно,

офицерами. Гвардеец Ядрин, недавно получивший повышение по службе, постоянно дотрагивался до пришпиленного к форменной куртке новенького офицерского значка, словно боясь потерять его. Гвардеец Смелидес с не меньшей гордостью проводил пальцем по едва намечающимся усикам над верхней, еще по-детски припухлой губой.

— А, парни, сменились уже? — Один из Черных Драконов подвинулся, освобождая место за столом.— Присоединяйтесь! Кирс сегодня угощает отличным элем: у него сын родился!

— Тогда Ядрин тоже должен угостить нас,— тоном заговорщика сообщил Смелидес, начав говорить сочным баритоном, но к концу фразы сорвавшись на юношеский дискант.

— Это еще почему? — тут же заинтересовались те, кто сидел поближе.

— Так у него завтра свадьба! — Смелидес пригладил свои усики и несолидно хихикнул.— Женится на дочке купца Симплия, Лаис.

Побагровевшего Ядрина наградили несколькими хлопками по плечам и не совсем приличными наставлениями касательно брачной ночи.

— Дочь купца? — пожал плечами юный щеголеватый гвардеец.— Ядрин, ты ж племянник барона, мог бы сделать партию и получше!

— Дурак,— беззлобно проговорил немолодой уже военный, за чей счет сегодня и пили.— С богатством Симплия наш Ядрин взлетит так высоко, ты и моргнуть не успеешь!

— При чем тут богатство, Кирс? — возмутился жених.— Я ее люблю!

— Любовь хороша тогда, когда она подкреплена золотом,— наставительно сказал Кирс и плеснул Ядрину еще эля.

За соседним столом тоже царил оживление. Несколько стражников и два королевских кавалериста слушали невысокого кривоногого мужчину в форме пехотного офицера, в выпученных глазах которого горело подлинное вдохновение.

— ...А когда главный жрец змееногих поднял вверх руку, алтарь вспыхнул, а с неба упал белый луч, посланный алой луной...

— Белый луч — от красной луны? — недоверчиво переспросил кавалерист под смехи остальных. — Это каким же образом?

Пехотинец пронзил спорщика гневным взглядом и продолжил:

— Из этого луча вышел... Сам Сет, клянусь Митрой! Его лицо было молодым, а глаза словно два ледяных озера...

— Эй, подожди! — Белобрысый веснушчатый стражник застучал по столу чашей. — Если это Сет, у него не может быть лица! У змей лиц не бывает, у них морда! — И стражник торжествуя посмотрел на товарищей.

— Говорю вам, это был Сет! — яростно проговорил пехотинец. — Он пришел в образе человека, но был ужасней любой ядовитой гадины! А потом наш король схватил посох одного из жрецов и задал этим змееногим жару!

— Ты же говорил, что вас привязали к столбам, — серьезно заметил кавалерист.

— Там была говорящая зверюшка — черная такая и с рогом посреди лба. Она и перегрызла веревки, — объяснил рассказчик.

— С рогом, значит? — невинно поинтересовался другой кавалерист. — А может, ты перепутал, и эта зверюшка и был Сет? Он-то вас и вернул домой, чтоб глаза не мозолили.

Пехотинец зло посмотрел на хохочущих стражников и с размаху уселся на свое место, сердито уткнувшись в чашу с вином.

— У нашего Чепозуса новый свод баллад пошел — про страну змееногих, — пояснил кавалерист подошедшему Кирсу. — Про его приключения среди пиктов и в Руазельском лесу уже все слышали, так он свежую тему выискал!

— Тебе, Чепозус, не в пехоте чахнуть, а сказителем быть! — с добродушной усмешкой произнес Кирс, обращаясь к офицеру.

— Я говорю чистую правду! — Выпученные глаза Чепозуса смотрели почти умоляюще. — Со мной были еще четыре человека, они подтвердят вам все!

— И где же эти люди? — Кавалерист старался говорить участливо. — Умерли, поди?

— Нет, живы, — отрезал Чепозус. — Вайд и Шеки — в Зингаре, Ольтен — в Немедии...

— Понятно, — вздохнул кавалерист и подмигнул товарищам. — А кто же четвертый? Уж не наш ли король Конан, тот, что при каждой удобной возможности дарит тебе меч? Нашему Чепозусу для королевских подарков поди уже склад снимать приходится...

Махнув рукой, Чепозус повернулся к сочувственно глядевшему на него Кирсу.

— Вот, смотри! — Пехотинец раздвинул на груди рубашку, показывая тонкий розовый шрам напротив сердца. — Это отметина от ножа, оставленная змееногим жрецом во время их варварской церемонии...

— Да не волнуйся ты так, Чепозус. — Кирс хлопнул офицера по плечу. — Иди лучше эля с нами выпей. У меня ведь сегодня утром сын родился!

Кирс отвернулся, принимая поздравления стражников и кавалеристов. Тяжело вздохнув, Чепозус медленно опустился на скамью. В выпученных глазах пехотинца ясно читалось разочарование во всем роде человеческом, который так и не смог оценить единственную рассказанную за всю жизнь Чепозусом историю, которая от начала до конца была правдивой.

* * *

Принц Ольтен вышел из опочивальни своего царствующего отца, где имел продолжительную беседу с родителем, далеко не первую после возвращения юноши в Бельверус. Старый Нимед проникся внезапным интересом к своему младшему сыну, который тайно, словно обычный авантюрист, умчался покорять соседнюю державу и, когда уже закончились погребальные моления жрецов в связи с вестью о его гибели, неожиданно вернулся домой чуть ли не

другом самого правителя Аквилонии. Когда прошла естественная радость отца от встречи с вновь обретенным сыном, в голове немедийского короля начали рождаться планы насчет своего, как оказалось, предприимчивого и неглупого отпрыска. Перед Ольтеном наконец-то замаячили надежды, отсутствие которых так удручало его раньше.

У дверей отцовской опочивальни Ольтена поджидал его старший брат и наследный принц Нимед Второй, весьма ненатурально делавший вид, что интересуется висящей на стене картиной, которую мог созерцать здесь уже лет двадцать.

— Дорогой Ольтен! — радушно сказал Нимед-младший, широко разводя руки, будто намереваясь обнять юношу. — Как твоё здоровье, любезный брат?

Ольтен, слышавший этот вопрос от наследного принца каждый день в течение последнего месяца, лишь поморщился и вздохнул в ответ.

— Вот и хорошо! — обрадовался Нимед. — А как здоровье нашего дражайшего отца?

— Ему гораздо лучше, горячка совсем прошла, — коротко ответил Ольтен.

Сейчас старший брат перенес это известие гораздо более стойко, чем пять дней назад, когда придворный лекарь сообщил ему, что король Нимед болен не смертельно.

— Ну что ж, я очень... — начал было Нимед Второй, но тут в комнату вошел принц Зинген, еще один брат Ольтена.

— Доброе утро, Ольтен! — приветствовал юношу Зинген, демонстративно не замечая присутствия наследного принца. — Как твои дела, наш аквилонский братец?

Зинген считал это прозвище чрезвычайно остроумным и иначе теперь Ольтена не называл.

— Все по-прежнему, брат, — устало ответил Ольтен.

— Я слышал, ты разговаривал с отцом, — небрежно заметил Зинген, постукивая по сапогу рукоятью плетки для верховой езды. — Он не упоминал о том, что хочет видеть меня?

— Да ты уже надоел нашему отцу со своей лживой заботой о его здоровье! — не выдержал Нимед-младший. —

Будто мы все не знаем, что ты ждешь не дожدهшься его смерти, да и моей заодно!

— Не приписывай другим свои черные мысли, Нимед! — сквозь зубы процедил Зинген. — То, что ты родился на три года раньше меня, отнюдь не делает тебя истинным королем!

— На что это ты намекаешь, дорогой брат?! — Голос Нимеда дрожал от ярости. — Уж не об этом ли ты собрался говорить с отцом, а? Лучше бы тебе прикусить свой болтливый язык, пока не поздно!

— Ты бы поосторожней с угрозами, Нимед! Тебе самому не помешало бы...

Испытывая острый приступ головной боли, Ольтен повернулся и торопливо вышел, оставив ничего вокруг не замечающих братьев выяснять отношения. Уже на лестнице он столкнулся с Халленом, своим третьим братом.

— А, братишка! — весело воскликнул Халлен и хлопнул юношу по плечу могучей рукой. — Откуда это ты вылетел, точно ошпаренный пес?

— Там Нимед и Зинген... — Ольтен махнул рукой.

— Что, эти два надутых индюка опять ругаются? — Халлен захохотал, словно услышал очень смешную историю. На Ольтена ощутимо пахло винным перегаром — обычным запахом, повсюду сопровождавшим третьего сына короля Нимеда. — Может, они наконец укокошат друг друга и в государстве воцарится мир и покой!

— Не знаю, — уклончиво ответил юноша, собираясь пройти мимо брата, но Халлен цепко ухватился сильной рукой за плечо Ольтена.

— Послушай, братишка... — Халлен задышал в ухо юноше. — Я слышал, наш старик теперь благоволит к тебе... Небось, это и на твоём кошельке сказалось, а? — Третий принц ухмыльнулся и доверительно продолжил: — Я ведь всегда искренно любил тебя, брат, не то, что эти... Помнишь, как я поколотил тебя в детстве за то, что ты надел мой шлем? — Он растроганно втянул носом воздух. — Мы всегда выручали друг друга... Выручи ещё раз своего непутевого брата, Ольтен! Понимаешь, эта коринфская стерва, —

Халлен сделал выразительный жест, которым всегда сопровождал упоминание о своей молодой жене, — обнаружила, что я позаимствовал ее побрякушки, и взвилась на дыбы. Отпишу, говорит, папочке, пусть защитит свою дочь от варвара-мужа. Ты представляешь? — Принц развел руками. — А я, понимаешь, уже проиграл ее камешки, а выкупить у меня денег не хватает... Поможешь, братишка? — Халлен просительно заглянул в лицо юноше. — Клянусь Митрой, я в долгу не останусь!

Отделавшись от третьего брата, Ольтен вышел из королевского дворца на свежий воздух. Но и тут ему не было покоя. К принцу, угодливо изогнув худое тело, приближался невзрачный мужчина, в котором Ольтен узнал секретаря всемогущего королевского советника.

— Доброго вам здоровья, Ваше Высочество, — забормотал Зуль, исхитрившись смотреть на Ольтена снизу вверх, будучи выше его ростом. — Господин Тимон велел передать, что, ежели найдете время, зайдите к нему побеседовать. У господина советника есть несколько идей политического свойства, и он бы хотел обсудить их с Вашим Высочеством...

Ольтен едва не застонал от затопивших его душу тоски и отвращения, так не соответствовавших его новому положению фаворита короля, имеющего вес при дворе.

«Вот возьму и уеду в Зингару или Аргос, — с отчаянием подумал Ольтен в который раз за последние дни. — Куплю корабль и стану вольным корсаром, как Вайд. Или соберу отряд и отправлюсь исследовать неизведанные восходные земли. А еще можно уйти с караваном куда-нибудь в Вендию...»

Юный принц вздохнул и с улыбкой погрузился в сладостные мечты, привычные для какого-нибудь бродяги, но такие недостижимые для человека его положения.

* * *

Зима еще только спускалась с ледяных равнин Асгарда, а ее холодное дыхание уже долетало и до избалованной теплом столицы Зингары. Море лежало темное и непри-

ветливое, полуночный ветер гнал по нему пенные буруны и надувал паруса кораблей, спешивших укрыться в гавани до наступления суровых зимних штормов. Косой дождь обрывал пожухлые листья с апельсиновых деревьев и настырно барабанил по крыше дома, где в тепле и уюте праздновали возвращение из плавания на Барахские острова капитан «Непоседы» и его друзья.

На мягкой софе вольготно развалился Сигурд, обняв одновременно Въяну и Мерида, раскрасневшихся и хохочущих от грубоватых шуток ванира. Асторга неторопливо пробовал выставленные на стол угощения, не пропуская ни одного блюда. Оливенса, уже сменивший золотоволосую немедийку Линген на темнокудрую шемитку Иду, устроился вместе со своей новой пассией на горе подушек, точно какой-нибудь туранский эмир. Место юного Салуццо, погибшего еще летом во время стычки с командой аргосской галеры, занимал Шеки, не пожелавший расстаться со своим хозяином, каковым он упорно продолжал считать Вайда. Шадизарец с его силой, выносливостью и боевыми умениями оказался ценным приобретением для команды «Непоседы», особенно учитывая то обстоятельство, что золото не интересовало Шеки и он вполне довольствовался ролью подручного капитана и весьма скромной долей в общей добыче. А вот в море и в корабли Шеки, выросший в засушливой Заморе, просто влюбился, и день ухода в плавание бывал для него самым счастливым.

Сам Вайд восседал в широком кресле, потягивая свое любимое аргосское «Сердце Золотой Лозы» и наслаждаясь теплом и покоем, которые можно оценить, лишь вволю поболтавшись по бушующему океану под дождем и пронизывающим ветром на борту такой ненадежной деревянной скорлупки. А когда матушка Лусена торжественно поставила на стол изготовленное ею знаменитое баранье жаркое, Вайд с мечтательной улыбкой подумал, что жизнь, в сущности, совсем неплохая штука. словно в ответ на его мысли, Въяна, схватив прислоненную к софе виолу, запела, и в ее голосе зазвучала огненная страсть:

Люби же меня, мой герой!
Недолгий отпущен нам срок,
И Смерть соберет свой оброк,
Навек разлучив нас с тобой.

Нам жаркая юность дана
И сердце — как сгусток огня,
Любимый, целуй же меня,
Забыв, что не вечно весна!

Ее низкий, чуть хрипловатый голос оставался по-прежнему чарующим, и песня была встречена одобрительными возгласами. Вьяна же, которая успела заметить, что, пока она пела, Сигурд открыто любезничал с Меридой, сердито отбросила инструмент и отвернулась от своего чересчур бойкого возлюбленного.

— Капитан, а почему ты не позвал Алькараса? — неожиданно спросил Асторга, задумчиво разглядывая наколотый на нож кусок жаркого. — Старик здорово обидится...

— Я звал. Да только нашего Алькараса скрутил такой приступ ревматизма, что он с трудом добредает до двери, — пояснил Вайд.

— Значит, отплавался, старый пират... — покачал головой Асторга и впился зубами в мясо.

— А я вот что думаю... — Сигурд отвлекся от Мериды и посмотрел на Вайда. — Может, мне все же в Аквилонию податься, к Конану? Глядишь, он меня бароном каким сделает, а?

Дружный смех товарищей не смутил северянина, твердо уверенного в особом расположении к себе бывшего капитана «Вестрела».

— У вашего Конана своих баронов хоть отбавляй, — заметил Оливенса, немало наслышанный от друзей о легендарном киммерийце. — Он теперь король, и пиратская братия его не интересуется.

— Нет, Конан все равно остался таким же, как мы, вольным бродягой, — убежденно заявил Сигурд, и Асторга кивнул, соглашаясь с северянином. — Вот Вайд с ним недавно встречался, он-то знает, что нашего Конана не переделает никому и ничему в мире, даже золотой короной!

— Это точно, — подтвердил Вайд, невольно вспомнив, как аквилонский король с азартным блеском в глазах метался по храму, с наслаждением лупя змееногих направо и налево золотым жезлом.

В это мгновение дверь открылась, и в комнату вошла Дайана, держа в руках целую охапку мокрых растрепанных астр. Намокшие от дождя волосы девушки завились в кольца, серые глаза сияли, и ее появление подняло в душе Вайда такую же сладкую волну, как и в тот далекий день, когда он ждал ее, сидя на огораживающий двор Бен-Аззарата каменной стене. За ней, мотая головой и отряхиваясь, вбежал Тао, который тут же прыгнул на диван прямо с грязными лапами и ловко выхватил из рук растерявшейся Иды аппетитно поджаренную булочку.

Увидев Дайану, Вьяна выскользнула из объятий прощенного ею Сигурда и подошла к подруге. Поначалу зингарийка невзлюбила привезенную капитаном «Непоседы» из Аквилонии возлюбленную, занявшую место, на которое когда-то претендовала сама Вьяна. Но с недавних пор взаимная неприязнь девушек неожиданно перешла в пылкую дружбу, лишь укрепив мнение Вайда о том, что нормальный человек понять слабый пол не в состоянии.

Дайана по-хозяйски чмокнула Вайда в ухо, страхнув при этом холодную воду с цветов ему за шиворот, и обернулась к Вьяне. Склонившись друг к другу, девушки оживленно зашептались, обсуждая новость, только сегодня сообщенную Дайаной своей подруге.

— ...И если кольцо покатится в сторону цветка, значит, будет девочка. Моя мама говорила, что это самый верный способ узнать...

Неожиданно встретившись с заинтересованными зелеными глазами Мериды, Вьяна сжала губы и потянула подругу вон из комнаты. Перед тем как выйти, Дайана быстрым взглядом оценила расстояние между Вайдом и Идой, которую почитала за откровенно безнравственную особу, но нашла его вполне приемлемым для несвободного мужчины.

Вайд невольно улыбнулся. Он точно знал, что у них родится мальчик. И совершенно бесспорно, что он будет носить имя Ларго.

И еще одну истину знал Вайд, знал настолько твердо, будто кто-то сообщил ему об этом: его друга нет в царстве Нергала. Быть может, Лабиринт сумел бы понять и объяснить, что произошло с Ларго, когда он вошел в алый смерч, открыв тем самым своим товарищам путь домой, но Лабиринт был мертв, как может быть мертво никогда не жившее магическое создание. Теперь все ответы на свои вопросы Вайд должен был искать сам. И пусть он не обладал силой, доступной богам или магам, но ведь случается, что и непомерная сила теряется перед обычными людьми, презревшими страх. Такими, как Конан, швырнувший светильником в бога. Как Ларго, шагнувший в чрево огня.

Вайд найдет своего друга. Какие бы миры ни лежали между ними, сколько бы богов ни противилось этому, Вайд знал, что у него хватит сил все преодолеть и спасти Ларго. Потому что людям доступно то, что неведомо богам, — любовь и верность.

— Только в следующий раз, когда мы куда-нибудь отправимся, возьми с собой побольше еды, — неожиданно сказал Тао, и янтарные глаза маленького демона хитро блеснули.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Уэйп्राйт

ЗОЛОТОЙ ПАВЛИН САБАТЕИ

Часть первая. Перстень с золотым павлином	7
Часть вторая. Испарана	55
Часть третья. Путешествие в Хоарезм	89
Часть четвертая. Возвращение	131
Часть пятая. Соглядатан и поднадзорные	157
Часть шестая. Каждый получает свое	207

О. Локнит

ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ

Пролог	255
Часть первая. Гроза над Аквилонией	257
Часть вторая. Портал мрака	395

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Верстка *Елена Посадова*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.11.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 18 000 экз. Заказ 2386.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

